

1 (48)
2020

ISSN 2071-0437 (Online)

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 1 (48)
2020**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Логвин В.Н., д.и.н., Сургутский госуниверситет; Миненко Н.А., д.и.н., Уральский госуниверситет;
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлагула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ЭЛ № ФС 77-71754 от 8 декабря 2017 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2020

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 1 (48)
2020**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, University of a name Adam Mickiewicz in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Logvin V.N., Doctor of History, Professor, University of Surgut
Minenko N.A., Doctor of History, Professor, Ural federal university
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Содержание

Археология

Вальков И.А. Браслет из елуинского погребения могильника Телеутский Взвоз-I	5
Солдаткин Н.В. Архитектура укрепленных поселений синташтинско-петровского типа в существующих вариантах визуальных реконструкций	15
Кулаков В.И. Подвески в виде брелка в древностях юго-восточной Балтии римского времени	26
Серегин Н.Н., Фокин С.М., Ключников Т.А. Ранние пластинчатые стремена из памятников Центральной и Северной Азии: новые находки и возможности культурно-хронологической интерпретации изделий	34
Матвеева Н.П., Третьяков Е.А., Зеленков А.С. Хронология средневекового вещевого комплекса Папского городища (лесостепь Западной Сибири)	43
Бачура О.П., Лобанова Т.В., Визгалов Г.П., Мартынович Н.В., Гимранов Д.О. Хозяйственная деятельность населения посада города Березова в XVII–XVIII вв. (по остеологическим материалам из раскопа 2)	53
Зиняков Н.М., Пошехонова О.Е. Кузнечные изделия русских ремесленников XVII–XIX вв. у верхнетазовских селькупов (по материалам могильника Кикки-Акки): технологическая характеристика ...	65

Антропология

Ковалев А.А., Солодовников К.Н., Мунхбаяр Ч., Эрдэнэ М., Нечвалода А.И., Зубова А.В. Палеоантропологическое изучение черепа погребенного в захоронении на чемурчском святилище Хулагаш (Баян-Ульгийский аймак Монголии)	78
Худавердян А.Ю., Оганесян А.А., Енгибарян А.А., Матевосян Р.Ш., Кочарян Г.Г., Паланджян Р.С., Еганян Л.Г., Хачатрян А.А. Население Армянского нагорья в эпоху античности (по краниологическим материалам городских и сельских поселений)	96

Этнология

Перевалова Е.В., Данилова Е.Н. Котел в культуре обских угров и самодийцев: сакральный аспект	116
Гончаров Ю.М. Жилищные условия горожан Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. ...	127
Темплинг В.Я. Консолидация сообщества сельских врачей Тобольской губернии в начале XX в.	137
Киссер Т.С. Общественное движение немцев на Урале в 1989–2019 гг. (этнопроекты и лидеры)	146
Ягафова Е.А., Бажина Е.В. Самарские татары: особенности этнической идентификации и практик межэтнического взаимодействия в условиях многонационального мегаполиса	156
Рязанова С.В. Фантастическая теология Роберта Шекли: псевдосекулярный мир	167
Информация для авторов	177
Список сокращений	180

На передней стороне обложки: топоры из могильника Кикки-Акки, верховья р. Таз; приготовление жертвенной пищи, женское культовое место у д. Вытвошгорт, ханты, р. Сыня; костровое место на кладбище-«ура», ханты, р. Сыня (фото Е.В. Переваловой, 2011 и 2013 гг.).

Contents

Archaeology

Valkov I.A. Bracelet from an Elunino burial at the Teleut Vzvoz-I site	5
Soldatkin N.V. Architecture of fortified settlements belonging to the Sintashta-Petrovka type in the existing versions of visual reconstructions.....	15
Kulakov V.I. Charm pendants found among the Roman-time antiquities of the south-eastern Baltic region	26
Seregin N.N., Fokin S.M., Klyuchnikov T.A. Early plate stirrups from the sites of Central and North Asia: new finds and possibilities of cultural-chronological interpretation of products.....	34
Matveeva N.P., Tret'iakov E.A., Zelenkov A.S. Chronology of a medieval complex from the Papskoye settlement (forest-steppe of Western Siberia)	43
Bachura O.P., Lobanova T.V., Vizgalov G.P., Martynovich N.V., Gimranov D.O. Economic activity of the Berezov posad population in the 17th–18th centuries (on the basis of osteological materials from excavation site No. 2)	53
Zinyakov N.M., Poshekhonova O.E. Forged products by Russian craftsmen of the 17th–19th centuries on the basis of materials from the Kikki-Akki burial ground of Upper Taz Selkups: technological characteristics	65

Anthropology

Kovalev A.A., Solodovnikov K.N., Munkhbayar Ch., Erdene M., Nechvaloda A.I., Zubova A.V. Paleoanthropological study of a skull from a burial at the Chemurchek sanctuary Hulagash (Bayan-Ulgii aimag, Mongolia)	78
Khudaverdyan A.Yu., Hovhanisyan A.A., Yengibaryan A.A., Matevosyan R.Sh., Qocharyan G.G., Palanjan P.S., Eganyan L.G., Khachatryan A.A. Population of the Armenian Highlands in the age of Antiquity (according of anthropological materials of urban and rural settlements)	96

Ethnology

Perevalova E.V., Danilova E.N. Cauldrons in the cultural traditions of the Ob Ugrians and Samoyeds: a sacral aspect	116
Goncharov Yu.M. Housing conditions in Western Siberia in the second half of the 19th — early 20th century	127
Templing V.Ia. Consolidation of the rural medical community in the Tobolsk Governorate in the early 20th century	137
Kisser T.S. Social movement of Ural Germans in 1989–2019 (ethnic projects and leaders).....	146
Iagafova E.A., Bazhina E.V. Samara Tatars: features of ethnic identification and interethnic interaction practices in a multinational metropolis	156
Ryazanova S.V. Fantastic theology of Robert Sheckley: a pseudo-secular world	167
Memo to the authors	177
Abbreviations	180

АРХЕОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-48-1-1>

И.А. Вальков

Алтайский государственный университет
просп. Ленина, 61, Барнаул, 656049
E-mail: valkow92@mail.ru

БРАСЛЕТ ИЗ ЕЛУНИНСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА ТЕЛЕУТСКИЙ ВЗВОЗ-I

Статья посвящена результатам изучения браслета из каменного бисера, обнаруженного в погребении елунинской культуры могильника Телеутский Взвоз-I (лесостепной Алтай). Представлены морфологические и сырьевые характеристики предмета, особенности технологии его изготовления, данные трасологического анализа. Выяснено, что ряд элементов браслета изготовлен из серпентинита. На нескольких бусинах в составе браслета выявлен орнамент, что позволяет считать находку уникальной для эпохи бронзы Западной Сибири. Приводятся аналогии в материалах памятников эпохи бронзы Восточной Сибири и Средней Азии. Высказывается предположение об использовании браслета в качестве оберега.

Ключевые слова: *бронзовый век, лесостепной Алтай, елунинская культура, погребения, украшения, браслет, бисер, орнамент, трасология.*

Введение

Находки украшений на памятниках елунинской археологической культуры немногочисленны. К числу таковых можно отнести свинцовые серьги из погребений могильника Телеутский Взвоз-I [Деревянко, 2016, с. 89, 161, рис. 61], подвеску из клыка животного [Кирюшин и др., 2011, с. 58, фото 9], а также каменную подвеску в виде хищной птицы, обнаруженные на поселении Березовая Лука [Там же, с. 63–64, рис. 38–7]. В этом смысле рассматриваемый в статье браслет дополняет комплекс елунинских украшений, а его изучение дает возможность расширить информацию о быте, мировоззрении и погребальном обряде елунинского населения лесостепного Алтая.

Исследуемый артефакт был обнаружен в парном захоронении № 16 могильника Телеутский Взвоз-I, располагался на запястье взрослого человека. В состав браслета входят 66 каменных бусин, а также одна каменная обойма. Впервые он был опубликован в коллективной монографии, посвященной исследованию указанного памятника в период с 1993 по 2001 г. [Кирюшин и др., 2003]. Учеными предмет был описан как «браслет из округлых бусин-колец, одна часть которых сделана, вероятно, из трубчатой кости птицы, а другая — “из пасты”» [Там же, с. 41].

Спустя десятилетие при подготовке монографии по результатам исследования елунинского археологического комплекса Телеутского Взвоза-I автор статьи совместно с С.П. Грушиным, руководившим раскопками памятника, вновь обратился к анализу предметов из погребений раннего бронзового века [Деревянко, 2016]. В разделе данной работы, освещающем трасологические исследования предметного комплекса, было представлено описание рассматриваемого браслета и также отмечалось, что восемь бусин в составе браслета изготовлены из кости [Там же, с. 173–180]. Уникальность находки, а также новые данные, меняющие представление о материале, технологии изготовления, художественном оформлении браслета, определили необходимость повторного обращения к теме.

Важно отметить, что в процессе изучения элементов браслета нами использовался трасологический метод, сущность которого заключается в анализе макро- и микроследов, оставшихся на поверхности изделия в процессе его изготовления и последующего использования. Все наблюдения следов выполнялись с помощью стереоскопического микроскопа «МБС-10» при 16–56-кратном увеличении. Трасологические исследования позволили выяснить особенности изготовления браслета, сделать вывод о его продолжительном использовании, а также выявить на поверхности бусин орнамент.

Контекст обнаружения предмета и его морфологические характеристики

Браслет был найден в могиле № 16 разновременного памятника Телеутский Взвоз-I [Деревянко, 2016, с. 48, рис. 17]. Данное погребение на основе имеющегося инвентаря было отнесено исследователями к елунинской археологической культуре эпохи ранней бронзы [Кирюшин и др., 2003, с. 6–7, 41]. По серии калиброванных радиоуглеродных дат период функционирования елунинского могильника на памятнике Телеутский Взвоз-I был определен XXII–XVIII вв. до н.э. [Деревянко, 2016, с. 240]. Парное погребение включало скелеты взрослого человека (пол установлен не был) и ребенка, уложенных на левый бок и ориентированных головами на северо-восток [Там же, с. 47]. Весь бисер и обойма находились около костей запястья правой руки взрослого человека. Рука была слегка согнута в локте и прижата кистью к бедру. Помимо браслета инвентарь погребения включал четыре астрагала МРС, бронзовое шило с деревянной рукоятью, костяные проколку и трубочку (игольник), кусочек охры, а также два керамических сосуда, расположенных у костяка ребенка.

Рассматриваемый браслет состоит из 66 бусин, а также одной каменной обоймы (всего 67 элементов) (рис. 1, 1, 3). Весь бисер представлен округлыми колечками, с небольшими просверленными отверстиями для продевания нити. Диаметр этих колец варьируется в пределах от 2,8 до 4,2 мм. Средний диаметр бусины составляет 3,3 мм, средняя толщина — 1,4 мм. Диаметр просверленных в бусинах отверстий колеблется от 1,0 до 1,7 мм. Средний диаметр отверстий — 1,3 мм. При этом 75 % бусин (50 шт.) имеют отверстие диаметром 1,2–1,4 мм. Основная масса бисера белого, желтоватого или светло-бежевого цвета. На большинстве бусин имеется пatina. В отдельных случаях присутствуют сколы, образовавшиеся еще в древности.

В композиции браслета выделяется светло-зеленая обойма биконической формы (рис. 1, 2). Длина ее сохранившейся части составляет 21 мм, один край немного обломлен. Обойма имела наибольший диаметр в центральной части (около 6 мм), а у целого края — 3,5 мм. Имеется просверленное продольное отверстие диаметром 1,5 мм. С одной стороны обойма покрыта коркой белой патины. Веревка, соединявшая воедино элементы браслета, не сохранилась.

Рис. 1. Браслет из могилы № 16 памятника Телеутский Взвоз-I:

1 — фото браслета; 2 — каменная обойма; 3 — рисунок браслета (по: [Кирюшин и др., 2003]).

Fig. 1. Bracelet from the grave №16 of the burial ground Teleutskiy Vzvoz-I:

1 — bracelet photo; 2 — stone pendant; 3 — bracelet figure (by [Kiriushin et al., 2003]).

Сырье и технология изготовления

Первоначально утверждалось, что браслет выполнен из костяных и пастовых бусин. Маленький их размер, безусловно, осложнил первоначальную идентификацию материала, из которого они изготовлены. Однако при более тщательном изучении элементов браслета было выяснено, что абсолютно все они выполнены из камня. По определению минералога В.С. Леднева, как минимум полтора десятка бусин, в том числе тех, что изначально были приняты за костяные, на самом деле изготовлены из серпентинита — горной породы, известной также под названием «змеевик» и распространенной на Кавказе, Урале и Восточном Саяне, в значительно меньшей степени в Горном Алтае [Здорик и др., 1970, с. 280]. На это указывает структура камня — вязкая и плотная порода, имеющая восковой блеск (рис. 2, 3, 8). Как правило, серпентиниты имеют зеленоватый оттенок, однако встречаются и камни иных цветов. Особенным разнообразием отличаются серпентиниты Урала [Шуман, 1986, с. 134]. Например, бусина из желтоватого серпентинита, более близкого по цветовой гамме к описываемому в данной статье бисеру, была обнаружена в Каповой пещере (верхний палеолит) [Житенев, 2017, с. 19, рис. 1-а]. Также украшение в виде подвески из зеленовато-желтого серпентинита было найдено в верхнепалеолитическом слое стоянки Усть-Каракол в Горном Алтае [Шуныков и др., 2018, с. 195–196]. На территории же лесостепного Алтая выходы серпентинита отсутствуют, как и известные нам находки изделий из него. Таким образом, даже если учесть возможное использование наиболее близких месторождений Горного Алтая, источники сырья для изготовления рассматриваемого нами браслета удалены от памятника на расстояние не менее чем в 250–300 км.

Другая часть бисера изготовлена из более рыхлой породы (возможно, известняковой), которую вновь не удалось идентифицировать точно из-за крайне маленького размера, а также патины, покрывающей поверхность предметов. Неопределенной остается и порода каменной обоймы. Несмотря на сходство с серпентинитом по цвету, сырье, из которого она изготовлена, не обладает свойственными последнему плотностью и жирным блеском.

Интересны и технологические аспекты изготовления бисера. Очевидно, первоначальной заготовкой для него служил цилиндрический стержень, который обтачивался (в некоторых случаях от этого процесса остались следы на внешней части бусин) и распиливался на отдельные фрагменты. На ряде бусин путем обтачивания скруглялись острые внешние края, образовавшиеся после распила. Затем производилось сверление отверстий для пропускания нити. На стенках отверстий имеются хорошо заметные концентрические следы (рис. 2, 2). Здесь мастер продемонстрировал особенно высокие навыки, так как сверление отверстий на столь маленьких предметах требует особой аккуратности. Сильное нажатие сверлом, без сомнения, приводило к порче заготовки. К тому же, при средней толщине бисера всего в 1,4 мм, на многих предметах зафиксировано встречное сверление (рис. 2, 8).

Диаметр отверстий в большинстве случаев почти одинаков, что наводит на мысль об использовании в основном одного и того же сверла. Выше мы уже упоминали, что диаметр подавляющего числа отверстий составляет от 1,2 до 1,4 мм (на наш взгляд, разница в 0,1 мм не является показательной). Можно отметить и то, что в отдельных случаях использовалось двойное сверление, т.е. помимо сквозного отверстия меньшего диаметра просверливалось глухое отверстие большего диаметра (рис. 2, 4). Предположительно такие отверстия являлись одним из вариантов украшения бисера.

Особенного внимания заслуживают прочерченные вокруг отверстия круги, обнаруженные на двух бусинах (рис. 2, 5, 6). В одном случае это три намеченных, но незавершенных полукруга разного диаметра (рис. 2, 6). Они свидетельствуют, что мастер, изготовивший браслет, пользовался полый трубкой или же инструментом в виде циркуля (круги очень маленькие, но идеально ровные). Нам представляется, что это незаконченные глухие отверстия. На это указывает тот факт, что диаметр циркульных кругов на двух бусинах, равный 2,0 мм, совпадает с диаметром глухого отверстия на другой бусине с точностью до 0,1 мм. Такие «циркульные» круги обнаруживают сходство с каменными дисками из белого нефрита, известными в глазковской культуре [Окладников, 1955, рис. 74; Горюнова, 2002, рис. 27]. А.П. Окладников относительно них замечал, что это прочерчивание было следами незавершенного распила с целью получения нефритового кольца [1955, с. 176]. Впрочем, против версии о получении сквозных отверстий таким способом на рассматриваемом бисере из елунинского погребения свидетельствует биконический характер всех сквозных отверстий в бусинах (т.е. они были выполнены острым цельным сверлом путем встречного сверления). При этом совершенно неясно и то, каким образом можно

было просверлить глухое отверстие с помощью трубки или инструмента в виде циркуля, так как на столь мелких бусинах какая-либо подрезка с целью удаления «высверливаемой» части была попросту невозможна, сделать это можно было лишь цельным сверлом. Для уточнения этого вопроса требуется проведение экспериментов.

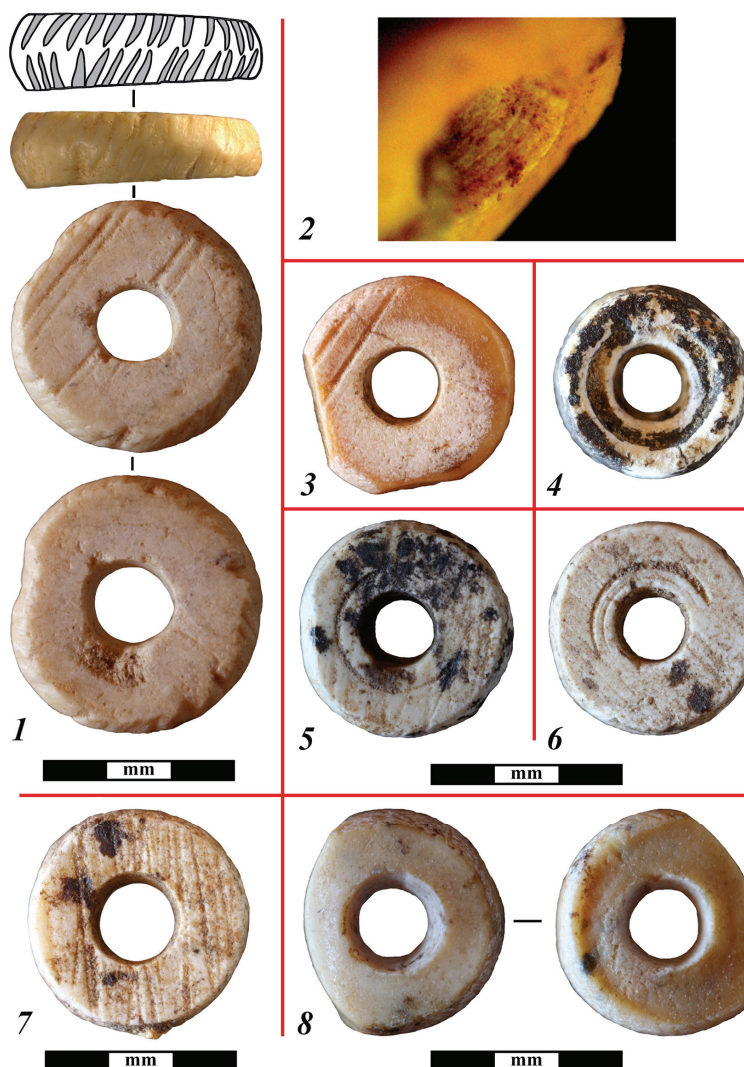

Рис. 2. Каменный бисер из состава браслета:

- 1 — бисер с орнаментом и примерная прорисовка орнаментального узора; 2 — следы сверления на стенках отверстия бисера (×32); 3, 8 — бисер из серпентинита со встречным сверлением; 4 — бисер с двойным сверлением; 5, 6 — бисер с циркульными кругами вокруг отверстия; 7 — царапины на «лицевой» стороне бисера.

Fig. 2. Stone beads of the bracelet composition:

- 1 — beads with ornament and approximate drawing of ornament; 2 — traces of drilling on the walls of the bead hole (×32); 3, 8 — serpentinite beads with counter drilling; 4 — double drilled beads; 5, 6 — beads with circular around the hole; 7 — scratches on the «front» side of the beads.

Орнамент и следы использования

Пожалуй, наиболее существенным обстоятельством, связанным с изучением рассматриваемого в настоящей статье браслета, является обнаружение на бисере орнамента, незамеченного ранее — в течение почти двух десятилетий. При предметном осмотре каждого отдельного бисера из состава браслета под микроскопом выраженный орнамент был выявлен на поверхности трех бусин.

Наиболее наглядно орнаментальная композиция представлена на бусине, имеющей наибольший диаметр (рис. 2, 1). Края этой бусины были сточены таким образом, что по центру боковой части образовалось ребро. Сам же орнамент представляет собой ряды косых насечек,

выполненных по кругу на плоскостях между центральным ребром и краями. Характер расположения этого орнамента, размеренная повторяемость его элементов, отсутствие технологической необходимости нанесения таких насечек позволяют с полной уверенностью считать его именно орнаментом, а не технологическими следами. Помимо этого отчетливо видны четыре параллельные линии, прочерченные на «лицевой» поверхности бисера, которые также могут являться элементами орнаментального оформления. Такие «царапины», иногда в значительно большем количестве, были обнаружены и на других бусинах (рис. 2, 3, 7). Хотя их наличие в некоторых случаях наталкивает на мысль об абразивной обработке, тем не менее их большие размеры и немногочисленность ставят под сомнение такую интерпретацию. Наблюдаемые следы разительно отличаются как от следов шлифовки на других бусинах в составе браслета, так и от зафиксированных А.Ю. Федорченко и его соавторами следов абразивной обработки на серпентините и мелких украшениях из других пород камня [Федорченко и др., 2018, рис. 5-4, 6].

Следует обозначить и еще один результат трасологических наблюдений. На бисере имеются явные следы использования. Это подтверждается заполировкой, образовавшейся на различных частях бусин, в том числе внутри отверстий, царапин, а также на поверхности древних сколов, что никак не могло быть связано с намеренной полировкой при чистовой обработке изделия. Ввиду крайне мелких размеров бисера заполировка от ношения частично сnivelировала и орнамент.

Возвращаясь к вопросу об орнаменте, стоит обратить внимание на то, что размер бусины, на которой он был обнаружен в наиболее выразительной форме, также крайне мал: диаметр бусины — 4,2 мм, отверстия — 1,2 мм, а толщина — всего 1,1 мм (именно на боковой поверхности и находится орнамент, причем поделенный на две зоны ребром!) (рис. 2, 1). Возможность заметить орнамент невооруженным глазом, без использования увеличительных приборов, практически полностью отсутствует. Это странное обстоятельство ставит под сомнение декоративное назначение данного орнамента. Поэтому мы склонны считать, что этот браслет выполнял функцию оберега, в который вкладывался некий сакральный смысл.

Аналогии и дискуссия

В последнее время опубликовано несколько статей, анализирующих ранние находки украшений из серпентинитового сырья с верхнепалеолитических и раннеголоценовых памятников [Волков и др., 2015; Житенев, 2017; Федорченко и др., 2018]. В этих работах детально освещаются технологические приемы обработки таких изделий, а также экспериментальные данные по их моделированию, учет которых был ценен при анализе браслета из елунинского погребения могильника Телеутский Взвоз-I.

Браслет с памятника Телеутский Взвоз-I обнаруживает целый ряд аналогов в близких хронологически погребальных комплексах эпохи энеолита — бронзы Евразии. Каменный и костяной бисер в большом количестве встречен в погребениях Хвалынского энеолитического могильника в Поволжье, в могильнике Сопка-2 в Барабинской лесостепи, на памятниках серовского времени Прибайкалья и ряде других объектов Южного Урала, Западной Сибири [Кокшаров, 2009, с. 164–166; Агапов и др., 1990; Молодин, 2001, с. 76, рис. 25, 35, 62]. Аналогичные в морфологическом плане украшения известны среди древнеявных древностей [Мерперт, 1974, рис. 5, 10, 12]. Схожие пастовые, гипсовые, а также бронзовые украшения происходят из могильников эпохи бронзы Средней Азии, как, например, могильник Дашти-Козы в долине Зеравшана [Потемкина, 2001, рис. 1, 2]. Очень похожий на браслет из елунинского погребения бисер с аналогичными биконическими обоями был найден в результате раскопок города эпохи бронзы Гонур-Депе (хранится в историко-краеведческом музее г. Мары (Туркменистан)) (рис. 3, 1, 2). Бисер небольшого диаметра, с просверленными по центру сквозными отверстиями диаметром 2–3 мм. Для изготовления подобных вещей на Гонуре использовалось разнообразное сырье — лазурит, бирюза, алюмохалько-сидерит, сердолик, талькохлоритовый стеатит [Юсупов, 2018, с. 179].

Самая представительная серия находок аналогичного бисера, причем совместно с каменными обоями, — находки из могильников окуневской культуры: Черновая-VIII, Уйбат-V, Сыда-V, Тас Хазаа (рис. 3, 3) [Максименков, 1980, с. 24, табл. XXVI; Лазаретов, 1997, табл. XIV; Грязнов, Комарова, 2006, табл. VIII, XV-4; Липский, Вадецкая, 2006, табл. 7-4]. На наш взгляд, бисер с биконическими обоями из окуневских и древнеявных памятников, а также из материалов Гонур-Депе наиболее близок типологически к браслету из могильника Телеутский Взвоз-I. Однако в настоящее время для памятников энеолита — раннего бронзового века такие украшения из серпентинитового сырья, как и с орнаментом, неизвестны.

Рис. 3. Типологически близкие браслеты из материалов памятников Гонур-Депе (Туркменистан) и Черновая-VIII (Восточная Сибирь):

1, 2 — каменный бисер и обоймы из погребения в цисте 4167 раскопа № 8 памятника Гонур-Депе и реконструкция браслета (публикуется с разрешения Маргианской археологической экспедиции); 3 — каменный бисер и обоймы из могильника окуневской культуры Черновая-VIII (по: [Вадецкая и др., 1980]).

Fig. 3. Typologically close bracelets from materials of site of Gonur-Depe (Turkmenistan) and Chernovaya-VIII (Eastern Siberia):

1, 2 — stone beads and pendants from a burial in cist 4167 of excavation place № 8 of the site Gonur-Depe and reconstruction of the bracelet (published with permission of the Margiana Archaeological Expedition); 3 — stone beads and pendants from the burial ground of Okunevo culture Chernovaya-VIII (by [Vadetskaia et al., 1980]).

Если отталкиваться от месторождений серпентинита, использованного при изготовлении рассматриваемого браслета, то наиболее очевидным было бы территориально связать находку браслета с памятника Телеутский Взвоз-I с Горным Алтаем, исходя из близости этой горной системы как возможного источника сырья. Хотя Горный Алтай и не был основным ареалом расселения елунинских племен, тем не менее там известны памятники данной культуры, в частности елунинская керамика была обнаружена в широко известной Денисовой пещере [Деревянко, Молодин, 1994, с. 107–109]. Впрочем, на территории Горного Алтая, как и лесостепного, подобных предметов ранее не встречалось. В то же время в материалах окуневской культуры, населявшей зону Восточно-Саянского горного хребта, известна масса аналогичных украшений из каменного и костяного бисера [Максименков, 1980, с. 24, табл. XXVI]. Находки бисера, а также бусин подобной конструктивной формы, но более массивных, известно по могильникам глазковской культуры Прибайкалья, где они, в частности, встречаются на запястьях погребенных в виде браслетов [Савельев и др., 1981, рис. 40-5; Окладников, 1955, рис. 67]. Помимо этого, и многие другие предметы из елунинских погребений обнаруживают аналогии именно среди окуневских древностей. Ю.Ф. Кирюшиным отмечена близость елунинского и окуневского искусства [2002, с. 89]. Указанные обстоятельства предположительно могут свидетельствовать о направлениях миграций или культурных контактах населения лесостепного Алтая в эпоху ранней бронзы. Учитывая упомянутые выше маргианские, древнеямные, окуневские и глазковские параллели, есть все основания говорить о распространении подобных изделий в эпоху энеолита — ранней бронзы на широкой территории степной и лесостепной зоны от Средней Азии до Восточной Сибири и возможных контактах и миграциях указанных выше племен.

Что касается назначения рассматриваемого браслета, то, очевидно, он мог совмещать функции как украшения, так и некоего оберега, амулета, предмета культа. Напомним, что браслет не был изготовлен специально для использования в погребальном обряде, а имеет следы достаточно продолжительного ношения. Подобное обстоятельство, как правило, позволяет исследователям отрицать интерпретацию подобных украшений как культовых аксессуаров и заявлять об использовании их для повседневной носки [Семенов, 1968, с. 139]. Однако повседневная носка отнюдь не исключает культового характера предмета. Именно об этом свидетельствует наличие незаметного глазу орнамента на бисере браслета.

Сам факт происхождения украшений исследователи нередко связывают именно с появлением амулетов и талисманов, которые не только использовались в различных магических ритуалах, а также были неотъемлемой частью повседневной жизни человека [Сертакова, 2013, с. 177]. В частности, браслеты несли две основные функции: первая — защита человека от воздействия злых духов, вторая — эстетическая функция [Данич, 2017, с. 66]. При этом массово встречающиеся в средневековых могильниках браслеты, а также имеющиеся этнографические данные говорят о применении их именно для защиты от злых духов, т.е. в качестве оберегов [Данич, 2017, с. 66; Моряхина, 2015, с. 38–39]. По мнению Е.А. Михайловой, проанализировавшей комплекс украшений коренных народов Сибири, ношение рассматриваемого типа браслетов (плетенных из бисера) в большинстве случаев имело ярко выраженный защитный характер [2005, с. 93]. Например, у хантов и манси браслеты из бисера использовались в качестве детских оберегов, которые надевались на руку новорожденного ребенка [Там же, с. 25]. Совокупность указанных факторов (незаметный невооруженному глазу орнамент, редкий материал, этнографические параллели) позволяет нам сделать вывод о низкой значимости декоративной, чисто прагматической функции исследуемого браслета и очень высокой — символической, защитной.

Заключение

Таким образом, браслет из могильника Телеутский Взвоз-I не просто является украшением, подобным изделиям, широко распространенным в эпоху энеолита — бронзы в культурах степной и лесостепной полосы Евразии. Обнаруженный на нем орнамент позволяет считать его предметом мобильного искусства, которых на сегодняшний день для эпохи ранней бронзы лесостепного Алтая известно немного [Киришин, Грушин, 2009], а также культовой вещью с вложенным в нее сакральным смыслом. Помимо этого, отдельные составные элементы браслета выполнены из серпентинита — редкого для рассматриваемой территории камня. Исходя из этого, в частности, можно предположить высокий социальный статус погребенного. Несмотря на единичный характер находки, браслет дает возможность дополнить информацию о развитии технологий и использовании каменного сырья в эпоху бронзы, контактах елунинских племен с культурами сопредельных территорий. Обнаруженный на бисере орнамент делает эту находку поистине уникальной для эпохи ранней бронзы лесостепной полосы Западной и Восточной Сибири, не имеющей полных аналогий в известных комплексах.

Обращает на себя внимание отсутствие специальных исследований, посвященных изучению такого бисера, а проведенный нами анализ браслета из елунинского погребения могильника Телеутский Взвоз-I наглядно демонстрирует актуальность трасологического изучения подобных предметов из материалов других памятников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. 160 с.
- Волков П.В., Гладышев С.А., Нохрина Т.И. Технология изготовления украшений из скорлупы яиц и камня (по материалам пещеры Чихэн, Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2015. Т. XXI. С. 41–44.
- Горюнова О.И. Древние могильники Прибайкалья (неолит — бронзовый век). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2002. 84 с.
- Грязнов М.П., Комарова М.Н. Сыда V — могильник окуневской культуры // Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение. СПб.: Петро-РИФ, 2006. С. 53–72.
- Данич А.В. Украшения рук (браслеты) из раскопок могильника Питер (Степаново Плотбище) // Труды Камской археол.-этногр. экспедиции. 2017. № 13. С. 65–74.
- Деревянко А.П. (отв. ред.). Елунинский археологический комплекс Телеутский Взвоз-I в Верхнем Приобье: Опыт междисциплинарного изучения. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 270 с.
- Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. Новосибирск: Наука, 1994. Ч. 1. 262 с.

- Житенев В.С.* Новое свидетельство использования серпентинитового сырья в Каповой пещере (Южный Урал) // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 18–25.
- Здорик Т.Б., Матиас В.В., Тимофеев И.Н., Фельдман Л.Г.* Минералы и горные породы СССР. М.: Мысль, 1970. 439 с.
- Кирюшин Ю.Ф.* Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П.* Предметы мобильного искусства раннего и среднего бронзового века лесостепного Обь-Иртышья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4 (40). С. 67–75.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А.* Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-I). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 333 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А.* Березовая Лука — поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. Т. II. 171 с.
- Кокшаров С.Ф.* Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург: Волот, 2009. 272 с.
- Лазаретов И.П.* Окуневские могильники в долине р. Уйбат // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.
- Липский А.Н., Вадецкая Э.Б.* Могильник Тас Хазаа // Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение. СПб.: Петро-РИФ, 2006. С. 9–52.
- Максименков Г.А.* Могильник Черновая VIII — эталонный памятник окуневской культуры // Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. С. 3–26.
- Мерперт Н.Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974. 170 с.
- Михайлова Е.А.* Съёмные украшения народов Сибири // Украшения народов Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 12–120.
- Молодин В.И.* Памятник Сопка-2 на реке Оми: (Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. 1. 128 с.
- Моряхина К.В.* Украшения рук средневекового населения Пермского Предуралья: Функции // Вестник Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-та. Сер. № 3, Гуманитар. и общ. науки. 2015. № 2. С. 36–44.
- Окладников А.П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. III: Глазковское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 371 с.
- Потемкина Т.М.* Украшения из могильника эпохи бронзы Дашти-Козы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. № 3. С. 62–72.
- Савельев Н.А., Михнюк Г.Н., Лежненко И.Л., Горюнова О.И., Петрова Н.А., Панковская Г.И.* Могильник в местности Шумилиха (описание исследованных погребений) // Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1981. С. 7–17.
- Семенов С.А.* Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968. 360 с.
- Сертакова И.Н.* Символика и культурно-историческое значение украшений в традиционной культуре // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 9 (55). С. 176–180.
- Федорченко А.Ю., Шнайдер С.В., Крайцаж М.Т., Романенко М.Е., Абдыканова А.К., Колобова К.А., Алишер кызы С., Тэйлор В., Кривошапкин А.И.* Технология изготовления каменных украшений из раннего-лоценовых комплексов западной части Центральной Азии (по материалам стоянки Обишир-5) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46. № 1. С. 3–15.
- Шуман В.* Мир камня: В 2 т. Т. 1: Горные породы и минералы. М.: Мир, 1986. 215 с.
- Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Белоусова Н.В.* Новые данные по украшениям из серпентина ранней стадии верхнего палеолита со стоянки Усть-Каракол // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2018. Т. XXIV. С. 194–197.
- Юсупов И.А.* Каменный бисер памятника Гонур Деле (юго-восточные Каракумы): Минералогия и технология изготовления // Геоархеология и археологическая минералогия. 2018. Т. 5. С. 179–180.

I.A. Valkov

Altai State University
prosp. Lenina, 61, Barnaul, 656049, Russian Federation
E-mail: valkow92@mail.ru

Bracelet from an Elunino burial at the Teleut Vzvoz-I site

The article studies a stone bead bracelet found in an Early Bronze Age burial of the Elunino archaeological culture during the excavation of the Teleut Vzvoz-I burial ground (heterogeneous in time) in the south of Western Siberia (Forest-Steppe Altai). According to a series of calibrated radiocarbon dates, the Elunino burial ground at the Teleut Vzvoz-I site was used in the 22nd–18th centuries BC. The artefact under study was found in double burial No. 16 of the indicated burial ground, on the wrist of an adult (gender is not established). The bracelet includes 66 stone beads, as well as one stone base. This piece of jewellery is unique in terms of technique, as well as the sacral meaning embedded in it. The ornament found on the beads bears no analogies to those discovered

in the well-known Bronze Age archaeological sites of Western and Eastern Siberia. The present publication considers the morphological and raw material characteristics of the bracelet, as well as the specifics of its production and use. In this study, trace analysis was performed, i.e. the analysis of macro- and micro-traces left on the surface of the item as a result of its production and subsequent use. All traces were examined using an MBS-10 stereoscopic microscope at a magnification of $\times 16$ –56. It was found that some of the beads in the bracelet were made of serpentinite. The nearest sources of this stone are at least 250–300 km away from Teleut Vzvoz-I. The beads are made by counter-drilling, drilling of blind holes, polishing and grinding. This find is unique due to ornamental compositions found on several beads in the form of oblique notches on side faces. The extremely small size of the beads (average diameter of 3.3 mm; average thickness of 1.4 mm) makes the pattern invisible to the naked eye. Thus, it is concluded that the ornament had a sacred meaning, and the bracelet itself served as an amulet. Despite no finds of ornamented bracelets dating back to the Bronze Age in Western Siberia and adjacent territories, typologically the bracelet bears analogies to the antiquities of the Okunevo culture, the Yamna cultural and historical community, as well as in the materials of the Bronze Age archaeological site of Gonur Depe (Turkmenistan). The study of the bracelet demonstrates the relevance of performing trace analysis of such items from other archaeological sites.

Key words: Bronze Age, Forest-Steppe Altai, Elunino culture, burial ground, jewelry, bracelet, beads, ornament, traceology.

REFERENCES

- Agapov S.A., Vasil'ev I.B., Pestrikova V.I. (1990). *Khvalynsk Chalcolithic burial ground*. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Danich A.V. (2017). Jewelry (bracelets) from the excavations of Peter burial ground (Stepanov's Rafting ground). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii*, (13), 65–74. (Rus.).
- Derevianko A.P. (Ed.) (2016). *Archaeological complex of Elunino culture Teleutskiy Vzvoz-I in the Upper Ob region: An experience of interdisciplinary study*. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Derevianko A.P., Molodin V.I. (1994). *Denisova cave*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Fedorchenko A.I., Shnaider S.V., Kraysazh M.T., Romanenko M.E., Abdykanova A.K., Kolobova K.A., Alisher kyzy S., Taylor V., Krivoshepin A.I. (2018). Personal ornament production technology in the Early Holocene complexes of western Central Asia: Insights from Obishir-5. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 46(1), 3–15. (Rus.).
- Goriunova O.I. (2002). *Ancient burial grounds of the Baikal region (Neolithic — Bronze Age)*. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Griaznov M.P., Komarova M.N. (2006). Syda V — burial ground of Okunevo culture. In: *Okunevskii sbornik 2: Kul'tura i ee okruzhenie* (pp. 53–72). St. Petersburg: Petro-RIF. (Rus.).
- Iusupov I.A. (2018). Stone beads of the Gonur Depe site (southeastern Karakum): Mineralogy and manufacturing technology. *Geoarkheologiya i arkheologicheskaya mineralogiya*, (5), 179–180. (Rus.).
- Kiriushin Iu.F. (2002). *Eneolithic and Early Bronze Age of south Western Siberia*. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Kiriushin Iu.F., Grushin S.P. (2009). Early and Middle Bronze Age portable art pieces from the forest-steppe zone of the Ob-Irtys region. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 40(4), 67–75. (Rus.).
- Kiriushin Iu.F., Grushin S.P., Tishkin A.A. (2003). *Funeral rite of the population of the Early Bronze Age of the Upper Ob region (based on the materials of the Teleutskiy Vzvoz-I burial ground)*. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Kiriushin Iu.F., Grushin S.P., Tishkin A.A. (2011). *Berezovaya Luka — a settlement of the Bronze Age in the Aleisk steppe*. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Koksharov S.F. (2009). *Eneolithic archeological site of the north of Western Siberia*. Ekaterinburg: Volot. (Rus.).
- Lazaretov I.P. (1997). Burial ground of Okunevo culture in the valley of the Uybat river. In: *Okunevskii sbornik: Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiya*. (pp. 19–64). St. Petersburg: Petro-RIF. (Rus.).
- Lipskii A.N., Vadetskaia E.B. (2006). Tas Khazaa burial ground. In: *Okunevskii sbornik 2: Kul'tura i ee okruzhenie* (pp. 9–52). St. Petersburg: Petro-RIF. (Rus.).
- Maksimenkov G.A. (1980). Burial ground Chernovaya VIII — a reference site of Okunevo culture. In: M.P. Griaznov (Ed.). *Pamiatniki okunevskoi kul'tury* (pp. 3–26). Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Merpert N.I. (1974). *The oldest herders of the Volga-Ural interfluvium*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Mikhailova E.A. (2005). Removable jewelry of the ethnoses of Siberia. In: L.R. Pavlinskaya (Ed.). *Ukrasheniia narodov Sibiri* (pp. 12–120). St. Petersburg: MAE RAN. (Rus.).
- Molodin V.I. (2001). *Archeological site Sopka-2 on the Oni River: (Cultural-chronological analysis of burial complexes of the Neolithic and Early Metal eras)*. Novosibirsk: Izd-vo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN. (Rus.).
- Moriakhina K.V. (2015). Jewelry of hands Medieval population Perm Cis-Urals: Functions. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta*, (2), 36–44. (Rus.).
- Okladnikov A.P. (1955). *Neolithic and the Bronze Age of Baikal (Glazkovo time)*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (Rus.).

Potemkina T.M. (2001). Jewelry from the Bronze Age burial ground of the Dashti-Kozy. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 62–72. (Rus.).

Savel'ev N.A., Mikhniuk G.N., Lezhnenko I.L., Goriunova O.I., Petrova N.A., Pankovskaia G.I. (1981). Burial ground in the area of Shumilikha: (Description of the investigated burials). In: V.V. Svinin (Ed.). *Bronzovyi vek Priangar'ia: Mogil'nik Shumilikha* (pp. 7–17). Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).

Semenov S.A. (1968). *The development of technology in the Stone Age*. Leningrad: Nauka. (Rus.).

Sertakova I.N. (2013). Symbolics and cultural and historical value of jewelry in traditional culture. *Sotsial'no-ekonomicheskie iavleniia i protsessy*, 55(9), 176–180. (Rus.).

Shuman V. (1986). *The world of stone. Vol. 1: Rocks and minerals*. Moscow: Mir. (Rus.).

Shun'kov M.V., Fedorchenko A.Iu., Belousova N.V. (2018). New data on the serpentine personal ornaments of the Early Upper Palaeolithic from Ust-Karakol site. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, (24), 194–197. (Rus.).

Volkov P.V., Gladyshev S.A., Nokhrina T.I. (2015). Processing technology of the ostrich eggshell and stone ornaments (materials from Chikhen Cave, Mongolia). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, (21), 41–44. (Rus.).

Zdorik T.B., Matias V.V., Timofeev I.N., Fel'dman L.G. (1970). *Minerals and rocks of the USSR*. Moscow: Mysl'. (Rus.).

Zhitenev V.S. (2017). New evidence of serpentinite raw material exploitation in the Kapova Cave (the Southern Urals). *Povolzhskaya arkheologiya*, 19(1), 18–25. (Rus.).

И.А. Вальков, <https://orcid.org/0000-0003-2104-5542>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 07.11.2019

Accepted: 19.12.2019

Article is published: 02.03.2020

Н.В. Солдаткин

Институт истории и археологии УрО РАН
ул. Софьи Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990
E-mail: niksoldatkin@yandex.ru

АРХИТЕКТУРА УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ СИНТАШТИНСКО-ПЕТРОВСКОГО ТИПА В СУЩЕСТВУЮЩИХ ВАРИАНТАХ ВИЗУАЛЬНЫХ РЕКОНСТРУКЦИЙ

Анализируются основные версии визуальных реконструкций жилищ, укреплений и целых поселений. Кратко освещается состояние источников, повлиявшее на высокую степень субъективности визуализаций, являющихся в первую очередь способом передачи авторских интерпретаций возможного облика архитектуры. Выделены устойчиво повторяющиеся черты, «классические» изображения построек, основанные на спорных представлениях об архитектуре только двух памятников: Аркаима и Синташты. Рассмотрены отличающиеся от них образы ряда других поселений.

Ключевые слова: Южное Зауралье, Северный Казахстан, эпоха бронзы, поселения синташтинско-петровского типа, синташтинская культура, петровская культура, архитектура бронзового века, реконструкции архитектуры, 3d-реконструкции.

Введение

Воссоздание визуальных образов древних объектов, сохранившихся только в виде следов и остатков, является одной из главных целей археологии. Особый интерес вызывает реконструкция архитектуры древних сооружений. Укрепленные поселения синташтинско-петровского типа (далее — поселения СПТ) — памятники, сохранившие следы неординарной для региона и эпохи архитектурной схемы. Поселения СПТ располагаются в Южном Зауралье и Северном Казахстане, основные этапы их существования датируются концом III — первой половиной II тыс. до н.э. Этап, к которому относится функционирование укреплений и регулярной застройки, связан с материалами синташтинской и петровской культур и датируется концом III — первой четвертью II тыс. до н.э. Результатом внимания исследователей к изображению первоначального облика этих поселений стало появление большого количества разнообразных вариантов визуальных реконструкций. Основные версии этих реконструкций рассматриваются в данной статье.

Под визуальными понимаются реконструкции, предназначенные для зрительного восприятия. Они различаются по ряду признаков [Бородкин, Жеребятьев, 2012, с. 51]. По способу воплощения и презентации: рисунки, натуральные реконструкции, 3d-модели. По целям создания: экскурсионно-туристические и научно обоснованные. По стилю: описательные схематические и художественные изображения. По объему и масштабу воссоздаваемых объектов: реконструкции только нижних частей или всего строительного объема сооружений, реконструкции отдельных строительных элементов, объектов интерьера, жилищ, участков укреплений, целых поселений.

Источниками для реконструкций выступают археологизированные остатки построек, зафиксированные в ходе раскопок и дистанционных исследований (рис. 1). Основными строительными материалами поселений СПТ были дерево, грунт, растительные материалы, в небольшом объеме камень. Эти поселения являются многослойными памятниками, сохранившими следы обитания носителей нескольких археологических культур.

В связи с относительной недолговечностью стройматериалов и обживанием площадок разными группами населения значительная часть строений подвергалась неоднократным перестройкам, ремонтным работам и полному разрушению еще в древности, в течение многоэтапного функционирования поселений. Действовавшие после его окончания процессы деструкции и почвообразования в течение примерно трех с половиной тысячелетий уничтожили либо сильно преобразовали большинство архитектурных признаков. Серьезное разрушение памятников происходило также в ходе антропогенного воздействия (распашка, строительство, выпас скота). Влияние перечисленных факторов объясняет вероятностный характер и противоречивость реконструкций. Имеющиеся источники позволяют наиболее обоснованно воссоздавать только нижние части, основания и общую планировку строений. Особенности не сохранившейся верти-

кальной структуры, деталей интерьера, верхних частей построек реконструируются с большой степенью условности по совокупности косвенных признаков. Вследствие этого понятное стремление представить образы поселений в полном объеме неизбежно увеличивает долю субъективности, количество допущений, уменьшает доказуемость реконструкций.

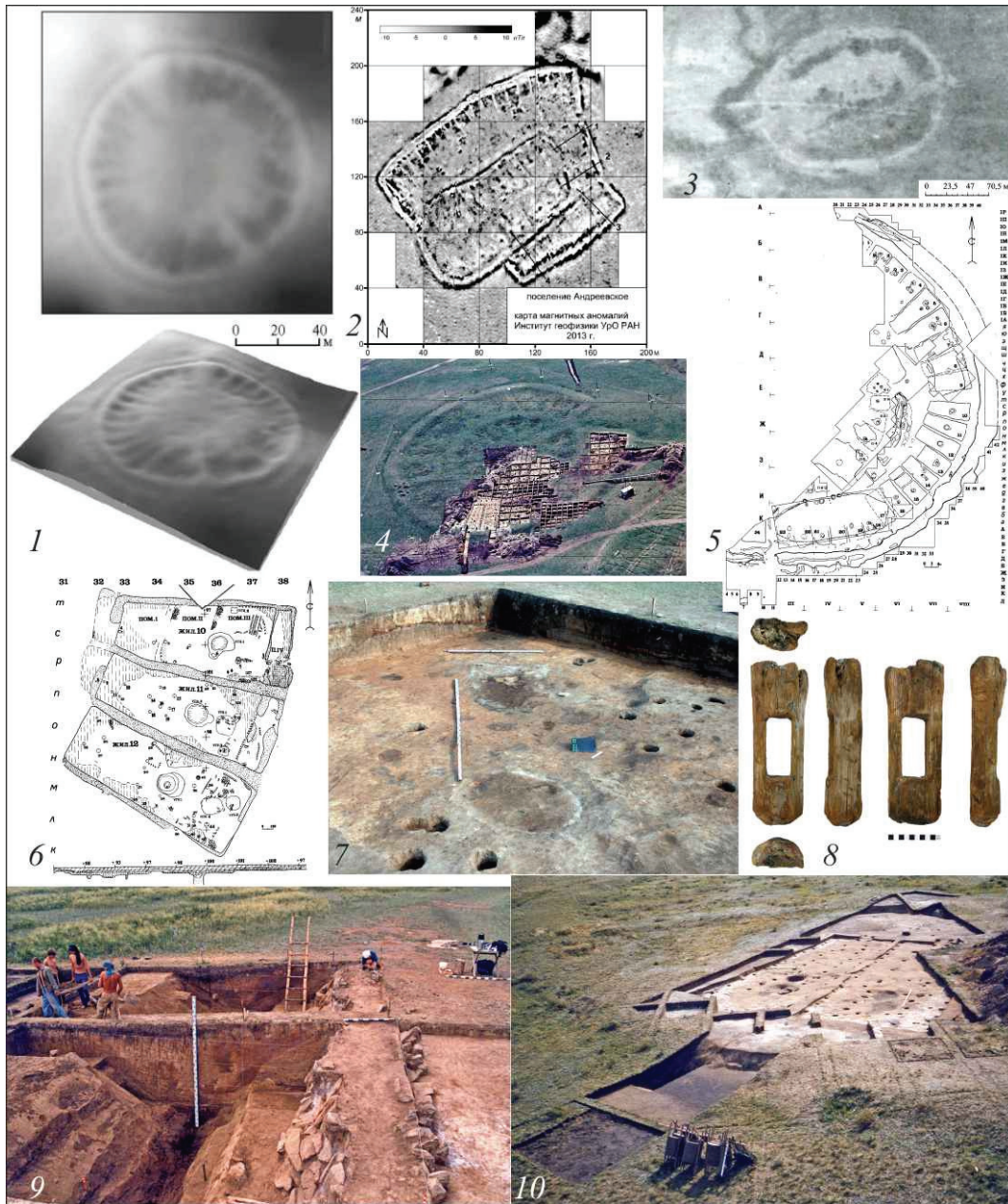

Рис. 1. Примеры источников для реконструкций:

1 — Сарым-Саклы, топоплан [Чечушков и др., 2018, рис. 1]; 2 — Андреевское, геомагнитная карта [Носкевич и др., 2014, рис. 2]; 3 — Берсуат, аэрофото [Зданович, Батанина, 2007, рис. 29]; 4, 10 — Аркаим в процессе раскопок [Батанина и др., 2011, с. 24, 28]; 5, 6 — Синташта, общий план раскопа (5), план и разрез жилищ (6) [Генинг и др., 1992, рис. 7, 15]; 7, 8 — Каменный Амбар, участок раскопа (7), деревянное изделие из колодца (8) (7 — [Koryakova et al., 2013, fig. 29.2]; 8 — [Fornasier et al., 2014, fig. 24]); 9 — Аландское, раскоп укреплений [Батанина и др., 2011, с. 25].

Fig. 1. Examples of sources for reconstruction:

1 — Sarym-Sakly, topoplan [Chechushkov et al., 2018, fig. 1]; 2 — Andreevskoe, geomagnetic map [Noskevich et al., 2014, fig. 2]; 3 — Bersuat, aerial photo [Zdanovich, Batanina, 2007, fig. 29]; 4, 10 — Arkaim in the process of excavation [Batanina et al., 2011, p. 24, 28]; 5, 6 — Sintashta, general plan of excavation (5), plan and profile of dwellings (6) [Gening et al., 1992, fig. 7, 15]; 7, 8 — Kamennyi Ambar, part of excavation (7), wooden product from a well (8) (7 — [Koryakova et al., 2013, fig. 29.2]; 8 — [Fornasier et al., 2014, fig. 24]); 9 — Alandskoye, excavation of fortifications [Batanina et al., 2011, p. 25].

Жилища

Первые образы жилищ (а также укреплений), созданные в начале — середине 1990-х гг., отражали представления об архитектуре двух памятников — Аркаима и Синташты. На тот момент они были наиболее известны, интересны исследователям, изучены масштабными раскопками. В ранних версиях визуальных реконструкций был зафиксирован «классический» облик архитектуры поселений СПТ, на который в той или иной мере ориентировались авторы всех последующих вариантов.

Обобщающие рисунки жилищ Синташты и Аркаима (рис. 2, 1–4, 8) передают схожие образы каркасно-столбовых построек со стандартизированной планировкой: дворик перед входом, жилая часть с несколькими отсеками по обе стороны от центрального коридора, хозяйственная часть с колодцами и печами и ритуальная часть у задней стены, соединенной с обводной стеной поселения. Расположенные вплотную жилища имеют общие продольные стены, сооруженные из грунтовых блоков, закрепленных деревянной опалубкой. Крыша плоская, с небольшим скатом в оба направления от центральной продольной линии и уклоном в переднюю сторону, она состоит из скрепленных в щиты досок, обмазанных глиной, имеет светодымовое отверстие над хозяйственной частью. Обобщающие модели, сделанные в виде полномасштабных натуральных реконструкций (рис. 2, 6, 9) и уменьшенных макетов (рис. 2, 7), транслируют аналогичный образ унифицированных построек. Он основан на усредненных данных о жилых структурах относительно хорошей сохранности, исследованных во внешних кругах строений Аркаима и Синташты. Наглядным примером таких структур является музеефицированный раскоп на Аркаиме, охватывающий два жилища из внешнего круга, на материалах которых сделана реконструкция нижних частей построек (рис. 2, 5).

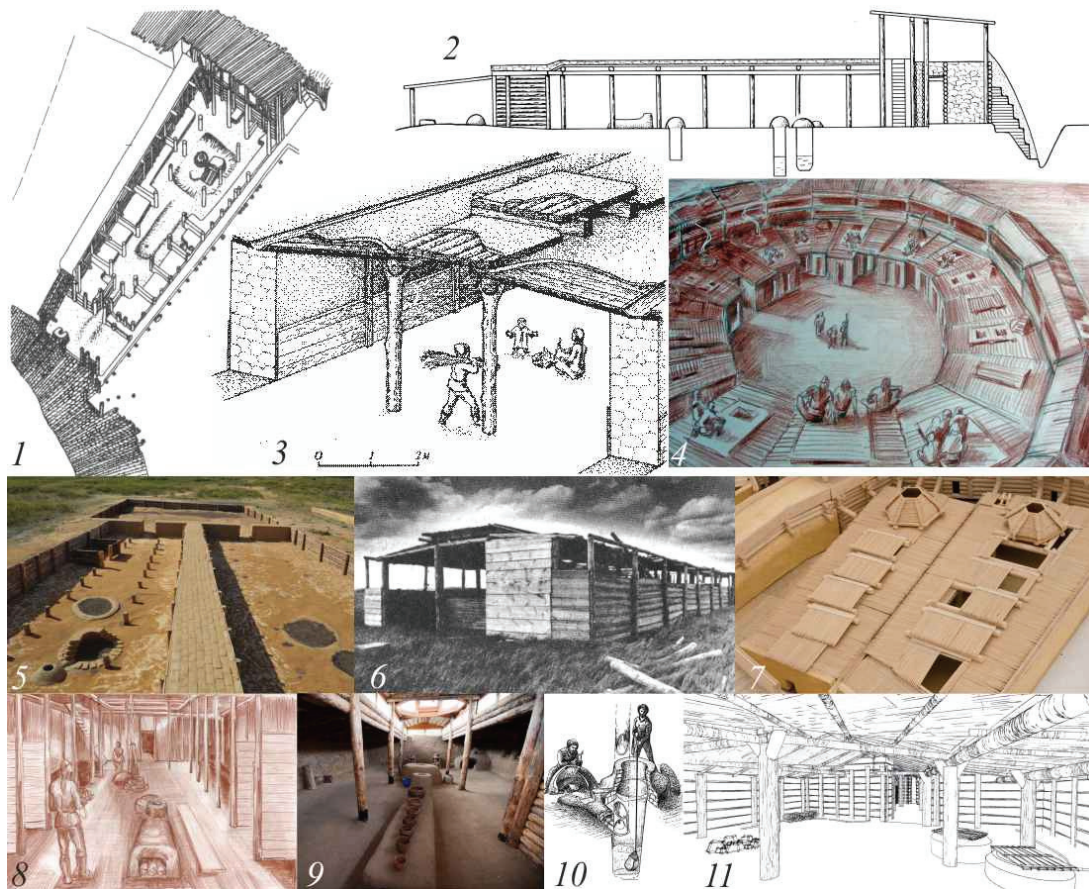

Рис. 2. Реконструкции жилищ:

1, 2, 4–10 — Аркаим (1 — [Зданович, 1995, рис. 5]; 2, 7 — [Зданович и др., 2009, с. 76, 92–93]; 4, 8, 10 — [Батанина и др., 2011, с. 30, 44–45]; 5 — [Макуров, Малюткина, 2015, рис. 7]; 6 — [Иванов, 1995, рис. 9]; 9 — [Епимахов, Семьян, рис. 20]); 3 — Синташта [Генинг и др., 1992, рис. 21]; 11 — Каменный Амбар (реконструкция Коряковой Л.Н., Кузьминой С.А.).

Fig. 2. Reconstructions of dwellings:

1, 2, 4–10 — Arkaim (1 — [Zdanovich, 1995, fig. 5]; 2, 7 — [Zdanovich et al., 2009, p. 76, 92–93]; 4, 8, 10 — [Batanina et al., 2011, p. 30, 44–45]; 5 — [Makurov, Malyutina, 2015, fig. 7]; 6 — [Ivanov, 1995, fig. 9]; 9 — [Epimakhov, Semyan, fig. 20]); 3 — Sintashta [Gening et al., 1992, fig. 21]; 11 — Kamennyi Ambar (reconstruction by Koryakova L.N., Kuzmina S.A.).

Рассмотрим некоторые особенности обобщенной «классической» визуализации синташтинско-петровского жилища. Воссоздание каркасно-столбовой конструкции, общей планировки, крупных объектов интерьера (печей, колодцев) основано на отчетливых следах и остатках, изученных в процессе раскопок: неглубоких жилищных котлованах, столбовых ямках, прокаленных участках, часто с каменными структурами и углем, ямах от колодцев с остатками деревянной опалубки и др.

Более спорна реконструкция общей для двух соседних жилищ продольной стены, заполненной до высоты крыши грунтовыми блоками. На Синташте и Аркаиме между соседними постройками в большинстве случаев зафиксированы промежуточные участки, специально оставленные при разметке и выборке котлованов. Они скорее разделяют, а не объединяют близкорасположенные жилища, продольные стены которых маркированы линиями столбовых ям и границами котлованов. Отмеченные у границ развалы грунта (иногда в виде блоков), судя по сохранившемуся объему материала, вряд ли могли составлять полноценную высокую стену, общую для двух жилищ. Вероятнее, развалы — это остатки деревянно-грунтовых стен, проходивших по краям котлованов соседних построек, и небольших обваловок, находившихся на разделяющих жилища участках. Версия незастроенных промежутков между примыкающими жилищами воссоздана для поселения Устье I (рис. 3, 3), но, по мнению автора реконструкции, эти участки могли заполняться золой и камнями в процессе функционирования строений [Алаева и др., 2013, с. 418–428].

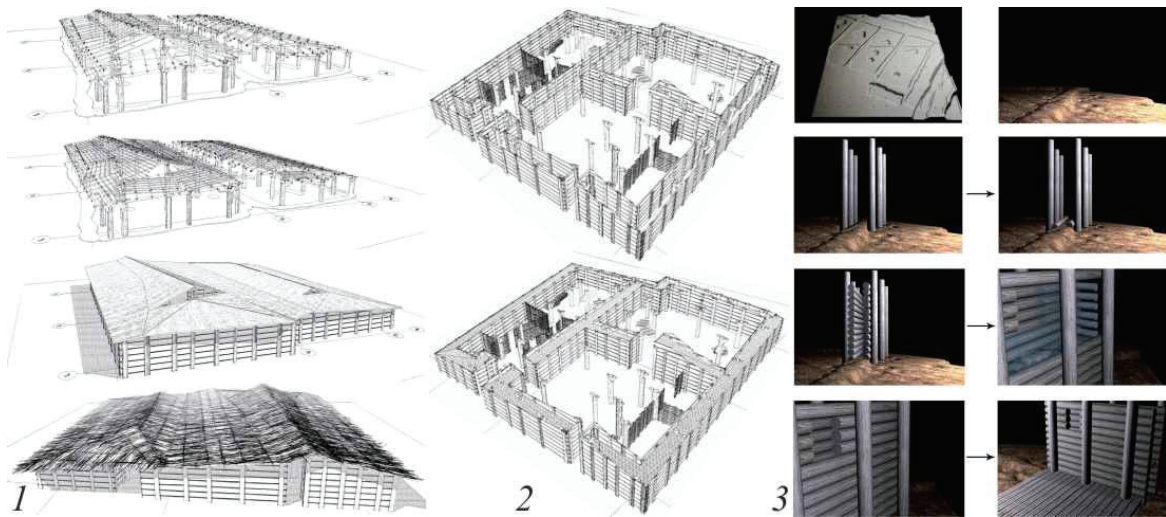

Рис. 3. Реконструкции жилищ:

1, 2 — Каменный Амбар (1 — [Корякова, Кузьмина, 2017, рис. 3]; 2 — реконструкция Коряковой Л.Н., Кузьминой С.А.); 3 — Устье I [Алаева и др., 2013, рис. 15.4].

Fig. 3. Reconstructions of dwellings:

1, 2 — Kamennyi Ambar (1 — [Koryakova, Kuzmina, 2017, fig. 3]; 2 — reconstruction by Koryakova L.N., Kuzmina S.A.), 3 — Ust'ye I [Alaeva et al., 2013, fig. 15.4].

Гипотетична реконструкция плоской, тяжелой крыши. Такой вариант — не самый логичный с точки зрения большой снеговой нагрузки и проблемы со стоком осадков. Проблема осадков решалась авторами визуализаций за счет домысливания сложной системы отвода (желоба и трубы на стенах и внутри них, «канализация» под внутренней круговой улицей). Зафиксированные архитектурные элементы (ряды столбов и деревянные остатки, интерпретируемые как части конструкции крыши), с учетом значительной для региона ветровой и снеговой нагрузки, позволяют предположить как более вероятный и простой вариант двускатную пологую крышу. Пример версии крыши, альтернативной «классической», представлен в 3d-модели постройки № 5 поселения Каменный Амбар. Здесь, на материалах конкретного раскопанного участка, реконструирована скатная крыша со сложной стропильной системой, смоделированной с расчетом прочностных характеристик конструкции [Корякова, Кузьмина, 2017] (рис. 2, 11; 3, 1, 2).

Недостаточны обоснования изображений таких подробных архитектурных деталей, как сводчатые отверстия в виде конуса (рис. 2, 7), туалетов в дворах жилищ (рис. 2, 1), лестницы из жилищ на крыши (рис. 2, 1, 2), соединения колодцев и печей для повышения притока воздуха при металлургическом процессе (рис. 2, 10), использования крыш для размещения и передвижения людей (рис. 2, 4).

Укрепления

Реконструкции мощных, сложных фортификационных сооружений, сделанные для Синташты и Аркаима (рис. 4, 1–8), способствовали повышению внимания к поселениям СПТ в целом, стали яркой, устойчивой составляющей их образа и вызвали обширную критику исследователей. Укрепления были представлены в виде массивных высоких стен, составленных из деревянных клетей-коробов, заполненных глиняными блоками, и достаточно широких, глубоких рвов. Также изображались дополнительные элементы изолированной фортификации: входы-лабиринты, потайные проходы и помещения внутри стен, привратные башни, контрфорсы, стрелковые позиции и частоколы на стенах и т.д. Реконструкции таких внушительных фортификационных сооружений, «достойных средневековых крепостей» [Зданович, 1995, с. 25], недостаточно обоснованы и кажутся преувеличенно усложненной версией визуализации, предназначенной во многом для отражения и подкрепления идей концепции «Страны городов»: интерпретации поселений СПТ как «протогородов», «центров урбанизации» и «зарождающейся цивилизации».

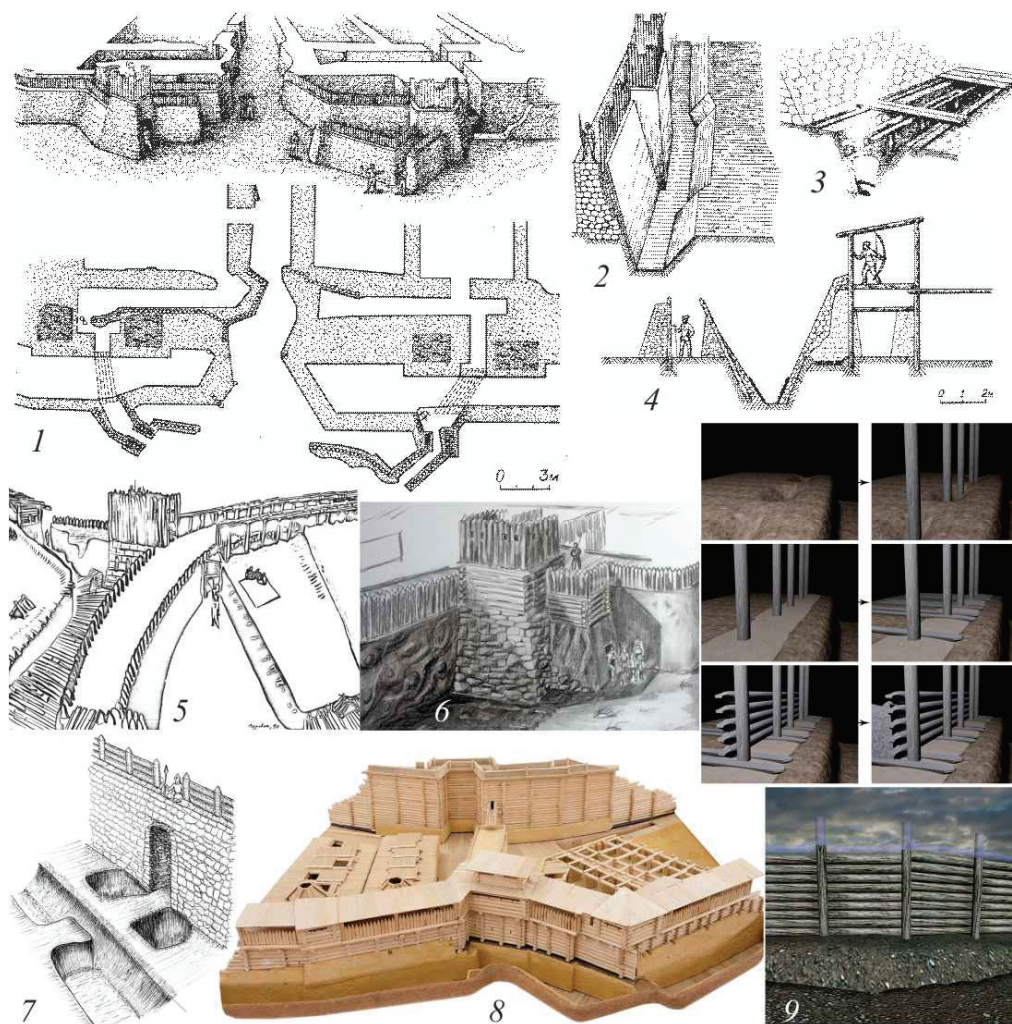

Рис. 4. Реконструкции укреплений:

1–4 — Синташта [Генинг и др., 1992, рис. 12, 13]; 5, 6, 8 — Аркаим (5 — [Зданович, 1995, рис. 4]; 6 — [Батанина и др., 2011, с. 30]; 8 — [Зданович и др., 2009, с. 86–87]); 7 — Берсуат [Зданович и др., 2009, с. 125]; 9 — Устье I [Алаева и др., 2013, рис. 15.1].

Fig. 4. Reconstructions of fortifications:

1–4 — Sintashsta [Gening et al., 1992, fig. 12–13]; 5, 6, 8 — Arkaim (5 — [Zdanovich, 1995, fig. 4]; 6 — [Batanina et al., 2011, p. 30]; 8 — [Zdanovich et al., 2009, p. 86–87]), 7 — Bersuat [Zdanovich et al., 2009, p. 125]; 9 — Ust'ye I [Alaeva et al., 2013, fig. 15.1].

Главные источники для воссоздания существовавших на поселениях СПТ укреплений — это остатки оснований обводных валов/стен и примыкающих к ним углублений траншей/рвов. Основания были достаточно широкими, поверх и около них сохранились руинированные остат-

ки конструкций стен, преобладающим материалом которых был грунт. Также фиксируются следы архитектурных элементов, применявшихся, вероятно, для армирования земляных сооружений, для их защиты от расползания и воздействия природных факторов: различные деревянные конструкции и грунтовые блоки в структуре стен, закрепление стен с внешней стороны одерновкой, глиняной обмазкой, на некоторых поселениях — каменными плитами. Оставшиеся от траншей/ровов углубления сильно различаются по ширине и глубине как в пределах одного поселения, так и среди всех раскопанных памятников в целом. На ряде поселений зафиксировано несколько разновременных систем ров-вал, также отмечены следы дополнительных, менее масштабных обводных оборонительных линий.

Обращение к археологическим источникам вызывает большие сомнения в реалистичности растиражированных образов сложных фортификационных сооружений в стиле «Страны городов». Есть примеры нескольких альтернативных им, более «сдержанных» визуализаций без добавления излишней монументальности. Реконструкции внешних стен Устья I синташтинского и петровского этапов заселения, выделенных автором раскопок, сделаны в виде земляного заполнения, удерживаемого деревянными конструкциями: столбовым каркасом на синташтинском этапе (рис. 4, 9) и срубами на петровском [Алаева и др., 2013, с. 419–420, 425–427]. В серии эскизных рисунков 12 поселений СПТ укрепления представлены как простые покатые обваловки с деревянными изгородями сверху и примыкающими дренажными траншеями [Макурова, Петров, 2017] (рис. 6, 3–5).

Поселения

Начиная с первых исследований, и особенно после публикаций эффектных аэроснимков, проявился большой интерес к воссозданию полных образов поселений СПТ. Корректная реконструкция облика всего поселения осложняется тем, что целиком не раскопан ни один из 24 памятников этого типа и только 4 изучены раскопками примерно наполовину — это Аркаим, Синташта, Петровка II и Новоникольское I [Солдаткин, 2018]. В связи с этим важнейшими источниками для формирования представлений об архитектуре целого поселения становятся данные дистанционных исследований. Геофизические карты, топографические планы, аэрофотоснимки отражают размер, форму, общую планировку всего поселения и некоторых отдельных построек. Для реконструкции полного архитектурного объема к этим сведениям добавляются данные, полученные с раскопанных участков (даже с участков других поселений), экстраполируемые на остальную, не раскопанную часть, что во многом основано на общепринятом представлении об одинаковости жилищ и укреплений в пределах одного памятника и об их большой схожести в рамках всей группы.

Большинство полнообъемных визуализаций сделано для Аркаима (рис. 5). Поселение, в соответствии с идеями о крепости — «протогороде», представлено двухчастным: более укрепленная «цитадель» — внутреннее кольцо жилищ, и менее укрепленное прилегающее к ней внешнее кольцо. Обводной ров вокруг внутреннего кольца трактуется как канализационное сооружение, перекрытое в древности деревянной мостовой (вариант аналогичной конструкции для Синташты — рис. 4, 3). Интерпретации Аркаима как комплекса, состоящего из двух синхронно функционировавших кругов строений, к которым иногда прибавляются сектора третьего круга (рис. 5, 1), противоречат выраженные признаки разновременности застройки. Внутреннее кольцо жилищ, обведенное стеной и ровом, выглядит самостоятельным архитектурным комплексом, к которому, вероятно в несколько этапов, были пристроены четыре отдельных сектора внешнего кольца. Общая конфигурация состыкованных участков не образовала строго круглой формы, особенно «выбивается» почти прямой ряд построек северо-западного сектора и широкий незамкнутый участок с западной стороны, интерпретируемый как главный вход в поселение. Раскопанные жилые постройки из внешнего и внутреннего круга имеют достаточно серьезные архитектурные отличия, проявляется разница и между жилищами двух исследованных секторов внешнего круга. Участки Аркаима имеют разную степень интенсивности обитания: следов ремонта, перестроек и общей насыщенности культурного слоя больше в жилищах внутреннего кольца, значительно меньше — в постройках внешнего [Петров, Куприянова, 2016, с. 47]. Разновременное функционирование участков поселения подчеркивается неоднородностью керамической коллекции памятника [Петров, Куприянова, 2016, с. 47–49]. Таким образом, совокупность признаков указывает на то, что Аркаим мог возводиться последовательно, а составляющие его части не обитались все одновременно. В визуальных реконструкциях такой вариант образа поселения пока не отражен.

Архитектура укрепленных поселений синташтинско-петровского типа...

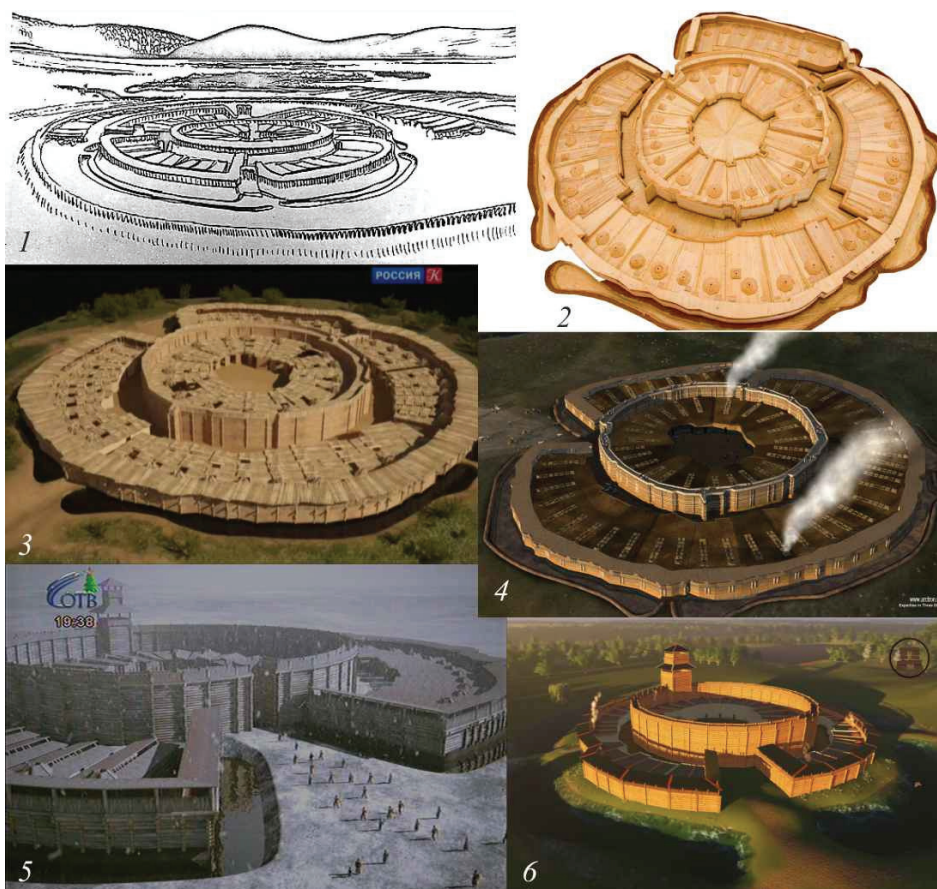

Рис. 5. Реконструкции целого поселения. Аркаим:

1 — [Зданович, 1995, рис. 3]; 2 — [Зданович и др., 2009, с. 32–33]; 3 — [Предки наших предков...];
4 — [Fornasier, 2014, fig. 19.2]; 5 — [Все чудеса Урала...]; 6 — [Неизвестный Аркаим...].

Fig. 5. Reconstructions of the whole settlement. Arkaim:

1 — [Zdanovich, 1995, fig. 3]; 2 — [Zdanovich et al., 2009, p. 32–33]; 3 — [The ancestors of our ancestors...];
4 — [Fornasier, 2014, fig. 19.2]; 5 — [All wonders of the Ural...]; 6 — [Unknown Arkaim...].

Жилища Аркаима всегда изображаются сплошным массивом, состоящим из однотипных, часто полностью идентичных построек, укрепления — в виде мощной фортификации с башнями, входами-лабиринтами и т.д. Реконструкции сложной архитектуры, основанные на идеях Г.Б. Здановича (рис. 5, 1–4), часто обретают чрезмерно фантастические формы в экскурсионно-туристических и научно-популярных визуализациях, абстрагированных от результатов полевых изысканий памятника. Здесь ширина и глубина рвов может быть увеличена в разы по сравнению с параметрами, зафиксированными археологически, неправдоподобных величин достигает высота реконструируемых стен и башен, само поселение имеет в плане форму почти идеального круга, что также противоречит научным данным (рис. 5, 5, 6).

Визуальная реконструкция всего поселения также сделана для Каменного Амбара (рис. 6, 1, 2). Она опирается на данные раскопок и дистанционных исследований, позволивших обоснованно представить общую конфигурацию строений и соотношение памятника с ландшафтом. Жилища изображены в формате, близком «классическому»: сплошной массив построек с плоскими крышами, на которых обустроены конусовидные светодымовые отверстия и несколько дополнительных окошек. Воссоздан значительно «облегченный» в сравнении с фортификациями Аркаима и Синташты вариант укреплений: облицованная каменными плитами грунтовая стена, достигающая примерно высоты жилищ, и небольшой ров. В ходе изучения Каменного Амбара были зафиксированы две разновременные фазы его существования на синташтинско-петровском этапе, связанные с сокращением общей площади при возведении внутренней линии укреплений. Представлен возможный зрительный образ таких изменений в организации жилого пространства: 1 фаза — рис. 6, 1; 2 фаза — рис. 6, 2. Это единичный пример визуализа-

ции эволюции архитектурной схемы поселения СПТ, хотя следы значительных изменений в конфигурациях отмечены практически на каждом памятнике.

Рис. 6. Реконструкции целого поселения:

1, 2 — Каменный Амбар [Fornasier, 2014, fig. 20]; 3 — Сарым-Саклы; 4 — Устье I;

5 — Берсуат [Макурова, Петров, 2017, с. 16, 26, 46].

Fig. 6. Reconstructions of the whole settlement:

1, 2 — Kamennyi Ambar [Fornasier, 2014, fig. 20]; 3 — Sarym-Sakly; 4 — Ust'ye I; 5 — Bersuat [Makurova, Petrov, 2017, p. 16, 26, 46].

Версия внешнего вида поселений СПТ, наиболее сильно отличающаяся от идей концепции «Страны городов», предложена в серии зарисовок [Макурова, Петров, 2017] (рис. 6, 3–5). В рисунках нет строгого соответствия реально зафиксированным размерам (в данном случае несколько заниженным), конфигурациям и деталям планировки поселений, их главное значение состоит в презентации альтернативного образа: не масштабных «протогородов» с плотной продуманной планировкой и внушительными сложными фортификациями, а степных скотоводческих поселков, ограниченных невысоким валом и небольшим, скорее дренажным, рвом.

На всех полнообъемных визуализациях внутренняя застройка поселений состоит из однотипных жилищ, на многих — из абсолютно одинаковых. Монотонно изображаются и линии укреплений. Это отражает обобщающий характер таких реконструкций, недостаточно высокий уровень их детализации. Анализ источников показывает, что, при ориентации на определенную общую модель архитектуры, полной стандартизации не было даже среди жилищ одного ряда/сектора, значительно отличались и участки укреплений в пределах каждого поселения, еще сильнее проявлялись индивидуальные отличия строений в рамках всей группы памятников.

Заключение

При обращении к теме архитектуры поселений синташтинско-петровского типа, и особенно при задаче представить, как они могли выглядеть «при жизни», во время функционирования, в сознании исследователя возникает набор определенных образов, сложившихся на основе существующих визуальных реконструкций. Первые из них, созданные для Синташты и Аркаима, имеют много общего, что объясняется как объективными признаками сходства самих памятников, так и их совместным осмыслением в духе зарождающейся тогда концепции «Страны городов», сформулированной Г.Б. Здановичем, главным руководителем раскопок обоих поселений (на Синташте — вместе с В.Ф. Генингом). Большинство последующих реконструкций было сделано для Аркаима, что закрепило своеобразный «классический канон» изображения, экстраполируемый и на другие поселения СПТ. Однако он не является адекватным для всей группы памятников, так как основан на представлениях об архитектуре только округлых поселений, и в первую очередь одного из них — Аркаима, в пределах которого опирается на постройки из внешнего круга, отражающие лишь один из этапов жизни поселения. Утвердившийся образ самого Аркаима искажен реконструкциями чрезмерно сложной архитектуры в стиле «Страны городов», недоверие к которым усиливается из-за отсутствия на сегодня объемной научной пуб-

ликация источников на фоне широко распространенных в популярном формате картинок величественного «протогорода».

Варианты реконструкций, отличные от преувеличенных трактовок «Страны городов», но использующие отдельные черты «классических» образов жилищ и укреплений, созданы для нескольких поселений СПТ. В них отмечены попытки отразить разные фазы существования поселений (Каменный Амбар), воссоздать, в сотрудничестве с архитекторами и специалистами по 3d-моделированию, строения ограниченных интенсивно исследованных участков (постройка № 5 Каменного Амбара, участки жилищ и укреплений Устья I), представить альтернативные «протогородским» образы более простой архитектуры (серия эскизных зарисовок 12 поселений).

В целом большей части из рассмотренных в статье вариантов не хватает надежной аргументации и качественной проработки. Отсутствие продуманной методики реконструкции подобной архитектуры и фрагментированное состояние источников осложняют создание убедительных, близких к аутентичным образам. Существующие визуализации скорее являются концентрированной, легко воспринимаемой формой представления во многом субъективных авторских интерпретаций возможного облика строений и отражают эволюцию идей по теме архитектуры поселений СПТ.

Финансирование. Работа выполнена за счет гранта РНФ № 16-18-10332-П «Образ жизни населения Южного Зауралья в диахронной перспективе: от оседлых форм к подвижности (по материалам бассейна р. Карагайлы-Аят)», рук. Л.Н. Корякова.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Литература

Алаева И.П., Бачура О.П., Виноградов Н.Б., Григорьев С.А., Гутков А.И., Дегтярева А.Д., Дерягин В.В., Дунан Р.К., Епимахов А.В., Косинцев П.А., Кузьминых С.В., Кунгурова Н.Ю., Левит А.И., Мори М., Мосин В.С., Мужич Б., Медарич И., Питман Д., Усачук А.Н., Хэнкс Б.К., Чечушков И.В. Древнее Устье: Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск: Абрис, 2013. 482 с.

Батанина И.М., Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., Зданович С.Я., Куприянова Е.В., Левит А.И., Малютин Т.С. Аркаим. Поселение эпохи бронзы. Древнейшие индоевропейцы в степях Урала: Каталог выставки. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2011. 118 с.

Бородкин Л.И., Жеребятеев Д.И. Технологии 3d-моделирования в исторических исследованиях: От визуализации к аналитике // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2012. № 2 (2). С. 49–63.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. Ч. 1. 408 с.

Зданович Г.Б. Аркаим: Арии на Урале, или Несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск: Каменный пояс, 1995. С. 21–42.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим — Страна городов: Пространство и образы. Челябинск: Крокус, 2007. 260 с.

Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., Кисленко А.М., Куприянова Е.В., Петров Ф.Н. Аркаим: У истоков цивилизации: Фотоальбом. Челябинск: Аркаим, 2009. 224 с.

Иванов И.В. Аркаим — ландшафтно-исторический заповедник: Проблемы и феномены // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск: Каменный пояс, 1995. С. 9–20.

Корякова Л.Н., Кузьмина С.А. Некоторые особенности архитектуры укрепленного поселения Каменный Амбар в контексте образа жизни населения Южного Зауралья начала II тыс. до н.э. // УИВ. 2017. № 1 (54). С. 92–102.

Макуров Ю.С., Малютин Т.С. Опыт музеефикации археологического раскопа укрепленного поселения Аркаим. Реализация проекта 2013–2014 гг. // Горизонты цивилизации. 2015. № 6. С. 75–93.

Макурова М.Р., Петров Ф.Н. Аркаим — «Страна городов»: Путеводитель по «бронзовому кольцу России». Челябинск: АБРИС, 2017. 55 с.

Носкевич В.В., Федорова Н.В., Бебнев А.С., Вдовин А.Г., Мехоношина Т.Л. Результаты исследования геофизическими методами археологического памятника бронзового века городище Андреевское (Южный Урал) // Урал. геофиз. вестник. 2014. № 1 (23). С. 72–80.

Петров Ф.Н., Куприянова Е.В. Поселения эпохи бронзы в Аркаимской долине: По результатам разведочных исследований 1997–2015 гг. М.: Моск. обл. общ. фонд «Наследие», 2016. 148 с.

Солдаткин Н.В. Жилая архитектура укрепленных поселений синташтинско-петровского типа: Обзор источников // Науч. диалог. 2018. № 1. С. 209–220. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-1-209-220.

Чечушков И.В., Дакович Г., Якимов А.С. Архитектурно-планировочные решения синташтинско-петровских поселений: Проблема интерпретации // РА. 2018. № 3. С. 75–93. DOI: 10.31857/S086960630001661-6.

Fornasier J. Befestigte Siedlungen der Bronzezeit im Trans-Ural — eine Bestandsaufnahme // Zwischen Tradition und Innovation: Studien zur Bronzezeit im Trans-Ural (Russische Föderation). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2014. P. 1–137.

Fornasier J., Krause R., Korjakova L.N., Stobbe A., Rühl L., Schneider H., Thiemeyer H., Peters S., Epimakhov A.V., Sharapova S.V., Panteleeva S.E., Molčanov I.V., Berseneva N.A., Patzelt A., Noskevič V.V. Architektur, Wirtschaft und Landschaft der bronzezeitlichen Siedlungen am Nordrand der Eurasischen Steppe im Trans-Ural (Russische Föderation) // *Eurasia Antiqua*. 2014. № 20. P. 229–272.

Koryakova L.N., Krause R., Fornasier J., Epimakhov A.V., Sharapova S.V., Berseneva N.A., Panteleyeva S.E. Archaeological structures of the Kamennyi Ambar settlement // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. P. 85–128.

Источники

Все чудеса Урала: Аркаим. URL: https://www.youtube.com/watch?v=NO1wOa2e1_c (дата обращения: 01.11.2019).

Епимахов А.В., Семьян И.А. Аркаим и Синташта: История открытия и археологическая реальность. URL: <http://antropogenez.ru/article/1002/> (дата обращения: 01.11.2019).

Неизвестный Аркаим. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=74ELuAlo9a8> (дата обращения: 01.11.2019).

Предки наших предков: Аркаим. URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/61663/episode_id/1479971/video_id/1609870/ (дата обращения: 01.11.2019).

N.V. Soldatkin

Institute of History and Archaeology of Ural Branch RAS
S. Kovalevskoy st., 16, Yekaterinburg, 620990, Russian Federation.
E-mail: niksoldatkin@yandex.ru

Architecture of fortified settlements belonging to the Sintashta-Petrovka type in the existing versions of visual reconstructions

The article analyses the main visual reconstructions of settlements belonging to the Sintashta-Petrovka type (SPT settlements): dwellings, fortifications and entire settlements. SPT settlements are located in the Southern Trans-Urals and Northern Kazakhstan. The stage of their habitation, which includes the use of fortifications and the regular layout of settlements, is associated with the materials of the Sintashta and Petrovka cultures, dating from the end of the 3rd to the first quarter of 2nd millennia BC. Traces and remains of buildings, preserved in a strongly transformed form in the occupation layers of sites and discovered during excavations and remote studies, constitute sources for reconstructions. The fragmented state of the sources explains the highly conditional character of reconstructions of entire structures. Early reconstructions appeared in the early to mid-1990s. They show the architecture of two settlements (Sintashta and Arkaim), whose dwellings are depicted with standardised layouts, flat roofs and shared longitudinal walls made from soil blocks. The fortifications were depicted as massive, complex structures, styled after the concept of the «Country of Towns». These images have become «classic», and authors of all future versions made a start from them. Most versions are dedicated exclusively to Arkaim and are rather controversial, often exaggerating the monumentality and complexity of the architecture of this site. The proposed reconstructions of Arkaim are not accompanied by a reliable study of archaeological sources. There are reconstructions of other SPT settlements exhibiting some differences from 'classic' visualisations. They constitute 3d models of individual sections of buildings (dwelling No. 5 of Kamenny Ambar, dwellings and fortifications of Ustye I), images of two different phases in the life of the entire Kamenny Ambar settlement, as well as a series of sketch drawings depicting these sites as settlements of pastoral farmers that have fairly simple fortifications rather than grand 'proto-cities'. Due to the fragmented state of sources, the lack of procedures for reconstructing such architecture and insufficient argumentation, the existing reconstructions constitute largely a visual form of translating subjective ideas of different authors about the architecture of SPT settlements.

Key words: Southern Trans-Urals, Northern Kazakhstan, Bronze Age, Sintashta-Petrovka type settlements, Sintashta culture, Petrovka culture, Bronze Age architecture, reconstruction of architecture, 3d reconstruction.

Funding. This work was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 16-18-10332-П «Lifestyle of the population of the Southern Trans-Urals in the diachronic perspective: from sedentary forms to mobility (based on materials from the Karagaily-Ayat river basin)», hands. L.N. Koryakova.

REFERENCES

Alaeva I.P., Bachura O.P., Vinogradov N.B., Grigor'ev S.A., Gutkov A.I., Degtyareva A.D., Deryagin V.V., Doonan R.K., Epimakhov A.V., Kosintsev P.A., Kuzminykh S.V., Kungurova N.Iu., Levit A.I., Mori M., Mosin V.S., Muzhich B., Medarich I., Pitman D., Usachuk A.N., Hanks B.K., Chechushkov I.V. (2013). *Ancient Ust'ye: The strengthened settlement of a bronze age in Southern Trans-Ural*. Cheliabinsk: Abris. (Rus.).

- Batanina I.M., Zdanovich G.B., Zdanovich D.G., Zdanovich S.Ia., Kupriianova E.V., Levit A.I., Maliutina T.S. (2011). *Arkaim. Settlement of the Bronze Age. Ancient Indo-European People in the Urals Steppes: Catalogue of the exhibition*. Cheliabinsk: ChelGU. (Rus.).
- Borodkin L.I., Zherebiat'ev D.I. (2012). Application of 3d technology in historical research: From visualization to analytics. *Istoricheskaia informatika. Informatsionnye tekhnologii i matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniakh i obrazovanii*, (2), 49–63. (Rus.).
- Chechushkov I.V., Dakovic G., Yakimov A.S. (2018). Architectural and planning design of Sintashta-Petrovka settlements and the issue of the Bronze Age warfare. *Rossiyskaya arkheologiya*, (3), 75–93. (Rus.). DOI: 10.31857/S086960630001661-6.
- Fornasier J. (2014). Befestigte Siedlungen der Bronzezeit im Trans-Ural — eine Bestandsaufnahme. In: R. Krause, L.N. Korjakova (Eds.). *Zwischen Tradition und Innovation: Studien zur Bronzezeit im Trans-Ural (Russische Föderation)* (pp. 1–137). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH. (Germ.).
- Fornasier J., Krause R., Korjakova L.N., Stobbe A., Rühl L., Schneider H., Thiemeyer H., Peters S., Epimakhov A.V., Sharapova S.V., Panteleeva S.E., Molčanov I.V., Berseneva N.A., Patzelt A., Noskevič V.V. (2014). Architektur, Wirtschaft und Landschaft der bronzezeitlichen Siedlungen am Nordrand der Eurasischen Steppe im Trans-Ural (Russische Föderation). *Eurasia Antiqua*, (20), 229–272. (Germ.).
- Gening V.F., Zdanovich G.B., Gening V.V. (1992). *Sintashta: Archeological Sites of Aryan Tribes of the Ural-Kazakh Steppes*. Cheliabinsk: luzh.-Ural. kn. izd-vo. (Rus.).
- Ivanov I.V. (1995). Arkaim — landscape-historical reserve. Problems and Phenomena. In: G.B. Zdanovich (Ed.). *Arkaim: Issledovaniia. Poiski. Otkrytiia* (pp. 9–20). Cheliabinsk: Kamennyi poias. (Rus.).
- Koryakova L.N., Krause R., Fornasier J., Epimakhov A.V., Sharapova S.V., Berseneva N.A., Panteleyeva S.E. (2013). Archaeological structures of the Kamennyi Ambar settlement. In: R. Krause, L.N. Koryakova (Eds.). *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)* (pp. 85–128). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH.
- Koryakova L.N., Kuzmina S.A. (2017) Certain specifics of Kamenny Ambar fortified settlement architecture in the context of life style of the South Transuralian population of the early 2nd millennium BC. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (1), 92–102. (Rus.).
- Makurov Iu.S., Maliutina T.S. (2015). The experience of archaeological excavations museumification on the Arkaim fortified settlement. Implementation of the project 2013–2014 years. *Gorizonty tsivilizatsii*, (6), 75–93. (Rus.).
- Makurova M.R., Petrov F.N. (2017). *Arkaim — «Country of towns»: Guide to the «bronze ring of Russia»*. Cheliabinsk: ABRIS. (Rus.).
- Noskevich V.V., Fedorova N.V., Bebnov A.S., Vdovin A.G., Mekhonoshina T.L. (2014). Results of the geophysical research of Bronze Age archaeological monuments Andreevskoe (Southern Ural Mountains). *Ural'skii geofizicheskii vestnik*, (1), 72–80. (Rus.).
- Petrov F.N., Kupriianova E.V. (2016). *Bronze Age settlements in the Arkaim valley: According to the results of exploratory studies 1997–2015 years*. Moscow: Moskovskii oblastnoi obshchestvennyi fond «Nasledie». (Rus.).
- Soldatkin N.V. (2018). Residential Architecture of Fortified Settlements of Sintashta-Petrovka Type: Sources Review. *Nauchnyi dialog*, (1), 209–220. (Rus.). DOI: 10.24224/2227-1295-2018-1-209-220.
- Zdanovich G.B. (1995). Arkaim: Arias in the Urals or a failed civilization. In: G.B. Zdanovich (Ed.). *Arkaim: Issledovaniia. Poiski. Otkrytiia* (pp. 21–42). Cheliabinsk: Kamennyi poias. (Rus.).
- Zdanovich G.B., Batanina I.M. (2007). *Arkaim — Country of towns: Space and images*. Cheliabinsk: Krokus. (Rus.).
- Zdanovich G.B., Zdanovich D.G., Kislenko A.M., Kupriianova E.V., Petrov F.N. (2009). *Arkaim: At the origins of civilization: Photo album*. Cheliabinsk: Arkaim. (Rus.).

H.B. Солдаткин, <https://orcid.org/0000-0001-5873-1883>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 08.10.2019

Accepted: 19.12.2019

Article is published: 02.03.2020

В.И. Кулаков

Институт археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036
E-mail: drkulakov@mail.ru

ПОДВЕСКИ В ВИДЕ БРЕЛКА В ДРЕВНОСТЯХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БАЛТИИ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

Цель предлагаемой работы — выяснение происхождения, датировки и, по возможности, семантического значения подвесок римского времени, именуемых в археологии Балтии «брелками». Анализ этих артефактов, известных в древностях устья р. Вислы и юго-восточной Балтии, позволил сделать следующие выводы. Предположительным генетическим предшественником подвесок-«брелков» являются эллинистические стеклянные подвески в виде амфорисков. В раннеримское время их стали имитировать германские мастера в виде янтарных 8-видных подвесок. Позднее такие янтарные изделия отмечаются на западной окраине балтского мира в фазе C_{1b}. В Мазурском Поозерье несколько ранее распространяются бронзовые подвески-«брелки» подтипов Mączyńska 530a, 530. Они символизируют божественную мощь Донара/Геракла, отображая его палицу. С этими находками генетически связаны подвески в виде наконечников булавок, изредка встречающиеся у эстиев в финальной фазе римского времени. Предположительно они могут быть связаны со скандинавскими полыми подвесками с двумя ушками, служившими вместе с пластиной для благоволий. В эпоху Меровингов традиция использования подвесок указанных типов у пруссов прекращается.

Ключевые слова: юго-восточная Балтия, подвески, палица Геракла/Донара.

Введение

Более 30 лет назад впервые в европейской археологии М. Мончиньска предприняла попытку систематизации подвесок, названных прусскими археологами XIX в. berlockförmige Anhänger (нем. «подвески в виде брелка»). К сожалению, упоминавшиеся текстуально в прусских публикациях XIX в. подвески-«брелки» не сопровождались иллюстрациями и потому не могут быть не только типологизированы, но и достоверно идентифицированы.

Исследователь считала подвески-«брелки» характерными прежде всего для древностей Самбии римского времени. Количественно меньшее скопление таких находок М. Мончиньска отмечала в регионе, расположенном в устье р. Заале (совр. земли Тюрингия и Саксен-Анхальт, ФРГ) [Tempelmann-Mączyńska, 1985, S. 92]. По ее мнению, бронзовые подвески, имеющие форму палицы и отнесенные к подтипам Mączyńska 530a, 530b, появились ранее 8-видных янтарных подвесок и в фазе B₂ встречаются в погребальных комплексах Самбии вместе с «ладьевидными» накладками на ремни самбийских поясов. Лишь в двух комплексах западной части Мазурского Поозерья (погр. 12 могильника Bogaczewo-Kula и погр. 68 могильника Kłoczew) подвески подтипов Mączyńska 530a и 530b по сопутствующему материалу отнесены к поздне римскому времени [ibid.].

Материалы и методика

Первые в древностях Европы подвески в виде «брелков», имеющие фактически 8-видные очертания, появляются в позднеэллинистическое время из рук греческих мастеров. Эти предметы в фазе Latène B2 [Schönfelder, 2007, S. 308] и, видимо, позднее изготовлялись из стекла и своей формой имитировали античные амфориски (миниатюрные сосуды для благоволий). Правда, в отличие от этих сосудов, 8-видные стеклянные подвески не имели внутренней полости (рис. 1) и были сугубо декоративными. Занесенные в Центральную Европу кельтами, со временем стеклянные подвески-амфориски могли (хотя стеклянные «амфориски» римского времени мне неизвестны) копироваться германскими мастерами в виде янтарных 8-видных подвесок [Кулаков, 2016, с. 98]. Типологизированные М. Мончиньской в рамках группы LX (рис. 2), данные янтарные изделия отнесены этим автором в вельбарском и западнобалтском ареалах к фазе C_{1b} и считались восходящими к бронзовым подвескам-«брелкам» [Tempelmann-Mączyńska, 1985, S. 92, 112]. Это положение может быть справедливым, скорее всего, лишь относительно янтарных подвесок типа Mączyńska 465 и подтипов 471I, m (рис. 2), в самом деле имеющих па-

Подвески в виде брелка в древностях юго-восточной Балтии римского времени

лицеобразную форму. Данные подвески имели вытянутую форму с валикообразными деталями. В археологии эстиев данные о датировке янтарных 8-видных подвесок (рис. 3) отсутствуют. Если в северо-восточной части вельбарского ареала и в Мазурском Поозерье находки указанных подвесок хорошо известны в погребальных комплексах, то для древностей эстиев Янтарного берега они крайне редки (рис. 4).

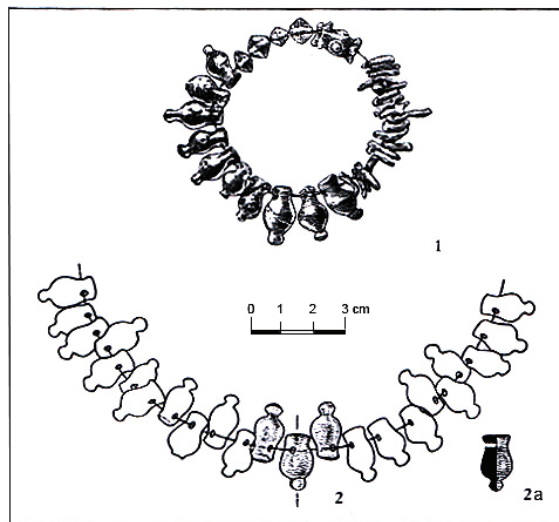

Рис. 1. Бусы с вазообразными стеклянными подвесками из кельтских женских погребений фазы Latène B2:

1 — Brno-Horní Heřpice (Чехия); 2 — Dudník, пог. 21 (Словакия) [Schönfelder, 2007, Abb. 1].

Fig. 1. Beads with vase-shaped glass pendants from Celtic female burials of the Latène B2 phase:

1 — Brno-Horní Heřpice (Czech Republic); 2 — Dudník, burial 21 (Slovakia).

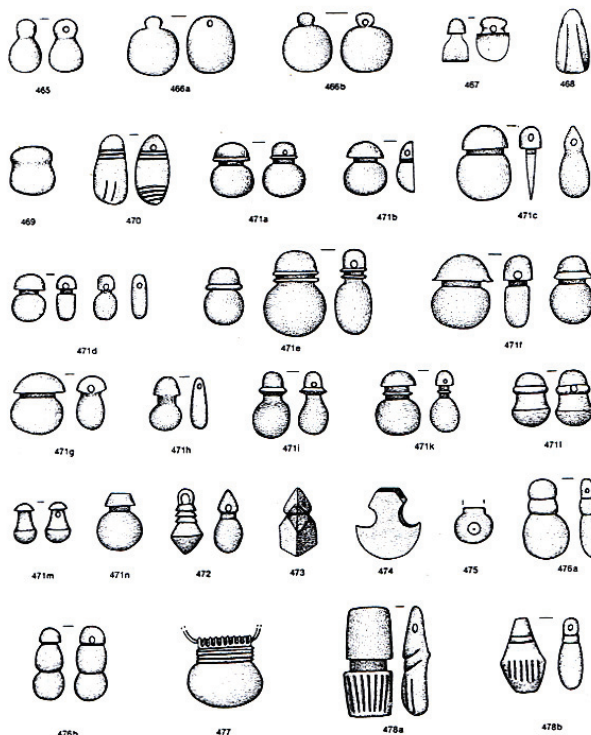

Рис. 2. Типы янтарных подвесок-брелков (8-видные бусины) [Tempelmann-Maczyńska, 1985, Taf. 18].

Первые четыре ряда подвесок — 8-видные; ниже: 472 — палицеобразная, 474 — секировидная, нижний ряд — дериваты 8-видных подвесок.

Fig. 2. Types of amber pendant charms (8-type beads).

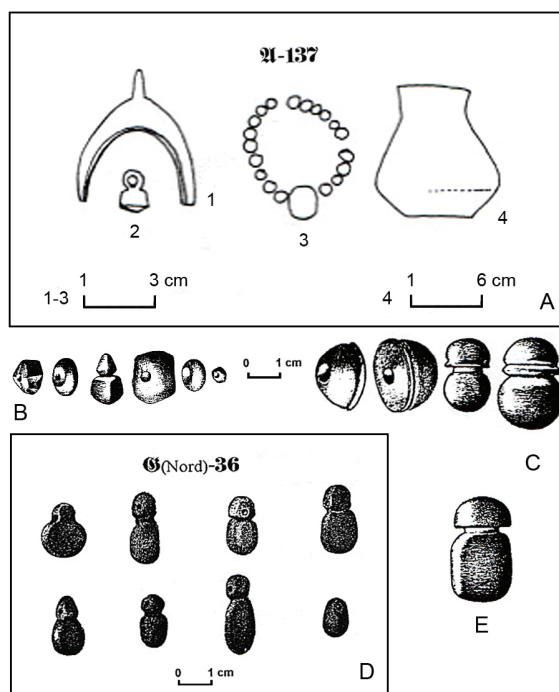

Рис. 3. Находки янтарных подвесок-«брелков» в ареале эстиев:

A — Althof-Insterburg/Черняховск, погр. 137; B — случайные находки янтарных бусин на могильнике Alt-Bodschwingken/Nowa Boczwinka, woj. mazursko-warmińskie Polski; C — случайные находки янтарных бусин на могильнике Dietrichswalde/Wolka, woj. mazursko-warmińskie Polski; D — янтарные бусины из погр. 36 могильника Grebieten (Nord), Зеленоградский р-н; E — янтарная бусина, случайно найденная на могильнике Gruneiken/Grunaiki, woj. mazursko-warmińskie Polski (A — [Grunert, 1939, Abb. Taf. V, A, B, T]; B, C, E — [Tischler, 1879, Taf. V]; D — [Bujack, 1886/1887, Taf. IV, 4–11]).

Fig. 3. Findings of amber pendants-«trinkets» in the range of estians:

A — Althof-Insterburg/Chernyakhovsk, burial 137; B — random finds of amber beads at the Alt-Bodschwingken/Nowa Boczwinka burial ground, woj. mazursko-warmińskie Polski; C — random finds of amber beads at the burial ground Dietrichswalde/Wolka, woj. mazursko-warmińskie Polski; D — amber beads from burial 36 burial site Grebieten (Nord), Zelenograd District; E — amber bead accidentally found at the burial site Gruneiken/Grunaiki, woj. mazursko-warmińskie Polski.

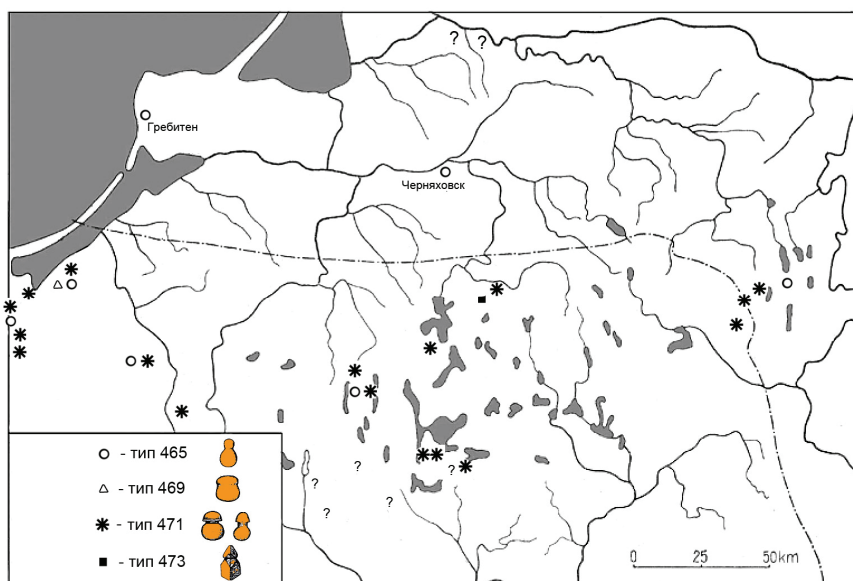

Рис. 4. Находки янтарных подвесок-брелков на могильниках римского времени в юго-восточной Балтии [Tempelmann-Mączyńska, 1985, Taf. 70 с изменениями автора].

Fig. 4. Finds of amber pendant charms on Roman burial grounds in the southeastern Baltic [Tempelmann-Mączyńska, 1985, Taf. 70 as amended by the author].

Подвески в виде брелка в древностях юго-восточной Балтии римского времени

В германской археологии считается, что 8-видные янтарные подвески в поздне римское время стали статусной деталью убора германских женщин горизонта Haßleben-Leuna и в фазе C_{1b} копировались на рейнском лимесе из стекла [Lund Hansen, 2001, S. 190].

Если самые ранние бронзовые подвески-«брелки» в Мазурском регионе датируются рубежом фаз B₂/C₁ [Banité-Rovell, 2017, p. 76], то в древностях вельбарской культуры подвески в виде палиц (рис. 5, A), представлявшие собой довольно натурально выполненные копии (длина около 3 см) этого «холодного» оружия, изготавливавшиеся из кости или из дерева, относятся к фазе C₂ [Ciesliński, 2010, S. 247; Белявец, 2007, с. 324, рис. 8]. Складывается впечатление о более раннем появлении бронзовых подвесок подтипов Maćczyńska 530a, 530b (отнесение «брелков», упомянутых лишь текстуально, к указанным подтипам условно) в западнобалтийском ареале, нежели на гото-гепидской племенной территории.

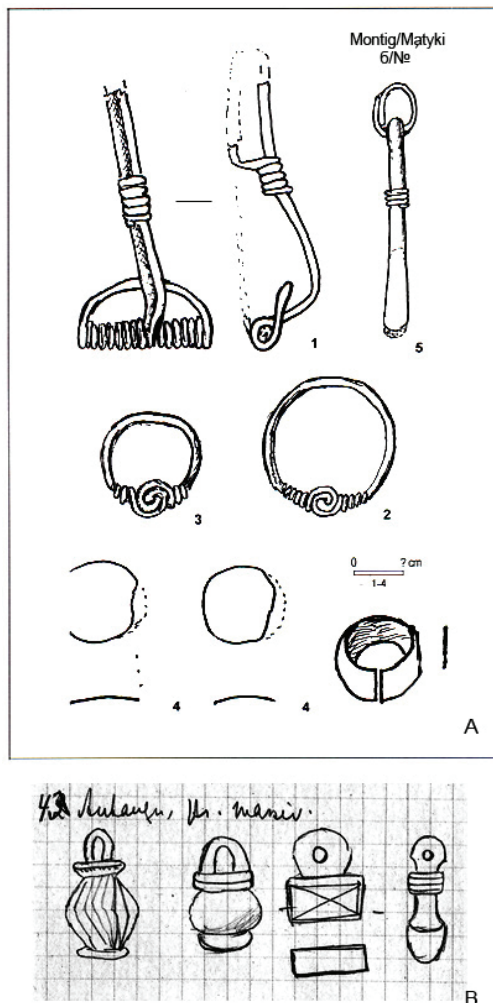

Рис. 5. Бронзовые подвески-брелки в древностях северо-восточной зоны вельбарской культуры:

A — инвентарь погр. б/№ могильника Montig/Matyki, woj. mazursko-warmińskie Polski; B — подвески из могильника Wöklitz/Weklize, woj. mazursko-warmińskie Polski (A — [Ciesliński, 2010, Taf. 62, A]; B — [Banité-Rovell, 2017, fig. 3]).

Fig. 5. Bronze pendants-charms in the antiquities of the north-eastern zone of the Velbar culture:

A — inventory of burial. Used Graveyard Montig/Matyki, woj. mazursko-warmińskie Polski; B — pendants from the burial ground Wöklitz/Weklize, woj. mazursko-warmińskie Polski.

В современной археологической литературе нет интерпретации бронзовых подвесок-«брелков» подтипов Maćczyńska 530a, 530b, хотя их палицеобразная форма достаточно характерна и явно имитирует одно из самых популярных орудий ближнего боя (возможно, метательное оружие) древности — дубину. Еще более откровенно выглядят вырезанные из рога/кости «пирамидальные» подвески, известные в материале черняховской культуры фазы C₂/D₁ (вторая треть IV в.), О.В. Гоп-

кало отнесла эти подвески к типу 1 и констатировала их местное происхождение [2008, с. 79, 80]. Распространены подвески типа Гопкало 1 как на Днепровском левобережье, так и на трассе, ведущей от р. Днестра в юго-западном направлении, к низовьям р. Дуная (путь восточных готов на имперскую территорию, закончившийся в 378 г. битвой при Адрианополе) [Там же, карта 37]. Их параметры (длина около 3 см), принципы крепления при помощи кольца в верхней части подвески полностью идентичны таковым подвесок подтипов *Mączyńska* 530a, 530b вельбарской культуры. Можно с уверенностью полагать, что черняховские подвески, являющиеся фактическим аналогом античных подвесок-оберегов в виде «палицы Геракла», генетически восходят к вельбарским подвескам, отличаясь от них лишь материалом, из которого они изготовлены. Так как римские авторы воспринимали германского бога Донара как варварскую версию Геракла [Дряхлов, 1999, с. 58], следует трактовать бронзовые и роговые/костяные палицеобразные подвески готов и гепидов как амулеты бога Донара (ср. с позднейшими подвесками-оберегами «молоточками Тора»). На вельбарско-западнобалтском пограничье известны бронзовые подвески в виде секир (символ Донара?) [Gaerte (?), 1937, S. 128]. Формы некоторых бронзовых подвесок, известных в древностях западных балтов позднеримского времени (рис. 6, 5), вполне соответствуют упомянутому варианту интерпретации. Другие бронзовые подвески, представленные в фазе C_{1b} как в вельбарском, так и в западнобалтском ареале (рис. 5, Б; 6, 4, 6–8), имеющие полусферическую форму диаметром около 1 см, выглядят иначе и напоминают скорее навершия булавок типа *Juga-Szymańska* *Nikutowo* [Juga-Szymańska, 2014, s. 109, рис. 70].

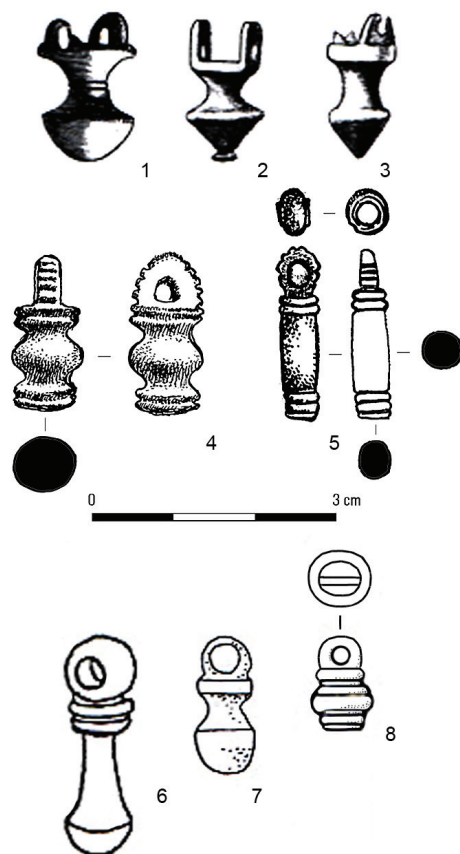

Рис. 6. Бронзовые подвески-брелки в древностях Скандинавии и Балтии:

1–3 — Gotland; 4 — Rudaičiai II, пог. 14; 5 — Šarkai; 6 — пог. 65 могильника Bartlichshof/Bartlikowo, woj. mazursko-warmińskie Polski; 7 — случайная находка на могильнике Dollkeim/Коврово, Зеленоградский р-н; 8 — пог. H-17 могильника Hünenberg/Гора Великанов, Зеленоградский р-н (1–3 — [Nerman, 1935, Taf. 11]; 4, 5 — [Banité-Rovell, 2017, fig. 4]; 6 — [Kemke, 1900, Taf. III]; 7 — [Кулаков, 2004, рис. 78]; 8 — [Кулаков, 2014, рис. 16]).

Fig. 6. Bronze pendants-trinkets in the antiquities of Scandinavia and the Baltic:

1–3 — Gotland; 4 — Rudaičiai II, burial 14; 5 — Šarkai; 6 — burial 65 burial ground Bartlichshof/Bartlikowo, woj. mazursko-warmińskie Polski; 7 — an accidental find at the Dollkeim burial ground/Kovrovo, Zelenogradsky District; 8 — burial H-17 of the burial ground Hünenberg/Mountain of Giants, Zelenogradsky District.

Подвески в виде брелка в древностях юго-восточной Балтии римского времени

Генетически эти подвески (во всяком случае, их варианты с полусферическим корпусом) могут восходить к бронзовым подвескам-амулетам, распространенным в Скандинавии в фазе С₃ [Nielsen, 1996, p. 25]. То, что эти подвески полые и имеют для подвески два ушка [Ibid., fig. 5], позволяет с уверенностью говорить об их использовании в скандинавском женском уборе поздне-римского времени в качестве вместилищ для благовоний и/или как ловушки для насекомых, которыми изобиловали волосы дев Севера в то героическое, но далекое от элементарных норм гигиены время. Те же функции в уборе богатых носительниц вельбарских традиций в фазах В₂/С₁–С₂ выполняли золотые биконические подвески с зернеными гроздьями на конце, позднее у менее обеспеченных представительниц гото-гепидской общности (в том числе на Самбии) — железные полые бубенчики. Оба вида упомянутых подвесок были полыми (что важно) и обладали узкими горлышками для заливки необходимых (для выше обозначенных целей) жидкостей [Щукин, 2005, рис. 17; Ciesliński, 2010, Taf. 44, 4a, 4b].

Упомянутые бронзовые подвески вельбарской и западнобалтской культур, появившиеся в составе погребального инвентаря в фазе С_{1b}, восходят не к скандинавским миниатюрным сосудам-подвескам. Скорее всего, они продолжают линию развития подвесок подтипов Mączyńska 530a, 530b, являющихся миниатюрными изображениями мифического оружия Донара/Геракла. На это указывает форма некоторых западнобалтских подвесок (рис. 6, 5–7). Одинарное ушко для подвешивания таких подвесок не предполагало наличия в них каких-либо полостей.

Заключение

Анализ подвесок-«брелков», известных в древностях устья р. Вислы и юго-восточной Балтии в римское время, позволяет сделать следующие выводы.

1. В античном мире в позднеэллинистический период распространяются ожерелья со стеклянными подвесками в виде амфорисков. Занесенные в Центральную Европу кельтами, со временем эти подвески могли копироваться германскими мастерами в виде янтарных 8-видных подвесок. На западной окраине балтского мира эти подвески появляются в фазе С_{1b}.

2. Самые ранние бронзовые подвески-«брелки» подтипов Mączyńska 530a, 530b в Мазурском регионе датируются рубежом фаз В₂/С₁. С известной долей осторожности можно предположить, что отсюда они в фазе С_{1b} распространяются среди гото-гепидского населения низовий р. Вислы и являются символом божественной мощи Донара/Геракла, отображая его палицу.

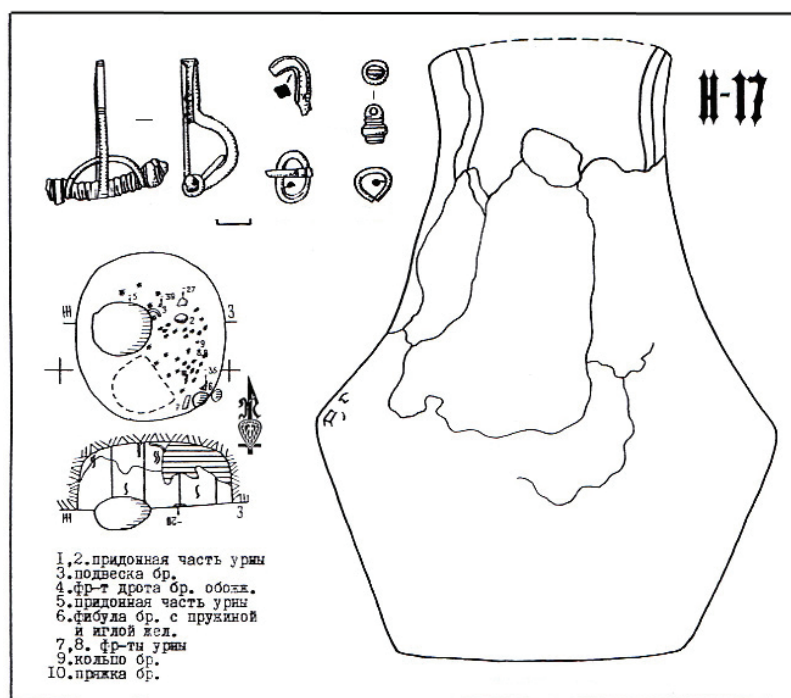

Рис. 7. Инвентарь погр. Н-17 могильника Hünenberg/Гора Великанов [Кулаков, 2014, рис. 16].
Fig. 7. Inventory burial H-17 of the burial ground Hünenberg/Mountain of Giants.

3. Подвески в виде наверхий булавок, генетически восходящих к подвескам подтипов *Ma-czyńska 530a, 530b*, известны в древностях эстиев в финальной фазе римского времени. Такая датировка основана на представленности подвески указанного типа в составе инвентаря погр. Н-17 могильника *Hünenberg*/Гора Великанов вместе с фибулой типа Вильканцы (рис. 7). Новейшие исследования хронологии этих фибул датируют их появление в Балтии в последней четверти IV в. н.э. [Медведев, 2009, с. 63]. Очевидно, эти подвески, наследницы традиций более ранних германо-балтских культурных контактов, используются на Самбии и на заре прусской культуры (возможно, до середины V в.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Белявец В.Г.* К изучению памятников вельбарской культуры в Беларуси // *Nowe materiały i interpretacje. Stan dyskusji na temat kultury wielbarskiej*, Gdańsk: Muzeum Archeologiczne w Gdańsku, 2007. С. 293–342.
- Гопкало О.В.* Бусы и подвески черняховской культур. Киев: Ин-т археологии НАН Украины, 2008. 246 с.
- Дряхлов В.Н.* В священных рощах Одина. Киров: Вятское слово, 1999, 158 с.
- Кулаков В.И.* Доллькайм-Коврово. Исследования 1879 г. Минск: Ин-т истории НАН Беларуси, 2004. С. 135.
- Кулаков В.И.* *Hünenberg* — Гора Великанов: Могильник III–IV вв. на севере Самбии // *Barbaricum*. Warszawa: Drukarnia Janusz Bieszczad, 2014. Vol. 10. С. 199–367.
- Кулаков В.И.* Сокровища Янтарного края: Показатели инокультурных влияний на древности Самбии и Натангии в I–IV вв. н.э., Калининград: Калинингр. книга, 2016. 159 с.
- Медведев А.М.* К вопросу о происхождении и хронологии украшений эпохи Великого переселения народов: (Фибулы типа Вильканцы) // *Матэрыялы па археалогіі Беларусі*. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2009. Вып. 17. С. 63–77.
- Шукин М.Б.* Готский путь. СПб.: СПбГУ, 2005. 563 с.
- Banić-Rovell R.* Some Remarks on the Genesis of a Bronze Pendant from Baitai Cemetery, Lithuanian Coastland: A local Balt Ornament According Germanic Trends? // *Monumenta Archaeologica Barbarica*. Warszawa; Schleswig: Zakład Graficzny Uniwersytetu Warszawskiego, 2017. T. VI. P. 71–79.
- Bujack G.* Die Acession des Prussia-Museums. Gebieten // *Prussia*. Königsberg: Ostpreußische Zeitungs- und Verlag-Druckerei, 1886/1887, Bd. XIII. S. 202–255.
- Ciesliński A.* Kulturelle Veränderungen und Besiedlungsabläufe im Gebiet der Wielbark-Kultur an Łyna, Pasłęka und oberer Drwęca, Berlin-Warszawa: Staatliche Museen zu Berlin, 2010. 325 S.
- Gaerte W. (?)*, Neue Bodenfunde // *Alt-Preußen*. Königsberg: Prussia-Museum, 1937. Jg. 2. H. 3. S. 126–131.
- Grunert W.* Nadrauer Grabungen. Althof-Insterburg // *Zeitschrift der Altertumsgesellschaft Insterburg*. Insterburg: Ostpreußisches Tageblatt, 1939. H. 22. S. 29–41.
- Juga-Szymańska A.* Kontakty Pojezieria Mazurskiego ze wschodnią strefą Bałtuku w okresie wpływów rzymskich na przykładzie spil. Warszawa: Drukarnia Janusza Bieszczad, 2014. 564 s.
- Kemke H.* Das Gräberfeld von Bartlichshof // *Schriften für Phisikalisch-Ökonomische Gesellschaft zu Königsberg*. Königsberg, 1900. Jg. XLI.
- Lund Hansen U.* Berlockförmige Bernsteinperlen — die europäischen Kontakte eines ostdänischen Zentrums der jüngeren Kaiserzeit // *Regions and Reflektions*. In Honour of M. Strömberg. *Acta Archaeologica Lundensia*. Series in 8°. Nr 20. Lund: Lunds University, 2001. S. 177–192.
- Nerman B.* Die Völkerwanderungszeit Gotlands. Stockholm: in Verlag der Akademie, 1935. 135 S.
- Nielsen J.N.* Dobbeltkoniske hængesmykker — og andre amuletter fra jernalder // *Aarbøger for Nordisk Oldkyndighed og Historie*. København: Nordiske Oldskriftselskab, 1996. P. 21–36.
- Schönfelder M.* Zurück aus Griechenland — Spuren keltischer Söldner in Mitteleuropa // *Germania*. Hlbdd., Mainz: Philip von Zabern, 2007. Jg. 85. 2. S. 307–311.
- Tempelmann-Maczyńska M.* Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit in mitteleuropäischen Barbaricum // *Römisch-Germanische Forschungen*. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 1985. Bd. 43.
- Tischler O.* Ostpreussische Gräberfelder. Königsberg: in Commission von W. Koch, 1879. Teil III. 110 S.

V.I. Kulakov

Institute of Archeology RAS

Dm. Ulyanova st., 19, Moscow, 117036, Russian Federation

E-mail: drkulakov@mail.ru

Charm pendants found among the Roman-time antiquities of the south-eastern Baltic region

The article is aimed at tracing the origin of Roman pendants (referred to as 'charms' in Baltic archaeology), dating them and, if possible, determining their semantic meaning. The analysis of these artefacts, found among the antiquities from the mouth of the Vistula River and south-eastern Baltic states, leads to the following conclu-

sions. Hellenistic glass pendants in the form of amphorisks were supposedly the predecessors of charm pendants in question. In the early Roman time, German masters began to imitate them in the form of amber 8-shaped pendants. On the western edge of the Baltic world, these pendants appeared in phase C_{1b}. In the Masurian Lake District, bronze charm pendants of the subtypes Mączyńska 530a, 530 spread somewhat earlier. They were a symbol of the divine power of Donar/Heracles, displaying his club. Pendants in the form of pinheads, occasionally found among the antiquities of the Aesti in the final phase of Roman time, are genetically ascending to these finds. Presumably, they can be associated with Scandinavian two-eyed hollow pendants, which were used to keep incense. In the Merovingian era, the tradition of using these types of pendants among the Prussians faded.

Key words: south-east Baltic, pendants, Mace of Heracles/Donar.

REFERENCES

- Banité-Rovell R. (2017). Some Remarks on the Genesis of a Bronze Pendant from Baitai Cemetery, Lithuanian Coastland: A local Balt Ornament According Germanic Trends? In: *Monumenta Archaeologica Barbarica*, 4 (pp. 71–79). Warszawa; Schleswig: Zakład Graficzny Uniwersytetu Warszawskiego.
- Bujack G. (1886/1887). Die Acession des Prussia-Museums. Gebieten. In.: Prussia, 13 (pp. 202–255). Königsberg: Ostpreussische Zeitungs- und Verlag-Druckerei.
- Ciesliński A. (2010). *Kulturelle Veränderungen und Besiedlungsabläufe im Gebiet der Wielbark-Kultur an Łyna, Pasłęka und oberer Drwęca*. Berlin; Warszawa: Staatliche Museen zu Berlin.
- Gaerte W. (?). (1937). Neue Bodenfunde. *Alt-Preußen*, 2(3), 126–131.
- Grunert W. (1939). Nadrauer Grabungen. Althof-Insterburg. In: *Zeitschrift der Altertumsgesellschaft Insterburg*, (22) (pp. 29–41). Insterburg: Ostpreussisches Tageblatt.
- Juga-Szymańska A. (2014). *Kontakty Pojezieria Mazurskiego ze wschodnią strefą Bałtuku w okresie wpływów rzymskich na przykładzie spil*. Warszawa: Drukarnia Janusza Bieszczad.
- Kemke H. (1900). Das Gräberfeld von Bartlichshof. *Schriften für Phisikalisch-Ökonomische Gesellschaft zu Königsberg*, 41, Königsberg.
- Lund Hansen U. (2001). Berlockförmige Bernsteinperlen — die europäuschen Kontakte eines ostdänischen Zentrums der jüngeren Kaiserzeit. In: *Regions and Reflektions. In Honour of M. Strömberg. Acta Archaeologica Lundensia, Series in 8°*, (20) (pp. 177–192). Lund: Lunds University.
- Nerman B. (1935). *Die Völkerwanderungszeit Gotlands*. Stockholm: in Verlag der Akademia.
- Nielsen J.N. (1996). Dobbeltkoniske hængesmykker — og andre amuletter fra jernalder. In: *Aarbøger for Nordisk Oldkyndighed og Historie* (pp. 21–36). Kobenhavn: Nordiske Oldskriftselskab.
- Schönfelder M. (2007). Zurück aus Griechenland — Spuren keltischer Söldner in Mitteleuropa. *Germania*, 85(2), 307–311.
- Tempelmann-Mączyńska M. (1985). Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit in mitteleuropäischen Barbaricum. In: *Römisch-Germanische Forschungen*, 43. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern.
- Tischler O. (1879). *Ostpreussische Gräberfelder*, 3. Königsberg: in Comission von W. Koch.
- Belyavets V.G. (2007). To the study of monuments of Velbark culture in Belarus. In: *Nowe materiały i interpretacje. Stan dyskusji na temat kultury wielbarskiej* (pp. 293–342). Gdańsk: Muzeum Archeologiczne w Gdańsku. (Rus.).
- Gopkalo O.V. (2008). *Beads and pendants of Chernyakhov cultures*. Kiev: Institute of Archeology of NAS of Ukraine. (Rus.).
- Dryakhlov V.N. (1999). *In the sacred groves of Odin*. Kirov: The Vyatka Word. (Rus.).
- Kulakov V.I. (2004). *Dollkaym-Kovrovo. Research 1879*. Minsk: Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus. (Rus.).
- Kulakov V.I. (2014). Hünenberg — Mountain of Giants. Burial ground of the 3rd–4th centuries in the north of Sambia. In: *Barbaricum*, 10 (pp. 199–367). Warszawa: Drukarnia Janusz Bieszczad. (Rus.).
- Kulakov V.I. (2016). *Treasures of the Amber Region: Indicators of foreign cultural influences on the antiquities of Sambia and Natangia in the I–IV centuries AD*. Kaliningrad: The Kaliningrad Book. (Rus.).
- Medvedev A.M. (2009). To the question of the origin and chronology of jewelry of the Era of the Great Migration of Nations: (Brooches such as Vilkanzy). In: *Materyaly pa archeologii Belarus*, 17 (pp. 63–77). Minsk: Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus. (Rus.).
- Schukin M.B. (2005). *Gothic Way*. St. Petersburg: St. Petersburg State University. (Rus.).

В.И. Кулаков, <https://orcid.org/0000-0001-7482-5070>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 21.10.2019

Accepted: 19.12.2019

Article is published: 02.03.2020

Н.Н. Серегин *, С.М. Фокин **, Т.А. Ключников ***

* Алтайский государственный университет
просп. Ленина, 61, Барнаул, 656049

** Красноярский краевой краеведческий музей
ул. Дубровинского, 84, Красноярск, 660049

*** Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова
ул. Ленина, 60, Минусинск, 662610
E-mail: nikolay-seregin@mail.ru; smf.kkkm@mail.ru;
timokher@mail.ru

РАННИЕ ПЛАСТИНЧАТЫЕ СТРЕМЕНА ИЗ ПАМЯТНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И СЕВЕРНОЙ АЗИИ: НОВЫЕ НАХОДКИ И ВОЗМОЖНОСТИ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИЗДЕЛИЙ

Вводятся в научный оборот два изделия — неопубликованные ранние пластинчатые стремена из коллекций Красноярского краевого краеведческого музея и Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова. В рамках интерпретации изделий привлечены сведения о всех известных находках данной группы из памятников Центральной и Северной Азии. Установлено, что хронология подобных стремян определяется второй половиной V — началом VII в. н.э. Публикуемые предметы предварительно связаны с комплексами таштыкской культуры.

Ключевые слова: *стремена, музейные коллекции, раннее средневековье, Центральная Азия, Северная Азия, таштыкская культура, хронология, тюрки.*

Введение

Актуальным направлением археологических исследований остается изучение музейных коллекций, включающих значительный массив не введенных в научный оборот предметов. В рамках таких изысканий особое внимание привлекают яркие находки, позволяющие не только рассматривать частные аспекты распространения конкретных типов изделий, но также обращаться к дискуссионным вопросам реконструкции историко-культурных процессов на конкретных территориях. Безусловно, к такого рода предметам относятся плоские пластинчатые стремена с Т-образной подножкой, представляющие собой новацию в материальной культуре населения Центральной и Северной Азии середины I тыс. н.э. В настоящей статье публикуются два подобных изделия, находящиеся в собраниях Красноярского краевого краеведческого музея (г. Красноярск) и Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова (г. Минусинск). Учитывая показательный характер стремян, представляем опыт культурно-хронологической интерпретации предметов данного типа из комплексов обширного региона.

Характеристика предметов из музейных коллекций

Первое из публикуемых стремян (рис. 1, 2) происходит из собрания Красноярского краевого краеведческого музея. Изделие числится под номером О/Ф 131/432. Информации об обстоятельствах и контексте обнаружения предмета практически нет. Известно только, что данная находка происходит из частной коллекции В.А. Данилова, переданной в фонды музея в 1920 г. Судя по имеющимся сведениям, стремя найдено в районе с. Аскиз, административно относившегося тогда к Минусинскому уезду.

Рассматриваемое изделие относится к группе плоских пластинчатых стремян с Т-образной подножкой. Находка характеризуется высокой степенью сохранности. Коррозия практически отсутствует и более напоминает патину. Состояние стремени позволяет предположить, что изделие испытало воздействие огня. Лицевая сторона предмета практически полностью (за исключением верхней части ушка-пластины и нервюры) покрыта орнаментом в виде рядов из вдавленных или выбитых линий, образующих треугольники. Данный рисунок помещен в некое подобие орнаментального поля, ограниченного с обеих сторон сплошной линией. Обратная сторона стремени не орнаментирована.

Ранние пластинчатые стремена из памятников Центральной и Северной Азии...

Приведем технические характеристики находки. Общие размеры предмета: высота — 18,5 см, наибольшая ширина — 15,1 см, толщина — от 0,2 см (верхняя часть пластины) до 0,45 см (нервюра). Ушко стремени пластинчатое, довольно длинное: высота — 5,5 см, ширина шейки — 2,2 см. Оно имеет выделенную «головку» подтрапецевидной формы размерами 3,8×2,8 см. В основании «головки» пробито отверстие для стременного ремня шириной от 1,4 до 2 см и высотой 1,2 см; верхняя сторона отверстия закруглена. Ширина дужек — 1,5–1,6 см. Стремя имеет плоскую прямую подножку, которая оформлена только на части длины нервюры. Ширина подножки — до 1,25 см, толщина — до 0,15 см. Нервюра, высотой до 1 см, представляет собой продолжение дужек. Стремя имеет общую округлую форму, образуемую дужками. Размеры проема: высота — 10,6 см, ширина — 12 см.

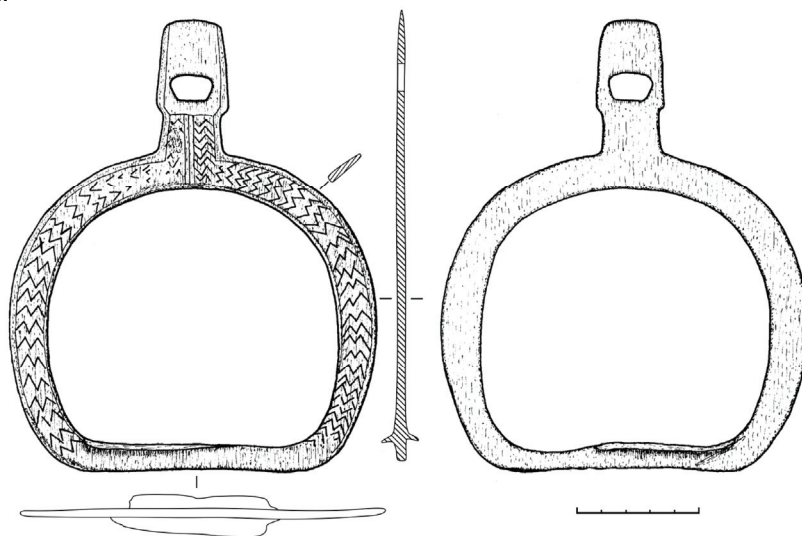

Рис. 1. Стремя из собрания Красноярского краевого краеведческого музея. Рисунок С.М. Фокина.
Fig. 1. Stirrup from the collection of the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore. Figure by S.M. Fokin.

Рис. 2. Стремя из собрания Красноярского краевого краеведческого музея. Фото С.М. Фокина.
Fig. 2. Stirrup from the collection of the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore. Photo by S.M. Fokin.

Второе публикуемое стремя (рис. 3, 4) находится в собрании Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова и числится под номером АЖ-6452. Так же как и для описанного выше изделия, сведения об обстоятельствах и контексте обнаружения весьма фрагментарны. Судя по имеющейся информации, случайная находка поступила в музей до 1917 г. и происходит из Минусинского уезда. Представим описание данного стремени.

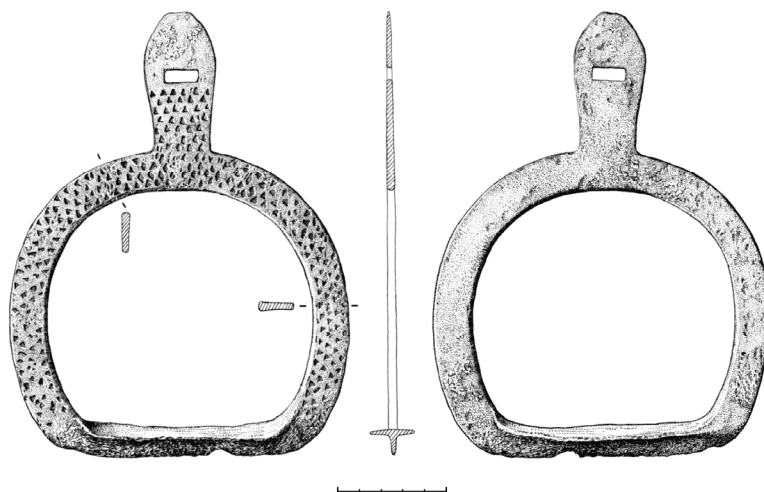

Рис. 3. Стремя из собрания Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартянова. Рисунок А.Л. Кунгурова.
Fig. 3. A stirrup from the collection of the Minusinsk Regional Museum of N.M. Martianov. Figure by A.L. Kungurov.

Рис. 4. Стремя из собрания Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартянова. Фото Т.А. Ключникова.
Fig. 4. Stirrup from the collection of the Minusinsk Regional Museum of N.M. Martianov. Photo by T.A. Klyuchnikov.

Изделие относится к группе плоских пластинчатых стремян с Т-образной подножкой. Находка характеризуется высокой степенью сохранности. Коррозия практически отсутствует. Лицевая сторона предмета почти полностью (за исключением верхней части ушка-пластины и нервюры) покрыта орнаментом в виде рядов из вдавленных или выбитых треугольников. Отличие от стремени из Красноярского краеведческого музея заключается в том, что орнамент образован не линиями, а цельными фигурами. Обратная сторона изделия не орнаментирована.

Технические характеристики находки следующие. Общие размеры предмета: высота — 20,1 см, наибольшая ширина — 15 см, толщина — от 0,2 см (верхняя часть пластины) до 0,4 см (нижняя часть изделия у подножки). Ушко стремени пластинчатое, довольно длинное: высота — 6,5 см, ширина шейки — 2,5 см. «Головка» предмета практически не выделена, сужается в верхней части и имеет закругленное окончание. Ее условные размеры: высота — 4,3 см, максимальная ширина — 3,4 см. В нижней части «головки» пробито отверстие для стремянного ремня шириной от 1,5 см и высотой 0,5 см. Ширина дужек — 1,5–1,7 см. Стремя имеет плоскую прямую подножку, которая оформлена по всей длине нервюры. Ширина подножки — до 2 см, толщина — до 0,2 см. Нервюра, высотой до 1 см, представляет собой продолжение дужек. Стремя имеет общую округлую форму, образуемую дужками. Размеры проема: высота — 10,9 см, ширина — 11,9 см.

Возможности культурно-хронологической интерпретации представленных стремян из музейных коллекций связаны с анализом аналогичных предметов из археологических комплексов центрально- и североазиатского региона.

Особенности распространения ранних пластинчатых стремян

Публикуемые находки расширяют корпус сведений о плоских пластинчатых стремях с Т-образной подножкой. Происхождение подобных изделий связывается исследователями с сяньбийскими племенами Северного Китая и относится к IV в. н.э. [Комиссаров, 2006; Комиссаров, Худяков, 2007]. Именно из этого центра распространялись такие предметы, ставшие одной из наиболее ярких новаций в материальной культуре кочевников в середине I тыс. н.э.

В результате археологических исследований в Центральной и Северной Азии получена довольно представительная серия плоских пластинчатых стремян с Т-образной подножкой, насчитывающая не менее 30 изделий (рис. 5). Значительную часть этой коллекции (около 20 экз.) составляют случайные находки и предметы из разрушенных объектов, и только 11 стремян зафиксированы в закрытых комплексах.

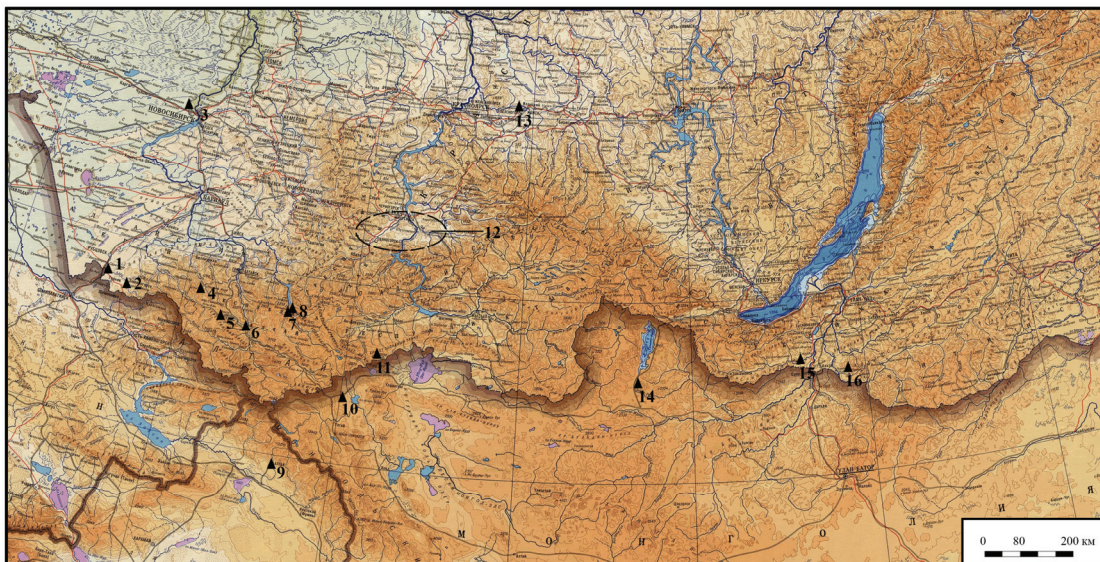

Рис. 5. Карта распространения плоских пластинчатых стремян с Т-образной подножкой на территории Центральной и Северной Азии:

- 1 — случайная находка у с. Локоть; 2 — случайная находка у с. Староалейское; 3 — Крохалевка-23 (два изделия); 4 — случайная находка у с. Каракол; 5 — Кара-Коба-1 (три изделия); 6 — Усть-Карасу (два изделия); 7 — Кок-Паш; 8 — Кудыргэ (два изделия); 9 — находки из музея округа Алтай (два изделия); 10 — Бургастын-гол; 11 — Улуг-Хорум (два изделия); 12 — серия случайных находок, в том числе стремяна из музейных коллекций (не менее четырех изделий); 13 — клад у с. Филимоново (два изделия); 14 — Худгийн Халзан; 15 — случайная находка на р. Джиде; 16 — случайные находки у с. Усть-Тамир (два изделия).

Fig. 5. Distribution map of flat plate-shaped stirrups with a T-shaped footboard in Central and North Asia:

- 1 — accidental find near the Lokot village; 2 — accidental find near the Staroaleiskoe village; 3 — Krohalevka-23 (two products); 4 — accidental find near the Karakol village; 5 — Kara-Koba-1 (three products); 6 — Ust-Karasu (two products); 7 — Kok-Pash; 8 — Kudyrga (two products); 9 — finds from the Altai County Museum (two products); 10 — Burgastyn gol; 11 — Ulug-Khorum (two products); 12 — a series of accidental finds, including stirrups from museum collections (at least four products); 13 — treasure at the Filimonovo village (two products); 14 — Khudgyn Halzan; 15 — accidental find on the Jida river; 16 — accidental finds near Ust-Tamir village (two products).

В настоящее время отсутствует единая разработанная типология ранних пластинчатых стремян, что объясняется как сравнительно небольшим количеством известных находок, так и оригинальностью оформления предметов. Вместе с тем даже поверхностный анализ материалов позволяет выделить направления эволюции предметов данного типа. Имеются основания предполагать, что наиболее ранние находки характеризуются невыделенной шейкой; шейка отмечается на более поздних образцах и затем оформляется более четко. Верхняя хронологическая граница бытования предметов определяется распространением традиции изготовления дужек пластинчатых стремян из прута округлого сечения. При этом в качестве архаичного признака отдельных подобных изделий фиксируется Т-образная подножка [Спришевский, 1951, рис. 3-2; Табалдиев, 1996, рис. 13; Худяков, Табалдиев, 2009, рис. 66]. Относительным хронологическим признаком можно считать количество стремян в одном комплексе. В большинстве случаев ранние изделия являются одиночными, что, очевидно, отражает особенности их первоначального использования как приспособления для посадки на лошадь (подножки). Редкие примеры обнаруже-

ния парных предметов демонстрируют эволюцию традиции применения стремян. В целом период распространения ранних пластинчатых стремян с Т-образной подножкой у населения Центральной и Северной Азии следует ограничить второй половиной V — началом VII в. н.э.

С точки зрения изучения контекста обнаружения плоских пластинчатых стремян наиболее показательными являются памятники Алтая. В предгорной и горной частях данного региона обнаружено 14 таких изделий, причем 9 происходят из непотревоженных объектов. Семь стремян найдены в ходе раскопок тюркских «поминальных» комплексов Кара-Коба-I (оградки 86-I–III) [Могильников, 1994, рис. 13-2, 3; 14-2], Усть-Карасу (объект № 1) [Бобров и др., 2003, рис. 53-8] (рис. 6, 1, 2), Кок-Паш (оградка А-1) [Васютин А.С., 1985, рис. 1-13] (рис. 6-3), а также оградки из частично опубликованного памятника в Монгольском Алтае (р. Бургастын-гол) [Төрбат и др., 2016, рис. 3]. Зафиксированные конструкции, а также облик других обнаруженных предметов указывают на датировку этих объектов в рамках второй половины V — первой половины VI в. н.э. Еще два плоских пластинчатых стремени найдены в могиле 7 некрополя Кудыргэ [Гаврилова, 1965, с. 23]. В монографии, посвященной введению в научный оборот материалов данного комплекса, представлено одно из этих изделий [Там же, табл. XIV-7]; второе, насколько нам известно, ранее не публиковалось (рис. 6, 4). Датировка раннесредневековых объектов обозначенного могильника может быть определена в рамках последней четверти VI — первой половины VII в. Западную границу распространения подобных стремян в рассматриваемом регионе маркируют три случайные находки [Шульга, Горбунов, 1998, с. 101; Гричан, Плотников, 1999, с. 77; Тишкин и др., 2018, рис. 2] (рис. 7, 1, 2). Кроме того, два изделия, контекст обнаружения которых не известен, находятся в музее округа Алтай Синецзян-Уйгурского автономного района (рис. 7, 3).

Рис. 6. Ранние пластинчатые стремени из памятников Алтая:

1, 2 — Усть-Карасу (объект № 1); 3 — Кок-Паш (оградка А-1); 4 — Кудыргэ, могила 7. Фото Н.Н. Серегина.

Fig. 6. Early plate stirrups from the Altai sites:

1, 2 — Ust-Karasu (object № 1); 3 — Kok-Pash (enclosure A-1); 4 — Kudyрге, grave 7. Photographs by N.N. Seregin.

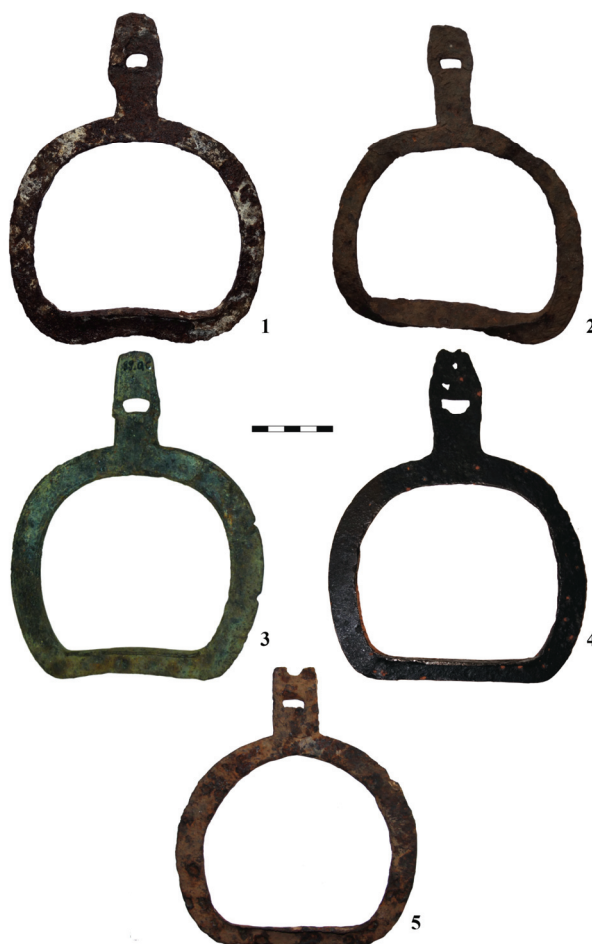

Рис. 7. Ранние пластинчатые стремена из памятников Алтайского края, Синьцзяна, Монголии и Забайкалья:
1 — случайная находка у с. Локоть (Алтайский край); 2 — случайная находка у с. Староалейское (Алтайский край);
3 — стремя из музея округа Алтай (Синьцзян); 4 — стремя из экспозиции музея БНЦ СО РАН;
5 — разрушенное погребение Худгийн Халзан. Фото Н.Н. Серегина.

Fig. 7. Early plate stirrups from the sites of the Altai Territory, Xinjiang, Mongolia and Transbaikalia:
1 — accidental find near the Lokot village (Altai Territory); 2 — accidental find near the Staroaleyskoe village (Altai Territory);
3 — stirrup from the museum of the Altai County Museum (Xinjiang); 4 — stirrup from the museum of the BSC SB RAS;
5 — the destroyed burial of Khudgyn Khalzan. Photographs by N.N. Seregin.

Единственной находкой плоских пластинчатых стремян на территории Тувы являются изделия из впускного погребения Улуг-Хорум [Грач, 1982, рис. 2-6, 7]. Данный комплекс, несмотря на известную специфику зафиксированного обряда захоронения (прежде всего нетипичное расположение лошади), очевидно, может рассматриваться как наиболее раннее свидетельство проникновения тюрок в обозначенный регион. Отсутствие традиции захоронения с конем в данном регионе в хуннско-сяньбийское время дает основание предположить, что впускное погребение Улуг-Хорум демонстрирует распространение тюрок Алтая в рамках военных кампаний Первого каганата. Особенности реализованного обряда, очевидно, говорят о сохранении в среде раннесредневековых кочевников традиций отдельных групп населения булан-кобинской культуры. Подобная ситуация получила более полное отражение в материалах раскопок некрополей тюрок Минусинской котловины [Серегин, Матренин, 2016, с. 174–182].

Вероятно, с другим импульсом было связано появление ранних пластинчатых стремян в восточной области их распространения — Забайкалье и Северной Монголии. В настоящее время на обозначенной территории известны по меньшей мере четыре подобных изделия, три из которых представляют собой случайные находки [Дашибалов, 2006, с. 136, рис. 1, 2] (рис. 7, 4), и еще одно происходит из разрушенного погребения Худгийн Халзан [Цэвэндорж и др., 2003, т. 28] (рис. 7, 5). Последнее монгольские исследователи связывают с жужанями [Эрэгзэн, Иш-

цэрэн, 2014]. Учитывая ограниченные возможности интерпретации имеющихся фрагментарных сведений о комплексах предтюркского времени Монголии и памятниках середины I тыс. н.э. в Забайкалье, предварительно предположим, что рассматриваемые находки могут быть связаны с позднесяньбийскими группами населения.

Не менее проблематична интерпретация серии ранних пластинчатых стремян, происходящих с территории Минусинской котловины и Красноярского края и включающих публикуемые изделия из музейных собраний. Прежде всего необходимо отметить, что практически все предметы представляют собой случайные находки. В одном случае парные изделия обнаружены в составе клада или разрушенного погребения, культурная идентификация которого также не однозначна [Худяков, Филиппович, 2017, рис. 4-2, 3]. Учитывая общую хронологию стремян в рамках второй половины V — начала VII в., можно связать их либо с поздними комплексами таштыкской культуры, либо с ранними тюрками. Появление последних на территории Минусинской котловины произошло в середине — второй половине VI в. [Серегин, 2014]. При этом в немногочисленных погребениях тюрков Среднего Енисея плоских пластинчатых стремян не обнаружено. В захоронениях таштыкской культуры они также не зафиксированы, однако выявлены единичные вотивные изделия, свидетельствующие, что обозначенная группа населения была знакома с подобными предметами [Тетерин, 2007, рис. 19-9]. Отсутствие стремян в погребениях может объясняться как обстоятельствами ритуального характера, так и редкостью стремян рассматриваемого типа. Поэтому можно предварительно предположить, что распространение ранних пластинчатых стремян в Минусинской котловине и на юге Красноярского края связано с населением таштыкской культуры, а появление обусловлено контактами с более южными территориями.

Заключение

Анализ серии плоских пластинчатых стремян с Т-образной подножкой из памятников Центральной и Северной Азии показывает, что бытование таких изделий у населения обширного региона относится ко второй половине V — началу VII в. н.э. Именно в этих рамках следует датировать публикуемые предметы из музейных коллекций. Учитывая случайный характер находок и практически полное отсутствие информации о контексте их обнаружения, стремяна предварительно можно включить в круг комплексов таштыкской культуры. Возможно, распространение ранних пластинчатых стремян в материальной культуре кочевников Центральной и Северной Азии было связано с различными группами населения. Дальнейшее увеличение материалов, прежде всего за счет проведения полевых исследований на территории Монголии и Северо-Западного Китая (Синьцзяна), будет способствовать более обстоятельной культурно-хронологической интерпретации рассматриваемой группы изделий.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства культуры, образования, науки и спорта Монголии в рамках научного проекта № 19-59-44013.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.
- Васютин А.С. О хронологии и этнической принадлежности раннекудыргинского комплекса археологических памятников // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1985. С. 73–79.
- Гаверилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Грач В.А. Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 156–168.
- Гричан Ю.В., Плотников Ю.А. Архаичное стремя из Горного Алтая // Евразия: Культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 2. С. 76–77.
- Дашибалов Б.Б. Ранние стремяна из Забайкалья: К вопросу о связях хори-монголов (сяньби) и корейцев // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 3: Археология и этнография. С. 136–140.
- Комиссаров С.А. Распространение стремян (в контексте межэтнических контактов) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 4: Востоковедение. С. 20–23.
- Комиссаров С.А., Худяков Ю.С. Еще раз о происхождении стремян: Сяньбийский фактор // История и культура улуса Джучи. Казань: Фэн, 2007. С. 246–266.
- Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 94–116.
- Серегин Н.Н. Специфика формирования «минусинского» локального варианта культуры раннесредневековых тюрков: Опыт реконструкции // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2014. Т. 13. № 5. С. 177–185.

Ранние пластинчатые стремена из памятников Центральной и Северной Азии...

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. — XI в. н.э. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2016. 272 с.

Спришевский В.И. Погребение с конем середины I тыс. н.э., обнаруженное около обсерватории Улугбека // Труды Музея истории народов Узбекистана. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1951. Вып. 1. С. 33–42.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. 256 с.

Тетерин Ю.В. Таштыкские склепы могильника Маркелов Мыс-I на севере Хакаско-Минусинского края // Таштыкские памятники Хакаско-Минусинского края. Новосибирск: Хакас. ун-т: Новосиб. ун-т, 2007. С. 62–88.

Тишкин А.А., Семибратов В.П., Ситников С.М. Вторая находка раннего железного стремени в Алейской степи (северо-западные предгорья Алтая) // Теория и практика археологических исследований. 2018. № 2. С. 138–145.

Төрбат Ц., Баярхүү Н., Лелец С., Бернард В. «Монгол Алтайн түрүү ба түүхэн үеийн оршин суугчдын цогц судалгаа» төслийн хээрийн шинжилгээний товч үр дүн // Монголын археологи-2015. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн Түүх, 2016. Т. 172–176.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние турки на Тянь-Шане. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 293 с.

Худяков Ю.С., Филиппович Ю.А. Средневековый панцирь из Южной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 1. С. 104–111.

Цэвэндорж Д., Цэрэндагва Я., Эрдэнэ-Очир Н. Санамсаргуй хондогдсон нэгэн булшны тухай // Туухийн сэтгүүл. 2003. Т. IV. Ф. 2. Т. 23–28.

Шульга П.И., Горбунов В.В. Стремя раннего типа из Алейской степи // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 99–101.

Эрэгзэн Г., Ишцэрэн Л. Худгийн халзангийн олдворын холбогдох он цаг ба Жужаны археологийн дурсгалын судалгааны асуудалд // Археологийн судлал. 2014. Б. XXXIV. Д. 1–31. С. 264–276.

N.N. Seregin *, S.M. Fokin **, T.A. Klyuchnikov ***

* Altai State University

prosp. Lenina, 61, Barnaul, 656049, Russian Federation

** Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore

Dubrovinsky st., 84, Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation

*** Minusinsk regional Museum of N.M. Martyanov

Lenina st., 60, Minusinsk, 662610, Russian Federation

E-mail: nikolay-seregin@mail.ru; smf.kkkm@mail.ru; timokher@mail.ru

Early plate stirrups from the sites of Central and North Asia: new finds and possibilities of cultural-chronological interpretation of products

The article presents two previously unknown stirrups from the collections of the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore and the Minusinsk Regional Museum of N.M. Martyanov. These items are accidental finds discovered in the pre-revolutionary period in the territory of the Minusinsk District. Both stirrups belong to the rare group of flat plate stirrups having a T-shaped footplate. The front side of these items is almost completely covered with an ornament in the form of triangles. In this study, we analysed information on all known early plate stirrups from the sites of Central and North Asia. The number of finds amounted to more than 30 items. While a significant part of this collection (about 20 items) is made up of accidental finds and objects from destroyed sites, only 11 stirrups are recorded in closed complexes. The analysis of available materials helps identify key typological features of items demonstrating the evolution of the morphological characteristics of objects, as well as the traditions of their use. It has been established that flat plate stirrups existed in Central and North Asia in the second half of the 5th — beginning of the 7th centuries AD. The distribution analysis of finds in archaeological complexes suggests that early plate stirrups are associated with various population groups of nomads from Central and North Asia. These stirrups from museum collections can be preliminarily associated with the material culture of Tashtyk population. It is likely that the appearance of such items in the territory of the Minusinsk Hollow is due to contacts with more southern territories. A further increase in materials, primarily due to field research in Mongolia and Northwest China (Xinjiang), will contribute to a more thorough cultural and chronological interpretation of early plate stirrups.

Key words: stirrups, museum collections, Early Middle Ages, Central Asia, North Asia, Tashtyk culture, chronology, Turks.

Funding. The reported study was funded by RFBR and MCESSM according to the research project № 19-59-44013.

REFERENCES

Bobrov V.V., Vasiutin A.S., Vasiutin S.A. (2003). *Eastern Altai in Great Migration Period*. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).

Dashibalov B.B. (2006). Early stirrups from Transbaikalia: on the relationship between the Khori-Mongols (syani) and Koreans. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya, filologiya*, (3), 136–140. (Rus.).

Eregzen G., Ishteren L. (2014). The results of the study of the archaeological complex of the Rouran time Khudgyn Khalzan. *Arkheologiiin sudlal*, (34), 264–276. (Mong.).

- Gavrilova A.A. (1965). *Kudyrge burial ground as a source on the history of Altai tribes*. Moscow; Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Grach V.A. (1982). Medieval inlet burials from the mound-temple of Ulug-Khorum in South Tuva. In: *Arkheologiya Severnoi Azii* (pp. 156–168). Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Grichan Iu.V., Plotnikov Iu.A. (1999). Archaic stirrup from the Altai Mountains. In: *Evrasiia: Kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsii* (pp. 76–77). Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi universitet. (Rus.).
- Komissarov S.A. (2006). The spread of stirrups (in the context of interethnic contacts). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istorii, filologiya*, (4), 20–23. (Rus.).
- Komissarov S.A., Khudiakov Iu.S. (2007). Once again about the origin of the stirrups: The Syanbi factor. In: *Istorii i kul'tura ulusa Dzhuchi* (pp. 246–266). Kazan': Fen. (Rus.).
- Mogil'nikov V.A. (1994). Cult annular enclosures and mounds of Kara-Koby-I. In: *Arkheologicheskie i fol'klornye istochniki po istorii Altaia* (pp. 94–116). Gorno-Altai: GANIILAL. (Rus.).
- Seregin N.N. (2014). The specifics of the formation of the «Minusinsk» local version of the culture of Early Medieval Turks: The experience of reconstruction. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istorii, filologiya*, (5), 177–185. (Rus.).
- Seregin N.N., Matrenin S.S. (2016). *Funeral rite of Altai nomads in the 2nd century BC — 11th century AD*. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet. (Rus.).
- Sprisheskii V.I. (1951). A burial with a horse from the middle of the 1st millennium AD discovered near the Ulugbek Observatory. In: *Trudy Muzeia istorii narodov Uzbekistana* (pp. 33–42). Tashkent: Akademia nauk UZSSR. (Rus.).
- Tabaldiev K.Sh. (1996). *Mounds of the Medieval nomadic tribes of Tien Shan*. Bishkek: Aibek. (Rus.).
- Teterin Iu.V. (2007). Tashtyk crypts of the cemetery Markelov Mys-I in the north of the Khakass-Minusinsk Territory. In: *Tashtyckskie pamiatniki Khakassko-Minusinskogo kraia* (pp. 62–88). Novosibirsk: Khakasskii gosudarstvennyi universitet: Novosibirskii gosudarstvennyi universitet. (Rus.).
- Tishkin A.A., Semibratov V.P., Sitnikov S.M. (2018). The second find of the early iron stirrup in the Alei steppe (northwestern foothills of Altai). *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, (2), 138–145. (Rus.).
- Terbat Ts., Baiarkhyi N., Lepets S., Bernard V. (2016). Summary of the fieldwork of the project «The Comprehensive Survey of the Early and Last Generation of Mongol Altai». *Mongolyn arkheologi-2015*. Ulaanbaatar: Akademiiya nauk. (Mong.).
- Khudiakov Iu.S., Tabaldiev K.Sh. (2009). *Ancient Türks in the Tien Shan*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. (Rus.).
- Khudiakov Iu.S., Filippovich Iu.A. (2017). Medieval armour from the South Siberia. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, (1), 104–111. (Rus.).
- Tsevendorzh D., Tserendagva Ia, Erdene-Ochir N. (2003). The publication of one destroyed burial. *Tuukhiin setguul*, (2), 23–28. (Mong.).
- Shul'ga P.I., Gorbunov V.V. (1998). An early type stirrup from the Alei steppe. In: *Snariazhenie verkhovogo konia na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekov'e* (pp. 99–101). Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet. (Rus.).
- Vasiutin A.S. (1985). On the chronology and ethnicity of the early Kudyrinsky complex of archaeological sites. In: *Arkheologiya luzhnoi Sibiri* (pp. 73–79). Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet. (Rus.).

Н.Н. Серегин, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

С.М. Фокин, <https://orcid.org/0000-0002-1697-5174>

Т.А. Ключников, <https://orcid.org/0000-0002-3519-1287>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 29.09.2019

Accepted: 19.12.2019

Article is published: 02.03.2020

Н.П. Матвеева, Е.А. Третьяков, А.С. Зеленков

Тюменский государственный университет
ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003
E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru;
gor-tom@mail.ru;
qvimen@hotmail.com

ХРОНОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ВЕЩЕВОГО КОМПЛЕКСА ПАПСКОГО ГОРОДИЩА (ЛЕСОСТЕПЬ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

Характеризуется материальная культура Папского городища. При хронологизации комплекса в рамках развитого средневековья прослежены две фазы, соотносимые с периодом бытования юдинской и чияликской (макушинской) культур: 1) конец IX — XII в.; 2) конец XII — начало XIV в. На основании аналогов вещам импортного происхождения сделан вывод, что территория Зауралья находилась на периферии крупных экономических центров, расположенных в Центральной Азии, Поволжье и Верхнем Прикамье.

Ключевые слова: Зауралье, эпоха средневековья, материальная культура, хронология, юдинская культура, чияликская культура.

Введение

Динамика историко-культурных событий в евразийской степи повлекла за собой этнокультурные изменения в лесостепи Западной Сибири. Следы влияния представителей Кимако-кыпчакского объединения и Волжской Булгарии, находившихся на «перекрестке» торговых путей Востока и Запада, фиксируются в обрядах и материальной культуре аборигенов Западной Сибири, что демонстрируют комплексы юдинской и чияликской (макушинской) культур, которые содержат, помимо инвентаря местного производства, большое количество вещей импортного происхождения.

История изучения эпохи развитого средневековья лесостепного и подтаежного Зауралья прежде всего связана с выделением памятников юдинской культуры, существовавших в рамках X–XIII вв. [Викторова, 2008, с. 135]. В конце 60-х гг. XX в. В.Д. Викторова были изучены Макушинский и Мысовской курганные могильники, которые автор датировала XII–XIV вв. [1964, с. 247]. Позднее на основании данных некрополей был выделен так называемый макушинский тип памятников, которые, по мнению В.А. Могильникова, сформировались на основе юдинской культуры под влиянием тюркских племен [1987, с. 177]. В.Д. Викторова в памятниках макушинского типа видела черты, родственные носителям чияликской культуры Северной Башкирии и Восточной Татари [Викторова и др., 1993, с. 189]. Позже Г.Н. Гарустович предлагал объединить памятники макушинского типа и чияликские древности в чияликскую культуру (X–XV вв.) [2015, с. 181].

Таким образом, при определении роли населения Притоболья во взаимодействиях с населением сопредельных территорий необходимым условием является уточнение места происхождения вещевых комплексов памятников развитого средневековья, а также их детальная хронология. Новым источником для решения данной проблемы является городище Папское. Этот памятник отличается от большинства поселений Притоболья насыщенным культурным слоем с вещевым комплексом, позволяющим датировать отдельные сооружения и артефакты относительно узкими временными рамками в соответствии с прямыми аналогами с сопредельных территорий.

Источники

Впервые рассматриваемое городище было описано священником Шадринского уезда Тимофеем Успенским еще в середине XIX в. С этого же времени в периодической печати в статьях А.Н. Зырянова оно фигурирует под названиями «Малое Мехонское» и «Папий Городок» [Виноградов, 1993, с. 336]. В начале XX в. Ю.П. Аргентовским был составлен первый инструментальный план памятника. В конце 50-х гг. К.В. Сальниковым на основании материала, полученного из шурфов, городище «Папское» было датировано X–XIII вв. [Виноградов, 1993, с. 88–89]. В 2017 г. Е.А. Третьяковым в ходе разведочных работ была обнаружена керамика бакальского типа, что подтвердило средневековую датировку памятника [Третьяков, 2018]. В полевом сезоне 2018 г. городище исследовалось экспедицией ТюмГУ под руководством Н.П. Матвеевой.

Папское городище (Малое Мехонское, Папий Городок) расположено на правом берегу р. Исети близ д. Мурзиной. Памятник представляет собой двухплощадное городище площадью около 5000 м², расположенное на узком 20-метровом мысу коренной террасы правого берега, ограниченном глубокими оврагами. Раскопом (96 м²) исследована часть вала и жилой площадки цитадели, в общей сложности в ходе работ были изучены девять разновременных сооружений эпохи раннего железного века и средневековья, часть оборонительной линии, а также получены материалы VII в до н.э. — XIV в. н.э., относящиеся к баитовской, кашинской, саргатской, бакальской, кушнаренковской, петрогромской, юдинской и чияликской (макушинской) культурам. Нижележащие горизонты (от баитовского до петрогромского) представлены в основном обломками или развалами сосудов соответствующего типа. Представительные находки инвентаря относятся к поздним периодам функционирования поселения и связаны с комплексами керамики юдинского и чияликского типов, в частности, из заполнения сооружения 2, оборонительной линии и ям. Их мы и рассматриваем.

Железные черешковые наконечники стрел

Отдел. Плоские

Тип 1. Асимметрично-ромбические с упором (по Ю.С. Худякову) [1986, с. 146], срезни в виде лопаточки (по А.И. Соловьеву) [1987, с. 42]. Найдено 4 шт. (рис. 1, 2, 4, 6, 10). Подобные были распространены на территории Монголии и Минусинской котловины в VIII–X вв. [Худяков, 1986, с. 146]. В Приобье и Притомье фиксируются в памятниках IX–X вв. [Там же, с. 189]. На территории лесного и горного Алтая они появляются ко второй половине X в. и бытуют до XIV в. [Горбунов, 2006, с. 37, 226–227]. По материалам Западной Сибири А.И. Соловьев датировал данный тип наконечников XIII–XVIII вв., связывая их с монголами [Соловьев, 1987, с. 189; Малиновский, 2002, с. 128]. Европейские аналоги этому типу демонстрируют более «позднюю» датировку. Как отмечал А.Ф. Медведев, на территории Восточной Европы данный тип наконечников (тип 67) появляется только в XIII в., в монгольский период, и бытует до XIV в. [Медведев, 1966, с. 53–54]. К.А. Руденко, проанализировав материалы Волжской Булгарии, пришел к выводу, что данный тип (разновидности A27, A27a, B52, B52a) наконечников относительно поздний, и датировал его концом XII — XIV в. [2003, с. 83–84, 103]. На территории лесостепного и южно-таежного Тоболо-Ишимья указанный тип наконечников широко представлен в памятниках юдинской культуры IX–XIII вв. В частности, аналогичные наконечники обнаружены на святилище Песьянка-1; могильниках Медный Борок [Матвеева и др., 2017, рис. 9, 9] и городище Черепаниха 2 [Чикунова и др., 2012, рис. 4, 8]. Таким образом, данный тип наконечников появляется в Притоболье в X–XI вв., вероятнее всего, с территории Южной Сибири и Центральной Азии.

Тип 2. С тупым острием, покатыми плечиками и упором «томары» (по Ю.С. Худякову) [1986, с. 146]. Этот же тип именуется «долотовидные срезни» (по А.И. Соловьеву тип 40) [1987, с. 43]. Обнаружено 2 шт. (рис. 1, 5, 8). На Алтае и в Монголии подобный тип наконечников появляется в древнетюркскую эпоху в VIII–IX вв. [Худяков, 1986, с. 146]. По материалам Западной Сибири А.И. Соловьев датировал появление рассматриваемых наконечников началом II тыс. [1987, с. 42]. В Восточной Европе подобные «долотовидные» срезни (тип 100 по А.Ф. Медведеву) появляются в середине XI в. и распространены до XIII в. [Медведев, 1966, с. 53–54]. Аналогичный тип (разновидности B5, B5a) наконечников обнаружен на памятниках Волжской Булгарии, Вак-Кур в Притоболье IX–XI вв. [Адамов и др., 2017]. Таким образом, данный тип наконечников появляется в Притоболье не ранее X–XI вв., вероятнее всего, с территории Южной Сибири, Центральной Азии и Алтая.

Тип 3. Удлиненно-ромбические с остроугольным острием, покатыми плечиками и с упором (по Ю.С. Худякову) [1986, с. 146], соответствует типу 24 «узкие ромбовидные с упором» по А.И. Соловьеву [1987, с. 40]. Данный тип широко распространен на территории Западной Сибири, датируется концом первой половины II тыс. [Там же, с. 40]. Кроме того, они характерны для средневековых памятников европейской части России, маркируя период X–XIV вв. [Медведев, 1966, с. 53–47]. По материалам Билярского городища данный тип (B42в) датируется XI–XII вв. [Руденко, 2003, с. 99]. На территории Притоболья зафиксирован в единственном экземпляре в материалах Папского городища (рис. 1, 11). Таким образом, можно сделать вывод, что на территории лесостепного Притоболья данный тип наконечников появляется не ранее XI в. и существует до XIV в. и позднее.

Тип 4. Удлиненно-ромбические (по Ю.С. Худякову) [1986, с. 147], узкие-ромбовидные (по А.И. Соловьеву) [1987, с. 40]. Найдено 1 экз. (рис. 1, 1). Данный тип встречен в памятниках Монголии IX–X вв. [Худяков, 1986, с. 147], широко представлен в комплексах Западной Сибири пер-

вой половины II тыс. [Соловьев, 1987, с. 40]. В памятниках Волжской Булгарии (тип Б45 по Руденко) распространен в слоях IX–XIV вв. [Руденко, 2003, с. 100; Медведев, 1966, с. 49]. В Зауралье аналогичный наконечник встречен в одном из погребений могильника Медный Борок (IX–XII вв.) [Матвеева и др., 2017, рис. 9, 8], по всей видимости, в Притоболье данный тип наконечников появляется не ранее конца IX в.

Рис. 1. Наконечники стрел (железо).
Fig. 1. The arrowheads (iron).

Тип 5. Боеголовковые с упором (с килевидной головкой) (по А.И. Соловьеву тип 16) [1987, с. 38]. По материалам Нижнего Приобья и южнотаежного Прииртышья датируется XI–XIII вв. [Там же]. На Руси данный тип наконечников был распространен в XII–XIII вв. [Медведев, 1966, с. 45]. Точные аналоги (с заточенными краями) обнаружены в Поволжье на памятниках Волжской Булгарии. По классификации К.А. Руденко относятся к типу Б50а и датируются XI–XIII вв. [2003, с. 102]. В Притоболье данный наконечник стрелы представлен в одном экземпляре (рис. 1, 3), но исходя из аналогов с сопредельных территорий может уверенно датироваться XI–XIII вв.

Тип 6. Секторные (по Ю.С. Худякову) [1986, с. 147] срезни или в виде узкой вытянутой лопаточки (по А.Ф. Медведеву) [1966, с. 54]. На городище обнаружен 1 экз. (рис. 1, 7). Единично встречается в памятниках Тувы IX–X вв. [Худяков, 1986, с. 147], в Поволжье часто фиксируется в комплексах XI–XIV вв. (тип А28 по К.А. Руденко). Такие наконечники стрел в древнерусских памятниках не наблюдались до Монгольского нашествия, а получают распространение только в XIII–XIV вв. [Медведев, 1966, с. 53–54]. В Притоболье аналогов неизвестно. Вероятно, в данном регионе подобные наконечники появляются не ранее X–XI вв.

Тип 7. Шестиугольные срезни. На городище зафиксирован 1 экз. (рис. 1, 9). Данный тип представлен единичными находками на территории Западной Сибири, датирован А.И. Соловьевым (тип 23) концом первой половины II тыс. [1987, с. 40]. Встречается на памятниках Горного

Алтая в монгольское время в XIII–XIV вв. [Горбунов, 2006, с. 228]. На территории Руси такие экземпляры также представлены в малом количестве, по А.Ф. Медведеву это тип 69, так называемые «джучидские срезни», датируются XIII–XIV вв. [1966, с. 45] и определяются как типичные для татаро-монголов; соответственно они попадают в Восточную Европу вследствие монгольских завоеваний. По материалам Волжской Булгарии данный тип (Б53а) датируется XIV в. [Руденко, 2003, с. 104]. В Притоболье подобный наконечник зафиксирован в одном из погребений Макушинского курганного могильника XII–XIV вв. [Викторова, 1964, с. 248]. Таким образом, данный тип наконечников стрел в Зауралье можно отнести к XIII–XIV вв.

Детали одежды и конской упряжи

Пряжки железные

Тип 1. Кованая пряжка сегментовидной формы рамчатая, найдена 1 шт. (рис. 2, 3). Шириной 6 см, овального сечения в задней части, подпрямоугольного в передней. Язычок дровотый квадратный в сечении, изогнут посередине, конец загнут. По классификации К.А. Руденко относятся к типу А2: большие подпружные [2001, с. 34]. По материалам Предкамья и Центрального Закамья датируются XI–XII вв. [Там же, с. 124]. Подобный тип пряжек встречен в погребениях Танкеевского могильника IX–X вв. [Казаков, 1992, рис. 58, 4], на памятниках Пермского Предкамья, в частности в погребениях Питер (Степаново Плотбище) могильника IX–XI вв. [Данич, 2018, рис. 3, 8]. Аналогичная пряжка зафиксирована в комплексах Лихачевского могильника (IX–X вв.) [Генинг, 1987, рис. 5, 4], а также в захоронениях XII–XIII вв. Пахомовского могильника [Генинг и др., 1969, табл. 63, 5; 64, 12] в Приишимье.

Тип 2. Кованая пряжка сегментовидной формы рамчатая. В комплексе зафиксирована в одном экземпляре (рис. 2, 2). Шириной 2,3 см, четырехгранная в сечении в задней и передней части. Язычок дровотый квадратный в сечении, прямой, конец не заходит за край рамки. По классификации К.А. Руденко такие изделия относятся к типу А2: малые для застегивания ремней оголовья конской упряжи [2001, с. 34]. По материалам Предкамья, Центрального и Западного Закамья датируются XII–XIII вв. [Там же, с. 124]. В Притоболье данный тип пряжек встречен впервые. Вероятно, подобные пряжки появляются в Зауральском регионе не раньше XII–XIII вв. и бытуют до этнографического времени.

Металлические подвески (медь, бронза?)

Дисковидные (с ушком для подвешивания), найдено 2 шт. (рис. 2, 4, 5). Диаметром 6,5 и 8,7 см. Вероятнее всего, являются фаларами — украшением конской сбруи. Подобные предметы были распространены на территории Хазарии. Так, бронзовые дисковидные бляхи фиксируются в погребениях коней Верхнесалтовского грунтового могильника, маркируя период конца VIII — начала X в. [Алексеев, 2005, с. 246–250, рис. 3, 3, 4; 4, 9, 13; 4, 4, 17, 18; Руденко, 2018, рис. 17, 1]. На территории Волжской Булгарии подобные подвески известны в материалах Бутаевского клада XI–XII вв. [Руденко, 2001, рис. 16], однако, в отличие от салтовских, выполнены из серебра. В Пермском Прикамье аналогичная бляха обнаружена в комплексах Баяновского могильника IX–XI вв. [Крыласова и др., 2017, рис. 53, 5]. Данный тип подвесных блях был широко распространен на территории Нижнего Приобья, во многих случаях на их поверхность наносили «граффити». Н.В. Федорова при рассмотрении стилистических особенностей изображений датирует подобные находки началом II тыс., отмечая, что их могли изготавливать как из бронзы и меди, так и из серебра [2014, с. 97]. На территории Зауралья аналогичные бляхи представлены в материалах памятников юдинской культуры IX–XIII вв., в частности на городище Дуванское I [Морозов, 1982, рис. 1, 7], могильнике Пылаевский [Кутаков и др., 1997, рис. 16] и святилищах Песьянка-1 [Зах и др., 2014, рис. 28, 1, 3] и в Загородном Саду [Чернецов, 1957, табл. XLIX, 1, 2]; в Западной Сибири, в Прииртышье, — на городище Новоникольское I [Могильников, 1987, табл. LXXXII, 11], городище Уки-II [Там же, рис. 58, 1]. Исходя из распространения данного типа находок можно предположить, что эти предметы имеют местное происхождение, появляются в Притоболье в конце IX — начале X в. и бытуют до XIII в.

Серебряные бляшки

Круглая бляшка (рис. 2, 1), сохранился фрагмент размером 2×1,2 см, с орнаментом в виде креста в круге, выполненным зернью (1 шт.). Точных аналогов не обнаружено, но подобные изделия с зернью фиксируются на памятниках Верхнего Прикамья с конца VIII — IX в. [Голдина, 1979, рис. 1, 130, 305]. По мнению Ю.А. Подосеновой, традиция применения зерни в ювелирном деле у населения Пермского Прикамья появляется в VIII в. и широко распространяется в X–XV вв. [2014]. В Поволжье аналогичные подвески (только из золота) обнаружены в болгарских кладах, датирующихся XI–XII вв. [Руденко, 2011, рис. VII]. На территории Притоболья аналогичных ве-

щей не встречено; вероятно, в данном регионе они появляются не ранее X–XI в. и связаны с периодом распространения подобных типов в Приуралье.

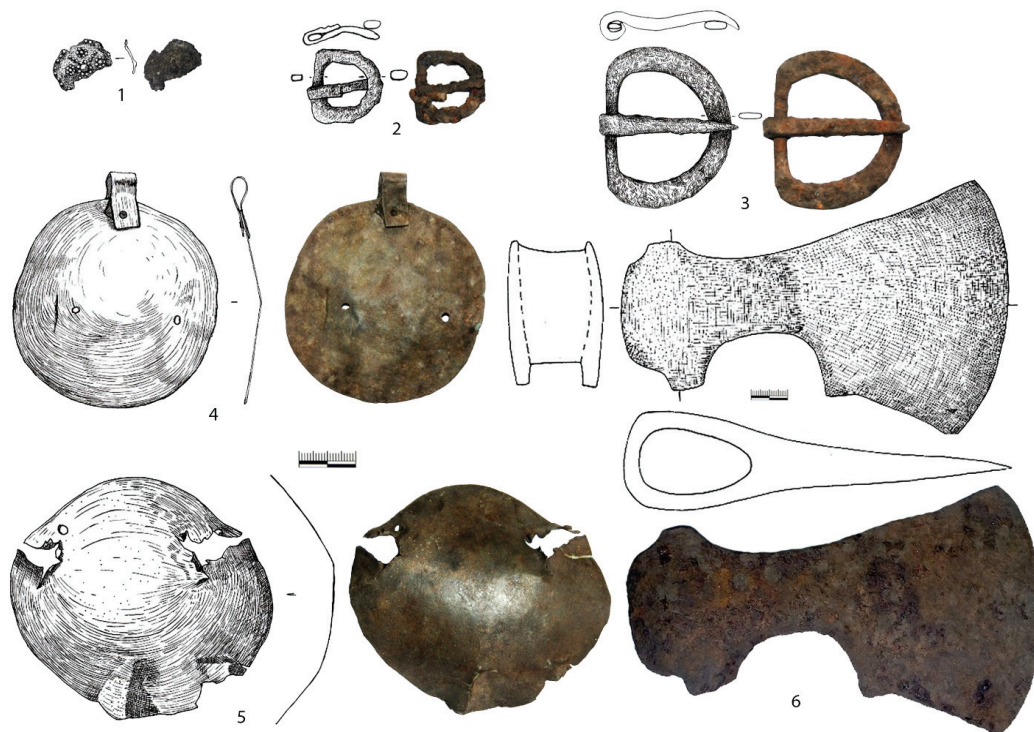

Рис. 2. Детали костюма и предметы быта:
1 — серебро; 2, 3, 6 — железо; 4, 5 — медь, бронза (?).

Fig. 2. Items of clothing and houseware:
1 — silver; 2, 3, 6 — iron; 4, 5 — copper, bronze (?).

Предметы быта¹

Металлические сосуды (медь, бронза?)

Тип 1. Котлы. Представлены многочисленными пластинами медного и бронзового лома со следами клепки и спайки, а также медными ушками от котлов (рис. 3, 2–5).

Тип 2. Котелки (ковши?) с цилиндрическим туловом и выпуклым дном объемом около литра. Найден 1 экз. (рис. 3, 1). Диаметр 13 см, высота 8 см. Корпус выполнен ковкой из единого листа размерами 40×13 см, соединен в задней части с помощью клепки. Венчик загнут наружу, под него подложена медная пластина (рис. 3, 1а). Рукоять отсутствует. Ввиду малых объемов и отсутствия ушек для крепления дужки позволим себе предположить, что данный тип металлической посуды, вероятнее всего, представляет собой ковш. В Восточной Европе медная посуда появляется еще в конце VIII в. и получает широкое распространение с начала X в. [Руденко, 2002, с. 68–69]. Аналогичные сосуды, судя по материалам Предкамья, в данном регионе бытуют с XI–XII вв. до XV в. [Там же, с. 69–70]. Судя по материалам могильников Юганского Приобья, время появления медной посуды определяется XII–XIII вв. [Семенова, 2001, с. 95]. Похожий ковш зафиксирован в одном из погребений могильника Иванов Мыс I (XII–XIII вв.) в Нижнем Прииртышье [Конилов, 2007, с. 142–143]. В Зауралье фрагменты металлической посуды часто встречаются на поселенческих памятниках IX–XIII вв. [Матвеева и др., 2004, рис. 3; 2008, с. 192; Генинг и др., 1964, табл. II, 2], однако в большинстве случаев они представлены мелким ломом, не поддающимся реконструкции и датировке. Тем не менее любопытные наблюдения дают материалы некрополей. Так, бронзовые и медные котлы встречаются в погребальных комплексах XII–XIII вв., например в Ликинском [Викторова, 2008, с. 118] и Пылаевском [Кутаков и др., 1997, с. 135] могильниках, при этом полностью отсутствуют в могильнике Вак-Кур, относящемся к пе-

¹ В данной работе хозяйственный инвентарь (ляжки, ножи, скребки, пряслица, оселки и др.) не рассматривается.

риоду IX–XI вв. Вероятно, в Притоболье металлическая посуда данного типа появляется не раньше конца XI — начала XII в. и бытует вплоть до этнографического времени.

Рис. 3. Металлическая посуда:
1–5 — медь, бронза (?).
Fig. 3. Metal dishes:
1–5 — copper, bronze (?).

Железные топоры

Тип 1. «Бородковый», проушковый с выемкой и опущенным лезвием. Найден 1 экз. (рис. 2, 6). Ширина лезвия 8,5 см, длина спинки 9,6 см, размер втулки 4×2,5 см. По классификации А.Н. Кирпичникова такие изделия относятся к типу VI (рабочих топоров). Широко распространены не территории Северной Руси, особенно в Новгороде в X–XI вв., куда проникают из Центральной и Северной Европы (VIII–IX в.) [1966, с. 33–34]. По материалам Пермского Предуралья этот тип датируется А.В. Даничем в рамках X–XII вв. [2015, с. 78]. Встречается на памятниках кинтусовского этапа (IX–XII вв.) в Нижнем Приобье, в частности, прямой аналог обнаружен на городище Тан-Варуп-Эква и датирован В.Н. Чернецовым XI–XII вв. [1957, с. 213]. В лесостепи Зауралья тип пока единичен. По всей видимости, подобные топоры появляются в данном регионе не ранее XI в. и существуют на протяжении всей эпохи развитого средневековья. По своему характеру данные находки, вероятнее всего, являются импортом древнерусского происхождения, поступавшим на территорию Зауралья через Прикамье.

Обсуждение

Итак, при анализе вещевых комплексов Папского городища мы можем датировать их в диапазоне IX — начало XIV в. В свою очередь, данный интервал мы можем разделить на две фазы: 1) конец IX — XII в.; 2) конец XII — начало XIV в. К ранней фазе относится основная часть находок: большинство наконечников стрел, подвески из меди, бронзы (?) на упряжь, серебряная бляшка, железные пряжки. С поздней фазой, по нашему мнению, коррелируются находки наконечника с пером шестиугольной формы, железного топора и металлического ковша (?). Как представляется, данные фазы отражают последовательное использование площадки поселения разнокультурными группами населения Западной Сибири, а именно носителями юдинской и чияликской (макушинской) культур.

Предварительно мы можем установить некоторые особенности использования площадки Папского городища в разные хронологические фазы. На протяжении конца IX — XII в. городище про-

должало выполнять функцию крепости, площадка которой активно и продолжительное время использовалась для обитания и производственных нужд. С конца XII в. активность экономической деятельности снижается, это подтверждается малым количеством керамики чияликского (макушинского) типа и отсутствием сооружений. Вполне вероятно, в финале поздней фазы площадка памятника могла использоваться как место погребения, на что указывают разрозненные антропологические останки — не менее чем 5 чел. Импортный характер происхождения многих типов вещей позволяет нам сделать вывод об общей для двух хронологических фаз функции памятника. Так, можно предположить, что Папское городище не только являлось постоянным поселением, но и могло выполнять роль центра торгово-экономического взаимодействия населения Притоболья.

Заключение

По аналогам рассмотренным изделиям с сопредельных территорий мы можем выделить три района, откуда в Зауралье поступали импортные вещи. Первый — Южная Сибирь и Центральная Азия, откуда в IX–XI вв. в Притоболье поступали вещи степного круга. Изделия, которым подобны отдельные типы наконечников стрел Папского городища, появляются на Алтае и в Монголии в период раннего средневековья, но только к концу развитого средневековья доходят до территории Восточной Европы. Гипотеза о контактах Зауралья с Центральной Азией подтверждается комплексами вещей из других погребальных памятников Притоболья, в которых совместно с вооружением [Адамов и др., 2017] встречаются поясные наборы и предметы конской упряжи, характерные для степной кочевой среды [Турова, 2015, 2016]. Второй район — Волжская Булгария, откуда на протяжении всей эпохи развитого средневековья поступали украшения из драгоценных металлов, поясные наборы [Турова, 2016, с. 72] и металлическая посуда, в том числе медные и бронзовые котлы. Косвенным подтверждением длительных торговых связей Поволжья с Западной Сибирью являются находки характерных для XIII–XIV вв. серебряных перстней [Адамов, 2014]; однако они могли происходить и с территории Верхнего Прикамья [Брюхова и др., 2015, с. 118]. Пермское Предуралье могло являться третьим районом, откуда на территорию севера Западной Сибири, через подтаежное Зауралье, в XI в. поступало большое количество импорта, в том числе русского и болгарского происхождения [Могильников, 1987, с. 214–215]. С этим же временем связана находка на Папском городище железного топора, поступившего по этой торговой магистрали с территории Руси.

Среднее Притоболье, вероятно, находилось на периферии крупных торговых маршрутов, а местные коллективы опосредованно участвовали в торгово-обменных отношениях с населением сопредельных территорий, что не могло не повлиять на развитие аборигенных коллективов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Фонда «За русский язык и культуру в Венгрии» в рамках научного проекта № 1959-23006.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Адамов А.А. Серебряные перстни с чернением болгарского типа из Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции: (900 лет имени «Пермь»: От имени в летописи до губернского центра). Пермь, 2014. Вып. IX. С. 44–49.

Адамов А.А., Турова Н.П. Рубяще-колющее оружие юдинской культуры. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики Ч. I. 2017. № 12. С. 13–15.

Аксенов В.С. Комплексы конского снаряжения салтовского времени с начальниками (по материалам Верхнесалтовского катакомбного могильника) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4: Хазарское время. Донецк: ДонНУ, 2005. С. 245–260.

Брюхова Н.Г., Подосенова Ю.А., Крыласова Н.Б. Ювелирные изделия Плотниковского могильника родановской археологической культуры (по материалам раскопок 2011–2013 гг.) // Вестник Перм. ун-та. История. 2015. Вып. 1 (28). С. 114–131.

Викторова В.Д. Курганы у с. Макушино на р. Нице // Археология и этнография Башкирии. Уфа: Башкир. книжное изд-во, 1964. Т. II. С. 247–250.

Викторова В.Д. Древние Угры в лесах Урала: (Страницы ранней истории манси). Екатеринбург: Квадрат, 2008. 208 с.

Викторова В.Д., Морозов В.М. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 174–178.

Виноградов Н.Б. Археологическая карта Курганской области. Курган, 1993. 345 с.

Гарустович Г.Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // Уфим. археол. вестник. 2015. Вып. 15. С. 181–198.

- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б.* Лихачевский могильник на р. Ишим — памятник подчелюстной культуры VI–VIII вв. н.э. // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1987. С. 119–133.
- Генинг В.Ф., Овчинникова Б.Б.* Пахомовский могильник // ВАУ. Свердловск, 1969. Вып. 8. С. 128–137.
- Генинг В.Ф., Позднякова М.К.* Прыговское городище на р. Исети // ВАУ. Свердловск, 1964. Вып. 6. С. 34–71.
- Голдина Р.Д.* Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 79–91.
- Горбунов В.В.* Военное дело населения Алтая III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Издательство Алт. ун-та, 2006. 232 с.
- Данич А.В.* Типология топоров Пермского Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь, 2015. Вып. X. С. 71–124.
- Данич А.В.* Снаряжение верхового коня (удила и сбруйные пряжки) из раскопок Питер (Степаново Плотище) могильника // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2018. Вып. 8. С. 26–30.
- Зах В.А., Усачева И.В., Зимина О.Ю., Скочина С.Н., Чикунова И.Ю.* Древности Андреевской озерной системы. Новосибирск: Наука, 2014. Т. 1. 225 с.
- Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии: (Этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992. 335 с.
- Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Выпуск второй: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.: Л.: Наука, 1966. 214 с. (САИ; Вып. Е-1-36).
- Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А.* Методы и способы обработки металлов в ювелирном деле на территории Пермского Предуралья. Приемы изготовления и обработки ювелирных изделий // Ремесло и домашние производства средневекового Предуралья: Учеб. пособие. Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2017. С. 37.
- Конилов Б.А.* Омское Прииртышье в раннем и развитом Средневековье. Омск: Наука, 2007. 465 с.
- Кутаков Ю.М., Старков А.В.* Пылаевский грунтовый могильник: (Предварительная публикация) // Охраняемые археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1997. Вып. 1. С. 130–147.
- Малиновский В.Б.* Стрелы Заречно-Убинского могильника // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2002. Вып. 4. С. 128–137.
- Матвеева Н.П., Бахарева Т.Н.* Средневековое городище Святой Бор-V в лесном Зауралье // Четвертые Берсовские чтения 2004. Екатеринбург. 2004. С. 174–184.
- Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н.* Коловское городище. Новосибирск: Наука, 2008. 240 с.
- Матвеева Н.П., Зеленков А.С., Пластеева Н.А., Третьяков Е.А.* Средневековый грунтовый могильник Медный Борок // АВ ORIGINE: Археол.-этногр. сборник. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2017. Вып. 9. С. 110–132.
- Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие: (Луки и стрелы, самострелы). М.: Наука, 1966. 128 с.
- Могильников В.А.* Лесостепное Зауралье // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 163–235. (Археология СССР).
- Морозов В.М.* Средневековые поселения и жилища на р. Дуван // ВАУ. Свердловск, 1982. Вып. 16. С. 125–141.
- Подосенова Ю.А.* Зернь и скань в ювелирных изделиях Пермского Предуралья эпохи средневековья. // Вестник Перм. ун-та. История. 2014. Вып. 1 (24). С. 36–43.
- Руденко К.А.* Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье: Исследование и каталог. Национальный музей Респ. Татарстан. Казань: Заман, 2001. 256 с.
- Руденко К.А.* Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань: Репер, 2002. 158 с.
- Руденко К.А.* Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Казань: Заман, 2003. 512 с.
- Руденко К.А.* Булгарское золото: Филигранные височные подвески. Казань: Заман, 2011. 256 с. (Древности Биляра; Т. I).
- Руденко К.А.* Новые материалы по культуре древних венгров в Приуралье // III междунар. мадьярский симпозиум 2018. Будапешт, 2018. С. 305–335.
- Семенова В.И.* Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск: Наука, 2001. 296 с.
- Соловьев А.И.* Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. Новосибирск: Наука, 1987. 193 с.
- Третьяков Е.А.* Комплекс археологических памятников вблизи д. Мурзина на р. Исети (в лесостепном Зауралье) // АВ ORIGINE: Археол.-этногр. сборник. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2018. Вып. 10. С. 94–114.
- Турова Н.П.* Детали конской амуниции из юдинского некрополя рубежа I–II тыс. н.э. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. Ч. III. 2015. № 12 (62). С. 175–178.
- Турова Н.П.* Коллекция наременной гарнитуры рубежа I–II тыс. н.э. из некрополя юдинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 2 (33). С. 77–86.
- Федорова Н.В.* Рисунки на металле: Графическое искусство населения севера Западной Сибири и Предуралья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1 (57). С. 90–99.
- Худяков Ю.С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 269 с.
- Чернецов В.Н.* Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // МИА. М.: Изд-во АН СССР, 1957. № 58. С. 136–245.
- Чикунова И.Ю., Якимов А.С.* Городище Черепаниха 2: К вопросу об определении статуса // УИВ. 2012. 4 (37). С. 31–41.

N.P. Matveeva, E.A. Tret'iakov, A.S. Zelenkov

University of Tyumen
Volodarskogo st., 6, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru;
gor-tom@mail.ru;
qvimen@hotmail.com

Chronology of a Medieval complex from the Papskoye settlement (forest-steppe of Western Siberia)

A large number of imported items found in the occupation layers of archaeological sites in the Trans-Urals and Western Siberia suggest that, in the Middle Ages, these regions were on the periphery of trade routes and were involved in global historical events. In this connection, the dating of material culture provides details about trade and economic, as well as social and political, aspects of the life of communities of the past. One of the new archaeological sites allowing the dynamics of material culture to be traced is a multi-layered Papskoye settlement. This site constitutes a fortification having two areas and powerful defensive lines, located on top of the right-bank terrace of the Iset River. In this study, structures attributed to different chronological periods were analysed and artefacts were collected (7th century BC — 14th century AD). Nevertheless, collections of items dating back to the High Middle Ages (late 9th — early 14th centuries) are the most representative as they most objectively reflect the historical and cultural processes that took place in this region. Most of the finds of arrowheads, elements of clothing and horse harnesses, as well as household items, in the Papskoye settlement belong to this time. In this study, we used a comparative-typological method followed by the identification of the types of things. In order to establish the most accurate chronological framework, as well as to determine the primary centres for the production of certain items, we applied the method of analogy using a wide range of material culture from the neighbouring territories, which include Altai, Mongolia, Volga region, Kama area, the Caucasus, the north of Western Siberia, etc. In this study, we identified two chronological phases within the High Middle Ages using the materials of the Papskoye fortified settlement: 1) late 9th — 12th centuries; 2) late 12th — early 14th centuries. They correspond to the period when the carriers of the Yudino and Chiyalik cultures inhabited this site. In addition, a large number of direct analogies with the neighbouring territories suggests that the territory of the forest-steppe Trans-Urals was located on the periphery of trade routes through which imports came from Southern Siberia, Volga Bulgaria and the Upper Kama area.

Key words: Trans-Urals, Early Middle Ages, material culture, chronology, Yudino culture, Chiyalik culture.

Funding. The reported study was funded by RFBR and FRLC in Hungary according to the research project № 1959-23006.

REFERENCES

- Adamov A.A. (2014). Silver finger-rings with blackening of the bulgar type from the Cisurals. *Trudy Kamskoi arkeologo-etnograicheskoi ekspeditsii*, (IX), 44–49. (Rus.).
- Adamov A.A., Turova N.P. (2017). Thrust and cutting weapon of the Yudino culture. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie: Voprosy teorii i praktiki. Chast' 1*, (12), 13–15. (Rus.).
- Aksenov V.S. (2005). Complexes of horse equipment of the Salto time with foreheads (based on the materials of the Verkhnesaltovskiy catacomb burial ground). In: *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia. T. 4: Khazarskoe vremia* (pp. 245–260). Donetsk: Donetskii natsional'nyi universitet. (Rus.).
- Bryukhova N.G., Podosyenova Y.A., Krylasova N.B. (2015). Plotnikovskiy burial ground jewelry of the Rodanovo archaeological culture (based on the 2011–2013 materials). *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istorii*, 28(1), 114–131. (Rus.).
- Chernetsov V.N. (1957). Downstream Ob river area in the I millennium AD. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, (58), 136–245. (Rus.).
- Chikunova I.Yu., Iakimov A.S. (2012). Settlement Cherepanikha 2: Attribution of status. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 37(4), 31–41. (Rus.).
- Danich A.V. (2015). Classification of Medieval axes from the Perm Cis-Urals. *Trudy Kamskoi arkeologo-etnograicheskoi ekspeditsii*, (X), 71–124. (Rus.).
- Danich A.V. (2018). Equipment riding horse (the bit and spainie buckle) from the excavations of Peter (Stepanovo Plotbishche) of the site. *Vestnik Muzeia arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ia*, (8), 26–30. (Rus.).
- Fedorova N.V. (2014). Images on metal ware: The graphic art of northwestern Siberia and the Cis-Urals. *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii*, 57(1), 90–99. (Rus.).
- Garustovich G.N. (2015). The Chiyalik archaeological culture of the Middle Ages in South Urals. *Ufimskij arheologicheskii vestnik*, (15), 181–198. (Rus.).
- Gening V.F., Ovchinnikova B.B. (1968). Pakhomovskii burial ground. *Voprosy arkheologii Urala*, (8), 128–137. (Rus.).
- Gening V.F., Pozdniakova M.K. (1964). Prygovskoe settlement on the Iset River. *Voprosy arkheologii Urala*, (6), 34–71. (Rus.).
- Gening V.F., Zdanovich G.B. (1987). Likhachevskii burial ground on the Ishim river — site of Podchevash culture of the VI–VIII centuries AD. In: *Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e Uralo-Irtyskshskogo mezhdurech'ia* (pp. 119–133). (Rus.).

- Goldina R.D. (1979). Chronology of burial complexes Early Medieval Upper Kama region. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk USSR*, (158), 79–91. (Rus.)
- Gorbunov V.V. (2006). *Military affairs of the population of Altai of the 3rd–14th centuries: Offensive weapons (weapons)*. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta. (Rus.).
- Kazakov E.P. (1992). *The culture of Early Volga Bulgaria: (Stages of ethnocultural history)*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Khudiakov Iu.S. (1986). Arming of the Medieval nomads of South Siberia and Central Asia. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Kirpichnikov A.N. (1966). *Ancient Russian weapons. Iss. 2: Spears, battle axes, maces, knives of the 9th–13th centuries*. Moscow; Leningrad. (Rus.).
- Konikov B.A. (2007). *Omsk Irtysh area in the Early and Developed Middle Ages*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Krylasova N.B., Podosenova Iu.A. (2017). Methods of metal processing in jewelry in the Perm Cis-Ural area. In: *Remeslo i domashnie proizvodstva srednevekovogo Predural'ia* (p. 37). Perm'. (Rus.).
- Kutakov Iu.M., Starkov A.V. (1997). Pylaevsky burial ground: (Preliminary report). *Okhrannye arkheologicheskie issledovaniia na Srednem Urale*, (1), 130–147. (Rus.).
- Malinovskii V.B. (2002). Arrowheads from the Zarechno-Ubinsky Burial Ground. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 128–137. (Rus.).
- Matveeva N.P., Bakhareva T.N. (2004). Medieval fortified settlement Sviatoi Bor-V in forest Trans-Urals. *Bersovskie chteniia*, (4), 174–184. (Rus.).
- Matveeva N.P., Berlina S.V., Rafikova T.N. (2008). *Kolovskoe settlement*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Matveeva N.P., Zelenkov A.S., Plasteeva N.A., Tret'iakov E.A. Medieval soil burial ground Mednyi Borok. *AB ORIGINE*, (9), 110–132. (Rus.).
- Medvedev A.F. (1966). *Hand throwing weapons: (Bows and arrows, self-arrows)*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Mogil'nikov V.A. (1987). Forest-steppe Trans-Urals. In: *Finno-Ugric and Balts in the Middle Ages* (pp. 163–235). Moscow: Nauka. (Rus.).
- Morozov V.M. (1982). Medieval settlements and dwellings on the Duvan river. *Voprosy arkheologii Urala*, (16), 125–141. (Rus.).
- Podosenova Iu.A. (2014). Granulation and filigree in medieval jewelry of Perm region of the Urals. *Vestnik Permskogo universiteta. Istorii*, 24(1), 36–43. (Rus.).
- Semenova V.I. (2001). *Medieval burial grounds of the Yugan Ob river area*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Solov'ev A.I. (1987). *Military Affairs of the Indigenous Population of Western Siberia: The Age of the Middle Ages*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Tret'iakov E.A. (2018). The complex of archaeological sites near the Murzina village on the Iset river (in the forest-steppe Trans-Urals). *AB ORIGINE*, (10), 94–114. (Rus.).
- Turova N.P. (2015). Elements of horse ammunition from Yudino necropolis of the turn of the I–II millennia A.D. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie: Voprosy teorii i praktiki. Cast' 3*, 62(12), 175–178. (Rus.).
- Turova N.P. (2016). Collection of the belt accessories dated back to the I–II thousand A.D. found at a necropolis of Yudinsky tribe culture. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 77–86. (Rus.).
- Rudenko K.A. (2001). *Turkic world and Volga-Kama in the 9th–14th centuries. Wares of the Askizsky range in the Central Volga area*. Kazan': Zaman. (Rus.).
- Rudenko K.A. (2002). *Metal dishes of the Volga and Prikamye in the 8th–14th centuries*. Kazan': Reper. (Rus.).
- Rudenko K.A. (2003). *Iron arrowheads of the 8th–15th centuries from the Volga Bulgaria*. Kazan': Zaman. (Rus.).
- Rudenko K.A. (2011). *Gold from Bulgar: Filigreed temporal rings*. Kazan': Zaman. (Rus.).
- Rudenko K.A. (2018). New materials on the culture of Ancient Hungarians in the Cisural area. In: *III mezhdunarodnyi mad'iarskii simpozium* (pp. 305–335). Budapesht. (Rus.).
- Viktorova V.D. (1964). Mounds near Makushino village to the river Nitsa. In: *Arkheologiia i etnografiia Bashkirii*, 2 (pp. 247–250). (Rus.).
- Viktorova V.D. (2008). *Ancient Ugrians in the forests of the Urals: (Prehistory mansi)*. Ekaterinburg: Kvadrat. (Rus.).
- Viktorova V.D., Morozov V.M. (1993). Middle Trans-Urals in the Late Iron Age. In: *Kochevniki Uralo-Kazahstanskih stepej* (pp. 174–178). (Rus.).
- Vinogradov N.B. (1993). *Archaeological map of the Kurgan region*. Chelyabinsk (Rus.).
- Zakh V.A., Usacheva I.V., Zimina O.Yu., Skochina S.N., Chikunova I.Yu. (2014). *Antiquities of the Andreevskoye Lake sistem*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Н.П. Матвеева, <https://orcid.org/0000-0003-0240-0561>

Е.А. Третьяков, <https://orcid.org/0000-0002-6913-394X>

А.С. Зеленков, <https://orcid.org/0000-0001-6257-119X>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 29.09.2019

Accepted: 19.12.2019

Article is published: 02.03.2020

О.П. Бачура *, **, Т.В. Лобанова *, Г.П. Визгалов **, ***,
Н.В. Мартынович ****, Д.О. Гимранов *

* Институт экологии растений и животных УрО РАН
ул. 8 Марта, 202, Екатеринбург, 620144

** Сургутский государственный университет
просп. Ленина, 1, Сургут, 628412

*** Институт археологии и этнографии СО РАН
просп. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090

**** Музей Мирового океана
наб. Петра Великого, 1, Калининград, 236006
E-mail: olga@ipae.uran.ru; lota_64@mail.ru;
vizgalovgp@mail.ru; martynovichn@mail.ru

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ПОСАДА ГОРОДА БЕРЕЗОВА В XVII–XVIII вв. (ПО ОСТЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ ИЗ РАСКОПА 2)

Изучено 11 869 ед. костных остатков млекопитающих, птиц и рыб из раскопок русского города Березова (Ханты-Мансийский автономный округ). Наибольшее значение для населения города имели крупный рогатый скот и северный олень. В небольшом количестве жители разводили свиней, лошадей и кур. В транспортных целях и на охоте использовали собак. Важную роль в хозяйстве играли охота на птиц, а также рыболовство и значительно меньшую — охота на зверей. Сделан вывод о проживании в посаде города Березова как русского, так и аборигенного населения.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Ханты-Мансийский автономный округ, позднее средневековье, русское и аборигенное население, домашние животные, промысловая деятельность.

Введение

Практически все русские поселения в Сибири в XVI–XVII вв. возникают как пункты, предназначенные для управления волостями аборигенного населения и осуществления ясачного сбора. Несмотря на большие расстояния, которые разделяли русские поселения Западной Сибири, существовали тесные экономические, торговые и политические связи между городами, а также с аборигенным населением региона. Проблема формирования комплекса культуроопределяющих признаков для этнической идентификации позднесредневековых археологических памятников на примере Березовского городища была поставлена ранее [Визгалов, Кардаш, 2011]. Одним из путей ее решения может служить реконструкция хозяйственной деятельности древнего населения, основанная на изучении многочисленных остеологических коллекций, которые в последние годы были собраны как на русских, так и на аборигенных памятниках севера Западной Сибири [Визгалов и др., 2013]. Наличие значительного количества костей животных в этих памятниках обусловлено тем, что кость хорошо сохраняется в мерзлом культурном слое. Система жизнеобеспечения северных русских городов XVII–XIX вв. изучена на настоящий момент очень поверхностно. Чтобы получить полную картину хозяйства, а также проследить связи русского и аборигенного населения в регионе и за его пределами в позднем средневековье, необходимо иметь данные по максимально большому количеству поселений. Пока имеется лишь небольшое количество публикаций посвященных подобным исследованиям [Девяшин, Пластеева, 2010; Исаев и др., 2011; Косинцев, Лобанова, 2005; Косинцев, Черная, 2000; Мартынович, 2013b; Номоконова и др., 2011].

Город Березов (63°56' с.ш., 65°03' в.д.) — один из первых русских городов на севере Западной Сибири. Он был основан в 1592–1593 гг. на берегу р. Оби близ устья р. Сосьвы [Миллер, 2005, с. 274; Шашков, 2003, с. 44]. Почти 300 лет Березов служил административным центром обширного уезда, включавшего бассейн нижнего течения р. Оби [Абрамов, 1857, с. 383–401; Миллер, 2005, с. 277–280]. Эта территория являлась одной из наиболее массово заселенных аборигенным населением провинций региона. Данное обстоятельство должно было сказаться на хозяйственной деятельности населения города.

Раскопки Березовского городища, начатые ООО НПО «Северная археология» в 2007 г., позволили изучить участки культурного слоя кремля (раскоп № 1), а также отдельные объекты в посадской части городища (раскоп № 2) [Визгалов, 2006, 2007, 2010; Визгалов, Пархимович, 2008]. Ранее были опубликованы остеологические материалы, которые происходят преимущественно с территории кремля [Бобковская, 2008; 2010; Визгалов и др., 2013; Мартынович, 2013а, 2013б].

Целью данной работы является описание структуры домашнего хозяйства и промысловой деятельности населения посада города Березова по костным остаткам животных, а также попытка определения степени интеграции русского и аборигенного населения региона.

Материал и методы

В настоящей работе рассматриваются остеологические материалы, собранные в 2008–2018 гг. из раскопа № 2, который был заложен в парке, лежащем между улицами Собянина и Сенькина современного поселка городского типа Березово (Ханты-Мансийский автономный округ), на месте выявленной строительной траншеей в 2007 г. участка культурного слоя северной части посадского острога. Площадь раскопа составила 216 м² (12×18 м). На ней был зафиксирован ряд остатков разновременных хозяйственных и жилых построек и выделено пять строительных ярусов, которые охватывают период с момента застройки этого места с середины XVII и до конца XVIII в.

Изучение и сопоставление материалов различных строительных ярусов позволило выделить три хронологических периода, которые различаются между собой по тем или иным показателям, определяющим хозяйственную деятельность населения, но внутри которых значимых различий нет. Первый период (I) объединяет материалы четвертого и пятого строительных ярусов, накапливавшиеся во второй половине XVII в. Второй период (II) включает материалы третьего строительного яруса и охватывает период конца XVII — начала XVIII в. Третий период (III) составляет выборка первого и второго строительных ярусов, которая сформировалась на протяжении 20–80-х гг. XVIII в. Материалы первого и второго периодов были получены в результате раскопок 2018 г. и ранее не публиковались. Материалы третьего периода ранее были частично опубликованы Н.Е. Бобковской [2008, 2010].

Всего в ходе раскопок было собрано 11 867 ед. костных остатков млекопитающих, птиц и рыб, среди которых определимых до вида 8535 экз. (72 %). Для определения и описания костных остатков млекопитающих и рыб была использована эталонная коллекция музея Института экологии растений и животных УрО РАН (г. Екатеринбург). Для определения костных остатков птиц использована эталонная коллекция Музея Мирового океана (г. Калининград). При описании костных остатков определилась их видовая принадлежность, элемент скелета и степень раздробленности. Мелкие фрагменты животных, для которых не удалось определить видовую принадлежность, включены в категорию «млекопитающие, птицы, рыбы». Среди млекопитающих неопределимые до вида остатки составляют 38 %, среди птиц — 8 %, а среди рыб — 45 %.

Возрастная структура стада крупного рогатого скота и свиньи определялась на основании степени стертости жевательной поверхности зубов по методике А. Грант [Grant, 1982]. Возрастная структура остатков северного оленя определялась по состоянию зубной системы нижних челюстей [Акаевский, 1939]. Дополнительно для определения возрастного состава домашних животных была проведена оценка состояния зубной системы и эпифизов [Silver, 1970]. Остеологическая коллекция из раскопок Березовского городища хранится в музее Института экологии растений животных УрО РАН (№ 1917).

Результаты и обсуждение

Распределение остатков по глубине различается. В слоях первого периода сосредоточено только 17 %, второго — 31 % и третьего — 52 % объема остеологической коллекции (табл. 1). Вероятно, такие различия в количестве костных остатков по глубине могут отражать интенсивность жизнедеятельности жителей города в различные хронологические периоды, что, в свою очередь, может быть связано как с изменением численности населения, так и с изменением объема потребления животной пищи [Яворская, Антипина, 2017].

Основную часть (98 %) остеологической коллекции составляют кухонные отходы — фрагментированные или поврежденные кости животных, употреблявшихся населением в пищу («пищевые» виды) [Цалкин, 1956]. В Березовском посаде основу «пищевых» видов млекопитающих составляют домашние животные, разводившиеся на посаде: крупный рогатый скот, свиньи и мелкий рогатый скот, а также северный олень (табл. 1). К «пищевым» видам можно

Хозяйственная деятельность населения посада города Березова в XVII–XVIII вв. ...

отнести и практически все виды птиц и рыб, добывавшиеся в окрестностях города. Изменение соотношения костных остатков разных видов и групп животных в разные хронологические периоды характеризует изменение структуры питания его жителей, которая обусловлена, в свою очередь, сменой направления хозяйства. Так, если на начальном этапе становления городского хозяйства значительную роль играли присваивающие отрасли хозяйства — охота на птиц и рыболовство, то в процессе его развития, к середине XVIII в., значение этих направлений существенно снижается. В то же время в течение рассматриваемого периода возрастает доля остатков млекопитающих (табл. 1). Учитывая, что большая часть остатков млекопитающих — кости домашних животных (табл. 2), можно говорить о том, что к концу XVIII в. увеличивается роль животноводства и уменьшается роль промысловой деятельности у населения посада.

Таблица 1

Соотношение остатков млекопитающих, птиц и рыб из раскопок посада Березовского городища

Table 1

Ratio of mammals, birds and fish remains from the posad excavations of the Beryozovo hillfort

Таксон	Хронологические периоды						Всего	
	I		II		III			
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Млекопитающие — Mammalia	819	40	1711	46	3690	60	6220	53
Птицы — Aves	862	42	1466	39	1943	32	4271	36
Рыбы — Pisces	348	17	550	15	478	8	1376	12
Всего	2029	100	3727	100	6111	100	11 867	100

Таблица 2

Видовой состав и количество костных остатков млекопитающих из раскопок посада Березовского городища

Table 2

Species composition and number of mammal bone remains from the posad excavations of the Beryozovo hillfort

Вид	Хронологический период						Всего	
	I		II		III			
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Домашние								
Северный олень — <i>Rangifer tarandus</i>	166/6 *	22	625/16	43	597/16	37	1388/38	36
Крупный рогатый скот — <i>Bos taurus</i>	464/16	60	573/18	39	773/22	48	1810/56	47
Мелкий рогатый скот — <i>Capra et Ovis</i>	—	—	6/1	0,3	11/1	1	17/2	0,5
Свинья — <i>Sus scrofa</i>	55/6	7	77/10	5	112/12	7	244/28	6
Лошадь — <i>Equus caballus</i>	2/1	0,3	13/2	1	36/3	2	51/6	1
Собака — <i>Canis familiaris</i>	25/2	3	55/7	4	40/7	2	120/16	3
Кошка — <i>Felis catus</i>	7/3	1	11/3	1	—	—	18/6	0,6
Дикие								
Лось — <i>Alces alces</i>	4/1	1	22/4	2	34/2	2	60/7	2
Заяц беляк — <i>Lepus timidus</i>	40/4	5	59/6	4	8/1	0,5	107/11	3
Бурый медведь — <i>Ursus arctos</i>	2/1	0,3	1/1	0,1	—	—	3/2	0,2
Лисица — <i>Vulpes vulpes</i>	1/1	0,1	3/1	0,2	—	—	4/2	0,2
Песец — <i>Vulpes lagopus</i>	4/2	1	5/2	0,3	—	—	9/4	0,3
Росомаха — <i>Gulo gulo</i>	1/1	0,1	2/1	0,1	1/1	0,1	4/3	0,2
Всего определимых остатков	771	100	1452	100	1612	100	3835	100
Млекопитающие, ближе к «неопределимым» — Mammalia indet.	48		259		2078		2385	

* В числителе — количество остатков, в знаменателе — минимальное количество особей.

Домашнее хозяйство. Анализ соотношения костных остатков млекопитающих показывает, что почти во все периоды наибольшее значение в хозяйстве населения посада города Березова имел крупный рогатый скот (табл. 2). Кости крупного рогатого скота обнаружены во всех частях раскопа, представлены все отделы скелета, но преобладают элементы головы и проксимальных частей конечностей (табл. 3). Раздробленность костей довольно велика: почти все трубчатые кости, ребра, позвонки, фрагменты черепа, нижние челюсти носят следы разделки.

Целыми являются таранные кости и фаланги пальцев. Многие трубчатые кости раздроблены вдоль. У нижних челюстей, как правило, отрублена передняя резцовая часть, зубные ряды разрублены поперек, отростки отрублены. Черепа разбивались на четыре части — поперек между лицевой и мозговой частями, и затем последняя разбивалась пополам. Около 15 % костей погрызены собаками — это большая часть эпифизов (наиболее мягких частей).

Таблица 3

Состав и количество элементов скелета крупного рогатого скота, свиньи и северного оленя в раскопках посада Березовского городища

Table 3

The cattle, pigs and reindeer skeleton element composition and number from the posad excavations of the Beryozovo hillfort

Элемент скелета	Крупный рогатый скот		Свинья		Северный олень	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Рог	19	1	—	—	29	2
Череп	138	8	36	15	31	2
Нижняя челюсть	153	8	31	13	51	3
Зубы изолированные	208	11	16	7	65	4
Подъязычная кость	9	0,4	0	0	2	0,1
Позвонки	115	6	20	8	129	9
Грудина	1	0,1	1	0,4	13	1
Ребра	271	15	16	7	147	11
Лопатка	126	7	16	7	159	11
Плечевая	83	5	17	7	192	14
Лучевая	76	4	6	2	70	5
Локтевая	21	1	8	3	18	1
Тазовая кость	81	4	7	3	36	3
Бедренная	84	5	43	18	146	11
Большая берцовая	66	4	17	7	98	7
Коленная чашечка	4	0,2	0	0	2	0,1
Метаподии	7	0,3	0	0	6	0,4
Пясть	50	3	—	0	28	2
Плюсна	50	3	2	1	54	4
Пяточная	38	2	0	0	16	1
Таранная	30	2	4	2	34	2
Запястье, заплюсна	31	2	1	0,4	28	2
Фаланга 1	75	4	3	1	28	2
Фаланга 2	58	3	0	0	5	0,4
Фаланга 3	16	1	0	0	0	0
Всего	1810	100	244	100	1387	100

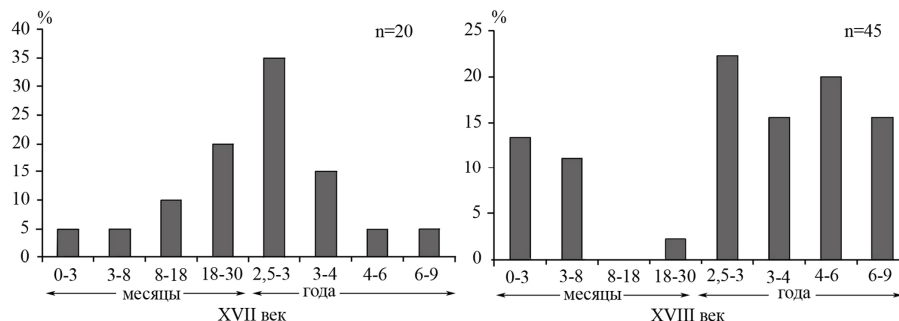

Рис. 1. Возрастной состав крупного рогатого скота в хозяйстве посада города Березова в XVII–XVIII вв.
Fig. 1. The cattle age composition in the economy of the of the Beryozov posad in the XVII–XVIII cc.

По степени прирастания эпифизов у трубчатых костей можно сказать, что кости животных в возрасте до 3 лет составляют не более 30 %. Оценка стертости зубов нижних челюстей также выявила преобладание взрослых особей (рис. 1). Такой возрастной состав свидетельствует о преимущественно молочном направлении скотоводства. Хотя общий объем выборки нижних челюстей небольшой, анализ данных по хронологическим периодам выявил существенные отличия между ними. Количество взрослых особей старше 3 лет увеличивается от нижних слоев к верхним (рис. 1).

В выборке XVII в. взрослые особи представлены в минимальном количестве (25 %), а максимальное количество животных (55 %) были забиты в возрасте от 1,5 до 3 лет. К началу XVIII в. довольно значительно увеличивается количество костей от молодых телят в возрасте до полугода (с 10 до 25 %), а взрослые особи старше 3 лет составляют более половины всей выборки (рис. 1).

Возраст 1,5–3 года самый оптимальный для забоя коров на мясо. С годовалого до 2,5-летнего возраста выход туши увеличивается, а в дальнейшем эти показатели стабилизируются или имеют тенденцию к снижению. Несомненно, что коров старше 3 лет держали для получения молока.

Параллельно с увеличением сроков содержания коров уже к концу XVII в. при общем росте численности стада происходит заметное уменьшение относительной доли остатков этого вида в остеологической коллекции и увеличение почти вдвое доли остатков северного оленя (табл. 2). Это может говорить о том, что в рационе жителей города мясо коров заменяют мясом северного оленя. Для удовлетворения потребности населения в молоке необходимо иметь скота меньше, чем для обеспечения его мясом. Это, в свою очередь, позволяет заготавливать меньше корма. В условиях Березова, когда скот более половины года (7–8 мес.) находится в стойловом содержании, успех животноводства зависит от запаса зимних кормов. По берегам рек близ города было достаточно угодий, которые могли такой запас обеспечить, но в отдельные годы из-за периодических летних разливов Оби резко сокращалась кормовая база [Алквист, 1990, с. 43–50]. В этих условиях сокращение поголовья на зиму снижало риски животноводства.

Значительно меньшее место в хозяйстве жителей посада и в системе их питания занимало разведение свиней (табл. 2). Доля костей этих животных небольшая (5–7 %) и практически не изменяется во времени (табл. 2). Среди остатков представлены все части тела. Большая часть остатков приходится на кости головы и поясов конечностей (табл. 3). Анализ состояния зубной системы показывает, что более половины особей были забиты в возрасте до 1–1,5 года (рис. 2). Существенную долю составляют молочные поросята (рис. 2). На основании анализа стертости зубов и состояния эпифизов можно сказать, что все остатки принадлежали особям не старше 2 лет. По данным Н.А. Абрамова [1857], даже в XIX в. свиней, как и овец, в Березове содержали только русские. Летом их кормили рыбой, а к зиме большую часть забивали, оставляя небольшую часть особей для приплода, поскольку зимой содержать их было очень непросто, так как отсутствовало пашенное земледелие [Абрамов, 1857, с. 406]. Полученные нами выводы не противоречат этим данным.

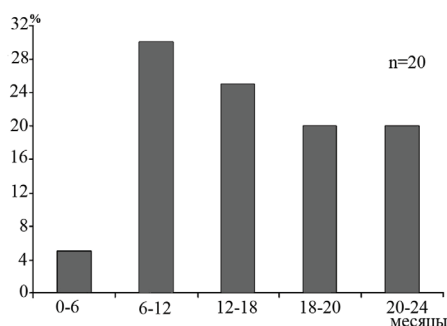

Рис. 2. Возрастной состав свиней в хозяйстве посада города Березова в XVII–XVIII вв.

Fig. 2. The pig age composition in the economy of the of the Beryozov posad in the XVII–XVIII cc.

Кости мелкого рогатого скота (коз и овец) полностью отсутствуют в ранние периоды и в больших количествах появляются лишь в слоях второй половины XVII — начале XVIII в. (табл. 2). Возможно, в XVII в. овец в этой части Березовского посада не содержали вовсе. Позднее жители могли покупать отдельных животных на мясо.

Кости северного оленя обнаружены во всех частях раскопа. Практически все кости оленя, за исключением фаланг и мелких костей запястья и заплюсны, сильно раздроблены, и четверть всех костей имеют следы погрызов собаками. Среди остатков представлены все отделы скелета, а преобладают кости верхних частей ног, т.е. наиболее мясные части тела (табл. 3). В отличие от других домашних копытных, обнаружено немного костей головы. Полностью отсутствуют фрагменты лицевого черепа. Но, судя по тому что найдены изолированные верхние зубы, эти части, как наиболее хрупкие, возможно, были раздроблены или съедены собаками. Мало также костей нижних частей ног и позвонков, а количество фрагментов плечевых костей в несколько раз

превышает таковое лучевых. Все это, как мы полагаем, может указывать на то, что часть оленины поступала в город в виде разделанных кусков туши. Судя по состоянию зубной системы нижних челюстей, более половины (57 %) костей происходит от особей старше 2 лет. Животные до года составляют 18 % от общего числа, а особи от года до 2 лет — 26 % остатков. Но поскольку число костей головы невелико, это соотношение можно относить только к тем особям, туши которых использовали с головой, а это не более половины от минимального количества особей.

Мясо северного оленя, наряду с говядиной, составляло заметную долю в питании местного населения (табл. 2). Причем, как отмечалось выше, уже в конце XVII в. значение оленины в рационе посадского населения увеличивается (табл. 2). Различить домашнего и дикого северного оленя по костям невозможно. Сейчас говорить о наличии оленеводства у жителей Березовского посада мы можем, только опираясь на археологические и этнографические данные. Элементы оленьей упряжи и фрагменты оленьих нарт из коллекции артефактов [Визгалов, Кардаш, 2011, с. 92] доказывают наличие у жителей посада транспортного оленеводства. В то же время Б.О. Долгих отмечал, что уже в XVII в. оленеводство в Березовском уезде достигло значительного развития [1960, с. 6–55]. Олени являлись главной статьей скотоводства для самоедов в Березовском районе, но их содержали и городские русские жители. При этом никогда ни один русский сам оленей не пас, а нанимал пастуха-самоеда, а сам жил в городе и получал доходы [Абрамов, 1857, с. 53; Бартенев, 1998, с. 131–132]. Таким образом, предполагаем, что стабильное снабжение олениной и сокращение «мясного» поголовья крупного рогатого скота стали возможны лишь с усилением ассимиляции русского населения посада с оленеводческим аборигенным населением региона. Поэтому, вероятно, следует считать, что большая часть остатков северного оленя происходит от домашней формы. Хотя можно допустить, что среди остатков есть и кости оленей, пойманных в дикой природе.

Жители Березовского посада держали лошадей. В слоях XVII в. были найдены лишь два изолированных зуба, позднее количество остатков увеличивается, но преобладают элементы головы (22 %) и нижних отделов ног (51 %). На отдельных костях обнаружены следы погрыза собаками и следы разрушения. Не ясно, употребляли ли мясо лошадей в пищу. На севере для содержания лошадей зимой на хозяйственных дворах необходимо было заготавливать достаточно кормов, но в отдельные годы в окрестностях Березова из-за сильного подъема воды в Оби заливало окрестные луга и заготовка сена становилась невозможной. Из-за отсутствия кормов жители вынуждены были забивать свой скот и лошадей или пытаться их продать [Алквист, 1999, с. 43–59]. В такие периоды люди могли употреблять в пищу мясо лошадей, о чем могут свидетельствовать следы разделки на костях.

Жители посада держали довольно много собак (табл. 2). На это указывает не только число костей в выборке не менее чем от 16 особей, но и довольно большой процент (14 %) погрызенных костей млекопитающих. Некоторые кости происходят от целых скелетов. Наличие погрызенных костей собак говорит, что не все трупы собак были захоронены.

Интересно, что в ранних слоях костей собак немного, но позднее их количество возрастает (табл. 2). Это может быть связано с развитием транспортного собаководства, свидетельством которого являются находки фрагментов собачьей упряжи и нарт. Кроме упряжных, несомненно, содержали охотничьих собак, поскольку промысел диких млекопитающих и птиц был важной частью хозяйства посадских жителей.

Значительная часть остатков собак — целые или почти целые черепа (15 %) и нижние челюсти (20 %). Большое их количество позволяет предположить, что головы собак использовали в ритуальных действиях. Среди остатков найдена челюсть собаки с искусственным отверстием в задней части под венечным отростком. Подобные амулеты из нижних челюстей диких хищных млекопитающих, а также собак были отмечены нами на аборигенных памятниках севера Западной Сибири — Надымском городке и городище Бухта Находка [Визгалов и др., 2013]. Эти факты свидетельствуют о проявлении особого отношения жителей к собакам и их костям. Е.В. Первалова [2004, с. 289–293] отмечала, что божества в образе собаки или волка были весьма популярны в духовной культуре нижнеобских хантов.

В небольшом количестве на посаде содержали кошек (табл. 2). Найдены почти целый скелет, несколько парных челюстей, практически целые черепа и несколько целых костей конечностей. Большая часть остатков была сосредоточена возле построек. Хлебопашеством население города не занималось из-за непригодных природных условий. Муку и другие зерновые продукты в город завозили издалека, и ценность их была существенно выше, чем в европейской части. Поэтому содержание кошек для защиты от грызунов было важным компонентом хозяйства, а не только связано с русской традицией держать этих животных в домах.

Хозяйственная деятельность населения посада города Березова в XVII–XVIII вв. ...

Жители посада города Березова разводили в небольшом количестве домашних кур (табл. 4). Найдены фрагменты трубчатых костей крыла, ног и грудины. Вероятно, кур держали в основном для получения яиц, так как на мясо вполне хватало промысловой птицы.

Таблица 4

Видовой состав количество и соотношение остатков птиц в раскопках посада Березовского городища

Table 4

Species composition, number and ratio of bird remains from the posad excavations of the Beryozovo hillfort

Вид	Абс.	%
Домашняя птица		
Курица — <i>Gallus gallus domesticus</i>	66	2
Боровая дичь		
Рябчик — <i>Bonasa bonasia</i>	1	0,02
Глухарь — <i>Tetrao urogallus</i>	410	10
Белая куропатка — <i>Lagopus lagopus</i>	85	2
Тетерев — <i>Tetrao tetrix</i>	2	0,04
Водоплавающая птица		
Краснозобая казарка — <i>Branta ruficollis</i>	11	0,2
Белолобый гусь — <i>Anser albifrons</i>	111	3
Пискулька — <i>Anser erythropus</i>	10	0,2
Гуменник — <i>Anser fabalis</i>	783	19
Серый гусь — <i>Anser anser</i>	84	2
Гуси — <i>Anser sp.</i>	194	5
Лебедь-кликун — <i>Cygnus cygnus</i>	41	1
Кряква — <i>Anas platyrhynchos</i>	247	6
Чирок-свистунок и трескунок — <i>Anas crecca et querquedula</i>	314	8
Клоктун — <i>Anas formosa</i>	2	0,04
Свиязь — <i>Anas penelope</i>	342	8
Шилохвость — <i>Anas acuta</i>	371	9
Шилохвость-свиязь — <i>Anas acuta et penelope</i>	424	11
Широконоска — <i>Anas clypeata</i>	198	5
Утки — <i>Anas sp.</i>	185	5
Красногловый нырок — <i>Aythya ferina</i>	19	0,5
Хохлатая чернеть — <i>Aythya fuligula</i>	67	2
Синьга — <i>Melanitta nigra</i>	7	0,1
Гоголь — <i>Bucephala clangula</i>	4	0,1
Крохаль большой — <i>Mergus merganser</i>	4	0,1
Крохаль средний — <i>Mergus serrator</i>	4	0,1
Чернозобая гагара — <i>Gavia arctica</i>	2	0,05
Прочие		
Орлан-белохвост — <i>Haliaeetus albicilla</i>	4	0,1
Белая сова — <i>Bubo (Nyctea) scandiaca</i>	2	0,05
Серый журавль — <i>Grus grus</i>	10	0,2
Тулес — <i>Pluvialis squatarola</i>	3	0,1
Сорока — <i>Pica pica</i>	2	0,05
Ворона — <i>Corvus corax</i>	3	0,1
Всего определимых остатков	3946	100
Птицы, ближе к «неопределимым» — <i>Aves indet.</i>	325	

Промысловую деятельность можно условно разделить на «пищевую» и «пушную». К «пищевой» в первую очередь относится добыча дикого северного оленя и лося. Судя по наличию в слое посада железных и костяных наконечников стрел, крупных копытных добывали во время индивидуальной охоты с луками. Судя по небольшому количеству костей зайца-беляка, охота на него существенной роли в хозяйстве не играла (табл. 2).

К «пищевой» охоте можно отнести и промысел птиц, остатки которых составляют почти половину всей остеологической коллекции. Добывавшиеся птицы представлены 33 дикими видами, характерными для таежной части Западной Сибири (табл. 4). Наиболее активно в теплый период жители посада вели промысел водоплавающих птиц — гусей и уток (87 %). Большинство остатков происходит от различных видов уток (55 % всех птиц). Из гусей доминирует крупный, таежно-лесотундровый вид — гуменник. Хотя кости гусей составляют только треть всей остеологической коллекции птиц (табл. 4), ввиду их больших размеров вклад этих видов в экономику был выше.

Боровую дичь добывали в меньшем количестве (13 % всех остатков птиц) (табл. 4). Анализ костных остатков основного вида — глухаря выявил явное преобладание (почти в два раза) костей самцов, которых легче добывать весной на токах. Нами отмечены также кости молодых птиц, выводки которых находили осенью.

Птиц использовали не только как дополнительный источник пищи, от них получали пух и перо и, вероятно, яйца [Абрамов, 1857]. Об этом свидетельствуют многочисленные находки перьев (165 экз.) и скорлупы яиц.

Среди видов, не употреблявшихся в пищу,— хищные птицы (орлан-белохвост и белая сова) и ворона. Остатки птиц этих видов на памятниках севера Западной Сибири, как правило, связаны с их использованием в культовой практике аборигенного населения [Лобанова, Кардаш, 2014, с. 55–56].

Рыболовство документируется в раскопе десятками грузил и поплавков от сетей и неводов и рыболовных крючков. Наибольшее количество костей принадлежит сибирскому осетру и щуке (табл. 5). У осетровых рыб не сохраняются хрящевые позвонки, поэтому можно предположить, что действительное количество добытых осетровых было больше в два раза. В этом случае можно говорить, что доля вылавливавшегося осетра была выше, чем доля щуки, соответственно выше была и общая доля рыбы в остеологической коллекции. Среди других видов рыб преобладают нельма, сиговые — муксун, щокур, пыжьян, сырок и язь (табл. 5). Реже добывали налима, карповых рыб и стерлядь. У большинства видов рыб присутствуют кости всех отделов скелета. Следовательно, рыбу на поселение приносили целиком и разделяли на месте. На небольшом количестве костей отмечены следы рубки. Около 10 % костей несут следы переваривания.

Таблица 5

Видовой состав и количество остатков рыб из раскопа 2 Березовского городища

Table 5

Species composition, number and ratio of fish remains from the posad excavations of the Beryozovo hillfort

Вид	Абс.	%
Щука обыкновенная — <i>Esox lucius</i>	256	34
Осетр сибирский — <i>Acipenser baerii</i>	256	34
Стерлядь — <i>Acipenser ruthenus</i>	1	0
Нельма — <i>Stenodus leucichthys nelma</i>	97	13
Сиги — <i>Coregonus</i> sp.	67	9
Язь — <i>Leuciscus idus</i>	40	5
Налим — <i>Lota lota</i>	21	3
Карповые — Cyprinidae	16	2
Всего определимых остатков	754	100
Рыба, ближе к «неопределимым» — Pisces indet.	622	

По этнографическим данным, в районе Березова в большом количестве вылавливали тугуна — так называемую сосьвинскую селедку [Абрамов, 1857, с. 407–409; Дунин-Горкавич, 1910, с. 257]. Кости этого вида рыб очень мелких размеров и среди остатков сиговых не найдены. Возможно, этих рыб съедали без остатка сами жители, либо в силу очень мелких размеров костей этих рыб не были собраны при раскопках. Скорее всего, часть рыбы скормливали собакам и свиньям. В связи с этим представленная коллекция остатков рыб не может считаться полностью отражающей роль рыболовства у жителей города Березова.

О наличии пушного промысла свидетельствуют как единичные находки костей лисицы, песца, россомахи и бурого медведя (табл. 2), так и находки деталей ловушек на пушных зверей. Судя по тому, что почти все найденные их остатки представляют собой кости головы (череп и нижние челюсти), можно утверждать, что тушки добытых животных на поселение не приносили и в пищу не использовали, а головы их иногда сохраняли для исполнения промысловых обрядов. Находки подобных свидетельств промысловых ритуалов многочисленны на аборигенных памятниках этого региона [Лобанова, Кардаш, 2014, с. 57]. Вероятно, пушной промысел осуществлялся в отдалении от города, где и производилась первичная обработка добытых животных, поэтому оценить масштабы этой деятельности довольно трудно.

Заключение

По мере становления городского хозяйства в начале XVII — конце XVIII в. у жителей посада города Березова уменьшается доля присваивающего хозяйства и увеличивается доля производящего. Об этом свидетельствует увеличение роли домашних животных и северного оленя,

большую часть остатков которого мы также относим к домашней форме. Это обеспечило более стабильные условия жизни. На фоне этого выросли численность населения посада и объемы потребления животной пищи.

Главенствующую роль в питании посадского населения играли крупный рогатый скот и северный олень. В XVII в. большую часть особей крупного рогатого скота (55 %) забивали на мясо по достижении ими наибольших размеров тела в возрасте 1,5–3 лет. Не более 10 % особей содержали до 4–9 лет для получения молока. С конца XVII в. и позднее, в XVIII в., происходит развитие молочного направления, в связи с чем изменяется возрастная структура стада. Вероятно, большую часть бычков стали забивать в раннем возрасте, а коров содержали дольше для получения молока. Одновременно в регионе бурно развивается крупностадное оленеводство и в этот процесс вовлекается русское население северных городов. Это позволило за счет мяса домашних оленей компенсировать недостаток мяса домашних копытных.

Посадские жители содержали в хозяйстве немного свиней и практически не имели мелкого рогатого скота. Для получения яиц в небольшом количестве разводили домашних кур. Содержание домашних уток и гусей в суровых климатических условиях экономически не выгодно. Их отсутствие с лихвой компенсировалось активным промыслом диких видов гусей и уток. Помимо водоплавающих птиц жители охотились на боровую дичь (в основном на глухаря). Птиц добывали во все сезоны года — водоплавающих в весенне-летне-осенний период, особенно когда они образовывали мигрирующие скопления. Оседлая боровая дичь могла попадаться охотникам в течение всего года. Скорее всего, при охоте на пернатых использовали лук и тупые стрелы — томары.

Существенной отраслью хозяйства жителей Березова было рыболовство. Основной упор рыболовы делали на добычу крупных видов — осетра, щуки и нельмы. Лучший лов рыбы начинался с июля, когда спадала вода, и продолжался до глубокой осени [Абрамов, 1857, с. 409]. Рыбу ловили для еды, на продажу, а также ею кормили собак и свиней [Татищев, 1950, с. 168].

Лошади, вероятно, принадлежала более значительная роль в хозяйстве, чем это отражают костные остатки. Лошадей использовали как тягловых животных и передвигались на лошадях преимущественно зимой, по снегу [Бартенев, 1998, с. 131]. В остальное время года для передвижения и перевозки грузов использовали собак, особенно осенью, до выпадения снега, по гололедице, и весной по мягкому снегу, когда на лошадях ездить трудно [Абрамов, 1857, с. 406]. Поскольку наряду с деталями собачьей упряжи и нарт в посаде были найдены фрагменты оленьих нарт и упряжи, считаем, что, возможно, северного оленя использовали в качестве транспортного животного наряду с собакой и лошадей. Вероятно, в голодные периоды в отдельных случаях мясо лошадей употребляли в пищу.

Количество собак с развитием хозяйства у населения Березова увеличивалось. Помимо ездовых собак, вероятно, держали охотничьих.

Промысел зверей и птиц был одним из основных видов деятельности как русского, так, возможно, и аборигенного населения посадской части Березова. Активные занятия охотой подтверждают находки в раскопе № 2 более 150 предметов, в числе которых: стрелы; железные, костяные и деревянные наконечники стрел; детали луков, самострелов и ловушек на пушного зверя. Мясо дикого северного оленя, лосей, зайцев и птицы, добывавшихся в окрестностях города, было дополнением к мясному рациону. Жители посада добывали пушных зверей. Размер этого вида промысла оценить трудно, поскольку тушки добытых животных на городище не попадали и в пищу не использовались.

Развитое животноводство, разведение крупного рогатого скота, свиней и кур, указывает на ведущую роль русского населения в хозяйственном укладе посадских жителей. В то же время большое количество «пищевых» остатков северного оленя, наличие транспортного оленеводства и собаководства, а также сохранившиеся свидетельства местных промысловых и других обрядов говорят, что в разные периоды в городе наряду с русским могло проживать аборигенное население. Именно в посадской части Березова предполагается наличие усадьбы, которая могла использоваться для временного проживания хантыйскими старшинами (князьками) и их семьями. Более того, в раскопе № 2 Березовского посада была собрана значительная коллекция предметов аборигенного хантыйского населения, особенно в слоях XVIII в. [Визгалов, Кардаш, 2011].

Таким образом, на основе анализа археозоологических материалов, а также археологических данных можно говорить, что в посаде города Березова в XVII–XVIII вв. проживало смешанное население — русское и аборигенное. Хозяйство жителей Березова было выстроено по традиционному для русских городов типу, с учетом природных особенностей и использованием всех

доступных промысловых ресурсов, а также при активном взаимодействии с аборигенным населением региона.

Финансирование. Обработка коллекций проводилась в рамках государственного задания Института экологии растений и животных УрО РАН. Анализ данных осуществлялся при поддержке президентского гранта № 18-2-007554.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абрамов Н.А. Описание Березовского края // Записки Русского Географического Общества. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1857. Кн. 12. С. 327–448.
- Акаевский А.И. Анатомия северного оленя. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. 327 с.
- Алквист А. Среди хантов и манси: Путевые записи и этнографические заметки. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. 179 с.
- Бартенев В.В. На крайнем Северо-Западе Сибири. Очерки Обдорского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века. Екатеринбург: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1998. С. 114–217.
- Бачура О.П., Подопрigора И.Н. Некоторые особенности питания русского населения городов Северного Урала (XVII–XX вв.) // Русские старожилы. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. С. 457–460.
- Бобковская Н.Е. Остеологическая коллекция из раскопок Березовского городища // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Апельсин, 2008. С. 367–377.
- Бобковская Н.Е. Животноводство в Березове (XVII в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2 (13). С. 201–205.
- Визгалов Г.П. Отчет о НИР. Археологические исследования в поселке Березово // Архив НПО СА. 2006. № 250.
- Визгалов Г.П. Отчет о НИР: Охранно-спасательные работы на археологическом слое ПГТ Березово // Архив НПО СА. 2007. Т. 1, 2. № 230/1, 230/2.
- Визгалов Г.П. Отчет о НИР: Проведение аварийно-спасательных археологических работ на культурном слое исторического поселения Березово. // Архив НПО СА. 2010. Т. 2. Кн. 2. № 303/2, 302/3.
- Визгалов Г.П., Кардаш О.В. «Остязкая усадьба» в посаде города Березов XVIII века (по материалам археологических исследований 2008 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С. 87–97.
- Визгалов Г.П., Кардаш О.В., Косинцев П.А., Лобанова Т.В. Историческая экология населения севера Западной Сибири. Нефтеюганск: Институт археологии Севера; Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2013. 376 с.
- Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Археологические исследования Березовского городища // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Апельсин, 2008. С. 166–178.
- Девяшин М.М., Пластеева Н.А. Некоторые аспекты использования животных первыми русскими поселенцами в Западной Сибири // Молодеж. науч. конференция ТГУ 2009 г.: Проблема гуманитарных наук. Томск: Изд-во ТГУ, 2010. Т. 273. Вып. 1. С. 49–51.
- Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 620 с.
- Зуев В.Ф. Материалы по этнографии XVIII века (1771–1772). М.; Л.: АН СССР, 1947. 96 с.
- Исаев Ю.А., Клементьев А.М., Мартынович Н.В. Фауна позвоночных из археологических раскопок исторического центра г. Иркутска // Байкальский зоологический журнал. 2011. № 2 (7). С. 5–10.
- Косинцев П.А., Лобанова Т.В. Животноводство в хозяйстве населения Мангазеи // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 105–112.
- Косинцев П.А., Подопрigора И.Н. Домашние животные Верхотурья // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. С. 81–91.
- Косинцев П.А., Черная М.П. Костные остатки животных из Томского Кремля // Русские старожилы. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. С. 488–492.
- Лобанова Т.В., Кардаш О.В. Хозяйственные, бытовые и ритуальные аспекты жизнедеятельности населения Полуйского мысового городка (по результатам анализа археозоологической коллекции) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 3 (59). С. 66–79.
- Мартынович Н.В. Куры (*Gallus gallus domestica*) Березовского городища (Нижнее Приобье) // Археология Севера России: От эпохи железа до Российской империи: Материалы Всерос. науч. конф. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2013а. С. 330–332.
- Мартынович Н.В. Птицы Березовского городища (Нижнее Приобье) // Динамика современных экосистем в голоцене: Материалы Третьей Всерос. науч. конф. Казань: Отечество, 2013б. С. 241–242.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. 3-е изд. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2005. 630 с.
- Номоконова Т.Ю., Батракова Н.А., Бердникова Н.Е., Бердников И.М. Остеологическая коллекция с территории Владимирского некрополя (Иркутск) // Культура русских в археологических исследованиях: Междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Омского ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. С. 356–362.
- Перевалова Е.В. Северные ханты: Этническая история. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2004. 414 с.
- Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М.: Географиз, 1950. 248 с.

Цалкин В.И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 184 с. (МИА; № 51).

Шашков А.Т. Славен град Березов! // Родина. 2003. № 7. С. 44–49.

Яворская Л.В., Антипина Е.Е. Археозоологические исследования средневекового города: Контексты и интерпретации // Археология Пскова и Псковской земли. Москва; Псков: ИА РАН, 2017. Вып. 32. С. 358–366.

Grant A. The use of the tooth wear as guide to the age of domestic ungulates // Aging and sexing animal bones from Archaeological sites. BAR British Series 109, 1982. P. 91–108.

Silver I.A. The ageing of domestic animals // Science in archaeology: A survey of progress and research. N. Y.: Praeger Publishing, 1970. P. 283–302.

O.P. Bachura * , **, T.V. Lobanova * , G.P. Vizgalov **, *,
N.V. Martynovich **** , D.O. Gimranov ***

* Institute of Plant and Animal Ecology of Ural Branch RAS
8 Marta st., 202, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation

** Surgut State University

prosp. Lenina, 1, Surgut, 628412, Russian Federation

*** Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch RAS
prosp. Acad. Lavrentyeva, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

**** Museum of the World Ocean

nab. Petra Velikogo, 1, Kaliningrad, 236006, Russian Federation

E-mail: olga@ipae.uran.ru; lola_64@mail.ru;

vizgalovgp@mail.ru; martynovichn@mail.ru

Economic activity of the Berezov posad population in the 17th–18th centuries (on the basis of osteological materials from excavation site No. 2)

Berezov is one of the first Russian towns in the north of Western Siberia (Khanty-Mansi Autonomous Area). This article is aimed at describing the household structure, the commercial activities of the population inhabiting the posad of the town on the basis of animal bone remains, as well as at determining the degree of integration of the Russian and native population in the region. The study was carried out using the osteological collection (approximately 12,000 items) obtained during the excavations on the site in 2008–2018. Having compared the materials belonging to different construction layers, we identified three chronological periods covering the time from the mid-17th (the moment this site was built) up to late 18th centuries. When describing bone remains, species composition, skeleton element, as well as the degree of fragmentation, were determined. The age structure of domestic animals was described. During the period under review, as the urban economy was developing, foraging activities decreased in the town of Berezov, whereas production increased. Cattle and reindeer played a dominant role in the diet of the posad population. Starting from the end of the 17th century and later in the 18th century, the raising of predominantly beef cattle was gradually giving place to the raising of dairy cattle. Simultaneously, the region was witnessing a rapid development of large-scale reindeer herding, with the involvement of the Russian population of northern towns in this process. Thus, the lack of domestic meat was compensated for by domestic reindeer meat. The population of the posad kept a small number of pigs, sheep, horses and hens. Dogs were used for hunting and transportation. Game hunting (especially wild geese, ducks and capercaillies), as well as fishing, played an important role in the economy of the population. The population fished mostly large species of fish (sturgeon, pike, nelma) and hunted for elks, hares, as well as fur-bearing animals. The analysis of archaeozoological materials, as well as archaeological data, revealed that mixed Russian and original population resided in the posad of Berezov in the 17th–18th centuries. The economy of the population was typical for Russian towns, exhibiting local natural characteristics and involving the use of all available commercial resources, as well as active cooperation with the original population of the region.

Key words: the Western Siberia, Khanty-Mansy Autonomous Area, the Late Middle Ages, Russian and original population, domestic animals, hunting.

Funding. The processing of the collections was made according to state agreement with the Institute of Plant and Animal Ecology of Ural Branch RAS. The analysis of data was supported by the presidential grant № 18-2-007554.

REFERENCES

Abramov N.A. (1857). Description of the Beryozov region. In: *Zapiski Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* (pp. 327–448). St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. (Rus.).

Akaevskii A.I. (1939). *Anatomy of the reindeer*. Leningrad: Izd-vo Glavsevmorputi. (Rus.).

Alkvist A. (1999). *Among the Khanty and Mansi: Travel notes and ethnographic notes*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta. (Rus.).

Bachura O.P., Podoprigora I.N. (2000). Some nutrition features of the Russian population in the cities of the Northern Urals (XVII–XIX centuries). In: *Russkie starozhily* (pp. 457–460). Tobol'sk; Omsk: OmGPU. (Rus.).

- Bartenev V.V. (1998). In the Far Northwest of the Siberia. Study on the Obdorsk territory. In: *Tobol'skii Sever glazami politicheskikh ssyl'nykh XIX — nachala XX veka* (pp. 114–217). Ekaterinburg: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izd-vo. (Rus.).
- Bobkovskaia N.E. (2008). Osteological collection from the Beryozovo hillfort excavations. In: *Kul'tura russkikh v arkhеologicheskikh issledovaniakh* (pp. 367–377). Omsk: Apel'sin. (Rus.).
- Bobkovskaia N.E. (2010). Animal husbandry in Beryozovo (XVII c.). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 201–205. (Rus.).
- Deviashin M.M., Plasteeva N.A. (2010). Some aspects of the animals use by the first Russian settlers in the Western Siberia. In: *Molodezhnaia nauchnaia konferentsiia Tomskogo gosudarstvennogo universiteta 2009 g.: Problema gumanitarnykh nauk* (pp. 49–51). Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta. (Rus.).
- Dolgikh B.O. (1960). *Race and tribal composition of the peoples of Siberia in the 17th century*. Moscow: Izd-vo AN SSSR. (Rus.).
- Grant A. (1982). The use of the tooth wear as guide to the age of domestic ungulates. In: *Aging and sexing animal bones from Archaeological sites. BAR British Series 109* (pp. 91–108).
- Iavorskaia L.V., Antipina E.E. (2017). Archaeozoological studies of the medieval city: Contexts and interpretations. *Arkheologiya Pskova i Pskovskoi zemli*, (32), 358–366. (Rus.).
- Isaev Iu.A., Klement'ev A.M., Martynovich N.V. (2011). Fauna of vertebrates from archaeological excavations in the historical center of Irkutsk. *Baikal'skii zoologicheskii zhurnal*, (2), 5–10. (Rus.).
- Kosintsev P.A., Podoprigora I.N. (1998). Domestic animals of the Verkhotur'ye. In: *Arkheologicheskie i istoricheskie issledovaniia g. Verkhotur'ia* (pp. 81–91). Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii. (Rus.).
- Kosintsev P.A., Chernaia M.P. (2000). Bone animal remains from the Tomsk Kreml. In: *Russkie starozhily* (pp. 488–492). Tobol'sk; Omsk: OmGPU. (Rus.).
- Kosintsev P.A., Lobanova T.V. (2005). Animal husbandry in economy of the Mangazeya population. In: *Kul'tura russkikh v arkhеologicheskikh issledovaniakh* (pp. 105–112). Omsk: Izd-vo OmGU. (Rus.).
- Lobanova T.V., Kardash O.V. (2014). Subsistence and ritual practices at the Polui fortified settlement, Western Siberia (based on fauna remains). *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, (3), 66–79. (Rus.).
- Martynovich N.V. (2013a). Hens (*Gallus gallus domesticus*) of Beryozovo Hillfort (Low Ob' Basin). In: *Arkheologiya Severa Rossii: Ot epokhi zheleza do Rossiiskoi imperii: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* (pp. 330–332). Ekaterinburg; Surgut: Magellan. (Rus.).
- Martynovich N.V. (2013b). Birds from Beryozovo Hillfort (Low Ob' Basin). In: *Dinamika sovremennykh ekosistem v golotsene: Materialy Trefei Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* (pp. 241–242). Kazan': Otechestvo. (Rus.).
- Miller G.F. (2005). *History of Siberia*. Moscow: Izdatel'skaia firma «Vostochnaia literatura» RAN. (Rus.).
- Nomokonova T.Iu., Batrakova N.A., Berdnikova N.E., Berdnikov I.M. (2011). Osteological collection from the territory of the Vladimir necropolis (Irkutsk). In: *Kul'tura russkikh v arkhеologicheskikh issledovaniakh* (pp. 356–362). Omsk: Izd-vo Omskogo in-ta (filiala) RGTEU. (Rus.).
- Perevalova E.V. (2004). Northern Khanty: Ethnic History. Ekaterinburg: Institut istorii i arkhеologii UrO RAN. (Rus.).
- Shashkov A.T. (2003). Glorious Beryozov town! *Rodina: Rossiiskii istoricheskii illiustrirovannyi zhurnal*, (7), 44–49. (Rus.).
- Silver I.A. (1970). The ageing of domestic animals. In: *Science in archaeology: A survey of progress and research* (pp. 283–302). New York: Praeger Publishing.
- Tatishchev V.N. (1950). *Some works on the geography of Russia*. Moscow: Geografiz. (Rus.).
- Tsalkin V.I. (1956). *Materials on the cattle-breeding and hunting history in the Ancient Russia*. Moscow: Izd-vo AN SSSR. (Rus.).
- Vizgalov G.P., Kardash O.V. (2011). «Ostyak manor house» in the Beryozov posad of the XVIII c. (based on archaeological research in 2008). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 87–97. (Rus.).
- Vizgalov G.P., Kardash O.V., Kosintsev P.A., Lobanova T.V. (2013). *Historical ecology of the population of the north of Western Siberia*. Nefteiugansk: Institut arkhеologii Severa; Ekaterinburg: Izd-vo AMB. (Rus.).
- Vizgalov G.P., Parkhimovich S.G. (2008). Archaeological research of the Beryozovo hillfort. In: *Kul'tura russkikh v arkhеologicheskikh issledovaniakh* (pp. 166–178). Omsk: Apel'sin. (Rus.).
- Zuev V.F. (1947). *Materials on the ethnography of the 18th century (1771–1772)*. Moscow, Leningrad: AN SSSR. (Rus.).

О.П. Бачура, <https://orcid.org/0000-0002-4865-5167>

Т.В. Лобанова, <https://orcid.org/0000-0001-5762-7734>

Г.П. Визгалов, <https://orcid.org/0000-0002-6861-7715>

Н.В. Мартынович, <https://orcid.org/0000-0001-8988-3978>

Д.О. Гимранов, <https://orcid.org/0000-0002-9592-5211>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 06.09.2019

Accepted: 19.12.2019

Article is published: 02.03.2020

Н.М. Зиняков *, О.Е. Пошехонова **

* Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650043

** ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625003

E-mail: NMZINYAKOV@rambler.ru; poshehonova.olg@gmail.com

КУЗНЕЧНЫЕ ИЗДЕЛИЯ РУССКИХ РЕМЕСЛЕННИКОВ XVII–XIX вв. У ВЕРХНЕТАЗОВСКИХ СЕЛЬКУПОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА КИККИ-АККИ): ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Статья посвящена изучению технологии изготовления чернометаллических изделий русского происхождения, обнаруженных в могильнике верхнетазовских селькупов, проживавших на севере Западной Сибири в XVIII–XIX вв. Номенклатура рассмотренных предметов: ножи, топоры. Метод исследования — металлографический анализ. В результате исследования установлены характер, уровень и особенности русского металлопроизводства конца XVII — начала XIX в., источники происхождения и временные этапы, а также факторы поступления русских ремесленных товаров в среду автохтонного населения Западной Сибири.

Ключевые слова: Западная Сибирь, позднее средневековье, верхнетазовские селькупы, черный металл, русские изделия, металлографический анализ, технология производства.

Введение

Селькупы, принадлежащие к народам самодийской языковой группы, представляют собой коренное население Западной Сибири. До XVII в. они проживали на Средней Оби и ее притоках — Васюгане, Парабели, Чае, Шегарке, Тыме, Кети, Чулыме. С XVII в., а может, и раньше часть селькупов мигрировала несколькими волнами со Средней Оби в верховья р. Таз и бассейн Турохана. На новой территории под воздействием контактов с ваховскими хантами, енисейскими кетами и лесными энцами сформировалась этническая группа северных селькупов. В литературе группу населения, проживавшую в бассейне Таза, называют тазовскими или северными селькупками, а также тымско-караконскими остяками. Процесс формирования группы северных селькупов завершился в конце XIX в. [Лебедев, Соколова, 1982; Прокофьева, 1956, с. 665; Вершинин, 2018, с. 356]. Основными занятиями северных селькупов являлись охота, рыболовство, оленеводство, дополнявшиеся собирательством [Прокофьева, 1956, с. 668].

После присоединения Западной Сибири к России селькупы вступали во взаимодействие с русскими, все более активизировавшееся с течением времени. Входили в употребление более совершенные орудия и инструменты, новые типы оружия, металлическая посуда, русские ткани и одежда, украшения и т.д. [Прокофьева, 1956, с. 668]. Яркой иллюстрацией перемен и межэтнического взаимодействия являются археологические находки из североселькупского могильника Кикки-Акки, расположенного в районе некогда существовавшего селения Караконская, в верховьях р. Таз, и относящегося к XVIII–XIX вв.

Для оценки качества поступавших к селькупам ремесленных изделий, выявления характера и особенностей русского железообрабатывающего производства XVII — начала XIX в. были проведены металлографические исследования наиболее показательной категории находок из указанного могильника. Кроме того, рассмотрены источники происхождения, временные этапы, а также факторы поступления русских промышленных товаров в среду автохтонного сибирского населения.

Материалы

Могильник Кикки-Акки исследовался в 2013 и 2016 гг. экспедицией под руководством О.Е. Пошехоновой. К настоящему времени изучено 18 из 22 погребений. Все погребения выполнены по обряду ингумации в грунтовых ямах. В погребениях обнаружено большое количество разнообразного сопроводительного инвентаря, в том числе: шаманская парка, набор вещей от двух шаманских

костюмов, деревянное изображение духа-покровителя в многослойной одежде, немецкие счетные жетоны, украшения, множество наконечников стрел, наконечники копий, «пальм» (однолезвийных наконечников) и др. Захоронения были совершены в XVIII — второй половине XIX в., однако в могилах находилось немало изделий старше некрополя, иногда на несколько веков. Практически в каждом захоронении имелись изделия русского происхождения: кафтаны, пуговицы, бусины, перстни, ямщицкие колокольчики, ножи, топоры и т.п. [Poshekhonova et al., 2018, p. 133–134].

Судя по морфологии, все ножи, имеющиеся в коллекции, были изготовлены не селькупскими кузнецами, а русскими мастерами. Они были обнаружены с костными останками всех мужчин и женщин разных возрастов и отсутствовали практически у всех детей и подростков. Ножи были уложены слева от тазовых, левых бедренных или левых берцовых костей. В трех случаях ножи были обнаружены под тазовыми костями. В исключительных случаях они располагались между деревянными перекрытиями или на них, в одном случае нож был воткнут в дно могилы за черепом захороненного индивида. Один топор был расчищен в парном захоронении, на дне, между костями ног двух мужчин, остальные три изделия были прислонены обухом к стенкам захоронений слева от погребальных конструкций. Из номенклатуры изделий русского производства для технологического исследования отобрано 9 экз. ножей пригодной для исследования сохранности и 4 экз. топоров, при этом некоторые ножи датируются более ранним временем — XVII в. [Постникова-Лосева, 1959, с. 580–581], а самые поздние топоры относятся к началу XIX в. [Соловьев, 1987, с. 94].

Представленные в коллекции ножи однотипны (рис. 1, 2). С прямой спинкой, прямым лезвием и соосным клинку черенком рукояти. При переходе от лезвия к черенку, в тех случаях, когда это удалось установить, рассмотренные экземпляры имеют двухсторонние уступы. По функциональному назначению все ножи универсальные — хозяйственно-бытовые и достаточно крупные по размерам. Длина клинка составляет 15–28 см, ширина — 1,8–3,3 см.

Рис. 1. Могильник Кикки-Акки. Фото ножей:

1 — погр. 1, ан. 2767; 2 — погр. 6, ан. 2864; 3 — погр. 14, ан. 2857; 4 — погр. 17, ан. 2856; 5 — погр. 5, ан. 2747; 6 — погр. 4, ан. 2697; 7 — погр. 13, ан. 2746.

Fig. 1. The Kikki-Akki burial ground. Picture of knives:

1 — burial 1, an. 2767; 2 — burial 6, an. 2864; 3 — burial 14, an. 2857; 4 — burial 17, an. 2856; 5 — burial 5, an. 2747; 6 — burial 4, an. 2697; 7 — burial 13, an. 2746.

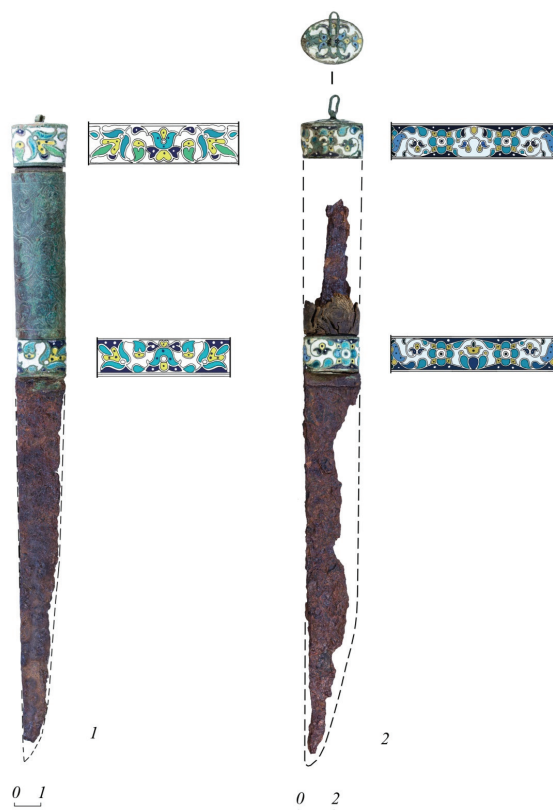

Рис. 2. Могильник Кикки-Акки. Фото ножей с эмалью:

1 — погр. 17, ан. 2874; 2 — погр. 14, ан. 2863.

Fig. 2. The Kikki-Akki burial ground. Picture of enamel knives:

1 — burial 17, an. 2874; 2 — burial 14, an. 2863.

Другой вид продукции русских ремесленников, бытовавшей среди тазовских селькупов, составляли проушные топоры (рис. 3). Металлографическому исследованию подвергнуто 4 экз. Согласно классификации А.И. Соловьева все они относятся к V типу. Топоры этого типа характеризуются широким лезвием, верхний конец которого приподнят к рукояти, уплощенным обухом, четко профилированной бородкой [Соловьев, 1987, с. 94]. Длина изделий — 12–14 см, ширина лезвия — 11,3–12,3 см.

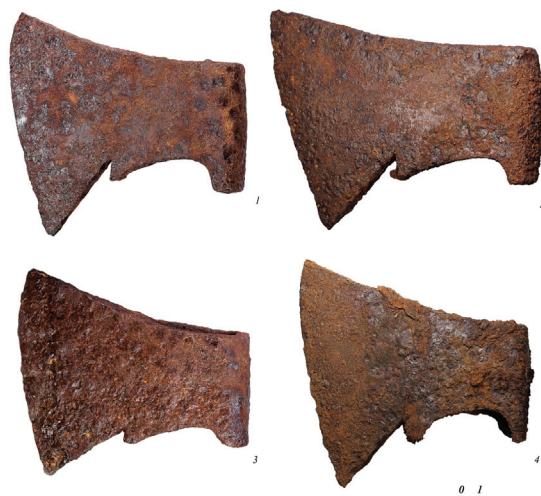

Рис. 3. Могильник Кикки-Акки. Фото топоров:

1 — погр. 17, ан. 2877; 2 — погр. 7, ан. 2879; 3 — погр. 14, ан. 2875; 4 — погр. 4, ан. 2709.

Fig. 3. The Kikki-Akki burial ground. Picture of axes:

1 — burial 17, an. 2877; 2 — burial 7, an. 2879; 3 — burial 14, an. 2875; 4 — burial 4, an. 2709.

Методы

В современной науке наиболее ценными методами исследования черных металлов с точки зрения полноты и надежности получаемой информации являются методы металлографического анализа, суть которых состоит в выявлении структуры металла и на его основе — химического состава, физических и механических свойств изделий. Совокупность полученных данных позволяет в конечном счете определить и технологию кузнечного производства. Технология производства металлоизделий изучалась в соответствии с методикой Б.А. Колчина, предложенной им для металлографического анализа археологических находок — предметов, изготовленных из железа и железоуглеродистых сплавов, с учетом методических рекомендаций R. Pleiner и R.F. Tylecote [Колчин, 1953; Pleiner, 1962; Tylecote, 1962].

Металлографический анализ включает три важнейших метода: макро- и микроструктурное исследование, измерение микротвердости металла. Металлографические исследования осуществлены в лаборатории металлографии кафедры археологии Кемеровского государственного университета. Для анализа структуры металла производилось изъятие из каждого исследуемого изделия образца, на основе которого затем формировался так называемый микрошлиф. Все образцы брались из рабочей части изделия в поперечном сечении. Изготовление микрошлифа предполагало последовательное выполнение операций: 1) выравнивание поверхности среза или излома грубой шлифовкой; 2) тонкая шлифовка; 3) полировка. Первый этап исследования — макроскопический анализ заключался в определении строения металла изделия при небольших увеличениях. На основе его данных избирались участки для более детального, микроструктурного (микроскопического) исследования.

Микроскопический анализ представляет собой исследование структуры металла при больших увеличениях с помощью оптических микроскопов. В данном случае использовались металлографические микроскопы «МИМ-8» и «Neophot-32». После предварительного рассмотрения нетравленного образца последний подвергался травлению 3%-ным раствором азотной кислоты в спирте. Травление полированной поверхности микрошлифа химическим реактивом является средством дифференциации структурных составляющих. Таким образом, полученная картина позволяет судить о структуре исходного материала и на основе последней — о свойствах металла. Описание структур осуществлялось в принятой в металлографии терминологии по виду микроструктуры и соответствующей ей твердости — феррит, перлит, мартенсит, троостит и сорбит. Измерение микротвердости проводилось на измерительном микроскопе «Микротвердомер ПМТ-3» путем вдавливания в испытуемый металл алмазного наконечника Виккерса с нагрузкой 50 г с последующим измерением длин диагоналей полученного отпечатка и на основании этого определением показателя твердости (по принятой в металлографии таблице).

Результаты и обсуждение

Металлографическое исследование ножей из могильника Кикки-Акки показало, что они изготавливались в основном по сварным технологическим схемам. При этом использовалось несколько вариантов сварных конструкций: 1) сварка клинка из двух (рис. 1, 6, ан. 2697; 4, 3) и четырех (рис. 1, 7, ан. 2746; 4, 5) стальных пластин, имеющих различную концентрацию углерода, с последующей мягкой закалкой. Микроструктура термообработанной стали — сорбит (рис. 4, 5, ан. 2746) и сорбит с бейнитом (рис. 4, 3, ан. 2697). Микротвердость сорбита — 170 кг/мм², сорбита с бейнитом — 230–254 кг/мм²; 2) двухслойная сварка железа и малоуглеродистой стали (рис. 1, 5, ан. 2747; 4, 4); 3) трехслойная сварка железа и стали (рис. 2, 2, ан. 2863; 6, 1). При этом изделие подвергнуто мягкой закалке. Микроструктура закаленной стали — сорбит. Микротвердость сорбита — 407–438 кг/мм²; 4) V-образная наварка стального лезвия на железную основу (рис. 1, 1, ан. 2767; 4, 1) с последующей мягкой закалкой. Микроструктура термообработанной стали — сорбит. Микротвердость сорбита — 240–267 кг/мм²; 5) косая наварка стального лезвия на пакетную заготовку, состоящую из полос феррита, феррито-перлита и сорбита (рис. 1, 3, ан. 2857; 6, 2). Готовое изделие подвергнуто мягкой закалке. Микроструктура стального лезвия представляет собой троостит; 6) вварка стального лезвия в железную основу (рис. 1, 4, ан. 2856; 6, 3) с последующей закалкой на троостит. Микротвердость троостита — 387–407 кг/мм²; 7) торцовая наварка стального лезвия на железную основу с последующей закалкой на троостит (рис. 1, 2, ан. 2864; 4, 2).

Технологию изготовления одного из ножей установить однозначно оказалось довольно сложно ввиду сильной коррозии металла. Основа шлифа состоит из крупнозернистого феррита. В центре шлифа фиксируется клиновидная мелкозернистая ферритная структура с четким сварочным швом

(рис. 2, 1, ан. 2874; 7, 2). Выявленная микроструктура с большой долей вероятности свидетельствует о возможном применении при его производстве технологической схемы вварного лезвия.

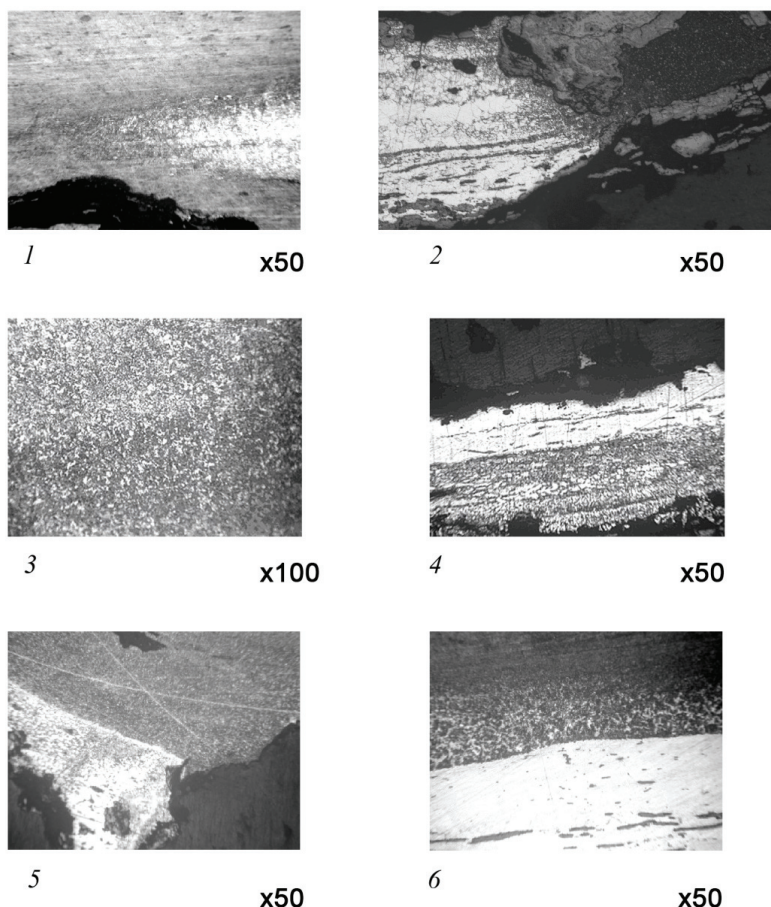

Рис. 4. Могильник Кикки-Акки. Фото микроструктур ножей и топора:

1 — погр. 1, ан. 2767; 2 — погр. 6, ан. 2864; 3 — погр. 4, ан. 2697; 4 — погр. 5, ан. 2747; 5 — погр. 13, ан. 2746; 6 — погр. 4, ан. 2709.

Fig. 4. The Kikki-Akki burial ground. Picture of knives and ax microstructures.

1 — burial 1, ан. 2767; 2 — burial 6, ан. 2864; 3 — burial 4, ан. 2697; 4 — burial 5, ан. 2747; 5 — burial 13, ан. 2746; 6 — burial 4, ан. 2709.

Рукояти рассмотренных ножей, в основе своей цельнодеревянные. Способ монтажа рукояти с хвостовиком — всадной. Данная коллекция отличается разнообразием приемов оформления рукоятей. Среди них особенно выделяются два ножа с многоцветным эмалевым декором (рис. 2, 1, 2, ан. 2863, 2874). Рукоять первого ножа (ан. 2874) в основе цельнодеревянная, овальная в сечении. На верхнем и нижнем конце рукояти сделаны уступы для монтажа навершия и bolsterа. На деревянную рукоять надета тонкостенная трубка из медного сплава. Трубка — овальная в сечении (20×15,5 мм), длиной 6,4 см. Вся поверхность трубки покрыта орнаментом, выполненным в технике плоскостной гравировки. Узор оформлен в виде толстых и тонких изогнутых линий, образующих красивый стилизованный растительный орнамент, дополненный в свободных зонах прямой штриховкой (рис. 2, 1, ан. 2874).

На рукояти закреплены bolster и навершие, отлитые из медного сплава. Навершие в плане — овальной формы (16,2×21,6 мм). Высота его бортика составляет 16 мм. На верхней площадке навершия имеется небольшая петля. Боковая поверхность и верхняя площадка навершия украшены узором из пластинчатых перегородок. Поверхность между перегородками покрыта разноцветной эмалью (белая, голубая, темно-синяя, желтая, зеленая). Узор — растительного типа. Центральное место в нем занимает крин на белом фоне, состоящий из голубых, желтых и зеленых лепестков. Между цветами расположены изогнутые стебли и листья. Орнамент усеян голубыми и белыми точками и кружочками. По нижнему краю навершия располагается

сканный жгут. Большер также имеет овальную в плане форму и примерно такие же габариты, как и наверхие. На дне обоймы снизу выполнен уступ с прорезью для продевания и фиксации клинка. Поверхность большера покрыта перегородчатой эмалью, узор и цветовая гамма которой лишь в незначительных деталях отличается от украшения наверхия (рис. 2, 1, ан. 2874).

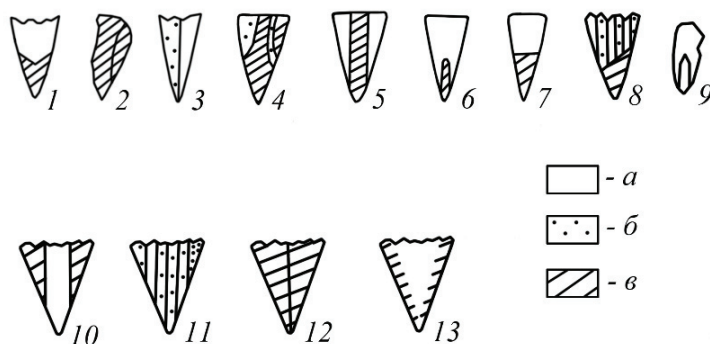

Рис. 5. Моги́льник Кикки-Акки. Технологические схемы изготовления кузнечных изделий: 1–9 — ножи; 10–13 — топоры: 1 — погр. 1, ан. 2767; 2 — погр. 4, ан. 2697; 3 — погр. 5, ан. 2747; 4 — погр. 13, ан. 2746; 5 — погр. 14, ан. 2863; 6 — погр. 17, ан. 2856; 7 — погр. 6, ан. 2864; 8 — погр. 14, ан. 2857; 9 — погр. 17, ан. 2874; 10 — погр. 17, ан. 2877; 11 — погр. 4, ан. 2709; 12 — погр. 7, ан. 2879; 13 — погр. 14, ан. 2875; а — феррит; б — углеродистая сталь; в — закалка.

Fig. 5. The Kikki-Akki burial ground. Technological schemes for the manufacture of forged products: 1–9 — knives; 10–13 — axes: 1 — burial 1, an. 2767; 2 — burial 4, an. 2697; 3 — burial 5, an. 2747; 4 — burial 13, an. 2746; 5 — burial 14, an. 2863; 6 — burial 17, an. 2856; 7 — burial 6, an. 2864; 8 — burial 14, an. 2857; 9 — burial 17, an. 2874; 10 — burial 17, an. 2877; 11 — burial 4, an. 2709; 12 — burial 7, an. 2879; 13 — burial 14, an. 2875; а — ferrite; б — carbon steel; в — hardening.

Рукоять второго ножа (рис. 2, 2, ан. 2863) в основе своей цельнодеревянная, овальная в сечении (37,7×22,5 мм), выполнена из капа ольхи (*Alnus* sp.)¹. Известно, что древесина ольхи мягкая, вязкая, хорошо обрабатывается. Сразу после сруба она имеет белый цвет, но под воздействием воздуха приобретает красивую окраску, оттенки которой варьируются от оранжево-желтого до красного [Боровиков, Угольев, 1989, с. 94]. Древесина же капа прочнее, чем у дерева, на котором он образовался, и имеет внутри узор особой красоты, состоящий из переплетения цветных волнистых волокон, пятен, вкраплений и точек [Там же, с. 67–68]. На верхнем и нижнем концах рукояти сделаны уступы для монтажа наверхия и большера. Большер и наверхие отлиты из медного сплава. Наверхие овальной в плане формы (35,2×25,3 мм). Высота бортика составляет 22,2 мм. На верхней площадке имеется петля высотой 5 мм. Боковая поверхность и верхняя площадка наверхия покрыты узором из пластинчатых перегородок, в ячейках которого располагается эмаль разных цветов (белая, голубая, темно-синяя, желтая, бирюзовая). Орнамент боковой поверхности основан на повторе и чередовании составляющих его элементов трехлепесткового крина, восьмилепестковых цветов, изогнутых стеблей и листьев. Орнамент верхней площадки наверхия организован по принципу симметрии. Линия симметрии проходит вдоль выступающей петли, по обе стороны которой располагаются по два чередующихся крина. Нижняя обойма (большер) имеет овальную в плане форму и примерно такие же габариты, как у наверхия. Поверхность большера покрыта перегородчатой эмалью, орнамент которой и палитра лишь отдельными деталями отличаются от декора наверхия.

Анализ особенностей технологии эмальерного производства рассмотренных ножей и цветовая гамма эмали позволяют отнести их к категории «товаров с Руси», изготовленных на севере России. Известно, что в XVII в. искусство эмали получило большое развитие в городах Русского Севера, эмальерные мастера которых практиковали сочетание синей и зеленой эмали или синей, зеленой и голубой в совокупности со сканным орнаментом. Фон при этом заливался белой эмалью. Среди таких городов особенно выделялся Сольвычегодск, ставший одним из центров развития русского прикладного искусства. Несколько иная расцветка применялась в Устюге Великом: сканный орнамент заполнялся бирюзовой, зеленой и черной эмалью с белы-

¹ Определения видовой принадлежности образцов древесины выполнены А.С. Афониним, сотрудником сектора археологических и природных реконструкций ИПОС ФИЦ ТюмНЦ СО РАН.

ми, желтыми и черными точками. Орнаментальным фоном, как и на усольских изделиях, служила белая эмаль [Постникова-Лосева, 1959, с. 580–581].

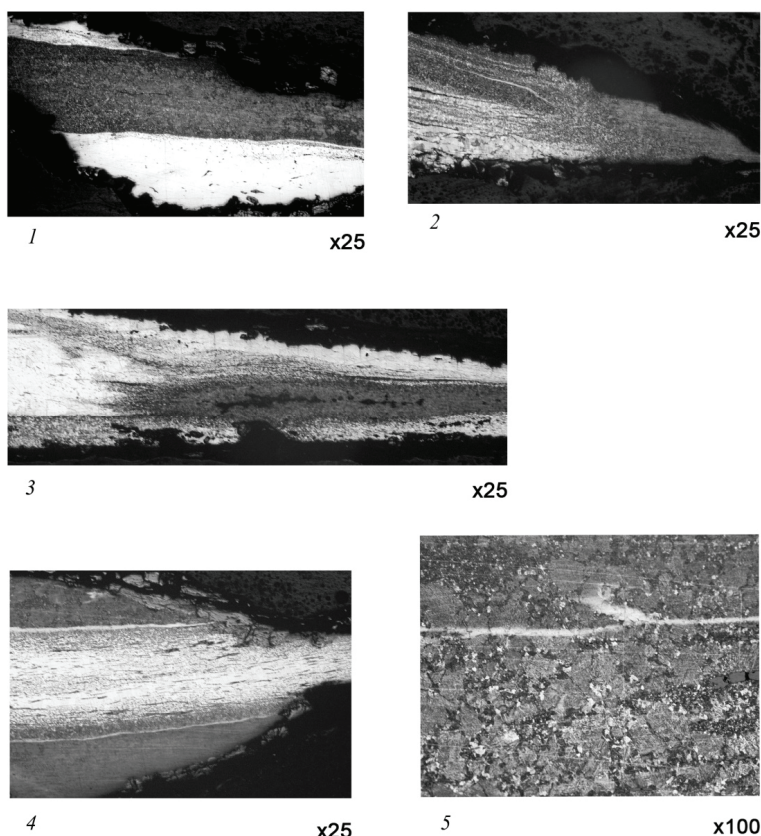

Рис. 6. Могильник Кикки-Акки. Фото микроструктур ножей и топоров:

1 — погр. 14, ан. 2863; 2 — погр. 14, ан. 2857; 3 — погр. 17, ан. 2856; 4 — погр. 17, ан. 2877; 5 — погр. 7, ан. 2879.

Fig. 6. The Kikki-Akki burial ground. Picture of knives and ax microstructures:

1 — burial 14, an. 2863; 2 — burial 14, an. 2857; 3 — burial 17, an. 2856; 4 — burial 17, an. 2877; 5 — burial 7, an. 2879.

Вторую группу составляют ножи, рукоять одного из которых оформлена довольно простыми колпачковидными больстером и навершием (рис. 1, 5, ан. 2747), а другого — только навершием (рис. 1, 7, ан. 2746), выполненными из свинца².

В третьей группе — ножи, деревянные рукояти которых оправлены овальными больстерами и навершиями из сплава олова и свинца (рис. 1, 2, 4, ан. 2864, 2856).

Четвертый тип представлен единственным экземпляром. Рукоять его в основе своей выполнена из березы (*Betula* sp.). На поверхности рукояти вырезаны неглубокие желобки, составляющие ажурную сетку. Желобки представляли собой часть литейной формы, в которую был залит легкоплавкий олово-свинцовый сплав (Sn — 56,39 %; Pb — 41,92 %; Fe — 1,17 %). В приклинковой части рукояти образовавшаяся в процессе литья ажурная металлическая сетка переходит в больстер с донцем. В хвостовой части ажурное литье переходит в грибовидное навершие (рис. 1, 1, ан. 2767).

Микроструктурное исследование образцов металла, взятых на поперечном сечении лезвий топоров, выявило несколько технологических схем, использовавшихся в производстве: 1) трехслойная сварка. Пакет состоит из железной пластины (в центре) и двух стальных пластин по краям. Готовое изделие подвергнуто закалке. Микроструктура закаленной стали состоит из

² Здесь и далее — экспертиза изделий из цветных металлов выполнена А.В. Наберухиной, экспертом по драгоценным металлам и драгоценным камням ЗапСибГИПН на рентгенофлуоресцентном анализаторе энергодисперсионном «ПРИЗМА-М(Au)» № 005-2004 в ноябре 2013 г., свидетельство о поверке №1011/10-13 от 16.10.2013. Железо не входило в состав сплавов, так как практически на каждом предмете встречены окислы железа коричневого и бурого цвета — результат воздействия почвенных процессов.

троостита. Микротвердость троостита — $387\text{--}419\text{ кг/мм}^2$ (рис. 3, 1, ан. 2877; 6, 4); 2) ковка изделия из пакетной заготовки, состоящей из пластин феррита, феррито-перлита и сорбитообразного перлита (рис. 3, 4, ан. 2709; 4, 6); 3) ковка топора целиком из стали. В центре шлифа фиксируется продольный сварочный шов хорошего качества. Такой шов является наглядным свидетельством использования мастером первого технологического приема, описанного Б.А. Колчиным, в процессе реализации которого предварительно вытянутую полосу сгибали в середине на металлической оправе, соприкасающиеся половины сваривали (получались проушина и обух), после этого вытягивали лезвие [Колчин, 1953, с. 104]. Готовое изделие подвергнуто мягкой закалке. Микроструктура термообработанной стали состоит из сорбита. Микротвердость сорбита — $358\text{--}387\text{ кг/мм}^2$ (рис. 3, 2, ан. 2879; 6, 5); 4) двухсторонняя цементация лезвия с последующей мягкой закалкой. Микроструктура закаленной стали состоит из пластинчатого сорбита (рис. 3, 3, ан. 2875; 7, 1). Микротвердость сорбита — 358 кг/мм^2 .

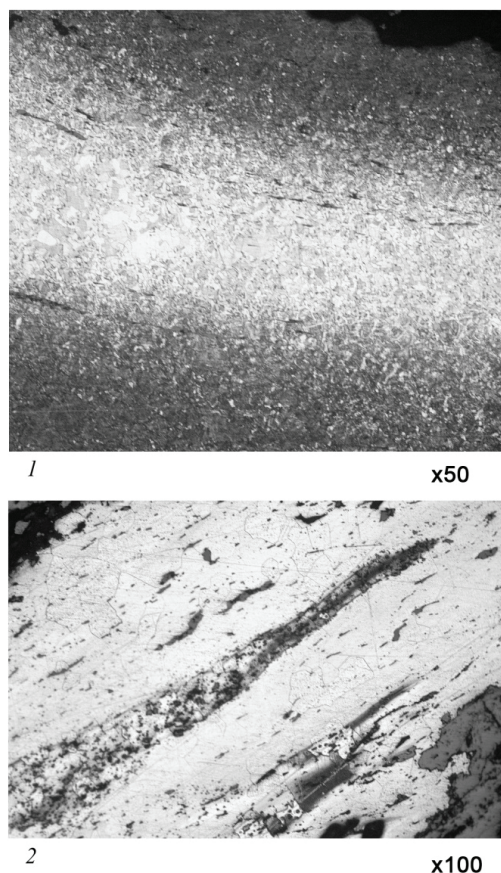

Рис. 7. Могильник Кикки-Акки. Фото микроструктур ножа и топора:

1 — погр. 14, ан. 2875; 2 — погр. 17, ан. 2874.

Fig. 7. The Kikki-Akki burial ground. Picture of knife and ax microstructures:

1 — burial 14, an. 2875; 2 — burial 17, an. 2874.

Согласно источникам можно говорить о трех важнейших факторах, обусловливающих поступление русских промышленных товаров в среду автохтонного сибирского населения: сбор ясака, индустриальное освоение Сибири и развитие всероссийского рынка. Ясак, как известно, представлял собой налог-ренту, взимаемую с коренного населения Сибири в XVII — начале XX в. Ясачная подать до 1763 г. собиралась исключительно натурой (мехами). Но даже и после перевода ясачного сбора на денежную основу (1822 г.) сдача в ясак «мягкой рухляди» не только не прекратилась, но и поощрялась [Вилков, 1967, с. 161]. Средством привлечения коренного сибирского населения к добровольной уплате ясака служили подарки — «государево жалованье», которое выдавалось ясачным людям за «ясачный платеж». Подарки состояли из промышленных товаров, пользовавшихся у сибирского населения большим спросом: всевозможные виды

бисера, олово (в блюдах, тарелках, «в прутье»), медь в тазах и котлах, железо «в прутье» и железные изделия (топоры, ножи, «железца ножевые», иглы), медные перстни и гребни [Бахрушин, 1955, с. 71]. «Государево жалованье» являлось неременным условием поступления пушнины от нерусского населения. Поэтому центральное правительство было озабочено снабжением сибирских городов необходимыми запасами «подарочной казны». Промышленные товары в начальный период освоения Сибири (XVII в.) закупались в Европейской России и рассылались по назначению. Подарки как неременное условие взноса ясака просуществовали с XVII до конца XIX в. По определению С.В. Бахрушина, выдача подарков за «ясачный платеж» была похожа скорее на меновой торг, нежели на фискальную повинность [1955, с. 74].

Отсутствие регламента «менового» сбора ясака неизбежно порождало злоупотребления и коррупцию. Наиболее значительную роль в этих махинациях (с одной стороны — «дарение» местному населению промышленных изделий, с другой — присвоение части мехов как платы за эти «личные» «подарки») играла местная администрация, прежде всего ее руководители — воеводы, а впоследствии, в результате петровских реформ, губернаторы. По свидетельству С.В. Бахрушина, русские воеводы, одаривая туземцев промышленными мелочами, брали в свою пользу от них «поминки» («дары» мехами) [1927, с. 106]. Центральное правительство боролось с этим явлением. Одна из грамот пелымскому воеводе от 1600 г. предписывала следить, чтобы ясачники с собой «товаров никаких не возили и с ясачными людьми не торговали, и нашего ясаку не обменяли лутчих соборей, и куниц, и лисиц, и бобров, и белки, и горностаев себе не имали» [Никитин, 1983]. В 1601 г. царь Борис Годунов издал грамоту о запрете «поминков», однако и после этого воеводские поборы не прекратились. Красноречивые свидетельства такого рода содержатся в челобитной князя Ледерейко, который в 1647 г. от имени всей «ясашной тазовской самояди» подал жалобу на воеводу П.М. Ухтомского. В ней сообщалось, что воевода выманивал у них меха, обещая дать взамен муку, топоры, ножи, сукна, и ничего не дал [Вершинин, 2018, с. 401]. Документ 1661 г. по Тобольску также фиксирует, что воеводы получали меха, используя «подарки, ласку, угрозы» [Старцев, 2001, с. 106–107].

Подобная практика глав местной администрации продолжалась и позднее. Так, Грамота Петра I верхнетурскому воеводе Д.П. Протасьеву от 1697 г. констатирует, что многие сибирские воеводы не только не заботились о прибыли казне, но «заодно со сборщиками», «забыв крестное целование, корыстовались и в таможенном сборе, и в питейной продаже» и «притесняли и грабили торговых людей и ясачных инородцев» [Корсакова, 1914а, с. 69]. В свое время особенно отличился корыстолюбием князь Матвей Гагарин, бывший сначала сибирским воеводой, а затем губернатором. Гагарин широко использовал служебное положение в личных целях, эксплуатируя основные статьи доходов Сибирской губернии: ясак, торговлю с Китаем, таможенные и кабацкие сборы. Одно из свидетельств об этом относится к 1701 г. В начале 1701 г. в Нерчинск был отправлен воеводой Ю.Б. Бибиков с наказом, в 7 пункте которого предписывалось «сыскать... отчего в Нерчинске при князе Матвее Гагарине в 1695 г. ... великого государя ясачной казне учинился многий недобор» [Корсакова, 1914b, с. 75].

Кроме «подарков» воеводам существовали поборы и в пользу менее значительных служилых людей, занимавшихся сбором ясака на местах, по волостям и зимовьям, сопровождавшимся меной. Мангазейский казак Андрей Балакирев свидетельствовал об этом в 1685 г.: «А только-де им служилым людям, будучи у ясачного сбора в зимовьях в почесть с иноземцев чего не взять или на мену чего не выменять, им без того пробыть нельзя» [Бахрушин, 1927, с. 107]. Так или иначе, меновая система сбора ясака способствовала распространению среди местного населения промышленных металлоизделий русского производства.

Второй фактор, обусловивший поступление русских товаров в среду коренного населения и определявший его номенклатурный, а также качественный и количественный состав, связан с промышленным освоением Сибири. Исследования показывают, что в конце XVI — начале XVIII в. Сибирь находилась в полной экономической зависимости от Европейской России. Товары поставлялись из многих городов Зауралья. Особенно большую роль играли такие торгово-ремесленные центры, как Великий Устюг, Соль-Вычегодск, Лальск, Вага, Пинежма, Яренск, Холмогоры, Ярославль, Москва, Вятка, Соликамск, Казань, Кострома, Галич [Окладников, 1968, с. 80]. Вместе с тем уже в этот период в появившихся сибирских городах начался процесс формирования местных ремесленных кадров. Создание русской промышленности в Сибири происходило посредством переселения из наиболее развитых городских центров Европейской России квалифицированных ремесленников, использовавших свойственные им традиционные техноло-

гии промышленного производства. Исторические источники дают информацию о ходе этого процесса. Сохранились свидетельства по г. Красноярску, согласно которым в 1636 г. в город был прислан кузнец Потемка Иванов из Казани, в связи с чем была срублена казенная кузница, где он делал всякое «черное дело». А в 1653 г. в Красноярск забрел ссыльный из Москвы Петр Алексеев Дорогобужский; оказалось, что он «бронного и пищальных замков новых делать умеет и всякое черное железное дело делает и пришел он в Красноярский острог, чтоб ему рукодельем своим прокормиться» [Бахрушин, 1959, с. 148–149]. В документах по г. Томску сообщается: «...Прислан с Устюжны Железопольской кузнец Ивашка Безмин. Который был в Томском городе для пушечного дела» [Никитин, 1971, с. 23]. Согласно «Переписной книге 1698 г.» по г. Тобольску, среди названных там кузнецов трое значились выходцами из Устюга Великого, один — из Тотьмы [Вилков, 1967, с. 56].

Кроме квалифицированных кузнецов, прошедших определенную школу ученичества и владевших необходимыми сложными техническими навыками обработки железа и стали, кузнечным делом в Сибири занимались некоторые представители служилого люда, случайно его познавшие, о квалификации которых можно только догадываться. Свидетельства об этом содержатся в исторических документах по городам Тобольску [Никитин, 1983], Тюмени [Чукмалдина, 1903, с. 162], Красноярску [Бахрушин, 1959, с. 148]. Таким образом, уже к концу XVII в. сибирские города все больше приобретали черты торгово-ремесленных центров, а ко второй четверти XVIII в. некоторые из них уже прошли значительный путь торгово-ремесленного развития. К концу XVIII в. наиболее крупные сибирские города (Тобольск, Енисейск, Томск, Тюмень, Красноярск) находились на одном уровне развития со средними городами Европейской России [Окладников, 1968, с. 93; Старцев, Гончаров, 2001, с. 35].

Помимо городских ремесленников производством железных изделий занимались деревенские кузнецы. Принято считать, что деревенские кузнецы, в силу особенностей их социальной среды, не относились к числу высококвалифицированных мастеров. Технология производства деревенских кузнецов ограничивалась элементарными простыми приемамиковки и сварки железа и стали [Колчин, 1953, с. 191]. Продукция таких мастеров была рассчитана главным образом на ближайших сельских потребителей. Однако это не исключает, что часть ее могла поступать на сибирский рынок. Так, по данным 1720 г., только в подгородных деревнях и 14 слободах Тобольского уезда насчитывалось 230 крестьянских кузнецов [Окладников, 1968, с. 86].

Третий фактор, определявший оборот русских промышленных товаров в Сибири, связан с развитием всероссийского рынка, начало формирования которого относится к XVII в. Всероссийский рынок представлял собой экономическую систему, внутри которой происходил обмен товарами между различными районами страны.

После присоединения Сибири к Московскому государству здесь образовался рынок для русских промышленных товаров, потребителем которых являлось и русское, и туземное население. До конца XVII в. «товары с Руси» на сибирском рынке занимали господствующее положение. К концу века, в результате становления местной промышленности, объем поставок снизился почти в пять раз [Бакаева и др., 2009, с. 279]. Номенклатура рыночных товаров насчитывала несколько сотен наименований. Среди них наибольшее значение имели разнообразные ткани и продукция из черных и цветных металлов. Сибирь, в свою очередь, выступала крупным поставщиком «на Русь» пушнины и юфти.

Среди факторов, способствовавших вовлечению Сибири в сферу развивающегося всероссийского рынка, большое значение имела организация регулярного сообщения из центральной России в Сибирь и по территории Сибири. Этому содействовало открытие русскими землепроходцами XVII в. доступных водных и сухопутных путей [Бахрушин, 1928, с. 110–121; Вилков, 1990, с. 36]. Важной вехой в развитии сообщения Европейская Россия — Сибирь стало сооружение Сибирского тракта (30–60-е гг. XVIII в.), который начинался в Екатеринбурге и проходил через Тюмень, Тобольск, Омск, Каинск, Колывань, Томск, Ачинск, Красноярск до Иркутска. Рост сибирского населения и укрупнение местных городов повышали заинтересованность в связях с Россией. С другой стороны, сибирские города постепенно сами превращались в центры ремесла и торговли. Среди них особое значение приобрел Тобольск, как главный торгово-ремесленный центр Сибири. На его городском рынке, согласно источникам, были представлены русские, западноевропейские и азиатские товары [Азов, Резун, 2009, с. 257]. Через Тобольск осуществлялась также транзитная торговля, пунктами назначения которой были сибирские городки: Березов, Сургут, Нарым, Мангазея, Томск, Кузнецк, Енисейск, Туруханск и др. [Вилков, 1967, с. 134]. Тор-

говля в Сибири в изучаемый период существовала в трех формах — сезонной (ярмарки), периодической (базары) и стационарной (лавки и гостиные дворы) [Зиновьев, 2016, с. 65].

Выводы

Таким образом, изучение коллекции кузнечных изделий, бытовавших у верхнетазовских селькупов в XVIII–XIX вв., позволяет сделать вывод, что они были изготовлены в технологических традициях русского металлообрабатывающего производства того времени. Отличительными особенностями последнего были разработка и широкая практика применения модификаций двух технологических схем изготовления предметов из черного металла. Первая основывалась на сварке железа и стали либо разных сортов стали, вторая — на цельносталевых конструкциях. В производстве изделий, обнаруженных в могильнике Кикки-Акки, доминирующее положение занимала первая технологическая схема. При этом у сварных конструкций отсутствовала стандартизация в исполнении. Так, в производстве ножей использовались двухслойная сварка железа и стали, трехслойная сварка, V-образная сварка, косая наварка, торцовая наварка и вварка стального лезвия. В качестве дополнительной операции, улучшавшей эксплуатационные свойства бытового инструмента, отмечено использование мягкой закалки (ножи — 77 %; топоры — 100 %). Примечательно, что аналогичная ситуация зафиксирована и для нарымских селькупов XVII — начала XVIII в. Отбор предметов, изготовленных по разнообразным сварным технологиям, связан с намерением использовать самые высококачественные металлоизделия для пушной торговли и сбора ясака. Интересно отметить, что в то же время в основных производственных центрах — городах Европейской России и Западной Сибири — в производстве кузнечной продукции доминировало преобладание цельнометаллических конструкций.

Такое разнообразие употреблявшихся в металлообработке технологических схем является отражением сложного характера формирования на территории Западной Сибири рынка промышленных товаров, субъектами которого выступали ремесленники исконных городов Европейской России, вновь сформированных городских центров Западной Сибири и сельские кузнецы, имевшие различный уровень подготовки и профессиональной квалификации с характерными для каждого разряда собственными традициями обработки металла. В последующем, в ходе реализации продукции, под воздействием определенных политических и социально-экономических факторов, некоторая доля ее попадала в среду верхнетазовских селькупов и становилась частью их материальной культуры.

Благодарности

Благодарим А.С. Афонина — сотрудника сектора археологических и природных реконструкций ИПОС ФИЦ ТюмНЦ СО РАН за определения видовой принадлежности образцов древесины, а также А.В. Наберухину — эксперта по драгоценным металлам и драгоценным камням ЗапСибГИПН, за определения составов сплавов из цветных металлов.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию — проект № АААА-А17-117050400143-4.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Азов И.И., Резун Д.Я. Тобольск // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 3. С. 257.
- Бакаева В.В., Баркова С.А., Кириллов А.К., Рычков В.М. Торговля // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 3. С. 279–280.
- Бахрушин С.В. Ясак в Сибири // Сибирские огни. 1927. № 3. С. 95–129.
- Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации в Сибири. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1928. 199 с.
- Бахрушин С.В. Ясак в Сибири // Науч. труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. III. Ч. 2. С. 49–85.
- Бахрушин С.В. Хозяйство русского населения Красноярского уезда в XVII веке // Науч. труды. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. IV. С. 114–214.
- Боровиков А.М., Угольев Б.Н. Справочник по древесине. М.: Лесн. пром-сть, 1989. 296 с.
- Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI — XVII вв. Екатеринбург: Демидов. институт, 2018. 504 с.
- Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М.: Наука, 1967. 323 с.
- Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI — нач. XVIII вв. Новосибирск: Наука, 1990. 369 с.
- Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Ясачная политика царизма в Сибири в XVIII–XX вв. Иркутск: Изд-во ИрГУ, 1983. 303 с.

- Зиновьев В.П.* Промышленность, промыслы, ремесла и торговля в Сибири в XVIII — начале XIX в. // Вестник ТГУ. 2016. № 409. С. 61–67. DOI: 10.17223/15617793/409/9.
- Колчин Б.А.* Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 259 с.
- Корсакова В.* Гагарин, князь Иван Петрович // Русский биографический словарь. М.: Изд. Русского исторического общества, 1914а. С. 68–69.
- Корсакова В.* Гагарин, князь Матвей Петрович // Русский биографический словарь. М.: Изд. Русского исторического общества, 1914б. С. 75–82.
- Лебедев В.В., Соколова З.П.* Селькупы // Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. С. 118–129.
- Никитин А.В.* Русское кузнечное ремесло в XVI–XVII вв. М.: Наука, 1971. 84 с.
- Никитин Н.И.* Торги и промыслы служилых людей Западной Сибири в XVII в. // Промышленность и торговля в России в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1983. С. 7–21.
- Окладников А.П.* (отв. ред.). История Сибири. М.: Наука, 1968. Т. 2. 535 с.
- Постникова-Лосева М.М.* Прикладное искусство XVI–XVII вв. // История русского искусства. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. IV. С. 511–612.
- Прокофьева Е.Д.* Селькупы // Народы Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 665–686.
- Соловьев А.И.* Военное дело коренного населения Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. 192 с.
- Старцев А.В., Гончаров Ю.М.* История предпринимательства в Сибири (XVII — нач. XX вв.). Барнаул: Азбука, 2001. 214 с.
- Чукмалдина А.И.* Тюмень в XVII столетии. М.: Типолитография для тов-ва И.Н. Кушнерев и К., 1903. 166 с.
- Pleiner R.* Stare evropske kovarstvi. Praha: Nakladatelství Československé Akademie věd. 1962. 331 p.
- Poshekhonova O.E., Kisagulov A.V., Gimranov D.O., Nekrasov A.E., Afonin A.S.* Transformation of Upper Taz Selkup funeral rites according to paleoecological data // Journal of Archaeol. Science: Reports. 2018. № 22. P. 132–141. DOI: 10.1016/j.jasrep.2018.08.035.
- Tylecote R.F.* Metallurgy in archaeology. L.: Edward Arnold (Publishers) LTD, 1962. 387 p.

N.M. Zinyakov *, O.E. Poshekhonova **

* Kemerovo State University

Krasnaya st., 6, Kemerovo, 650000, Russian Federation

** Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS

Malygina st., 86, Tyumen, 625003, Russian Federation

E-mail: NMZINYAKOV@rambler.ru;

poshehonova.olg@gmail.com

Forged products by Russian craftsmen of the 17th–19th centuries on the basis of materials from the Kikki-Akki burial ground of Upper Taz Selkups: technological characteristics

The article studies the technology of making iron and steel items of Russian origin, discovered in the Kikki-Akki burial ground of Northern Selkups (18th–19th centuries) in the north of Western Siberia in the upper reaches of the Taz River. In the study, we established the origin and chronology of Russian industrial goods in Western Siberia, as well as factors under the influence of which they appeared among the indigenous Siberian population. We examined knives and axes (17th — early 19th centuries) using the methods of metallographic analysis including macro- and micrographic examination, as well as microhardness testing. They provide an opportunity to determine the structure of the metal, which in turn helps determine chemical composition, physical and mechanical properties of the product. The analysis of forged products revealed that they were made according to the technological traditions of Russian metalworking production existing in the 17th — early 19th centuries. Its distinctive features included the development and widespread practice in applying the modifications of two technological schemes for producing items from ferrous metal. The former was based on the welding either of iron and steel or of different grades of steel, whereas the latter involved all-steel structures. The former technological scheme predominated in the production of items found in the Kikki-Akki burial ground. Moreover, the production of welded structures lacked standardisation. The following techniques were used in the production of knives: two-layer welding of iron and steel, three-layer welding, V-joint welding, oblique welding, built-up welding at the ends and welding of the steel blade. The use of soft quenching was noted as an additional operation that improved the operational properties of the household tool. This variety of used technological schemes reflects the complex nature of the formation of the industrial goods market in Western Siberia. The selection of items made using different welded technologies is associated with the intention to use metal products of the highest quality for the fur trade and yasak collection. However, all-metal structures predominated in the main centres for the production of forged goods — cities of European Russia and Western Siberia.

Key words: Western Siberia, the Late Middle Ages, Upper Taz Selkups, ferrous metal, Russian products, metallographic analysis, production technology.

Funding. The article is written within the framework of the State Project No. AAAA-A17-117050400143-4.

Acknowledgments. The authors are grateful to A.S. Afonyn — researcher of archaeological and natural reconstructions department of IPDN of the Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS, for determining the species of wood samples, as well as A.V. Naberukhin — an expert in metals of value and gem stones of WSSASI, for determining the composition of non-ferrous alloys.

REFERENCES

- Korsakova V. (1914a). Gagarin, Prince Ivan Petrovich. In: *Russkii biograficheskii slovar'* (pp. 68–69). Moscow: Izdanie Russkogo istoricheskogo obshchestva. (Rus.).
- Korsakova V. (1914b). Gagarin, Prince Matvey Petrovich. In: *Russkii biograficheskii slovar'* (pp. 75–82). Moscow: Izdanie Russkogo istoricheskogo obshchestva. (Rus.).
- Lebedev V.V., Sokolova Z.P. (1982). Selkups. In: *Etnicheskaya istoriya narodov Severa* (pp. 118–129). Moscow: Nauka. (Rus.).
- Nikitin A.V. (1971). *Russian blacksmithing in the 16th–17th centuries*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Nikitin N.I. (1983). Bidding and crafts of serving people of Western Siberia in the 17th century. In: *Pro-myshlennost' i trgovlia v Rossii v XVII–XVIII vv.* (pp. 7–21). Moscow: Nauka. (Rus.).
- Okladnikov A.P. (Ed.) (1968). *History of Siberia*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Pleiner R. (1962). *Old European metalworking*. Praha: Chekhoslovatskaya Akademia nauk. (Czech).
- Poshekhonova O.E., Kisagulov A.V., Gimranov D.O., Nekrasov A.E., Afonin A.S. (2018). Transformation of Upper Taz Selkup funeral rites according to paleoecological data. *Journal of Archaeological Science: Reports*, (22), 132–141. DOI: 10.1016/j.jasrep.2018.08.035.
- Postnikova-Loseva M.M. (1959). Applied art of the 16th–17th centuries. In: *Istoriya russkogo iskusstva* (pp. 511–612). Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. (Rus.).
- Prokof'eva E.D. (1956). Selkups. In: *Narody Sibiri* (pp. 665–686). Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. (Rus.).
- Solov'ev A.I. (1987). *Military affairs of the indigenous population of Western Siberia*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Startsev A.V., Goncharov Iu.M. (2001). *The history of entrepreneurship in Siberia (17th — early 20th centuries)*. Barnaul: AzBuka. (Rus.).
- Tylecote R.F. (1962). *Metallurgy in archaeology*. London: Edward Arnold (Publishers) LTD.
- Vershinin E.V. (2018). *Russian colonization of North-West Siberia at the end of the 16th–17th centuries*. Yekaterinburg: Demidovskii institute. (Rus.).
- Vilkov O.N. (1967). *Craft and trade of Western Siberia in the 17th century*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Vilkov O.N. (1990). *Essays on the socio-economic development of Siberia at the end of the 16th — beginning of the 18th centuries*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Zinov'ev V.P. (2016). Industry, crafts, crafts and trade in Siberia in the 18th — early 19th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (409), 61–67. (Rus.). DOI: 10.17223/15617793/409/9.

Н.М. Зиняков, <https://orcid.org/0000-0002-3015-5594>

О.Е. Пошехонова, <https://orcid.org/0000-0002-5081-4331>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 09.11.2019

Accepted: 19.12.2019

Article is published: 02.03.2020

АНТРОПОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-48-1-8>

А.А. Ковалев *, К.Н. Солодовников **, Ч. Мунхбаяр *, М. Эрдэнэ ****,
А.И. Нечвалода ***** , А.В. Зубова *******

* Институт археологии РАН

ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036

** ФИЦТюменский научный центр СО РАН

ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026

*** Ховдский государственный университет

Жаргалант сум, 84000, Ховд, Ховдский аймак, Монголия

**** Монгольский национальный университет

просп. Залуучуудын, 1, Улан-Батор, 210646, Монголия

***** Уфимский федеральный исследовательский центр РАН

просп. Октября, 71, Уфа, 450054

***** Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034

E-mail: chemurchek@mail.ru; solodk@list.ru;

munkh_boroldoi@yahoo.com; merdene@num.edu.mn;

striwolf@mail.ru; zubova_al@mail.ru

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕРЕПА ПОГРЕБЕННОГО В ЗАХОРОНЕНИИ НА ЧЕМУРЧЕКСКОМ СВЯТИЛИЩЕ ХУЛАГАШ (БАЯН-УЛЬГИЙСКИЙ АЙМАК МОНГОЛИИ)

На чемурчекском ритуальном комплексе середины III тыс. до н.э. в Монгольском Алтае обнаружена могила с погребением мужчины старческого возраста. Череп его исследован по краниометрической и одонтологической программам, выполнена графическая реконструкция. Выявлены морфологические особенности, сближающие погребенного с представителями популяций монголоидного расового ствола. Антропологическое сходство найденного на чемурчекском святилище индивида и носителей елунинской культуры подкрепляет мнение о наличии общности этих культурных образований.

Ключевые слова: ранняя бронза, чемурчекский культурный феномен, елунинская культура, Западная Монголия, палеоантропология.

Введение

С точки зрения российских и монгольских археологов, проводящих в последние годы систематические раскопки памятников ранних этапов бронзового века в Баян-Ульгийском аймаке западной части Монголии [Ковалев, 2015а; Ковалев, Мунхбаяр, 2015], высокогорная местность в бассейне верхнего течения р. Ховд (Кобдо) представляла собой в III тыс. до н.э. ритуальную зону, имевшую особое значение для населения западных предгорий Монгольского Алтая, культурное своеобразие которого было обусловлено так называемым чемурчекским культурным феноменом — комплексом признаков западно-европейского происхождения, появившимся здесь не позднее 2700–2600 гг. до н.э. К специфическим чертам западно-европейского происхождения причисляются коллективные мегалитические гробницы с насыпями и оградами своеобразной архитектуры, антропоморфные каменные статуи, геометрические росписи погребальных камер, форма и орнаментация глиняных и каменных сосудов [Ковалев, 2012].

Вывод о существовании особой чемурчекской ритуальной зоны на северо-западе Монголии был сделан на основании нескольких обстоятельств. Во-первых, в ходе многолетних полевых исследований здесь не было зафиксировано ни одного чемурчекского погребального памятника, хотя на западных склонах Главного хребта Монгольского Алтая, не более чем в 100 км от рассматриваемой территории, располагаются многочисленные чемурчекские могильники. Во-вторых, здесь были исследованы грандиозные комплексы петроглифов Цагаан салаа, Бага ойгур и Шивээт хайрхан, в состав которых входят и изображения, характерные для чемурчекских памятников. В-третьих, здесь было обнаружено и раскопано не менее пяти «малых» прямо-

угольных оград середины III тыс. до н.э., имевших изначально ритуальное назначение; ограды сопровождалась стелами, установленными с восточной или южной сторон сооружения, и в целом соответствовали стандарту курганов-оград «чемурчекского типа». В-четвертых, в районе оз. Даян-нур были открыты три крупномасштабных (от 18×31 до 40×60 м) ритуальных комплекса-«храма» того же времени (Хар чулуут, Хулагаш, Чулуут булаг (Таст булаг) [Ковалев, Мунхбаяр, 2015]. Раскопки, проведенные экспедицией А.А. Ковалева и Ч. Мунхбаяра, показали, что эти сооружения представляют собой ограды из вертикально установленных каменных плит, сплошь украшенные снаружи изображениями фантастических антропоморфных существ и животных. Многочисленные изображения были найдены и на каменных обломках, располагавшихся в центральной части огороженной площадки. В пределах ограды были устроены помосты из каменных плит и стволов деревьев, что может быть свидетельством использования сооружения для собраний либо коллективных молений. Изображения на плитах ритуальных оград аналогичны рисункам на чемурчекских каменных статуях и стенках гробниц.

В ходе раскопок «малых» ритуальных оград было обнаружено несколько впускных погребений, по своему облику не соответствующих чемурчекскому стандарту [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014; Төрбат, 2016, с. 29]. Это были индивидуальные захоронения в земляных ямах, впускных в уже засыпанные ритуальные ямы по центру ограды. После устройства этих захоронений ограда забивалась каменной засыпкой. В инвентарь как минимум трех впускных захоронений входили костяные «тупики» — орудия для изготовления кожаных изделий, имеющие прямые аналоги в материалах елунинской культуры степного Алтая и Восточного Казахстана [Кирюшин и др., 2011, с. 56; Мерц, 2017, с. 164]. Согласно данным радиоуглеродного датирования, такие впускные могилы на ритуальных сооружениях Хундий говь (Кумди гови) и Хуурай говь (Кургак гови) 2 устраивались на 200–300 лет позже времени использования ритуальных ям (соответственно около 2400–2200 и 2700–2600 гг. до н.э.). Исследование древней ДНК людей, захороненных во впускных могилах на «малых» оградах, показало преобладание восточно-евразийского компонента: у мужчины, чей череп был найден во впускном погребении на оgrade Тахилгат удзуур-5 № 31, зафиксирована Y-хромосомная гаплогруппа Q-M242; у мужчины, захороненном во впускном погребении в оgrade Кулала ула, определены Y-хромосомная гаплогруппа C-M130 и гаплогруппа D4b1 митохондриальной ДНК; у женщины, захороненной во впускном погребении в оgrade Кургак гови 2, — гаплогруппа A4 митохондриальной ДНК [Hollard, 2014, p. 79, 88].

При раскопках первого из трех ритуальных комплексов-«храмов» Хар чулуут в 2015 и 2019 гг. не было найдено никаких признаков того, что здесь могли совершаться захоронения [Ковалев, Мунхбаяр, 2015]. Однако в центре ограды другого исследованного комплекса — Хулагаш было обнаружено одиночное погребение пожилого человека. Стратиграфия памятника показывает, что погребение было совершено до того, как в пределах ограды стали устраиваться выкладки-помосты из камня и дерева. Таким образом, погребение было составной частью ритуального комплекса и его устройство имело особый смысл, существо которого нам еще предстоит прояснить. Антропологическое исследование черепа погребенного на комплексе Хулагаш позволило получить новые данные, полезные при обсуждении вопроса о статусе и происхождении погребенного, характере и цели его захоронения.

Население Монгольского Алтая периода ранней бронзы в палеоантропологическом отношении исследовано очень слабо, что может объясняться преимущественно плохой сохранностью материалов. Опубликованы лишь результаты остеоскопического анализа в основном фрагментированных и зачастую изолированных костных останков из могильников на территории Западной Монголии и Восточного Казахстана, включающие перечень сохранившихся фрагментов скелетов и половозрастные определения [Эрдэнэ, Мижиддорж, 2014а, 2014b; Тур, 2014]. Поэтому получение в результате раскопок 2018 г. на чемурчекском ритуальном комплексе Хулагаш краниометрически целого черепа, относящегося к середине III тыс. до н.э., является важным научным событием. Цель данной работы заключается в его изучении с помощью различных методов палеоантропологического исследования и выявлении преобладающих расогенетических связей населения чемурчекского феномена на основании межгруппового сравнения морфологических особенностей черепа из Хулагаша.

Объекты исследования

Ритуальный комплекс Хулагаш (по полевому отчету объект Хулагаш 1-1) расположен на делювиальном склоне в 560 м к северо-востоку от русла р. Их-Хулагашийн-гол, в 5 км к западу от берега оз. Даян-нур, на территории Сагсай сомона Баян-Ульгийского аймака. Через памятник

проходит проселочная дорога, ведущая к перевалу Хулагашийн даваа. Координаты объекта по GPS-приемнику: N — 48° 21.869', E — 88° 56.225'. Высота над уровнем моря: 2322 м. Памятник обнаружен в 1909 г. финским географом Й.Г. Гранё, который опубликовал описание его внешнего вида, план, а также зарисовку одной из плит ограды с изображением [Granö, 1912, S. 32, Taf. XIV, Fig. 2–3]. Памятник, как и комплекс Хар чулуут, состоял из двух построек, сооруженных по одной оси [Мунхбаяр и др., 2019]. Постройка 1 представляла собой ориентированную длинной осью по линии юго-запад — северо-восток подпрямоугольную ограду длиной 31 м, шириной с юго-западной стороны 16 м, с северо-восточной — около 18 м, составленную из вертикально установленных каменных плит. Плиты имеют подпрямоугольные либо подтрапециевидные очертания. Большинство плит — с обработанными гранями, причем часто со всех четырех сторон. Верхняя грань часто оформлена в виде зубцов, либо ей придана дугообразная форма. На большинстве плит ограды и их обломках прослеживаются рисунки, нанесенные выбивкой или гравировкой. Воспроизводимые на плитах образы и композиции в целом аналогичны изображениям на плитах ритуального комплекса Хар чулуут [Ковалев, Мунхбаяр, 2015]. Дневной поверхностью в пределах ограды служил слой предматерикового суглинка (почвенный слой, вероятно, был снят). Поверх этого слоя в продольном и поперечном направлении наподобие помостов уложены стволы лиственницы с корой. На этом же уровне выявлены уложенные ветви ивы (?). Поверх дерева в некоторых местах выложены каменные платформы в один-два слоя. Постройка 2 пристроена к северо-восточной стенке постройки 1. Это ограда подпрямоугольных очертаний длиной 22 м, шириной 18 м, северо-восточная сторона выпуклая. Стороны выложены из одного-двух рядов булыжника и каменных обломков. По длинной оси постройки зачищены остатки двух порталов шириной около 2 м, выложенных из одного ряда камня; в середине, между порталами, возможно, сохранились остатки выложенного таким же образом прямоугольника.

Могильная яма располагалась в геометрическом центре постройки 1, материковый выкид из нее лег на древнюю дневную поверхность и был перекрыт «помостами» из лиственничных стволов и каменными выкладками. Однако верхнее каменное перекрытие могилы не было перекрыто иными конструкциями или досыпками, что оставляет открытым вопрос о соотношении времени совершения погребения и периода ритуальной деятельности на комплексе. Могильная яма глубиной от уровня древнего горизонта около 1,6 м в нижней части имела подпрямоугольную форму, размеры в плане 2,2×1,8 м, длинной осью была ориентирована по линии юго-запад — северо-восток. На глубине 0,4 м от уровня древней дневной поверхности яма расширялась, образуя заплечики — с северо-восточной стороны шириной около 0,4 м, с северо-западной и юго-восточной — около 0,1 м. На дне ямы был устроен каменный ящик из вертикально установленных плит, длиной с юго-запада на северо-восток 1,7 м, шириной в юго-западной части 1,5 м, в северо-восточной — 1,3 м, высотой до 0,5 м. Пространство между стенками ямы и стенками ящика было забутовано валунами и обломками плит. На стенки ящика и забутовку опиралось нижнее перекрытие, состоявшее из нескольких продольных деревянных балок, а также поперечин, на которые были уложены обломки плитняка. Поверх нижнего перекрытия была устроена засыпка из материкового суглинка, достигающая примерно до уровня заплечиков. На заплечиках было устроено верхнее перекрытие, состоявшее из четырех продольных деревянных балок с поперечными слегами, на которые были уложены один-два слоя плитняка.

На дне ящика был зачищен сохранившийся *in situ* скелет пожилого мужчины, тело которого было уложено на спину, головой на юго-запад (рис. 1). Голова покойного опиралась на камень, уложенный на дно могилы вдоль юго-западной стенки ящика. Руки погребенного были вытянуты вдоль тела, правая кисть лежала под бедренной костью, левая — на левом бедре. Правая нога покойного была установлена в согнутом положении коленом вверх, левая нога, согнутая в колене, — уложена на левую сторону, о чем говорит положение костей стоп. На черепе и костях таза прослеживалась засыпка красной краской. Погребенный был укрыт тканым полотном из шерсти (?) с явно прослеживаемым долевым рубцом. Полотно имело ширину около 0,7 м, длину около 1,7 м, уложено поперек тела под покойным на длину в 1 м, а затем запахнуто с левой на правую сторону наискось примерно на 0,7 м. Погребального инвентаря не обнаружено. В заполнении грабительской ямы, в западном углу ящика, на уровне около 0,2 м от дна могилы была обнаружена сланцевая пластинка-идол с гравировкой, несколько переиспользованных обломков камней с рисунками обнаружены в заполнении могильной ямы и в забутовке каменного ящика.

В радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН по костям погребенного была получена радиоуглеродная дата Le-11822 3990±105 л.н., что после калибровки в программе OxCal 3.1 относит

захоронение с вероятностью 68,2 % к следующим временным отрезкам: 2850 (2,4 %) 2800, 2700 (65,8 %) 2300 л. до н.э., с вероятностью 95,4 % — к периоду 2900–2200 л. до н.э. Радиоуглеродная дата, полученная в той же лаборатории по образцу дерева из «помоста» на памятнике Le-11821 3990±25 л.н., после калибровки относит образец с вероятностью 68,2 % к следующим временным отрезкам: 2565 (41,4 %) 2520, 2495 (26,8 %) 2470 л. до н.э., с вероятностью 95,4 % — к периоду 2580–2460 л. до н.э. (рис. 2). Эти даты в целом соответствуют данным радиоуглеродного датирования «малых» ритуальных оград Баян-Ульги, полученным по углю и костям погребенных во вторичных погребениях людей. Даты по углю из первоначальных ям, полученные сцинцилляционным методом в той же лаборатории, укладываются с точностью 78,6 % в период 2900–2300 л. до н.э. [Ковалев, Эрдэнэбаатар 2014, с. 229]. Дата GrM-12938 (4034 ± 16 л.н.), полученная методом AMS по костям человека, погребенного во вторичной могиле на ритуальной ограде-платформе Хуурай говь (Кургак гови) 2, с точностью 95,4 % укладывается в отрезок 2618–2487 гг. до н.э. [Taylor et al., 2019, S1 app.].

Рис. 1. Погребение на святилище Хулагаш. Вид с северо-запада.
Fig. 1. Burial in Khulagash complex. View from northwest.

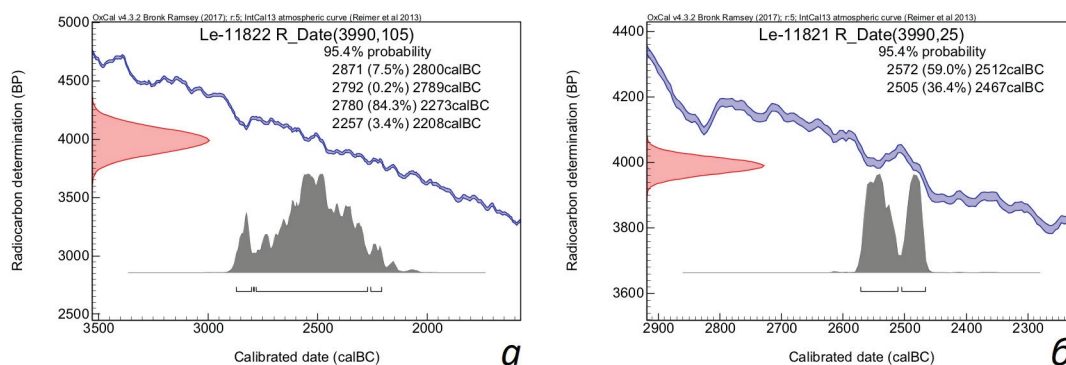

Рис. 2. Радиоуглеродные даты по образцам дерева (а) и костей человека (б) из погребения на святилище Хулагаш 1.

Fig. 1. Radiocarbon date of wood (a) and human bone (b) samples from sacrificial complex Khulagash 1.

Для антропологического исследования был предоставлен череп из могилы на ритуальном комплексе. Череп со следами красного пигмента (охра, киноварь?) почти полной комплектности, но отсутствуют зубы, большинство которых утрачено прижизненно (восемь отпавших от черепа

зубов были собраны при зачистке). По степени облитерации швов эндокрана и экзокрана [Алексеев, Дебец, 1964; Meindl, Lovejoy, 1985; Key et al., 1994] и степени резорбции костной ткани биологический возраст определен в интервале 50–60 лет. Пол захороненного индивида установлен как мужской на основе морфологических особенностей краниума, развития макро- и микрорельефа [Алексеев, Дебец, 1964; Buikstra, Ubelaker, 1994]. На черепе имеются следы внешнего воздействия, появление которых в результате раскопок и зачистки исключается. По мнению д.б.н. М.Б. Медниковой, высказанному после просмотра фотографий поверхности черепа, на левой стороне предварительно можно определить следы зажившей рубленой травмы, прошедшей по касательной, а судя по расположенным близко к правой височной области царапинам, есть основания предполагать скальпирование, однако эти следы нуждаются в дальнейшем изучении.

Методика

Череп из могилы на святилище Хулагаш исследован по общепринятой краниометрической методике [Алексеев, Дебец, 1964] с добавлением измерения угла горизонтального изгиба лба [Гохман, 1961], а также по одонтологической программе [Зубов, 2006], крайне ограниченной в силу очень сильной прижизненной стертости зубов — более чем на две трети высоты коронки. По причине атрофии альвеолярных отростков на черепе реставрационной мастикой реконструирована область альвеолярной точки и простиона на верхней челюсти и инфраментале на нижней, поэтому некоторые соответствующие краниометрические размеры взяты приблизительно. Проведен межгрупповой статистический анализ с использованием измерительных данных краниологической находки из погребения на святилище Хулагаш на основе вычисления расстояния D^2 Махаланобиса — Рао (программа Ю.К. Чистова 1994 г.).

Для восстановления внешнего облика погребенного применена методика графической реконструкции лица по черепу как в профильной норме, так и в норме анфас. Основателем методики восстановления лица по черепу является М.М. Герасимов, которым были выполнены целые серии графических реконструкций по черепам людей различных эпох [Герасимов, 1949, 1955]. Работы над совершенствованием методики графической и скульптурной реконструкции были продолжены рядом отечественных и зарубежных специалистов [Лебединская, 1976, 1998; Федосюткин и др., 1991; Helmer, 1984; George, 1987; Aulsebrook, Van Rensburg, 1986; Aulsebrook et al., 1993; Aulsebrook, 1995]. Ключевым моментом при работе над графической реконструкцией в боковой норме в методическом плане является восстановление наружного мягкого носа. Г.В. Лебединской в опубликованном методическом руководстве были описаны установленные ею взаимоотношения между мягким носом и подлежащими костными структурами [1998]. Суть метода сводится к тому, что «форма контура костной части его спинки зависит от формы носовых костей, тогда как хрящевая часть во многом повторяет форму носовой вырезки черепа, являясь как бы ее зеркальным отражением» [Там же, с. 100]. Специалистом в области восстановления прижизненно облика по черепу человека С.А. Никитиным было замечено, что «отклонение от «зеркальности» и степень этого отклонения, прежде всего, определяются направлением подносового шипа» [2009, с. 151]. С развитием техники компьютерной томографии (КТ) появилась возможность исследовать соотношения костной основы и мягких тканей с помощью данных методов. С. Рynn с соавторами провели исследования томографических снимков и обосновали возможность прогнозирования размеров мягкого носа с помощью регрессионного анализа на основе нескольких дополнительных измерений грушевидной апертуры на черепе [Rynn et al., 2009]. В соответствии с этими методическими разработками выполнена графическая реконструкция внешнего облика человека из Хулагаша с использованием программ «Facegenmodeller», «Faces» и «Adobe Photoshop».

Результаты исследования

Согласно полученным краниометрическим данным, приведенным в табл. 1, череп из погребения на ритуальном комплексе Хулагаш характеризуется значительной массивностью, большой длиной, средней шириной и высотой мозговой коробки как от точки базион, так и от порионов. По указателям череп долихокраний, хаме- и метриокраний, овоидной формы в вертикальной проекции. Основание черепа средней длины и большой ширины. Лобная кость средне-наклонная (на границе с малыми значениями углов его профилировки), с выраженным наружным рельефом, узкая как на уровне фронто-темпоральных точек, так и в коронарной части, средне изогнутая в горизонтальной и сагиттальной плоскостях. Затылочная кость небольшой длины и ширины, со средним развитием наружного рельефа, выпуклая и сильно изогнутая.

**Индивидуальные измерения черепа мужчины из погребения
на святилище ранней бронзы Хулагаш**

Table 1

Individual measurements of a male skull from burial in Early Bronze Age sacrificial complex Khulagash

Признак по Мартину и др.	x	Признак по Мартину и др.	x
1. Продольный диаметр от gl.	190	48:45. Верхний лицевой указатель	54,3?
1b. Продольный диаметр от орh.	188	47:45. Полный лицевой указатель	—
8. Поперечный диаметр	140	45:8. Поперечный фацио-церебральн. ук-ль	98,6
8:1. Черепной указатель	73,7	48:17. Вертикальный фацио-церебр. ук-ль	56,0?
17. Высотный диаметр от ba.	134	9:45. Лобно-скуловой указатель	64,5
17:1. Высотно-продольный указатель от ba.	70,5	43. Верхняя ширина лица	107
17:8. Высотно-поперечный указатель от ba.	95,7	46. Средняя ширина лица	103
20. Высотный диаметр от ро.	115	60. Длина альвеолярной дуги	59?
20:1. Высотно-продольный указатель от ро.	60,5	51. Ширина орбиты от mf.	43,0
20:8. Высотно-поперечный указатель от ро.	82,1	51a. Ширина орбиты от d.	39,0
5. Длина основания черепа	99	52. Высота орбиты	33,5
9. Наименьшая ширина лба	89,0	52:51. Орбитный указатель от mf.	77,9
ВПИЛ. Высота поперечного изгиба лба	16,5	52:51a. Орбитный указатель от d.	85,9
∠ПИЛ. Угол поперечного изгиба лба	139,3	55. Высота носа	53,5
9:8. Лобно-поперечный указатель	63,6	54. Ширина носа	25,5
10. Наибольшая ширина лба	111	54:55. Носовой указатель	47,7
9:10. Лобный указатель	80,2	Нижний край грушевидного отверстия	fos.pr.
11. Ширина основания черепа	130	Передненосовая ось (1-5)	1
12. Ширина затылка	105	SC. Симотическая ширина	5,0
29. Лобная хорда	116	SS. Симотическая высота	2,4
Sub. №. Высота изгиба лба	26,5	SS:SC. Симотический указатель	48,0
Sub. №:29. Указатель выпуклости лба	22,8	MC. Максиллофронтальная ширина	16,0
30. Теменная хорда	120	MS. Максиллофронтальная высота	4,5
31. Затылочная хорда	95	MS:MC. Максиллофронтальный указатель	28,1
OS. Высота изгиба затылка	30,7	DC. Дакриальная ширина	20,0
23a. Горизонтальная окружность через орh.	527	DS. Дакриальная высота	11,4
24. Поперечная дуга	315	DS:DC. Дакриальный указатель	57,0
25. Сагиттальная дуга	380	FC. Глубина клыковой ямки	7,0
26. Лобная дуга	132	Hз. Высота изгиба скуловой кости	9,6
27. Теменная дуга	131	Bz. Ширина скуловой кости	52,2
28. Затылочная дуга	117	lhz. Указатель изгиба скуловой кости	18,4
26:25. Лобно-сагиттальный указатель	34,7	43 (1). Биорбитальная ширина	95,1
27:25. Теменно-сагиттальный указатель	34,5	BH. Высота назиона	13,3
28:25. Затылочно-сагиттальный указатель	30,8	77. Назомалярный угол	148,7
28:27. Затылочно-теменной указатель	89,3	ЗМШ. Зигомаксиллярная ширина	101,3
7. Длина затылочного отверстия	40,0	BC. Высота субспинале	21,5
16. Ширина затылочного отверстия	29,0	∠Zm'. Зигомаксиллярный угол	134,0
16:7. Указатель затылочного отверстия	72,5	72. Общий лицевой угол	82?
32. Угол профиля лба от п.	80	73. Средний лицевой угол	89
GM/FH. Угол профиля лба от gl.	74	74. Угол альвеолярной части лица	70?
33 (1). Угол верхней части затылка	92	75. Угол носовых костей к горизонтали	64
33 (2). Угол нижней части затылка	24	75(1). Угол выступания носа	28?
33 (4). Угол перегиба затылка	116	68(1). Длина нижней челюсти от мышечков	116
34. Угол затылочного отверстия	-7	79. Угол ветви нижней челюсти	125
Надпереносье (1-6)	4	68. Длина нижней челюсти от углов	84
Надбровные дуги (1-3)	3	70. Высота ветви нижней челюсти	61
Наружный затылочный бугор (0-5)	2	71a. Наименьшая ширина ветви	37,4
Сосцевидный отросток (1-3)	3	65. Мыщелковая ширина	127
Форма черепа сверху	ovoid.	66. Угловая ширина	110
40. Длина основания лица	100?	67. Передняя ширина	50,0
40:5. Указатель выступания лица	101,0?	69. Высота симфиза	—
45. Скуловой диаметр	138	69 (1). Высота тела нижней челюсти	—
48. Верхняя высота лица	75?	69 (3). Толщина тела нижней челюсти	14,2
47. Полная высота лица	—	∠C'. Угол выступания подбородка	70?

Лицевой отдел крупных размеров — высокий и широкий на всех уровнях. Лицо с глубокими клыковыми ямками, мезогнатное по общему углу профиля лица и в альвеолярном отделе и прогнатное по указателю выступания. Горизонтальная профилировка лица слабая на уровне на-

зиона и средняя на уровне подносовой точки. Орбиты средневысокие, абсолютно и относительно широкие от максиллофронтальной точки и среднеширокие по измерению и указателю — от дакриона. Носовой отдел средней высоты и ширины, мезоринный, с нижним краем грушевидного отверстия в форме подносовых ямок и слабым развитием подносового шипа. Носовые кости малой ширины и высоты в месте наименьшего сужения, переносье узкое и средневысокое. Симотический и дакриальный указатели характеризуются большими категориями величин, угол выступления носа к линии общего лицевого средний на границе с большими значениями признака. Нижняя челюсть очень длинная и очень широкая, со средневысокими широкими и наклонными ветвями, очень широким средневыступающим подбородком и массивным телом. В целом, несмотря на близкое к европеоидному строение носовой области и переносья, на черепе из погребения на комплексе Хулагаш преобладают монголоидные морфологические особенности. Вычисленный по методу Г.Ф. Дебеца [1968] обобщенный показатель уплощенности лицевого скелета (УЛС) данного черепа составляет 63,3, что при значении преаурикулярного фацио-церебрального указателя (ПФЦ) 97,2 определяет условную долю монголоидного элемента (УДМЭ) в 83,2 % [Дебеч, 1968].

Статистическое сравнение краниометрических параметров единичного черепа, каким является краниологическая находка из Хулагаша, возможно лишь с учетом допущения о существенном проявлении в его строении индивидуальных морфологических особенностей. Исходя из значительной доли монголоидной составляющей в физическом облике исследуемого индивида в выборку для сравнительного анализа синхронных и предшествующих по времени групп не включались выражено европеоидные группы с территории Восточной и Западной Европы, Кавказа и юга Средней Азии, априори имеющие очень большие морфологические различия с краниологической находкой из погребения на ритуальном комплексе Хулагаш. В качестве сопоставительных привлечены краниологические материалы неолита и ранней бронзы Центральной Азии, Сибири и Дальнего Востока (табл. 2)¹. Анализ проводился на основе использования наиболее важных расово-диагностирующих признаков, в своей совокупности достаточно полно описывающих морфологические особенности человеческого черепа².

По результатам межгруппового сопоставления мужских краниологических серий выявляются наибольшие морфологические различия рассматриваемого черепа как с выражено европеоидными группами — суммарными выборками черепов предшествующей афанасьевской культуры Южной Сибири и Центральной Монголии [Алексеев и др., 1987] и из погребений самусьского времени восточных районов бассейна Верхней Оби [Дремов, 1997; Кирюшин, Солодовников, 2010, табл. 5], так и с наиболее монголоидными в сравниваемой совокупности серий — краниологическими материалами из неолитических погребений с территории Дальнего Востока (Бойсмана-2 [Чикишева, 2012, табл. I]) и Восточной Монголии (Тамцак-Булак и Норовлин-Уул [Тумэн, 1985; Алексеев и др., 1987]) (табл. 3). Значительные различия прослеживаются также с населением соседствующей каракольской культуры Горного Алтая ([Чикишева, 2000; Тур, Солодовников, 2005]; неопубликованные измерения К.Н. Солодовникова и С.С. Тур) и предшествующими группами неолита — энеолита Горного Алтая [Ким, Чикишева, 1995; Чикишева, 2000] и Якутии [Чикишева, 2012, табл. I].

Наибольшую морфологическую близость мужской череп из погребения на ритуальном комплексе Хулагаш обнаруживает с разновременными и разнокультурными сериями неолита — ранней бронзы Циркумбайкальского района — серовской и глазковской культур Ангары, Верхней Лены и Забайкалья (по: [Мамонова, 1986]). Также значительное сходство прослеживается с краниологическими материалами южных районов Верхнего Приобья — серией неолита — энеолита Барнаульско-Бийского Приобья, составленной по измерениям черепов из могильников Иткуль (Большой Мыс) [Дремов, 1986] и Фирсово XI [Солодовников, Тур, 2018], а также елуининской культуры ранней бронзы этого же района (Елунино I, Староалейка II, Телеутский Взвоз I [Дремов, 1997; Солодовников, Тур, 2016]).

¹ Ввиду ограниченности объема публикации источники сравнительных данных по краниологии населения неолита и ранней бронзы Северной Азии в данной работе не приводятся. Перечни могильников, краниологические материалы из которых суммированы в сравнительные территориально-хронологические группы, указаны в соответствующих графах табл. 2.

² Номера признаков по Мартину или иные обозначения: 1, 8, 17, 9, 45, 48, 51, 52, 54, 55, SS, SC, 32, 72, 77, $\angle Zm'$, 75(1).

Таблица 2

Расстояния D² Махаланобиса — Рао между мужским черепом из погребения на ритуальном комплексе Хулагаш и сравнительными мужскими краниологическими сериями неолита и ранней бронзы Северной Азии

Table 2

Comparison of a male skull from sacrificial complex Khulagash with those from Neolithic and Early Bronze Age groups from the Northern Asia: D² Mahalanobis — Rao Distance

Сравнительные группы	Хулагаш, погр. 1
Афанасьевская культура Горного Алтая, суммарно	23,63
Афанасьевская культура Минусинской котловины, суммарно	23,98
Шатар-Чулу, афанасьевская культура Центральной Монголии	29,51
Гумугоу, ранняя и развитая бронза Синьцзяна	13,70
Аймырлыг, чаа-хольская культура Тувы	17,54
Окуневская культура Минусинской котловины, суммарно	15,76
Каракольская культура Горного Алтая, суммарно	21,53
Неолит — энеолит Горного Алтая (Нижнетыткескенская пещера I, Каминная пещера) *	19,85
Неолит — энеолит Красноярско-Канской лесостепи (Базаиха, Перевозное, Долгое Озеро)	14,45
Неолит Кузнецкой котловины (Кузнецкий, Лебеди II, Васьково IV, Заречное I)	12,43
Неолит северных предгорий Алтая (Усть-Иша, Солонцы-5)	15,23
Неолит — энеолит Барнаульско-Бийского Приобья (Иткуль (Большой Мыс), Фирсово XI)	6,78
Неолит — энеолит Новосибирско-Каменского Приобья (Ордынское Ia, б, е, Чудацкая Гора, Крутиха V, Раздумье Ib, Иня-4)	12,62
Неолит Барабинской лесостепи (Протока, Сопка-2/1, Корчуган, Венгерово-2A)	17,60
Энеолит Тоболо-Ишимья (Ботай, Гладунино-3 и 1)	15,54
Неолит — энеолит Среднего Прииртышья (Омская стоянка, Усть-Куренга, Железинка, Шидерты-3)	11,21
Сопка-2/3, 3A, усть-тартасская культура Барабинской лесостепи	12,49
Сопка-2/4A, одиновская культура Барабинской лесостепи	10,20
Сопка-2/4Б, кротовская культура Барабинской лесостепи	10,44
Самусьское время восточных районов Верхнего Приобья (Заречное I, Еловка II, Третьяково II)	31,85
Елунинская культура Барнаульского Приобья, суммарно	9,25
Бойсман-2, неолит Дальнего Востока	42,70
Неолит Восточной Монголии, суммарно	32,75
Неолит Якутии, суммарно	19,23
Китайская культура Забайкалья, суммарно	10,05
Китайская культура Ангара, суммарно	11,64
Китайская культура Верхней Лены, суммарно	16,54
Исаковская культура Ангара, суммарно	17,64
Серовская культура Ангара, суммарно	6,55
Серовская культура Верхней Лены, суммарно	5,43
Глазковская культура Забайкалья, суммарно	8,14
Глазковская культура Приольхонья, суммарно	15,09
Глазковская культура Ангара, суммарно	10,79
Глазковская культура Верхней Лены, суммарно	7,29

* Суммарно мужские и пересчитанные на «мужские» женские черепа.

Ограниченно пригодными для одонтологического обследования индивида из погребения на ритуальном комплексе Хулагаш оказались восемь экстрадированных зубов постоянной смены: правые и левые C^a, P₂; левые I², P¹, M₁, M₂. Определить наличие или отсутствие каких-либо неметрических признаков, позволяющих охарактеризовать биологические связи популяции, к которой относился индивид, по причине очень сильного стирания зубов невозможно. Можно отметить только наличие двукорневого премоляра, чаще встречающегося в европеоидных группах, но на индивидуальном уровне наличие этого признака не показательно. Характер стертости позволяет заключить, что индивид выполнял с помощью зубов какую-то работу, предполагающую вовлечение в нее фронтальных зубов верхней челюсти, верхних первых премоляров и первых нижних моляров. Судя по отсутствию кариеса и массивным отложениям зубного камня, рацион питания индивида включал в себя преимущественно животный белок. Пища, вероятно, была вязкой, мягкой, или жидкой и не способствовала самоочистке зубов. Следствием повышенной нагрузки на зубочелюстную систему и неудовлетворительной гигиены стал системный пародонтит, который привел к редукции альвеолярных отростков верхней и нижней челюсти и к тому, что корни зубов были обнажены более чем наполовину их длины. О наличии пародонтита

можно судить по расположению контактных фасеток на интерпроксимальных поверхностях всех зубов и по расположению отложений зубного камня, выходящих далеко за пределы коронок и распространяющихся в некоторых случаях до середины корня. На сохранившейся части вестибулярной поверхности правого клыка были зарегистрированы признаки линейной гипоплазии эмали, свидетельствующие о пищевых стрессах, перенесенных в детском возрасте.

Для реконструкции прижизненного облика человека из могилы на святилище Хулагаш в профиль вычислены дополнительные размеры грушевидной апертуры (рис. 3а), где размеры: X — назион (n)-акантион (ac); Y — ринион (rhi)-субспинале (ss); Z — назион (n)-субспинале (ss). Размеры мягкого носа реконструировались с помощью уравнений регрессии в виде направляющих: 1 — Pronasale anterior — проекция выступания носа относительно линии назион — простион (PNP); 2 — Pronasale vertical — высота носа относительно линии назион — простион (PNP); 3 — Pronasale FHP — проекция выступания носа относительно франкфуртской горизонтали (PHF); 4 — Nasal lenght — длина носа от соматологического назиона (n') до кончика мягкого носа (prn); 5 — Nasal height — высота мягкого носа от соматологического назиона (n') до субназале (sn); 6 — Nasal depth — выступание мягкого носа от субназале (sn) до кончика мягкого носа (prn) (табл. 3). Оранжевые линии на рис. 3 указывают направление кончика носовых костей (а) и подносового шипа (b) (по М.М. Герасимову).

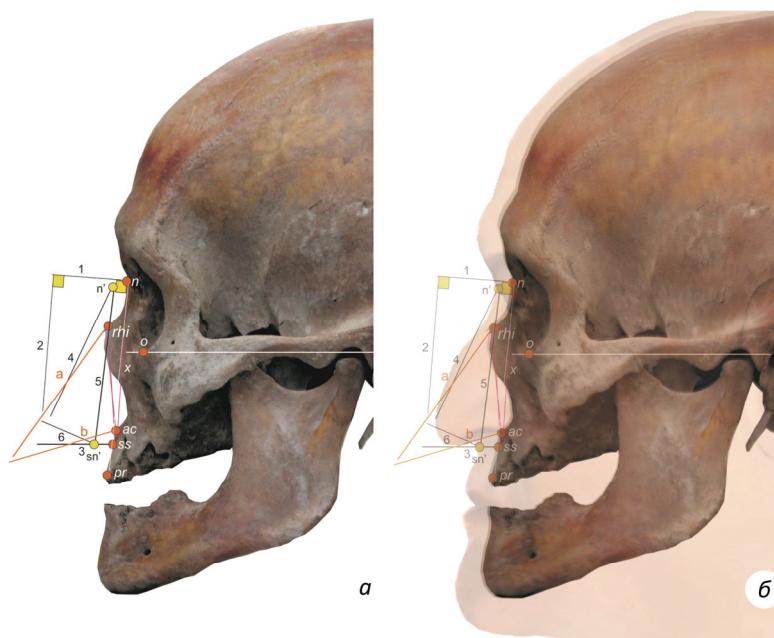

Рис. 3. Восстановление мягкого носа мужчины из могилы на святилище Хулагаш в профильной норме с использованием данных, полученных с помощью уравнений регрессии:

а — построение «носового треугольника»; б — совмещение контуров графической реконструкции с направляющими.

Fig. 3. Reconstruction of the male nasal soft tissues in the profile norm for a skull from the burial in the Early Bronze Age sacrificial complex Khulagash using data obtained with regression equations: а — construction of the «nasal triangle»; б — contour superimposition of the graphical reconstruction using guides.

Таблица 3

Параметры мягкого носа в профильной норме для черепа из могилы на святилище Хулагаш, спрогнозированные с помощью уравнений регрессии (в мм)

Table 3

Nasal soft tissue parameters in the profile norm for a skull from the burial in the Early Bronze Age sacrificial complex Khulagash, modeled with regression equations (in mm)

1. Pronasale anterior	0.80	Y37.3	-3.5	26.34
2. Pronasale vertical	0.90	X55.1	-2.0	47.59
3. Pronasale FHP	0.93	Y37.3	-6.0	28.68
4. Nasal lenght	0.74	Z59.3	+3.5	47.38
5. Nasal height	0.78	Z59.3	+9.5	55.75
6. Nasal depth.	0.40	Y37.3	+5.0	19.92

В результате реконструкции в профильной и фронтальных нормах по черепу мужчины из Хулагаша можно заключить, что в силу прижизненной потери и сильного изнашивания зубов и старческой инволюции верхней и нижней челюстей основание и кончик носа были сильно опущены, макрорельеф нижней челюсти ослаблен. Мягкий нос имеет среднее выступание (табл. 3, позиции 3 и 6), спинка носа в целом извилистая. Орбиты подпрямоугольной формы, глазничный бугорок и место прикрепления медиальной связки отчетливо выражены, их положение относительно друг друга указывает на то, что линия разреза глаз была косовнутренней. Складка верхнего века имела выраженное нависание в латеральной части, эпикантус отсутствовал. В антропологическом типе человека из погребения на святилище Хулагаш ощущается присутствие монголоидного компонента (рис. 4).

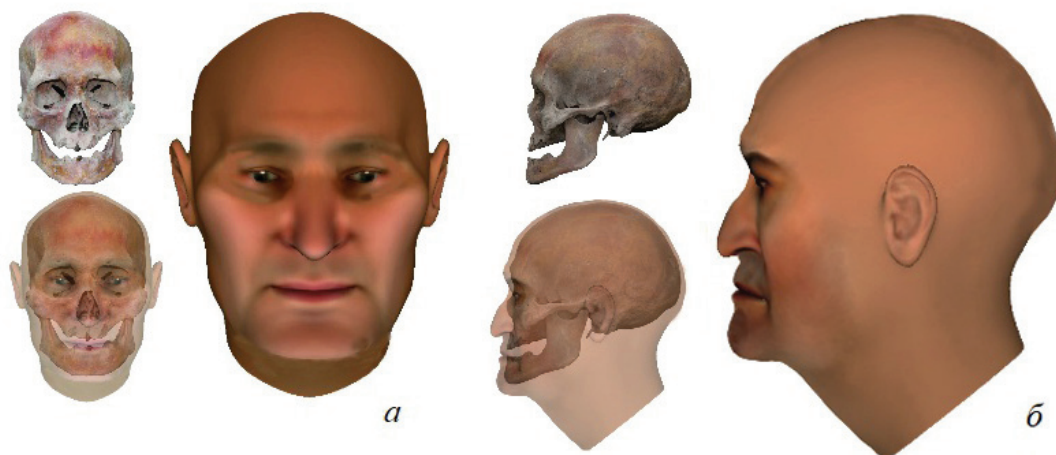

Рис. 4. Графическая реконструкция по черепу мужчины из погребения на святилище ранней бронзы Хулагаш: анфас (а) и профиль (б).

Fig. 4. Graphical facial reconstruction of a man from burial in Early Bronze Age sacrificial complex Khulagash: anterior (a) and lateral (b) view.

Обсуждение результатов

Находка на чемурчекском святилище Хулагаш останков человека с существенным проявлением монголоидных особенностей стала не первым открытием такого рода на крайнем северо-западе Монголии. В 2004 г. А.А. Ковалев и Д. Эрдэнэбаатар обнаружили останки монголоидных по краниометрическим параметрам [Солодовников и др., 2019] и восточно-евразийских по генетическим маркерам людей во впускных могилах на «малых» ритуальных оградах Хул уул (Кулала ула), Хундий говь (Кумди гови) и Хуурай говь (Кургак гови) 2, расположенных в долинах рек Кара-Джамат-гол и Согог-гол [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014]. В 2011 г. Я. Бемманом и Ц. Турбатом на реке Цагаан-гол была раскопана такая же прямоугольная ритуальная ограда со стелой с восточной стороны Тахилгат удзуур-5 № 31, где авторами раскопок был обнаружен череп человека, относящегося к Y-хромосомной гаплогруппе Q-M242, а по митохондриальной ДНК — к гаплогруппе R1b1 [Hollard et al., 2014, p. 201]. Все эти ограды были отнесены А.А. Ковалевым к проявлениям чемурчекского культурного феномена в связи с тем, что их архитектура повторяла стандарт чемурчекских погребальных сооружений Джунгарии: прямоугольная ограда, ориентированная преимущественно в широтном направлении, и установка стел у восточной стороны ограды; были представлены и аналогии прямоугольным оградам со стелами и ритуальными ямами в более раннем контексте атлантического мегалитизма Западной Франции [Ковалев, 2011, с. 189–193]. Тем не менее устройство впускных могил в этих ритуальных оградах резко отличалось от чемурчекского стандарта Джунгарии: это были земляные ямы с одиночными погребениями, а не каменные гробницы с коллективными захоронениями. Ничего общего с типичным чемурчекским не имеет и инвентарь: в трех вышеуказанных захоронениях в долинах рек Кара-Джамат-гол и Согог-гол обнаружены костяные тупики, аналогичные елуниным, костяные наконечники стрел, известняковый шарик с отверстием, аналогичный западно-сибирским и окуневским экземплярам, а в такой же соседней ограде Хар хошуу (Кара тумсик) — фрагменты баночного глиняного сосуда, украшенного рядами гребенчатого штампа, занимающими стенки и переходящими на дно [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014]. В ограде Тахилгат удзуур-5 № 31,

судя по опубликованным материалам [Төрбат, 2016, с. 28–29], наблюдалась та же ситуация. В центре ограды первоначально находилась ритуальная яма, забитая мешаной землей и камнями, затем в нее была впущена еще одна яма, где были зачищены часть скелета собаки (?), человеческий череп и глиняный сосуд баночной формы, сплошь покрытый отпечатками палочки. Раскопщики, судя по всему, не заметили наличия первоначальной земляной ямы (которую хорошо видно даже на опубликованной фотографии) и не смогли проследить уровень, с которого было впущено вторичное погребение. Более того, в своих публикациях они отнесли объект к афанасьевской культуре [Hollard et al., 2014; Төрбат, 2016, с. 28–29], хотя ничего общего между этим памятником и памятниками афанасьевской культуры найти невозможно. Форма и система орнамента сосудов из впускных погребений оград Кара тумсик и Тахилгат удзуур-5 № 31 соответствует керамике так называемого одиново-крохалевского типа, обнаруженной на ряде поселений Восточного Казахстана, таких как Мичурино-I, Новая Шульба IX, Шауке 8а, 8б [Мерц, 2017, с. 202–203, рис. 93]. На поселении Новая Шульба IX такая керамика залегала как около очагов № 3 и 4, откуда были получены даты, определяющие возраст объектов в пределах приблизительно 2800–2500 гг. до н.э., так и в более поздних слоях [Мерц, Святко, 2016, с. 131], что совпадает с периодом функционирования святилищ Северо-Западной Монголии.

Таким образом, на ритуальных оградах «чемурчекского облика» в Северо-Западной Монголии, возможно, производились погребения представителей инородных культур, соседей чемурчекских племен с севера, памятники которых для середины III тыс. до н.э. в пограничье Восточного Казахстана и Монголии еще только начинают изучаться. Человек, погребенный на святилище Хулагаш, может рассматриваться в одном ряду с антропологическими находками из этих соседних ритуальных сооружений, что означает большую вероятность либо его инокультурного происхождения, либо появления его монголоидных черт вследствие смешения пришлого с запада чемурчекского населения и местных субстратных популяций. К сожалению, антропометрические данные о черепах погребенных в собственно чемурчекских курганах Северной Джунгарии на сегодняшний день недоступны, хотя китайские археологи в последние годы получили большой массив антропологических находок из раскопок чемурчекских курганов в уездах Хабахэ (Каба) и Бурчун Синьцзян-Уйгурского автономного района [Ковалев, 2015b]. Кости из чемурчекских каменных гробниц «булганского типа», исследованных российско-монгольскими экспедициями в Западной Монголии, в массе очень плохой сохранности, что не позволило провести полноценных измерений. Исследование митохондриальной ДНК нескольких погребенных в гробницах «булганского типа» установило принадлежность четырех из них к западно-евразийским гаплогруппам H, T2, T2c1, U2e, а одного — к восточно-евразийской гаплогруппе C4 [Hollard, 2014, Tabl. 7]. Кроме того, как уже говорилось выше, необходимо учитывать экстраординарный характер хулагашского погребения, совершенного в пределах ритуального комплекса. Здесь мог быть намеренно погребен представитель инородного населения, например, в качестве «закладной жертвы».

Отличия черепа из Хулагаша от выраженно монголоидных и европеоидных групп при межгрупповом сопоставлении, по-видимому, свидетельствуют о его морфологической промежуточности по отношению к основным расовым стволам. Причиной этой промежуточности может являться как смешение европеоидных и монголоидных форм, так и участие в расогенезе населения ранней бронзы Западной Монголии неконсолидированных с позиции традиционной расовой систематики краниологических комплексов. Одним из них, наиболее соответствующим антропологическому облику черепа из Хулагаша, на территории внутренней Евразии является специфичный антропологический тип, характеризующий древнее население Прибайкалья. Его формирование в результате смешения монголоидных и европеоидных групп или же сохранения слабо дифференцированных расовых особенностей древнейшего населения является предметом дискуссий [Дебец, 1948; Левин, 1956; Мамонова, 1973, 1980; Гохман, 1980; Алексеев и др., 1987; Герасимова, 1992; Чикишева, 2012; и др.]. По сравнению с двумя другими древними недифференцированными краниологическими комплексами центральных областей Евразии [Чикишева, 2012], население неолита — бронзы Прибайкалья характеризуется более монголоидным строением мозговой коробки — крупные горизонтальные диаметры и мезокранные пропорции, небольшая высота черепа, узкий и наклонный лоб, что сочетается с горизонтальной уплощенностью высокого лицевого отдела, относительно высоким переносьем и более выступающим носом по сравнению с монголоидными группами Забайкалья, Якутии и более восточных регионов Евразии [Чикишева, 2012, с. 53–60]. Влияние данного краниологического комплек-

са восточно-сибирского происхождения с возможным участием дополнительного европеоидного компонента фиксируется на антропологических материалах неолита — энеолита северных предгорий Алтая (Усть-Иша, Иткуль, Солонцы-5), Кузнецкой котловины и других районов бассейна Верхней Оби [Дремов, 1980, 1997; Чикишева, 2012; Багашев, 2017]. Это рассматривается в связи с миграциями неолитического прибайкальского населения по северным предгорным районам Алтае-Саян на запад [Там же; Кунгурова, 2005; Марочкин, 2014; и др.]. Население елунинской культуры ранней бронзы Барнаульско-Бийского Приобья, несомненно, включало в свой антропологический состав местный компонент исходно прибайкальского происхождения. Он был унаследован от нео-энеолитического населения предгорно-равнинного Алтая, и его присутствие сильнее выражено в женской части елунинской популяции [Солодовников, Тур, 2016]. Поэтому наибольшее морфологическое сходство черепа из Хулагаша одновременно с сериями неолита — энеолита и ранней бронзы Барнаульско-Бийского Приобья и Циркумбайкальского региона, вероятно, выступает проявлением общего антропологического субстрата.

Отсутствие антропологических данных ранней бронзы более восточных промежуточных районов, к сожалению, не позволяет уточнять пути проникновения населения прибайкальского типа на территорию Западной Монголии в период ранней бронзы. Однако антропологическое сходство погребенных на ритуальных площадках северных, высокогорных районов Западной Монголии и елунинской культуры равнинно-предгорного Алтая подтверждает близость населения ранней бронзы Степного Алтая и севера Монгольского Алтая, определяемую на основании анализа археологических источников [Ковалев, 2005, 2015а; Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014]. В частности, в чемурчекских каменных ящиках на территории Монголии были обнаружены бронзовые (оловянистые) и свинцовые височные кольца, считающиеся атрибутом населения елунинской культуры [Грушин, 2013, с. 35–36]. Елунинская археологическая культура и ассоциированные с ней культурные образования Восточного Казахстана имели развитую металлургию, базирующуюся на источниках Рудного Алтая, и в период XXV–XVIII вв. до н.э. охватывали степной регион западнее Алтайских гор, где представлены многочисленными поселениями [Кирюшин, 2002, с. 46–105; Кирюшин и др., 2005, 2011; Грушин, 2013; Мерц, 2017].

Заключение

1. В морфологическом облике индивида, захороненного на чемурчекском святилище ранней бронзы Хулагаш в Западной Монголии, фиксируются промежуточные монголоидно-европеоидные характеристики. Существенное проявление монголоидной составляющей в строении черепа из Хулагаша отвергает возможность непосредственной расогенетической связи чемурчекского населения высокогорного района Монгольского Алтая с европеоидными группами, в частности предшествующей афанасьевской культуры.

2. Наибольшее морфологическое сходство краниологической находки из Хулагаша прослеживается с популяциями серовской и глазковской культур Циркумбайкальского региона, а также группами неолита — энеолита и ранней бронзы Барнаульско-Бийского Приобья. Это сходство, вероятно, выступает проявлением субстратных взаимоотношений и основывается на присутствии антропологического компонента прибайкальского происхождения в составе нео-энеолитического населения северных предгорных районов Алтае-Саян и морфогенетической преемственности с ним популяций елунинской культуры ранней бронзы предгорно-равнинного Алтая.

3. Значительное антропологическое сходство индивида из Хулагаша и носителей елунинской археологической культуры подкрепляет высказанное ранее предположение о наличии культурной общности чемурчекского населения и населения Восточного Казахстана и предгорно-равнинного Алтая в период ранней бронзы, основанное на анализе археологических материалов.

4. Проведенная графическая реконструкция по черепу человека из погребения на ритуальном комплексе раннего периода бронзового века Хулагаш позволяет охарактеризовать индивидуальные особенности погребенного мужчины старческого возраста. Его антропологический тип включает в себя выраженный монголоидный компонент, что подкрепляет результаты межгруппового статистического сравнения.

Благодарности

Выражаем искреннюю признательность д.и.н. М.Б. Медниковой за консультацию и ценные замечания.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проекты 18-59-94020, 18-09-00779 и 18-00-00360), Министерства образования, культуры и науки Монголии (проект № 2018/25) и по госзаданию (проект № АААА-А17-117050400143-4).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век — эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 208–241.
- Герасимов М.М. Основы восстановления лица по черепу. М.: Сов. наука, 1949. 188 с.
- Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу: (Современный и ископаемый человек). М.: Изд-во АН СССР, 1955. 585 с. (ТИЭ. Нов. сер.; Т. XXXVIII).
- Герасимова М.М. Черепа из Фофановского могильника (р. Ока, Селенга) // Древности Байкала. Иркутск: Изд-во ИрГУ, 1992. С. 97–111.
- Гохман И.И. Угол поперечного изгиба лба и его значение для расовой диагностики // Вопросы антропологии. 1961. Вып. 8. С. 88–98.
- Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л.: Наука, 1980. С. 5–34. (СМАЭ; Т. XXXVI).
- Грушин С.П. Культура жизнеобеспечения и производства населения степного и лесостепного Обь-Иртышья во второй половине III — первой четверти II тыс. до н.э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2013. 54 с.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948. 391 с. (ТИЭ; Вып. 4).
- Дебец Г.Ф. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968. С. 13–22.
- Дремов В.А. Антропологические материалы из могильников Усть-Иша и Иткуль: (К вопросу о происхождении неолитического населения Верхнего Приобья) // Палеоантропология Сибири. М.: Наука, 1980. С. 19–46.
- Дремов В.А. Измерения черепов и скелетов из неолитических могильников Усть-Иша и Иткуль (Верхнее Приобье) // Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии. Новосибирск: Наука, 1986. С. 56–73.
- Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы: (Антропологический очерк). Томск: Изд-во ТГУ, 1997. 264 с.
- Зубов А.А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М.: ЭТНО-ОНЛАЙН, 2006. 72 с.
- Ким А.Р., Чикишева Т.А. Погребение из Нижнетыткескенской пещеры-1 — первая доафанасьевская могила на территории Горного Алтая // Ю.Ф. Кирюшин, А.Л. Кунгуров, Н.Ф. Степанова. Археология Нижнетыткескенской пещеры-1. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1995. С. 95–117.
- Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. 294 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Березовая Лука — поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2011. Т. 2. 171 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука — поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. Т. 1. 288 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Солодовников К.Н. Компонентный состав андроновского (федоровского) населения юга Западной Сибири по результатам исследования палеоантропологических материалов эпохи развитой бронзы лесостепного Алтая // Археология, этнографии и антропология Евразии. № 4 (44). 2010. С. 122–142.
- Ковалев А.А. Чемурачский культурный феномен: Его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. С. 178–184.
- Ковалев А.А. Великая чемурачская миграция из Франции на Алтай в начале третьего тысячелетия до н.э. // Рос. археол. ежегодник. № 1. 2011. С. 183–244.
- Ковалев А.А. Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурачский культурный феномен как ключ к решению проблемы тохарской прародины // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию выдающегося российского археолога М.П. Грязнова. СПб.: ИИМК РАН: Периферия, 2012. Кн. 2. С. 49–57.
- Ковалев А.А. Бассейн верхней Кобдо как чемурачская ритуальная территория // Археология Западной Сибири и Алтая: Опыт междисциплинарных исследований. Барнаул, 2015а. С. 391–395.
- Ковалев А.А. Чемурачские памятники Синьцзяна: Артефакты, комплексы, погребальные сооружения // Древнейшие европейцы в сердце Азии: Чемурачский культурный феномен. Ч. II: Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель. СПб.: МИСР, 2015б. С. 240–279.
- Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч. Чемурачский ритуальный комплекс Хар чулуут 1 в истоках реки Ховд (Кобдо): (Предварительное сообщение) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: Чемурачский культурный феномен. Ч. II: Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель. СПб.: МИСР, 2015. С. 155–214.

- Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Исследования ритуальных оград чемурчешского облика и связанных с ними памятников в Баян-Ульги аймаке Монголии в 2004 году // Древнейшие европейцы в сердце Азии: Чемурчешский культурный феномен. Ч. I: Результаты исследований в Восточном Казахстане, на севере и юге Монгольского Алтая. СПб.: Изд-во ЛЕМА, 2014. С. 163–234.
- Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5: Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул: Изд-во БЮИ МВД России, 2005. 128 с.
- Лебединская Г.В. Антропологическая реконструкция лица по черепу и пути ее развития // СЭ. 1976. № 4. С. 63–70.
- Лебединская Г.В. Реконструкция лица по черепу: Методическое руководство. М.: Старый Сад, 1998. 125 с.
- Левин М.Г. Антропологический материал из Верхоленинского могильника // Антропол. сборник I. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 299–339. (ТИЭ; Т. 33).
- Мамонова Н.Н. К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 18–28.
- Мамонова Н.Н. Древнее население Ангары и Лены в серовское время по данным палеоантропологии: (К вопросу о межгрупповых различиях в эпоху неолита) // Палеоантропология Сибири. М.: Наука, 1980. С. 64–88.
- Мамонова Н.Н. К вопросу о межгрупповых различиях в неолите Прибайкалья // Вопросы антропологии. 1986. Вып. 71. С. 88–103.
- Марочкин А.Г. Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита: (История изучения, структурный анализ и типология, проблемы культурно-хронологической интерпретации): Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2014. 205 с.
- Мерц И.В. Культура населения Восточного Казахстана в эпоху ранней бронзы: Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2017. 345 с.
- Мерц И.В., Святко С.В. Радиоуглеродная хронология памятников раннего бронзового века Северо-Восточного и Восточного Казахстана: Первый опыт // Теория и практика археологических исследований. 2016. № 1 (13). С. 126–150.
- Мөнхбаяр Ч., Ковалев А.А., Буян-Орших Ц., Сүхбаатар Д. Монгол-Оросын хамтарсан хээрийн шинжилгээний ангийн Баян-Өлгий аймгийн Сагсай сумын нутаг Их хулагаш, Ямаатын голын археологийн дурсгалын судалгаа // Монголын археологи-2018. Улаанбаатар, 2019. С. 70–86. (На монг. яз.).
- Никитин С.А. Пластическая реконструкция портрета по черепу // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля: Материалы исследований: В 4 т. Т. 1: История усыпальницы и методика исследования захоронений. М.: Моск. Кремль, 2009. С. 137–167.
- Солодовников К.Н., Тумэн Д., Эрдэнэ М. Краниология чемурчешской культуры Западной Монголии // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве: (Новые данные и концепции): Материалы Междунар. конф., 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. СПб.: ИИМК РАН: Невская Типография, 2019. Т. II. С. 79–81. DOI: 10.31600/978-5-907053-35-9-79-81.
- Солодовников К.Н., Тур С.С. Краниологические материалы елунинской культуры эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья // Елунинский археологический комплекс Телеутский Взвоз-I в Верхнем Приобье: Опыт междисциплинарного изучения. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2016. С. 181–202.
- Солодовников К.Н., Тур С.С. К антропологии неолитического населения Барнаульского Приобья (по материалам могильника Фирсово XI) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 3 (38). С. 60–70.
- Төрбат Ц. Неолит-энеолитийн шавар сав // Монголын эртний шавар сав: (Монголын археологийн өв цуврал зурагт цомог. VI боть.). Улаанбаатар: Түүх, археологийн хурээлэн, 2016. С. 24–31. (На монг. яз.).
- Тумэн Д. Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. 20 с.
- Тур С.С. Антропологические определения костных остатков из раскопок курганов раннего периода бронзового века на территории Курчумского района Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан (1999–2000 годы) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: Чемурчешский культурный феномен. Ч. I: Результаты исследований в Восточном Казахстане, на севере и юге Монгольского Алтая. СПб.: Лема, 2014. С. 152–153.
- Тур С.С., Солодовников К.Н. Новые краниологические материалы из погребений каракольской культуры эпохи бронзы Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2005. С. 35–47.
- Федосюткин Б.А., Коровянский О.П., Усачева Л.Л., Кузин В.М., Савушкин А.В., Хохлов А.Е. Комбинированный графический метод восстановления лица по черепу: Учеб. пособие. М.: МВД СССР, Всесоюз. науч.-криминалист. центр, 1991. 48 с.
- Чикишева Т.А. Новые данные об антропологическом составе населения Алтая в эпохи неолита-бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 139–148.
- Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита-раннего железа. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.
- Эрдэнэ М., Мишиддорж Э. Краткое описание палеоантропологических материалов из раскопок памятников раннего периода бронзового века, исследованных на территории Уланхус сомона Баян-Ульги аймака Монголии

(2004 год) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: Чемурчекский культурный феномен. Ч. I: Результаты исследований в Восточном Казахстане, на севере и юге Монгольского Алтая. СПб.: Лема, 2014а. С. 231–233.

Эрдэнэ М., Мижиддорж Э. Краткое описание палеоантропологических материалов из раскопок чемурчекских курганов на территории Булган сомона Ховд аймака Монголии (2003, 2004, 2010 годы) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: Чемурчекский культурный феномен. Ч. I: Результаты исследований в Восточном Казахстане, на севере и юге Монгольского Алтая. СПб.: Лема, 2014b. С. 397–399.

Aulsebrook W.A. The Establishment of Soft Tissue Thicknesses and Profiles in the Adult Male Zulu Face: Thesis for the degree of Doctorate of Philosophy, University of the Witwatersrand. Johannesburg, 1993. 283 p.

Aulsebrook W.A., Van Rensburg J.H.J. An evaluation of two techniques used for facial reconstruction in forensic anthropology: Abstract of lecture delivered at the 16th Annual Congress of the Anatomical Society of South Africa. // South African Journal of Science. 1986. № 82. P. 448.

Aulsebrook W.A., Iscan M.Y., Slabbert J.H., Becker P. Superimposition and reconstruction in forensic facial identification // Journal of Forensic Sciences. 1995. № 75. P. 101–120.

Buikstra J.E., Ubelaker D. Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains. Arkansas Archaeological Survey Research Series. № 44. Fayetteville, 1994. 218 p.

George R.M. The Lateral Craniographic Method of Facial Reconstruction // Journal of Forensic Sciences. 1987. Vol. 32. Iss. 5. P. 1305–1330.

Granö J.G. Archäologische Beobachtungen von meiner Reise in Südsibirien und der Nordwestmongolei im Jahre 1909 // Journal de la Société finno-ougrienne. 1912. № 28 (1). P. 1–67.

Helmer R.P. Schadelidentifizierung durch elektronische Bildmischung. Heidelberg: Kriminalistik Verlag Heidelberg GmbH, 1984. P. 50–67.

Hollard Cl. Peuplement du sud de la Sibirie et de l'Altaï à l'âge du Bronze: Apport de la paléogénétique: Thèse de doctorat en Aspects moléculaires et cellulaires de la biologie. Strasbourg, 2014. 180 p.

Hollard Cl., Keyser Chr., Giscard P.-H., Turbat Ts., Bayarkhuu N., Bemmman J., Crube'zy E., Ludes B. Strong genetic admixture in the Altai at the Middle Bronze Age revealed by uniparental and ancestry informative markers // Forensic Science International: Genetics. 2014. Vol. 12. P. 199–207.

Key C.A., Aiello L.C., Molleson T. Cranial suture closure and its implications for age estimation // Intern. Journal of Osteoarchaeology. 1994. Vol. 4. Pp. 193–207.

Rynn C., Wilkinson C.M., Peters H. Prediction of nasal morphology from the skull // Forensic Science, Medicine and Pathology. 2009. Vol. 6. № 1. P. 20–34.

Taylor W., Wilkin S., Wright J., Dee M., Erdene M., Clark J., Tuvshinjargal T., Bayarsaikhan J., Fitzhugh W., Boivin N. Radiocarbon dating and cultural dynamics across Mongolia's early pastoral transition // PLoS ONE. 2019. Vol. 14 (11): e0224241. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0224241>.

White T.D., Folkens P.A. The human bone manual. N. Y.: Elsevier Academic Press, 2005. 485 p.

A.A. Kovalev *, K.N. Solodovnikov **, Ch. Munkhbayar *, M. Erdene ****, A.I. Nechvaloda *****, A.V. Zubova *******

* Institute of Archaeology RAS

Dm. Ulianov st., 19, Moscow, 117036, Russian Federation

** Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS

Malygina st., 86, Tyumen, 625003, Russian Federation

*** Khovd State University

Zhargalant sum, 84000, Khovd, Khovd aimag, Mongolia

**** National University of Mongolia

prosp. Zaluuchudin, 1, Ulaanbaatar, 210646, Mongolia

***** Federal Ufa Research Centre RAS

prosp. Oktyabrya, 71, Ufa, 450054, Russian Federation

***** Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (The Kunstkamera) RAS

Universitetskaya nab., 3, Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: chemurchek@mail.ru; solodk@list.ru;

munkh_boroldoi@yahoo.com; merdene@num.edu.mn;

striwolf@mail.ru; zubova_al@mail.ru

Paleoanthropological study of a skull from a burial at the Chemurchek sanctuary Hulagash (Bayan-Ulgii aimag, Mongolia)

Recent studies show that, in the 3rd millennium BC, the highlands in the basin of the upper reaches of the Khovd (Kobdo) River constituted a ritual zone, which was of particular importance for the population inhabiting the western foothills of the Mongolian Altai Mountains. Its cultural singularity was due to the so-called Chemurchek cultural phenomenon — a set of characteristics of West European origin, which appeared there no later than 2700–2600 BC. Three large-scale ritual complexes-‘shrines’ attributed to this period were discovered in the area of Lake Dayan Nuur. Excavations conducted by the expedition of A.A. Kovalev and Ch. Munkhbayar revealed that these structures constituted fences consisting of vertical stone slabs, decorated all-over on the outside with the

images of fantastic anthropomorphic creatures and animals. The excavation of Hulagash 1 (one of these sanctuaries), radiocarbon dated to the middle of the 3rd millennium BC, revealed a single grave in the centre of the structure, synchronous with the time when the complex was used. The grave belonged to a man of advanced age, whose body was wrapped in a wide piece of cloth. The significance of this man being buried in the centre of the ritual site remains unclear. This person could have been sacrificed during construction or, conversely, he could have had a special status. Craniometrical measurement and dentological investigation of the skull from the Chemurchek sanctuary Hulagash were conducted; its graphic reconstruction was performed. Its anthropological type shows a significant Mongoloid component. Intergroup comparison revealed its significant morphological differences from markedly Caucasoid groups, including the Afanasievo culture of South Siberia and Central Asia. This excludes the morphogenetic continuity of the Chemurchek phenomenon from the antecedent Afanasievo population. The individual from Hulagash bears the greatest anthropological similarity to the Neolithic-Eneolithic and Early Bronze Age populations of the Circumbaikal region (Sерово and Glazkovo cultures) and the Barnaul-Biysk Ob area (Itkul and Firsovo XI burial grounds dating back to the pre-Bronze Age; Early Bronze Age burial grounds of the Elunino culture). This is obviously a manifestation of a shared anthropological substrate, since the anthropological component of the Baikal type (which the population of the Elunino culture included) was recorded in the Neolithic-Eneolithic materials from the northern foothills of the Altai Mountains. Remarkable morphological similarities between the individual from Hulagash and the bearers of the Elunino archaeological culture reinforce the assumption that there is a cultural affinity between the Chemurchek and Elunino populations of the Early Bronze Age.

Key words: Early Bronze Age, Chemurchek cultural phenomenon, Elunino culture, Western Mongolia, paleoanthropology.

Acknowledgements. We express our sincere thanks to Dr. Mednikova M.B. for her consultation and invaluable comments.

Funding. This work was supported by a grants from the Russian Foundation for Basic Research No. 18-59-94020, 18-09-00779 and 18-00-00360, Ministry of Education, Culture and Science of Mongolia (Project No. 2018/25). The article has been written within the State Projects No. AAAA-A17-117050400143-4.

REFERENCES

- Alekseev V.P., Debets G.F. (1964). *Craniometry: A technique of anthropological researches*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Alekseev V.P., Gokhman I.I., Tumen D. (1987). A brief essay of paleoanthropology of Central Asia. In: *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii* (pp. 208–241). Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Aulsebrook W.A. (1993). *The Establishment of Soft Tissue Thicknesses and Profiles in the Adult Male Zulu Face: Thesis for the degree of Doctorate of Philosophy, University of the Witwatersrand*. Johannesburg.
- Aulsebrook W.A., Van Rensburg J.H.J. (1986). An evaluation of two techniques used for facial reconstruction in forensic anthropology. Abstract of lecture delivered at the 16th Annual Congress of the Anatomical Society of South Africa. *South African Journal of Science*, (82), 448.
- Aulsebrook W.A., Iscan M.Y., Slabbert J.H., Becker P. (1995). Superimposition and reconstruction in forensic facial identification. *Journal of Forensic Sciences*, (75), 101–120.
- Buikstra J., Ubelaker D.H. (1994). *Standards for data collection from human skeletal remains. Arkansas Archaeological Survey Research Series*, (44).
- Chikisheva T.A. (2000). Новые данные об антропологическом составе населения Алтая в эпохи неолита-бронзы. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, (1), 139–148. (Rus.).
- Chikisheva T.A. (2012). *Dynamics of anthropological differentiation of the population of Southern parts of Western Siberia in the Neolithic and the Early Iron Age*. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).
- Debets G.F. (1948). *Paleoanthropology of the USSR*. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (Rus.).
- Debets G.F. (1968). An attempt to determine a share of the Mongoloid component in mixed groups of the USSR population. In: *Problemy antropologii i istoricheskoi etnografii Azii* (pp. 13–22). Moscow: Nauka. (Rus.).
- Dremov V.A. (1980). Anthropological materials from the burials of Ust-Isha and Itkul: (On the origin of the Neolithic population of the Upper Ob region). In: *Paleoantropologiya Sibiri* (pp. 19–46). Moscow: Nauka. (Rus.).
- Dremov V.A. (1986). Measurements of skulls and skeletons from the Neolithic burials of Ust-Isha and Itkul (the Upper Ob River region). In: *Problemy antropologii drevnego i sovremennogo naseleniya Sovetskoi Azii* (pp. 56–73). Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Dremov V.A. (1997). *The Upper Ob population during the Bronze Age: (An anthropological essay)*. Tomsk: Tomsk State University. (Rus.).
- Erdene M., Mizhiddorzh E. (2014a). A brief description of human skeletal remains from the archaeological excavations of Early Bronze Age monuments in the territory of Ulanxus soum, Bayan-Ulgii aimak, Mongolia (2004). In: A.A. Kovalev (Ed.). *Drevneishie evropeitsy v serdtse Azii: Chemurchekskii kul'turnyi fenomen. Chast' I. Rezul'taty issledovaniy v Vostochnom Kazakhstane, na severe i iuge Mongol'skogo Altaia* (pp. 231–233). St. Petersburg: LEMA. (Rus.).
- Erdene M., Mizhiddorzh E. (2014b). A brief description of human skeletal remains from the archaeological excavations of Chemurchek kurgans in the territory of Bulgan soum, Khovd aimak, Mongolia (2003, 2004, and 2010). In: A.A. Kovalev (Ed.). *Drevneishie evropeitsy v serdtse Azii: Chemurchekskii kul'turnyi fenomen. Chast' I. Rezul'taty issledovaniy v Vostochnom Kazakhstane, na severe i iuge Mongol'skogo Altaia* (pp. 397–399). St. Petersburg: LEMA. (Rus.).

Fedosiutkin B.A., Korovianskii O.P., Usacheva L.L., Kuzin V.M., Savushkin A.V., Khokhlov A.E. (1991). *Combined graphical method for skull-based facial reconstruction: Training manual*. Moscow: Ministerstvo Vnutrennikh del SSSR, Vsesoiuznyi nauchno-kriminalisticheskii tsentr. (Rus.).

George R.M. (1987). The Lateral Craniographic Method of Facial Reconstruction. *Journal of Forensic Sciences*, 32(5), 1305–1330.

Gerasimov M.M. (1949). *Basics of facial reconstruction on the skull*. Moscow: Sovetskaya nauka. (Rus.).

Gerasimov M.M. (1955). *Reconstruction of the face on the skull: (Modern and Fossil Man)*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Gerasimova M.M. (1992). Skulls from the Fofanovo burial ground (Oka River, Selenga). In: *Drevnosti Baikala* (pp. 97–111). Irkutsk: Irkutsk State University. (Rus.).

Gokhman I.I. (1961). Forehead's cross bending and its significance for racial diagnostics. *Voprosy antropologii*, (8), 88–98. (Rus.).

Gokhman I.I. (1980). The origin of the Central Asian race in the light of new paleoanthropological materials. In: *Issledovaniia po paleoantropologii i kraniologii SSSR* (pp. 5–34). Leningrad: Nauka. (Rus.).

Granö J. G. (1912). Archäologische Beobachtungen von meiner Reise in Südsibirien und der Nordwestmongolei im Jahre 1909. *Journal de la Société finno-ougrienne*, 28(1), 1–67.

Helmer R.P. (1984). *Schädelidentifizierung durch elektronische Bildmischung*. Heidelberg: Kriminalistik Verlag. GmbH.

Hollard Cl. (2014). *Peuplement du sud de la Sibérie et de l'Altai à l'âge du Bronze: Apport de la paléogénétique: Thèse de doctorat en Aspects moléculaires et cellulaires de la biologie*. Strasbourg.

Hollard Cl., Keyser Chr., Giscard P.-H., Turbat Ts., Bayarkhuu N., Bemmman J., Crube'zy E., Ludes B. (2014). Strong genetic admixture in the Altai at the Middle Bronze Age revealed by uniparental and ancestry informative markers. *Forensic Science International: Genetics*, (12), 199–207.

Key C.A., Aiello L.C., Molleson T. (1994). Cranial suture closure and its implications for age estimation. *International Journal of Osteoarchaeology*, (4), 193–207.

Kim A.R., Chikisheva T.A. (1995). A burial from Nijnetykeskenskaya cave-1 — the first pre-Afanas'ev burial in the territory of Gornyi Altai. In: *Iu.F. Kiriushin, A.L. Kungurov, N.F. Stepanova. Arkheologiya Nizhnetykeskenskoi peshchery-1* (pp. 95–117). Barnaul: Altaiskii universitet. (Rus.).

Kiriushin Iu.F. (2002). *Eneolithic and Early Bronze in the South of Western Siberia*. Barnaul: Altaiskii universitet. (Rus.).

Kiriushin Iu.F., Grushin S.P., Tishkin A.A. (2011). *Berezovaya Luka — a Bronze Age settlement in the Alei steppe. Vol. 2*. Barnaul: Altaiskii universitet. (Rus.).

Kiriushin Iu.F., Maloletko A.M., Tishkin A.A. (2005). *Berezovaya Luka — a Bronze Age settlement in the Alei steppe. Vol. 1*. Barnaul: Altaiskii universitet. (Rus.).

Kiriushin Iu.F., Solodovnikov K.N. (2010). The origins of the Andronovo (Fedorovka) population of South-Western Siberia, based on a Middle Bronze Age cranial series from the Altai forest-steppe zone. *Archaeology Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 38(4), 122–142. DOI: 10.1016/j.aear.2011.02.011.

Kovalev A.A. (2005). Chemurchek cultural phenomenon: It's origin and role in the formation of Early Bronze Age cultures of Altai and Central Asia. In: *Zapadnaia i Iuzhnaia Sibir' v drevnosti*. (pp. 178–184). Barnaul: Altaiskii universitet. (Rus.).

Kovalev A.A. (2011). The great Chemurchek migration from France to Altai at the beginning of 3rd millennium BC. *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik*, (1), 183–244. (Rus.).

Kovalev A.A. (2012). The earliest Europeans in the heart of Asia: Chemurchek cultural phenomenon as a key of Tokhar homeland question. In: *Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaïmodeistvie s drevnimi tsivilizatsiïami: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 110-letiiu vydaiushchegosia rossiiskogo arkheologa M.P. Griaznova. Vol. 2* (pp. 49–57). St. Petersburg: Institut istorii material'noi kul'tury RAN: Periferia. (Rus.).

Kovalev A.A. (2015a). Basin of upper Khovd as Chemurchek ritual territory. In: *Arkheologiya Zapadnoi Sibiri i Altaia: Opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniï* (pp. 391–395). Barnaul. (Rus.).

Kovalev A.A. (2015b). Chemurchek monuments in Xinjian: Artefacts, complexes, funeral constructions. In: A.A. Kovalev (Ed.). *Drevneishie evropeitsy v serdtse Azii: Chemurchekskii kul'turnyi fenomen. Chast' II: Rezul'taty issledovaniï v tsentral'noi chasti Mongol'skogo Altaia i v istokakh Kobdo; pamiatniki Sin'tsziana i okrainnykh zemel'* (pp. 240–279). St. Petersburg: MISR. (Rus.).

Kovalev A.A., Erdenebaatar D. (2014). Investigation of Chemurchek type ritual enclosures and related monuments in Bayan-Ulgii aimak, Mongolia in 2014. In: A.A. Kovalev (Ed.). *Drevneishie evropeitsy v serdtse Azii: Chemurchekskii kul'turnyi fenomen. Chast' I: Rezul'taty issledovaniï v Vostochnom Kazakhstane, na severe i iuge Mongol'skogo Altaia* (pp. 163–234). St. Petersburg: LEMA. (Rus.).

Kovalev A.A., Munkhbayar Ch. (2015). Chemurchek ritual complex Khar Chuluut 1 at the riverhead of Khovdo river: (Preliminary information). In: A.A. Kovalev (Ed.). *Drevneishie evropeitsy v serdtse Azii: Chemurchekskii kul'turnyi fenomen. Chast' II: Rezul'taty issledovaniï v tsentral'noi chasti Mongol'skogo Altaia i v istokakh Kobdo; pamiatniki Sin'tsziana i okrainnykh zemel'* (pp. 155–214). St. Petersburg: MISR. (Rus.).

Kungurova N.Yu. (2005). *The burial ground of Solontsi-5: The culture of the Neolithic buried people of Altai*. Barnaul: Barnaulskii Iuridicheskii Institut Ministerstva Vnutrennikh del Rossii. (Rus.).

- Lebedinskaia G.V. (1976). Skull-based facial anthropological reconstruction and its development paths. *Sovetskaia etnografiia*, (4), 63–70. (Rus.)
- Lebedinskaia G.V. (1998). *Facial reconstruction based on skull features: Methodological guidelines*. Moscow: Staryi Sad. (Rus.)
- Levin M.G. (1956). Anthropological Material from the Verkholsky Burial Ground. *Antropologicheskii sbornik*, (1), Moscow: Izd-vo AN SSSR, 299–339. (Rus.)
- Mamonova N.N. (1973). On the paleopopulation of the Angara region according to paleoanthropological data. In: *Problemy arkheologii Urala i Sibiri* (pp. 18–28). Moscow: Nauka. (Rus.)
- Mamonova N.N. (1980). The paleopopulation of the Angara and Lena regions during the Serovo time according to paleoanthropological data: (On intergroup differences during the Neolithic Age). In: *Paleoantropologiya Sibiri* (pp. 64–88). Moscow: Nauka. (Rus.)
- Mamonova N.N. (1986). On the question of intergroup differences in the Neolithic Baikal area. *Voprosy antropologii*, (71), 88–103. (Rus.)
- Meindl R.S., Lovejoy C.O. (1985). Ectocranial Suture Closure: A Revised Method for the Determination of skeletal Age at Death Based on the Lateral-Anterior Sutures. *American Journal of Physical Anthropology*, (68), 57–66.
- Merts I. V., Sviatko S.V. (2016). First radiocarbon chronology of the Early Bronze age sites in North-Eastern Kazakhstan: First experience. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniï*, 13(1), 126–150. (Rus.)
- Munkhbayar Ch., Kovalev A.A., Buyan-Orshikh Ts., Sukhbaatar D. (2019). Mongolian-Russian joint field analysis class Archaeological study of the Great Khagaagash and Yamat river in Saksai soum of Bayan-Ulgii province. In: *Mongolyn arkheology-2018* (pp. 70–86). Ulaanbaatar. (Mong.)
- Nikitin S.A. (2009). Plastic reconstruction of the portrait on the skull. In: *Nekropol' russkikh velikikh kniagin' i tsarits v Voznesenskom monastyre Moskovskogo kremliia*, 1 (pp. 137–167). Moscow. (Rus.)
- Rynn C., Wilkinson C.M., Peters H. (2009). Prediction of nasal morphology from the skull. *Forensic Science, Medicine and Pathology*, 6(1), 20–34.
- Solodovnikov K.N., Tumen D., Erdene M. (2019). Craniology of the Chemurchek culture in Western Mongolia. In: *Drevnosti Vostochnoi Evropy, Tsentral'noi Azii i Iuzhnoi Sibiri v kontekste svyazi i vzaimodeistvii v evraziiskom kul'turnom prostranstve: (Novye dannye i kontseptsii)*, 2 (pp. 79–81). St. Petersburg: IIMK RAN: Nevskaiia Tipografiia. (Rus.). DOI: 10.31600/978-5-907053-35-9-79-81.
- Solodovnikov K.N., Tur S.S. (2016). Craniological materials of Elunino culture of Early Bronze Age of Upper Ob River Region. In: A.P. Derevianko (Ed.). *Eluninskii arkheologicheskii kompleks Teleutskii Vozov-I v Verkhnem Priob'e: Opyt mezhdistsiplinarnogo izucheniia* (pp. 181–202). Barnaul: Altaiskii universitet. (Rus.)
- Solodovnikov K.N., Tur S.S. (2017). On anthropology of the Neolithic population of the Ob river basin near Barnaul (basing on the materials of the burial ground of Firsovo XI). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 60–70. (Rus.). DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-046-059.
- Taylor W., Wilkin S., Wright J., Dee M., Erdene M., Clark J., Tuvshinjargal T., Bayarsaikhan J., Fitzhugh W., Boivin N. (2019). Radiocarbon dating and cultural dynamics across Mongolia's early pastoral transition. *PLoS ONE*, 14(11): e0224241. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0224241>.
- Tur S.S. (2014). Anthropological characteristics of skeletal remains from archaeological excavations of Early Bronze Age kurgans from the territory of Kurchumskii district, East Kazakhstan region, Kazakhstan (1999–2000). In: A.A. Kovalev (Ed.). *Drevneishie evropeitsy v serdtse Azii: Chemurchekskii kul'turnyi fenomen. Chast' I: Rezul'taty issledovaniï v Vostochnom Kazakhstane, na severe i iuge Mongol'skogo Altaia* (pp. 152–153). St. Petersburg: LEMA. (Rus.)
- Tur S.S., Solodovnikov K.N. (2005). New craniological materials from the Karakol culture burials of Bronze Age from Gornyi Altai. In: *Izuchenie istoriko-kul'turnogo nasledia narodov Iuzhnoi Sibiri* (pp. 35–47). Gorno-Altai: AKIN. (Rus.)
- Turbat Ts. (2016). Neolithic-Eneolithic Ceramics. In: *Ancient ceramics in Mongolia: (Archaeological heritage of Mongolia): Album. Vol. 6* (pp. 24–31). Ulaanbaatar: Institute of History and Archaeology. (Mongolian).
- Zubov A.A. (2006). *A study guide on anthropological analysis of odontological materials*. Moscow: Etno-Onlain. (Rus.).

A.A. Ковалев, <https://orcid.org/0000-0003-2637-3131>
 К.Н. Солодовников, <https://orcid.org/0000-0003-0925-7219>
 Ч. Мунхбаяр, <https://orcid.org/0000-0003-0398-1927>
 М. Эрдэнэ, <https://orcid.org/0000-0003-0400-1177>
 А.И. Нечвалода, <https://orcid.org/0000-0002-9904-7284>
 А.В. Зубова, <https://orcid.org/0000-0002-7254-1098>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 12.11.2019

Accepted: 19.12.2019

Article is published: 02.03.2020

А.Ю. Худавердян *, А.А. Оганесян **, А.А. Енгибарян *, Р.Ш. Матевосян ***,
Г.Г. Кочарян *, Р.С. Паланджян *, Л.Г. Еганян ****, А.А. Хачатрян ******

* Институт Археологии и этнографии НАН РА
ул. Чаренца, 15, Ереван, 0025, Республика Армения
E-mail: akhudaverdyan@mail.ru; ruzanpal@gmail.com; Vruyr2001@yahoo.com

** Республиканский медицинский центр «Армения»
ул. Маркарян, 6, Ереван, 0078, Республика Армения
E-mail: alexanyannune@gmail.com; rouben.davtyan@gmail.com

*** Ереванский государственный медицинский университет
ул. Корюна, 2, Ереван, 0025, Республика Армения
E-mail: ripmatev@mail.ru

**** Центр арменоведческих исследований Ширака
ул. Мясникяна, 118, Гюмри, 3114, Республика Армения
E-mail: smuseum@web.am; larisayeganyan@gmail.com

НАСЕЛЕНИЕ АРМЯНСКОГО НАГОРЬЯ В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ (ПО КРАНИОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ)

Статья посвящена изучению костных останков из античных могильников с территории Армянского нагорья. Антропологические материалы погребений представлены 322 скелетами, датируются I–III вв. н.э. Анализируются различия в антропологических характеристиках городского и сельского населения Армении. В основу работы положены классические краниометрические и статистические методы исследования. Среди городского и сельского населения выявлены случаи преднамеренной искусственной кольцевой деформации головы и непреднамеренной деформации колыбельного типа. В результате внутригруппового анализа между мужскими сельскими и городскими жителями обнаружены отличия по ширине лобной кости и лица. Если у сельчанок лица ортогнатные, угол горизонтальной профилировки на верхнем уровне входит в категорию средних величин, то у городских жительниц лица мезогнатные, угол горизонтальной профилировки характеризуется малыми величинами. Межгрупповой анализ показал, что наиболее близкими к городским мужским группам оказались носители черняховской культуры и население Ближнего Востока, а мужская часть сельских жителей проявляет близость со скифами Крыма, Украины и Приднестровья. Женская часть горожан близка со скифами Украины и Крыма. Женщины сельских поселений Армянского нагорья морфологически сходны с носителями среднесарматских культур Подонья, с городским населением первых веков н.э. из Танаиса, Европейского, Азиатского Боспора. Выявлены также морфологические аналогии с группами Северной Туркмении (Тумек-Кичиджик), Западной Украины (черняховская культура), Среднего Днестра и Молдовы (скифы). Это обстоятельство подтверждает факт устойчивого, постоянного миграционного потока на территорию Армянского нагорья.

Ключевые слова: Армения, эпоха античности, антропологический тип, краниология, городское и сельское население, искусственно-деформированные черепа

Посвящается светлой памяти археолога Ларисы Еганян

Введение

Проблема формирования антропологических особенностей городского и сельского населения привлекает внимание исследователей довольно давно. Работы по изучению антропологического типа населения городов были начаты представителями российской школы антропологии еще во второй половине XIX в. [Богданов, 1880]. Сравнительный анализ городского (Московский Кремль) и сельского населения (с. Никольское) XVI–XVIII вв., предпринятый Т.А. Трофимовой [1941], показал, что несмотря на некоторые отличия, связанные, возможно, с социальными условиями городской жизни, существует близкое сходство между привлеченными краниологическими сериями. Скрупулезное исследование различий между населением древнерусских городов и сельскими поселениями XI–XIII вв. Киева, Чернигова, Любеча, летописного Витичева, Смоленска, Старой Рязани было проведено Т.И. Алексеевой [1973]. По мнению исследователя, горожане и жители сельской округи домонгольского периода, относясь к одной и той

же этнической группе, могли отличаться друг от друга физическим обликом. Автор фиксирует различия только по двум признакам (черепному указателю, скуловой ширине) [Алексеева, 1973]. Несхожесть в краниометрических характеристиках горожан и жителей села Восточной Европы на рубеже средневековья и Нового времени выявлена в работе Д.С. Конопелькина и Н.Н. Гончаровой [2016]. По мнению авторов, закономерности, обнаруженные при сравнительном анализе, отражают как воздействие процессов урбанизации, так и влияние широколицего и более массивного населения западных регионов Восточной Европы, сформировавшегося, возможно, на балтской основе.

Исследований, посвященных антропологическим особенностям городского и сельского населения Армении, не проводились. Между тем характер городов как торгово-промышленных центров, либо форпостов, либо политических центров может изменить антропологический облик населения, привнеся инородный антропологический элемент в его среду ввиду торговых и политических связей [Алексеева, 1973; Худавердян, 2000]. Следовательно, городское население, относясь к одной и той же этнической группе, что и сельское, может отличаться от последнего типом хозяйства и социально-экономическим уровнем, а также физическим обликом. Цель настоящего исследования — сравнительный анализ антропологических материалов, принадлежащих городскому и сельскому населению Армении. Для сравнительного межгруппового анализа были использованы краниологические материалы из погребальных комплексов Южного Кавказа, Передней, Центральной Азии и Восточной Европы (табл. 5).

Материалы и методы

Исследованы материалы эллинистических и позднеантичных городов из памятников Двин, Ервандашат, Бениамин и сельских поселений — из Фирми бахер, Анушаван, Айкадзор, Вартакар, Черная крепость I, Ширикаван I, Вардбах, Карчахпюр (рис. 1).

Рис. 1. Расположение античных памятников на карте Армении.

Fig. 1. Location of ancient monuments on the map of Armenia.

Антропологический материал представлен 86 мужскими, 108 женскими, 126 детскими костями, у 2 взрослых индивидов пол не определен (табл. 1). После реставрации кости черепа были изучены методами, принятыми в практике российских и зарубежных антропологов [Алексеев, Дебец, 1964; Buikstra, Ubelaker, 1994]. Межгрупповое сопоставление проведено при помощи дискриминантного канонического анализа в пакете программ Б.А. Козинцева (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург). Краниологический материал из памятника Фирми Бахер не подвергся статистической обработке из-за ограниченности доступных индивидуальных данных.

Антропологический материал с территории Республики Армении

Table 1

Anthropological material from the territory of the Republic of Armenia

Регион, местность, серия	Датировка	Мужчины	Женщины	Пол не определен	Дети	Общее количество
Городское население						
1 Провинция Арарат: Двин	Эллинистический период	1	—	—	—	1
2 Провинция Армавир: Ервандашат	Поздняя античность	1	1	—	—	2
3 Провинция Котайк: Гарни	—	—	6	—	—	6
4 Провинция Ширак: Бениамин	—	43	62	1	64	170
Сельское население						
5 Провинция Ширак: Анушаван	—	2	1	—	—	3
6 Провинция Ширак: Айкадзор	—	1	1	—	2	4
7 Провинция Ширак: Вартакар	—	4	2	—	3	9
8 Провинция Ширак: Черная крепость I	—	10	13	—	5	28
9 Провинция Ширак: Вардбах	—	4	8	—	2	14
10 Провинция Ширак: Ширакаван	—	7	1	—	1	9
11 Провинция Ширак: деформированные черепа	—	2	4	—	44	50
12 Провинция Гехаркуник	Эллинистический период	7	5	—	—	12
13 Провинция Лори: Фирми бахер	Поздняя античность	4	4	1	5	14
Общее количество		86	108	2	126	322

Результаты исследования**1. Внутригрупповой анализ краниологических серий**

Мужской череп эллинистического периода из Двина долихокранный при среднем продольном и малых поперечном и высотном диаметрах (табл. 2). Лоб узкий со среднеразвитым надпереносьем. Лицо мезогнатное, узкое и невысокое, по указателю мезенное с ослабленной горизонтальной профилировкой, особенно в верхней части. Глазницы невысокие и неширокие, по указателю мезоконхные. Нос узкий и средневысокий, лепторинный. Угол выступления носа большой. Мужской череп позднеантичного периода из Ервандашата также долихокранный при малом поперечном и средних продольном и высотном диаметрах (табл. 2). Лоб прямой, широкий со среднеразвитым надпереносьем. Лицо мезогнатное, узкое и средневысокое, по указателю лептопрозопное с сильной горизонтальной профилировкой. Орбиты высокие и широкие, мезоконхные. Нос узкий и средневысокий, лепторинный. Выступление носа по отношению к профилю лица среднее. Женская серия из Гарни в целом характеризуется следующими особенностями [Алексеев, 1974]: большой длины, малой ширины и средней высоты черепная коробка (17), долихокранный по черепному указателю; лоб средней ширины, лицо высокое и среднеширокое, мезогнатное по общему лицевому углу; орбиты широкие и высокие, мезоконхные; нос среднеширокий и высокий, мезоринный, сильно выступающий.

Серия из памятника Бениамин¹ состоит из долихо-мезокранных и умеренно брахикранных форм. Мужская серия в целом долихокранный с большим продольным, средним поперечным и малым высотным диаметрами мозговой коробки (табл. 3). Лоб средненаклонный, среднеширокий. Лицо ортогнатное, лептопрозопное, средневысокое, узкое с сильной горизонтальной профилировкой. Нос средневысокий, среднеширокий, мезоринный. Угол выступления носа большой. Орбиты средневысокие и узкие, мезоконхные. Женская группа черепов также в целом долихокранный на стыке большого и очень большого продольного диаметров при средних величинах поперечного и высотного диаметров. Лоб среднеширокий, лицо мезогнатное, мезопрозопное, средневысокое, среднеширокое с сильной горизонтальной профилировкой. Нос средневысокий и широкий, платиринный. Орбиты невысокие и среднеширокие, мезоконхные. Сравнение дисперсий обнаруживает существенное повышение изменчивости 26 признаков и указателей у мужчин и у женщин [Алексеев, Дебец, 1964]. Обнаружено достоверное преобладание эмпирических дисперсий только 15 признаков и указателей в мужской серии (1, 17, 20, 45, 47, 63, DS, SC, SS, 72, 75(1), 77, <zm, 63:62, DS:DC) и 22 — в женской (1, 17, 20, 5, 11, 32, GM/FH, 48, 47, 63, 55, DS,

¹ Суммарная серия состоит из непреднамеренно деформированных черепов и черепов без деформации.

Население Армянского нагорья в эпоху античности...

DC, SC, SS, 72, 75(1), 77, <zm, 54:55, 52:51, DS:DC). Таким образом, краниологически может быть зафиксирована неоднородность серии. В целом группа тяготеет к метисным популяциям с небольшой долей монголоидного компонента в своем составе.

Таблица 2

Индивидуальные, средние размеры и указатели эллинистических и позднеантичных черепов из Армении

Table 2

Individual, average sizes and indexes of Hellenistic and Late Antique skulls from Armenia

№ по Мартину и др.	Признак	Двин (1982) ♂	Ервандашат (2011) ♂	Фирми бахер (2010) ♂		
				n	x	s
1	Продольный диаметр	179	183,5	1	207	
8	Поперечный диаметр	129	136	3	133,7	6,9
8:1	Черепной указатель	72,1	74,2	1	64,1	
17	Высотный диаметр от ба	128	136		—	
17:1	Высотно-продольный указатель	71,6	74,2		—	
17:8	Высотно-поперечный указатель	99,3	100		—	
20	Высотный диаметр от ро	118	126		—	
20:1	Высотно-продольный указатель	65,93	68,7		—	
20:8	Высотно-поперечный указатель	91,5	92,7		—	
5	Длина основания черепа	101,5	104		—	
9	Наименьшая ширина лба	85	99,0	2	92	
9:8	Лобно-поперечный указатель	65,9	72,8	1	65,2	
10	Наибольшая ширина лба	107	121	2	112,3	
11	Ширина основания черепа	120	111	1	108,5	
11:8	Аурикулярно-поперечный указатель	93,1	81,7	1	81,9	
12	Ширина затылка	112,5	104,5	1	103,3	
29	Лобная хорда	105	114	2	107,5	
30	Теменная хорда	110	108	2	117	
31	Затылочная хорда	88	93	1	91	
23a	Горизонтальная окружность черепа	275	285			
24	Поперечная дуга (po-br-po)	288	303			
25	Сагиттальная дуга	315	329			
26	Лобная дуга	117	130	2	117,5	
27	Теменная дуга	124	120	2	125,5	
28	Затылочная дуга	105	108	1	107	
7	Длина затылочного отверстия	41	40		—	
16	Ширина затылочного отверстия	34	36,5		—	
32	Угол профиля лба от п	79	81		—	
GM/FH	Угол профиля лба от g	75	75		—	
40	Длина основания лица	98	97,8		—	
40:5	Указатель выступа лица	96,6	94,1		—	
45	Скуловой диаметр	129	124?		—	
48	Верхняя высота лица	67	72		—	
45:8	Поперечный фациоцеребральный указатель	100,0	91,2		—	
9:45	Лобно-скуловой указатель	65,9	79,9		—	
48:17	Вертикальный фациоцеребральный указатель	52,4	52,95		—	
48:45	Верхний лицевой указатель	51,94	58,1		—	
43	Верхняя ширина лица	101	107,2	2	100,5	
9:43	Лобно-верхнелицевой указатель	84,2	92,4		—	
46	Средняя ширина лица	94	95		—	
60	Длина альвеолярной дуги	53	58		—	
61	Ширина альвеолярной дуги	59	60,2		—	
62	Длина неба	43,5	46,5		—	
63	Ширина неба	31	28		—	
63:62	Небный указатель	71,27	60,3		—	
55	Высота носа	52,5	53		—	
54	Ширина носа	21,5?	20		—	
54:55	Носовой указатель	40,96	37,8		—	
51	Ширина орбиты от mf	39,9	43	1	40	
51a	Ширина орбиты от d	37	40	1	36	
52	Высота орбиты	31,5	36	1	30	
52:51	Орбитный указатель (mf)	78,95	78,3		—	
52:51a	Орбитный указатель (d)	85,2	90,0		—	
MC	Максиллофронтальная ширина	17	19		—	
MS	Максиллофронтальная высота	6,2	6,5		—	
MS:MC	Максиллофронтальный указатель	36,5	34,3		—	
DC	Дакриальная ширина	18	24		—	
DS	Дакриальная высота	11,5	14		—	
DS:DC	Дакриальный указатель	63,9	58,4		—	
SC	Симотическая ширина	7	9		—	
SS	Симотическая высота	3,5	5,5		—	
SS:SC	Симотический указатель	50,0	61,2		—	
72	Общий лицевой угол	83	84		—	
73	Средний лицевой угол	82	85		—	
74	Угол альвеолярной части	96	85		—	
75(1)	Угол выступа носа	31	24		—	
77	Назомаллярный угол	144	128		—	
<zm	Зигомаксиллярный угол	122	118		—	

Средние размеры и указатели позднеантичных черепов из провинции Ширак

Table 3

Average sizes and indexes of late antique skulls from Shirak province

№ по Мартину и др.	Сельские поселения ♂			Сельские поселения ♀			Бениамин ♂			Бениамин ♀		
	n	x	s	n	x	s	n	x	s	n	x	s
1	17	190,2	6,9	17	176,98	6,9	24	190,3	7,8	36	181,9	9,2
8	16	142,2	6,9	17	137,4	4,2	27	139,95	5,8	39	134,1	5,1
8:1	15	74,8	4,1	17	77,7	4,2	24	73,5	4,4	32	74,2	3,4
17	7	130,8	3,4	15	126,0	5,1	15	131,94	6,0	21	128,1	6,2
20	6	112,3	1,9	14	114,8	6,1	15	106,4	8,8	21	109,2	7,1
5	7	105,2	10,3	16	98,92	8,1	16	113,97	4,3	21	96,8	5,2
9	20	98,2	5,6	16	93,2	4,4	23	96,8	4,2	36	95,8	4,6
10	17	121,5	5,7	17	118,5	6,7	23	120,6	5,1	29	118,5	4,1
11	11	125,3	6,3	16	118,4	4,7	17	123,8	5,0	21	117,6	5,0
32	7	78,8	4,8	12	81,5	5,8	15	80,8	3,7	18	82,9	5,5
GM/FH	7	73,4	5,9	12	78,4	6,1	14	73,6	4,5	17	77,6	6,2
40	7	98,2	7,6	11	93,5	6,6	16	98,2	4,2	20	95,6	3,5
45	10	133,0	4,5	13	121,8	8,7	21	126,4	7,4	26	123,9	4,0
48	14	72,8	4,0	12	66,8	7,0	23	71,9	4,0	27	68,3	4,7
43	19	106,1	6,0	15	99,1	5,9	20	105,2	4,2	29	101,4	3,3
46	14	91,8	3,8	11	87,5	6,1	20	90,6	4,2	26	87,95	5,6
47	6	122,0	3,4	7	111,1	10,5	14	118,8	8,4	13	108,6	5,1
62	13	47,4	4,5	10	41,4	4,3	23	46,5	2,9	30	44,7	2,4
63	14	33,6	3,8	13	31,4	4,7	24	35,1	4,0	30	33,7	3,0
63:62	13	77,1	7,6	9	76,6	9,7	21	72,7	8,2	27	73,4	5,5
55	20	51,8	3,1	13	51,4	5,5	22	52,3	3,3	30	50,3	3,2
54	15	24,9	2,4	11	23,1	2,1	22	25,8	2,0	32	26,0	1,5
54:55	15	45,8	4,6	11	45,5	4,4	22	49,5	4,9	30	52,6	4,7
51	19	41,6	2,1	13	40,5	3,0	23	40,99	1,8	35	39,4	1,7
52	18	34,9	2,9	13	33,9	2,6	22	33,7	1,6	32	32,93	2,2
52:51	17	83,6	8,4	13	83,9	5,6	22	82,2	4,5	30	84,3	6,3
DC	10	22,9	1,7	9	22,4	2,6	19	23,6	2,4	25	24,1	2,9
DS	10	12,6	3,4	9	12,3	1,1	19	15,97	3,8	25	15,7	3,5
DS:DC	10	60,6	14,0	9	55,5	8,2	19	64,3	14,3	25	66,91	15,0
SC	11	8,5	2,3	9	9,1	2,3	19	10,2	2,5	30	11,9	2,2
SS	11	5,2	2,2	9	3,9	1,0	19	5,1	1,6	30	4,2	1,2
SS:SC	11	59,9	18,2	9	43,7	9,0	19	59,6	13,3	30	45,4	12,7
72	7	85,7	3,5	9	85,8	3,5	16	87,5	5,1	25	80,8	6,9
75(1)	5	28,6	4,3	8	25,8	4,9	14	29,1	6,2	24	25,7	6,0
77	17	136,6	4,9	13	140,1	7,1	20	135,9	6,6	27	139,6	5,9
<zm	13	128,2	6,0	10	129,2	8,4	21	129,2	6,3	29	129,5	6,2

Мужские черепа из сельских поселений Ширакской равнины характеризуются как долихокранные, с большим продольным и средним поперечным диаметрами (табл. 3). Они невысокие, по высотно-поперечному указателю — тапейнокранные. Длина и ширина основания черепа характеризуются большими и средними величинами. Параметры наименьшей ширины лобной кости находятся на границе средних и больших размеров, а наибольшей ширины — больших. Скуловой диаметр средний. Длина основания лица — средняя. Лицо ортогнатное, средневысокое, на границе средних и больших размеров по значению верхней ширины. Высота и ширина носа средние, по указателю он лепторинный. Дакриальная ширина средняя, высота большая, указатель также большой. Симотическая ширина средняя, высота — очень большая, указатель также очень большой. Область переноса, таким образом, можно охарактеризовать как выступающую. Угол горизонтальной профилировки на верхнем уровне входит в категорию малых, т.е. лицо по европеоидным меркам хорошо профилировано. Орбиты среднеширокие, средневысокие и мезоконхные. Мозговая коробка женской группы мезокранная, с большим продольным и средним поперечным диаметрами. Она средневысокая по высотно-поперечному указателю — тапейнокранная. Параметры длины основания черепа находятся в пределах средних и больших величин, а ширины — средних. Лоб среднеширокий (9) и широкий (10). Лицо ортогнатное, узкое и средневысокое. Высота носа большая, ширина — малая, указатель — малый (лепториния). Углы горизонтальной профилировки на верхнем и нижнем уровнях входят в категорию средних и малых величин. Угол выступания носа большой. Дакриальная высота большая, ширина — очень большая, указатель — большой. Симотическая ширина и высота большие, указатель также большой. Орбиты средневысокие и среднеширокие, мезоконхные. Длина неба малая, ширина очень малая, указатель малый. Сравнение дисперсий обнаруживает существенное по-

Население Армянского нагорья в эпоху античности...

вышение изменчивости 28 признаков и указателей у мужчин и 29 — у женщин [Алексеев, Дебеч, 1964]. Обнаружено достоверное преобладание эмпирических дисперсий только 10 признаков и указателей в мужской серии (8, 5, 11, 40, 43, DS, GM/FH, 52:51, DS:DC, SS:SC) и 15 — в женской (1, 20, 5, 10, 40, 32, GM/FH, 45, 48, 43, 47, 55, 63:62, 77, <zm). И здесь краниологически может быть зафиксирована неоднородность серии.

Основными отличиями между мужчинами из сельских поселений Ширакской равнины и городскими индивидами можно считать различия по ширине лобной кости и лица. Черепа из сельских могильников имеют большую ширину лобной кости (10), а городские жители Бениамина — среднеширокую. Лица у сельского населения среднеширокие, а у городского — узкие. Мужские черепа из сельских поселений Ширака демонстрируют в целом сходные параметры с черепами из могильника Бениамин по высоте черепа. Если у мужских сельских жителей черепа низкие, то у городских — находятся на границе малых и средних размеров. Что касается женских материалов из сельских некрополей, то по параметрам лицевого скелета эти погребенные непохожи на городских жительниц Ширака. Если у сельских жителей лица ортогнатные, угол горизонтальной профилировки на верхнем уровне входит в категорию средних величин, то у бениаминцев лица мезогнатные, угол горизонтальной профилировки характеризуется малыми величинами.

Таблица 4

Средние размеры и показатели позднеантичных искусственно деформированных черепов из провинции Ширак

Table 4

Average sizes and indexes of late antique artificially deformed skulls from Shirak province

№ по Мартину и др.	Признак	Кармиракар, Бениамин, Ширакаван I ♂			Вардбах, Бениамин, Ширакаван I ♀		
		x	n	s	x	n	s
1	Продольный диаметр	2	181,8	—	4	176,2	4,4
8	Поперечный диаметр	2	134,3	—	5	131,1	6,3
8:1	Черепной указатель	2	72,3	—	4	73,1	3,1
17	Высотный диаметр от ba		—		2	127,8	—
17:1	Высотно-продольный указатель		—		2	71,2	—
17:8	Высотно-поперечный указатель		—		2	100,4	—
20	Высотный диаметр от ро		—		2	120,0	—
20:1	Высотно-продольный указатель		—		2	69,8	—
20:8	Высотно-поперечный указатель		—		2	98,5	—
5	Длина основания черепа		—		2	97,0	—
9	Наименьшая ширина лба	3	93,8	8,6	5	94,6	5,2
9:8	Лобно-поперечный указатель	2	67,2	—	5	72,3	4,9
11	Ширина основания черепа	1	122,0	—	3	112,7	2,3
11:8	Аурикулярно-поперечный указатель	1	93,92	—	3	87,1	4,3
40	Длина основания лица		—		2	93,4	—
40:5	Указатель выступа лица		—		2	96,4	—
45	Скуловой диаметр	1	128,5	—	3	117,0	7,0
48	Верхняя высота лица	3	75,7	4,7	4	69,8	4,1
45:8	Поперечный фациоцеребральный указатель	1	98,9	—	3	90,6	8,0
9:45	Лобно-скуловой указатель	1	65,3	—	3	80,91	0,2
48:17	Вертикальный фациоцеребральный указатель		—		2	56,9	-
48:45	Верхний лицевой указатель	1	63,1	—	3	59,9	2,2
62	Длина неба	3	45,2	5,4	4	40,2	2,2
63	Ширина неба	3	33,2	4,1	4	34,3	2,9
63:62	Небный указатель	3	73,7	6,6	4	85,5	8,3
55	Высота носа	3	54,4	5,5	5	52,9	3,7
54	Ширина носа	3	24,9	1,4	5	23,6	1,1
54:55	Носовой указатель	3	46,2	7,4	5	44,9	4,2
51	Ширина орбиты от mf	3	41,7	0,5	5	40,96	1,8
52	Высота орбиты	3	34,9	2,8	5	34,1	1,0
52:51	Орбитный указатель (mf)	3	83,6	6,6	5	83,4	3,5
DC	Дакриальная ширина	3	25,0	3,4	4	22,4	1,1
DS	Дакриальная высота	3	15,3	3,2	4	13,0	2,6
DS:DC	Дакриальный указатель	3	61,2	9,6	4	57,9	9,1
SC	Симотическая ширина	3	10,3	1,5	4	10,2	1,6
SS	Симотическая высота	3	7,1	2,0	4	5,2	2,6
SS:SC	Симотический указатель	3	67,8	10,6	4	49,8	17,3
72	Общий лицевой угол	1	81,0	—	3	88,4	3,2
75(1)	Угол выступа носа	2	31,0	—	3	28,7	6,6
77	Назомаллярный угол	3	133,4	2,5	5	139,4	0,8
<zm	Зигомаксиллярный угол	3	116,0	6,9	5	124,8	12,0

Для мужской серии с преднамеренной деформацией характерны сочетания среднелинностного, узкого черепа с довольно высоким и узким лицом (табл. 4). Орбиты среднелинностные, средневысокие, мезоконхные. Дакриальная высота очень большая, ширина — большая, указатель также большой. Симотическая ширина большая, высота очень большая и указатель — большой. Высота носа большая, ширина — средняя. Носовой указатель маленький (лепториния). Угол выступания носа большой. Женская группа деформированных черепов также долихокрания с большим продольным, малым поперечным и средним высотным диаметрами. Лоб среднелинностный. Длина основания черепа и лица — средняя. Лицо узкое и высокое, ортогнатное. Высота носа большая, ширина — средняя, указатель — маленький (лепториния). Угол выступания носа большой. Орбиты средневысокие и среднелинностные, мезоконхные. Дакриальная ширина большая, высота очень большая, указатель большой. Симотическая ширина большая, высота — очень большая, указатель большой. Область переноса, таким образом, можно охарактеризовать как выступающую. Сравнение дисперсий обнаруживает существенное повышение изменчивости 13 признаков и указателей у мужчин и 14 — у женщин [Алексеев, Дебец, 1964]. Обнаружено достоверное преобладание эмпирических дисперсий только 7 признаков и указателей в мужской серии (9, 62, 63, 55, <zm, 54:55, DS:DC) и 5 — в женской (45, SS, 75(1), <zm, SS:SC). Кроме того, можно констатировать, что деформированная часть серии из провинции Ширак более высоко- и узколицая, чем краниологическая серия без преднамеренной деформации.

Мужские черепа из сельского поселения провинции Лори (Фирми бахер) характеризуются как долихокранные, с очень большим продольным (выходит за верхнюю границу нормы) и очень малым (на границе очень малых и малых размеров) поперечным диаметрами (табл. 4). Наименьшая и наибольшая ширина лобной кости — малая. Величины лобных дуги и хорды малые и очень малые. Затылок узкий, с малой хордой и дугой. Величины теменной дуги и хорды средние и очень большие (30: выходит за верхнюю границу нормы). Верхняя ширина лица — малая. Орбиты не высокие и неширокие.

2. Межгрупповой анализ краниологических серий

В предыдущих публикациях [Худавердян, 2000; Khudaverdyan, 2012], посвященных краниологическим материалам из Армении, были приведены результаты межгруппового сопоставления только черепов из могильника Бениамин (раскопки 1989–1998 гг.) с южно-кавказскими, восточно-европейскими и центрально-азиатскими материалами. Основной вывод, который был сделан на основании этого анализа, заключался в констатации сходства античного населения Армении со скифами Молдовы, степей Причерноморья и Украины, сарматами Волго-Уральского региона и саками Средней Азии. По мере накопления новых материалов с территории Республики Армении и сравнительного материала по краниологии ближневосточного и восточно-европейского регионов стало возможным сопоставление серий с Южного Кавказа с сериями черепов с вышеуказанных территорий. Проведен двухэтапный анализ 134 краниологических серий (табл. 5).

Анализ 1. Каноническому анализу была подвергнута 91 серия мужских черепов по 14 признакам (табл. 6). Наибольшие нагрузки по I каноническому вектору (KB) (30,4 % общей изменчивости) пришлось на широтные и высотные размеры черепной коробки (8, 17). По KB I серии из Волго-Уалья (57–63, 66–71, 73, 74, 77), Подонья (42, 43), Азербайджана (24), Центральной Азии (84, 86–88) демонстрируют максимальные значения и сконцентрированы в положительном поле изменчивости в правой части графика. Почти все они (раннесарматские выборки Дона и Волго-Уалья, черепа христианского типа Азербайджана, центрально-азиатские серии: Тагискен, Чирик-Рабат. гр., Асарская гр., Мешрети-Тахта) характеризуются брахикранией с мезоморфным строением лицевого скелета, с тенденцией к уплощению лица на верхнем уровне и резко выступающим носом. В отрицательном поле изменчивости локализованы серии из Йемена (25–27), с Кавказа (2, 6, 7, 9, 14–19, 20–23, 47, 49, 51, 53, 56) и из Центральной Азии (81, 83, 85, 102, 104, 107).

Античные серии из могильников Ширакской провинции (3, 5) по своим параметрам больше приближаются к комплексу признаков из самтавровских погребений (12, 13) (рис. 2). Также близки к группам из Ширака носители культуры раннего средневековья из Мошевой Балки (54), Гамовского и ближайших (55) ущелий и из Армавира (11). В то же время к ним приближаются носители ранне- (76) и позднесарматской (46) культур из Подонья, черепная коробка у которых узкая и высокая, долихомезокранный. Краниологические серии из Рейбуна XV (25) и Наама (26) оказались в одном кластере с группами из могильников Мингечаур (19, 20, 21, 22) и Ервандашат (2).

Список серий, привлеченных для сравнительного анализа

Table 5

List of series involved in comparative analysis

Регион, местность, серия		Датировка	Публикация
Армения			
1	Двин	I в. н.э.	Настоящая статья
2	Ервандашат	II–III вв. н.э.	—
3	Бениамин	II–III вв. н.э.	—
4	Сельское поселение из провинции Лори: Фирми бахер	—	—
5	Сельские поселения из Ширакской провинции (Анушаван, Айкадзор, Вардбах, Вартакар, Черная крепость I, Ширикаван I)	—	—
6	Деформированные черепа (Кармракар, Ширикаван I, Вардбах, Бениамин)	—	—
7	Аржис	VIII–VI вв. до н.э.	Худавердян, 2017
8	Гарни I	—	Алексеев, 1974
9	Карчахпюр	II в. до н.э. — I в. н.э.	Паликян, 1990
10	Гарни II	Раннефеодальный период	Алексеев, 1974
11	Армавир	XII–XIII вв. н.э.	Худавердян, 2018
Грузия			
12	Самтавро I	II–I вв. до н.э.	Абдушелишвили, 1978b
13	Самтавро II	I–III вв. н.э.	Абдушелишвили, 1978a
14	Жинвали	—	—
15	Гомерети	—	—
16	Абелия	—	—
17	Самтавро	IV–IX вв. н.э.	Абдушелишвили, 1964, 1980
Азербайджан			
18	Мингечаур (грунтовые погребения с вытянутым костяком)	VII–V вв. до н.э.	Касимова, 1960
19	Мингечаур 1 (кувшинные погребения)	IV в. до н.э. — III в. н.э.	—
20	Мингечаур 2 (срубные погребения)	—	—
21	Мингечаур I (катакомбные погребения /без деформ. черепа/)	I–VII вв. н.э.	—
22	Мингечаур II (катакомбные погребения /слабо деформ. черепа/)	—	—
23	Мингечаур III (катакомбные погребения /сильно деформ. черепа/)	—	—
24	Мингечаур IV (погребения христианского типа)	VII–IX вв. н.э.	—
Ближний и Средний Восток			
25	Рейбун XV	III–IV вв. до н.э.	Чистов, 1998
26	Наам	III–IV вв. до н.э.	—
27	Сокотра	Середина I тыс. н.э.	—
28	Хурейда	VII–V вв. до н.э.	—
29	Нуци-Иорган Тепе	II–III вв. н.э.	—
30	Вавилон и Селейция	I в. до н.э. — I в. н.э.	—
31	Дура Эропос	II в. до н.э. — I в. н.э.	—
32	Эн Геди	IV в. до н.э.	—
33	Камид эль-Лоц	V–IV вв. до н.э.	—
34	Шатал Хуюк	V в. до н.э. — VII в. н.э.	—
35	Алишар Хуюк	VII в. до н.э. — I в. н.э.	—
36	Ионическая Золия (Мирна, Эфес, Смирна, Ассос, Ханай Тепе)	VI–I вв. до н.э.	—
37	Троя (Офриниум, Троя IX, позднероманская Троя)	IV в. до н.э. — V в. н.э.	—
38	Сборная серия из Кипра	IV–I вв. до н.э.	—
39	Долина Дайлманистан	III в. до н.э. — III в. н.э.	—
40	Сараи Кхола	III в. до н.э.	—
Подонье			
41	Предскифское время	VI–III вв. до н.э.	Батиева, 2011
42	Кочевнические погребения курганных могильников	—	—
43	Ранний этап сарматской культуры	III–I вв. до н.э.	—
44	Средний этап сарматской культуры	I в. до н.э. — I в. н.э.	—
45	Среднесарматская культура	I–II вв. н.э.	—
46	Позднесарматская культура (без деформации)	II–IV вв. н.э.	—
47	Позднесарматская культура (с искусственной деформацией)	—	—
48	Танаис (без деформации)	I–III вв. н.э.	—
49	Танаис (с искусственной деформацией)	—	—
50	Кобяковский (без деформации)	—	—
51	Кобяковский (с искусственной деформацией)	—	—
52	Нижнегниловский (без деформации)	—	—
53	Нижнегниловский (с искусственной деформацией)	—	—
Северный Кавказ			
54	Мошечая Балка	VI–VIII вв.	Герасимова, 1986
55	Гамовское и близ. ущелья	V–VII вв.	Алексеев, 1974
56	Черкесия (ранняя гр.)	III–V вв.	—
Волго-Уралье			
57	Приуральская гр.	IV–III вв.	Балабанова, 2000
58	Заволжская гр.	—	—
59	Астраханская гр.	—	—
60	Волго-Донская гр.	—	—
61	Ст. Кишки	II–I вв.	—
62	Кара-Оба	—	—
63	Калмыково	—	—
64	Бережновка-II	—	Фирштейн, 1970
65	КалмыковкаI	—	Балабанова, 2000

Регион, местность, серия		Датировка	Публикация
66	Быково	—	—
67	В. Балыклей	—	—
68	Верхнепогромное	—	—
69	Киляковка	—	—
70	Кривая Лука	—	—
71	Старица	—	—
72	Батаевка (к.1)	—	—
73	Степной-IV (к.1)	—	—
74	Первомайский	—	—
75	Терновский	—	—
76	Маньч-Сал	—	—
77	Заволжская гр.1	I — первая половина II в.	—
78	Калмыкская гр.1	—	—
79	Донская гр.	—	—
80	Украинская гр.	—	—
Центральная Азия			
81	Канча-Кала	I в. н.э.	Гинзбург, Трофимова, 1972
82	Туз-Гыр	—	—
83	Арук-Тау	—	—
84	Мешрети-Тахта	II–III вв. н.э.	—
85	Тарымская гр.	IV–II вв. до н.э.	—
86	Асарская гр.	V в. до н.э. — IV в. н.э.	—
87	Чирик-Рабат. гр.	—	—
88	Тагискен	IV–II вв. до н.э.	—
89	Суммарная группа из Западной Туркмении	I в. н.э.	—
90	Тумек-Кичиджик	V в. до н.э. — IV в. н.э.	—
91	Исфарин р-н	I–III вв. н.э.	—
92	Ферганская долина: Гур-Мирон	II–I вв. н.э.	—
93	Уйдара	II–III вв. н.э.	—
94	Савроматы	—	—
95	Сарматы	—	—
96	Куюккала (суммарная)	VI–VIII вв.	Ходжайов, Мамбетуллаев, 2008
97	Куюккала II (недеф.)	—	—
98	Куюккала III (деф.)	—	—
99	Токкала	VII–VIII вв.	—
100	Миздахн I (р. 2006)	—	—
101	Миздахн II	III–V вв. н.э.	—
102	Миздахн III (суммарная)	VII–VIII вв.	—
103	Миздахн IV (недеф.)	—	—
104	Миздахн V (деф.)	—	—
105	Сакар-Чага 1	V–III вв. до н.э.	Яблонский, 2000
106	Казыбаба	V–IV вв. до н.э.	Багдасарова, 2000
107	Покровка-10	II–IV вв. н.э.	Яблонский, 2005
Приднестровье			
108	Будештский мог-к	IV–III вв. до н.э.	Великанова, 1975
109	Малаешты	—	—
110	Николаевка	I в. н.э.	—
111	Буджак	V–IV вв. до н.э.	Рудич, 2010
Литва			
112	Аукштайты	II–IV вв. н.э.	Денисова, 1975
113	Жемейты	—	—
Украина и Крым			
114	Степи Черноморья (суммарная)	I в. н.э.	Кондукторова, 1972
115	Средний Днепр (суммарная)	—	—
116	Неаполь	—	—
117	Золотая Балка	—	—
118	Фронтное-1	V–IV вв. до н.э.	Круц, 2005
119	Суммарная группа из Украины	—	—
120	Николаевка-Казацкое	—	Кондукторова, 1979
121	Мамай-Гора	V–IV вв. до н.э.	Литвинова, 2002
122	Суммарная группа из Западной Украины	III в. до н.э. — V в. н.э.	Рудич, 2010
123	Население Европейского Боспора	III в. до н.э. — IV в. н.э.	Герасимова и др., 1987
124	Население Азиатского Боспора	—	—
126	Беляус	I–III вв. н. э.	Батиева, 2011
127	Ольвия (яма 18)	—	—
128	Золотое	—	—
129	Сейминская группа	I–II вв. н. э.	—
130	Посульская группа	—	—
131	Ворсклинская группа	—	—
132	Бориспольская группа	—	—
133	Луговая	—	—
134	Гайманово поле	—	—
135	Никополь	—	—

Население Армянского нагорья в эпоху античности...

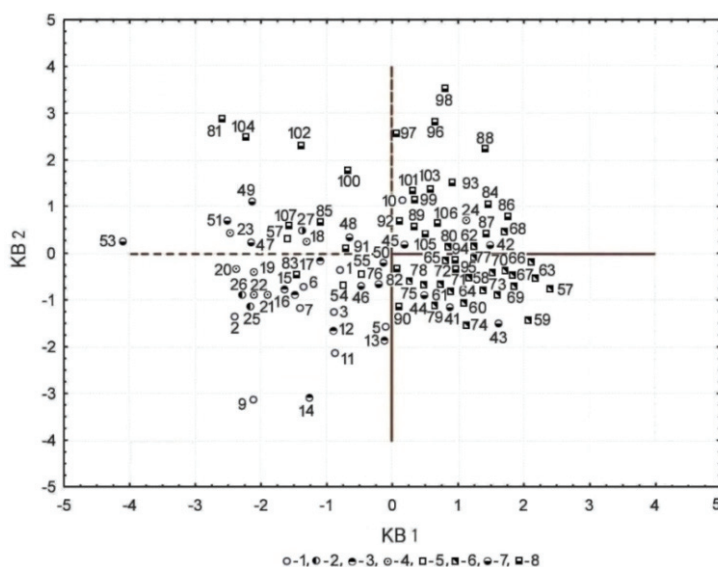

Рис. 2. Положение мужских краниологических серий в пространстве первого и второго канонических векторов. Нумерация серий соответствует использованной в табл. 5:

1 — армянские; 2 — йеменские; 3 — грузинские; 4 — азербайджанские; 5 — северокавказские; 6 — донские;
7 — волго-уральские; 8 — центрально-азиатские.

Fig. 2. Position of male craniological series in the space of the first and second canonical vectors. The numbering of the series corresponds to that used in table 5:

1 — Armenian; 2 — Yemeni; 3 — Georgian; 4 — Azerbaijani; 5 — North Caucasian; 6 — Don;
7 — Volga-Ural; 8 — Central Asian.

Таблица 6

Элементы трех канонических векторов для 91 и 42 мужских серий. Анализ 1

Table 6

Elements of three canonical vectors for 91 and 42 male series. Analysis 1

	♂			♀		
	I KB	II KB	III KB	I KB	II KB	III KB
1	-0,23	-0,71	-0,15	-0,65	-0,23	-0,41
8	0,77	0,28	-0,11	0,82	0,06	-0,43
17	-0,59	0,49	0,34	-0,23	0,28	0,37
9	-0,19	-0,63	-0,01	-0,22	-0,24	0,20
45	0,27	0,01	0,42	0,24	-0,50	0,18
48	0,09	-0,10	0,81	0,05	-0,89	0,18
55	-0,16	0,55	-1,21	0,18	1,23	0,05
54	-0,11	0,27	0,18	0,15	-0,13	0,16
52	-0,26	0,10	0,38	0,19	-0,06	0,01
51	0,25	0,25	-0,12	-0,18	0,53	-0,12
77	0,16	-0,07	0,09	-0,17	0,04	0,13
zm'	0,10	0,18	0,05	0,03	0,04	-0,41
SS/SC	0,29	-0,22	0,01	-0,15	-0,13	-0,77
75 (1)	-0,21	-0,28	0,17	0,04	-0,26	0,69
Доля в общ. дисп., %	30,33	18,74	9,70	22,85	19,53	12,49

По KB II (18,8 % изменчивости) наибольшие нагрузки пришлись на продольный диаметр, наименьшую ширину лобной кости и высоту носа. Положение анализируемых групп в пространстве II KB показывает высокие положительные величины у групп из Центральной Азии (81, 84, 88, 93, 96–104), с Дона (49) и из Армении (10), отрицательные — у краниосерий с Южного Кавказа (2, 3, 5, 7, 9, 11–14), из Йемена (25), с Юга России (41, 43, 59, 60, 74, 79) и из Туркмении (90). Максимальными значениями координат по данному вектору характеризуются выборки из Подонья (53) и Центральной Азии (81, 102, 104). Группы с искусственной деформацией головы из Азербайджана (23) и Подонья (47, 49, 51) образуют компактное скопление. В третьем KB (9,8 % дисперсии) наиболее ценными признаками оказались высота лица и носа. Максимальные положительные величины по KB III выявлены у представителей Грузии (14), Центральной Азии (93, 102, 104), Юга России (42, 47, 49, 56, 75), а отрицательные — у групп из Центральной Азии (81, 85, 90), с Южного Кавказа (1, 2, 11, 19–21) и из Йемена (27).

Как известно, в активном взаимодействии с населением Южного Кавказа и Ближнего Востока были скифы Крыма, Украины и Приднестровья, а также носители черняховской культуры [Худавердян, 2000; Khudaverdyan, 2012]. Поиск близких морфологических комплексов с населением вышеуказанных территорий проводился с привлечением 42 серий сравнительных материалов (табл. 6). По КВ I (22,9 %) максимальная нагрузка пришлась на продольный и поперечный диаметры, по КВ II (19,6 %) — на высоту носа и лица, ширину лица и орбиты, по КВ III (12,5 %) — на симотический указатель и угол выступления носа. Максимальные значения по КВ I в отрицательном поле изменчивости отмечены в сериях из Литвы (112), с Украины (115, 121), Южного Кавказа (7, 9, 14, 20), а в положительном поле изменчивости — у серий Азербайджана (24), Армении (10), Украины (119) и Крыма (123). Характер рассеивания групп в пространстве векторов наглядно демонстрирует место черепов из могильника Бениамин в системе антропологических типов Восточной Европы, Южного Кавказа и с Ближнего Востока (рис. 3). Они попали в отрицательное поле графика, в котором сосредоточились группы черняховской культуры Литвы (113), эллинистические и античные серии из Грузии (12, 13) и с Ближнего Востока (25, 26). Следует обратить внимание на ту особенность, что выборка из сельских поселений Ширика (5) демонстрирует иные морфологические предпочтения, попав в положительное поле графика и оказавшись в одном кластере со скифами Крыма (116–118), Украины (120, 114) и Приднестровья (110).

Наибольшие нагрузки по КВ II в отрицательном поле изменчивости показывают античные серии Грузии (14), Армении (9) со скифами Среднего Днепра (115). В положительном поле изменчивости черепа из Двина (1) и Ервандашата (2) расположены довольно компактно с группами из Мингечаура (19, 23) и Армавира (11), а также с носителями черняховской культуры из Приднестровья (109) и с Западной Украины (122). Наиболее близкими к ним являются краниосерии из Грузии (12, 15, 16), Азербайджана (20, 21) и Приднестровья (108, 111). Максимальными значениями по КВ III характеризуются группы с Южного Кавказа (16, 23), из Йемена (26) и со Среднего Днепра (115). Высокие величины в отрицательном поле у краниологических серий из Армении (1, 3, 5) и Грузии (13).

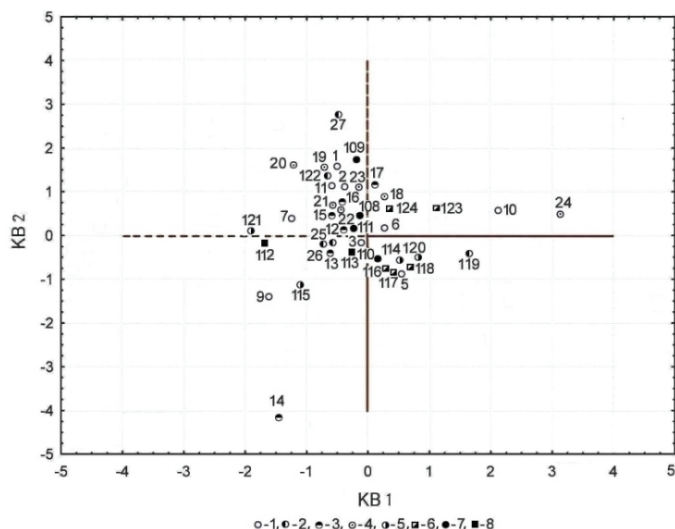

Рис. 3. Положение мужских краниологических серий в пространстве первого и второго канонических векторов. Нумерация серий соответствует использованной в табл. 5:

1 — армянские; 2 — йеменские; 3 — грузинские; 4 — азербайджанские; 5 — украинские; 6 — крымские; 7 — приднестровские; 8 — литовские.

Fig. 3. Position of male craniological series in the space of the first and second canonical vectors. The numbering of the series corresponds to that used in table 5:

1 — Armenian; 2 — Yemeni; 3 — Georgian; 4 — Azerbaijani; 5 — Ukrainian; 6 — Crimean; 7 — Transnistria; 8 — Lithuanian.

Сравнение 86 женских серий проводилось по 14 основным признакам (табл. 7). В результате по КВ I (26,629 %) наибольшие нагрузки пришлись на высотный диаметр, симотический индекс и продольный диаметр. В пространстве КВ I высокими положительными величинами характеризуются группы из Центральной Азии (91, 96–100, 102, 104), с Северного Кавказа (56), из Азербайджана (22) и Йемена (26), а отрицательными — группы Армении (7, 11), Йемена (27), Подонья (41, 43, 44, 46), Украины (80, 119), Волго-Уралья (58–61, 63, 70, 71, 77) и Центральной Азии (94).

Элементы трех канонических векторов для 86 женских серий. Анализ 1

Table 7

Elements of three canonical vectors for 86 female series. Analysis 1

	♀		
	I KB	II KB	III KB
1	-0.50	-0.51	0.32
8	-0.02	0.79	0.13
17	0.67	-0.21	-0.02
9	-0.44	-0.41	-0.12
45	-0.32	0.14	-0.63
48	0.17	0.21	-0.53
55	0.35	-0.14	0.28
54	0.44	0.06	-0.13
52	0.09	-0.12	0.37
51	0.19	0.44	0.80
77	0.01	0.07	0.22
zm'	0.063	0.30	-0.13
SS/SC	-0.59	0.20	-0.15
75 (1)	0.16	-0.22	0.36
Доля в общ. дисп., %	26.62	24.15	10.45

На рис. 4 видно, что женские деформированные черепа из Подонья (51) обнаруживают сходство с деформированными черепами из Ширака (6). К ним тяготеют деформированные черепа из нижнедонских погребений позднего этапа сарматской культуры (47) и из катакомбных погребений Азербайджана (22). Отмеченные аналогии женским сериям связаны не только с влиянием деформации на размеры черепа, но и со сходным соотношением компонентов в составе этих выборок. Кобяковская серия без деформации (50) очень схожа с черепами из погребений сельских некрополей Ширака (5), среднесарматских погребений (45) и из Танаиса (48). В этот же кластер входят представители Европейского (123), Азиатского (124) Боспора, Северной Туркмении (90), Западной Украины (122). К ним примыкают индивиды из грунтовых погребений Азербайджана (18) и Гамовского и ближайших (55) ущелий.

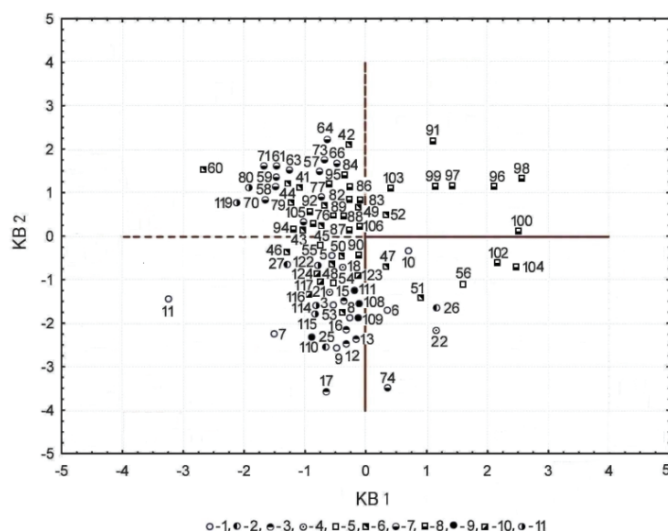

Рис. 4. Положение женских краниологических серий в пространстве первого и второго канонических векторов. Нумерация серий соответствует использованной в табл. 5:

1 — армянские; 2 — йеменские; 3 — грузинские; 4 — азербайджанские; 5 — северокавказские; 6 — донские; 7 — волго-уральские; 8 — центрально-азиатские; 9 — преднепровские; 10 — украинские; 11 — крымские.

Fig. 4. Position of female craniological series in the space of the first and second canonical vectors.

The numbering of the series corresponds to that used in table 5:

1 — Armenian; 2 — Yemeni; 3 — Georgian; 4 — Azerbaijani; 5 — North Caucasian; 6 — Don; 7 — Volga-Ural; 8 — Central Asian; 9 — Transnistrian; 10 — Ukrainian; 11 — Crimean.

Городские выборки из Гарни (8) и Бениамина (3) оказались в одном кластере со скифами Украины и Крыма (114–117), а также с носителями черняховской культуры Приднестровья (108,

109, 111). В этом же кластере группируются серии с Южного (15, 21), Западного (53, 54) Кавказа. Погребенные из карцахпюрского могильника (9) близки к скифам Среднего Днепра (115) и Молдовы (110). К ним примыкают группы из Грузии (12, 13, 16) и более ранние серии из Армении (7) и Йемена (25). Указанные серии относятся к грацильному, южному варианту среднземноморского антропологического типа.

Для КВ II (24,157 %) определяющими стали поперечный и продольный диаметры. На плоскости II КВ высокие отрицательные значения обнаружены у черепов с Кавказа (3, 6–9, 11–13, 15–17, 21, 22, 54, 56), из Йемена (25, 26), Подонья (41, 51, 53), с Украины (114, 115), из Крыма (116, 117) и Приднестровья (108–111). На противоположном, положительном полюсе сгруппировались серии Центральной Азии (84, 86, 91, 95–99, 103), Волго-Уралья (57–61, 63, 64, 66, 71, 73, 74) и Подонья (42, 44). Для КВ III (9,423 %) наибольшие нагрузки пришлись на ширину орбиты, высоту и ширину лица. Полярные варианты распределения участвовавших в сравнительном анализе групп выглядят следующим образом: с одной стороны — краниосерии Южного Кавказа (6–8, 11, 12), Крыма (123), Волго-Уралья (73, 74, 77) и Центральной Азии (91, 99), с другой — Северного Кавказа (55), Подонья (49), Волго-Уралья (59) и Центральной Азии (92, 100).

Анализ 2 проведен по меньшему числу признаков. Максимальные нагрузки по КВ I (25,8 % дисперсии) легли на поперечный и продольный диаметры, ширину орбиты; по КВ II (17,5 %) — также на поперечный и продольный диаметры; по КВ III (16,7 %) — на высоту носа и орбиты, высоту и ширину лица (табл. 8). Ближневосточные (31–34, 37, 38, 40), украинские (119, 133), крымская (128) и южно-кавказские (10, 24) выборки получили максимальные положительные значения координат в КВ I благодаря самым большим поперечным размерам мозгового и лицевого отделов. Противоположное сочетание признаков характерно для средних сармат (121, 129–131, 134), скифских (115) серий с Украины и групп с Ближнего Востока (28, 29) и Южного Кавказа (9, 14, 7). Краниометрическая характеристика мужских черепов из сельских поселений Ширака (5) и выборка деформированных черепов (6) оказались наиболее сходны, с одной стороны, с комплексом признаков, свойственным мужской части серий из Турции (35, 36), Месопотамии (30), Азербайджана (18), с другой — с населением Азиатского Боспора (124) и с носителями черняховской культуры из Приднестровья (109, 126) (рис. 5). Черепа из городских могильников Бениамин (3) и Ервандашат (2) наиболее близки друг к другу по I КВ. К ним тяготеют более ранние черепа из Камид эль-Лоц (Северная Аравия). Крайнее положение занимают черепа из междуречья Тигра и Евфрата (31).

Таблица 8

Элементы трех канонических векторов для 67 мужских серий. Анализ 2

Table 8

Elements of three canonical vectors for 67 male series. Analysis 2

	♂		
	I КВ	II КВ	III КВ
1	-0.50	-0.50	-0.16
8	0.67	0.58	0.05
17	-0.31	0.25	0.40
9	-0.11	-0.29	-0.21
45	0.03	0.20	-0.62
48	-0.27	0.49	-0.74
55	0.34	-0.30	1.11
54	0.21	-0.27	-0.12
52	-0.16	0.43	0.70
51	0.53	-0.47	-0.15
Доля в общ. дисп., %	25.72	17.45	16.61

Наибольшие нагрузки, по КВ II в отрицательном поле изменчивости показывают выборки из Ближнего Востока (25, 28, 31, 33, 39) и с Южного Кавказа (9, 20, 23), а в положительном поле — средние сарматы (132) и скифы (199) Украины, средневековые группы из Турции (34) и с Кавказа (10, 24, 55). Группировка краниологических материалов на графике (рис. 9) показывает существование антропологической общности значительной части населения Южного Кавказа (1, 9, 11, 12, 15, 16, 19–23, 25). Для них характерно средневysокое или высокое лицо, мезориния, мезо- или гипсиконхия. Краниологические изменения имели в рамках этой общности однопавленный характер. Как видно из полученных данных, ареал его распространения включал равнинные и горные районы Восточной и Южной Грузии, территории Северной и Центральной

Армении, Западного Азербайджана. Наиболее близкими к материалам из некрополей Южного Кавказа оказались группы с Ближнего Востока (25, 28, 29, 39), скифы Украины (115, 121, 129, 135) и носители черняховской культуры Приднестровья (108). Высокими положительными значениями по КВ III характеризуются серии с Южного Кавказа (1, 11, 17–19, 23), Ближнего Востока (27, 33, 39), Украины (122, 132), из Приднестровья (109), а отрицательными — античные кра­ниологические серии из Армении (5, 9), Грузии (14) и Крыма (128).

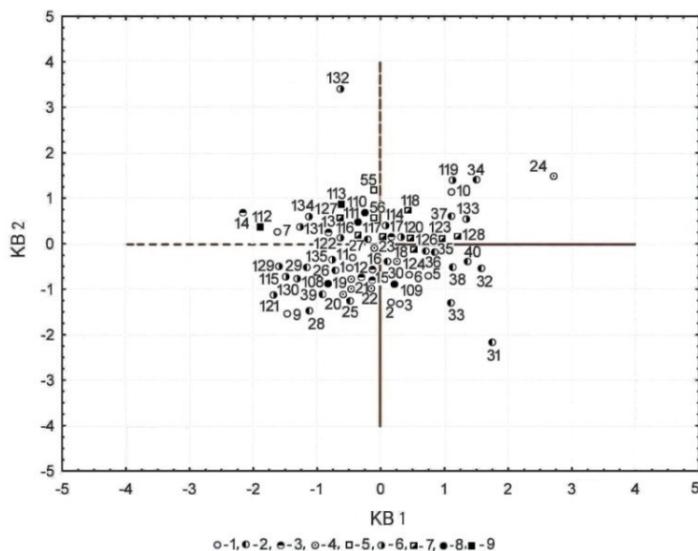

Рис. 5. Положение мужских кра­ниологических серий в пространстве первого и второго канонических векторов. Нумерация серий соответствует использованной в табл. 5:

- 1 — армянские; 2 — ближневосточные; 3 — грузинские; 4 — азербайджанские; 5 — северокавказские;
6 — украинские; 7 — крымские; 8 — приднестровские; 9 — литовские.

Fig. 5. Position of male craniological series in the space of the first and second canonical vectors. The numbering of the series corresponds to that used in table 5:

- 1 — Armenian; 2 — Yemeni; 3 — Georgian; 4 — Azerbaijani; 5 — North Caucasian; 6 — Ukrainian; 7 — Crimean;
8 — Transnistria; 9 — Lithuanian.

Обсуждение и заключение

В могильниках, расположенных на территории Армении, искусственно деформированные черепа встречаются не часто. Наиболее ранний искусственно деформированный череп был обнаружен в могильнике Акналич (рис. 6) (антропологический материал исследуется Л. Агикяном), относящемся к халколиту [Muradyan et al., 2014]. Следующий искусственно деформированный череп обнаружен в VIII–VI вв. до н.э. принадлежит индивиду из Гехаркуникской провинции (могильник Норатус) [Khudaverdyan, 2016].

На территории Армении в эпоху античности искусственная деформация головы отмечается как среди городского, так и среди сельского населения. При обследовании черепов удалось установить, что кольцевая лобно-затылочная деформация чаще всего встречается на территории провинции Ширак (могильники Бениамин, Вардбах, Кармакар) [Khudaverdyan, 2011, 2014]. В могильнике Бениамин (у 4 взрослых и 29 детей) наблюдается деформация двух подтипов: кольцевая лобно-затылочная, приближающаяся по форме к конусу, и кольцевая лобно-затылочная, башенная [Худавердян, 2000]. При первом подтипе лобная кость наклонена кзади и вытянута вверх, затылочная кость уплощена и вытянута вверх, теменные кости выпуклы в области сагиттального шва. При втором подтипе лобная кость выпрямлена и вытянута вверх, затылочная кость уплощена, не имеет соответствующего ей изгиба и также вытянута вверх. Деформацию обоих подтипов применяли, чтобы сделать череп более высоким. В Бениамине на двух мужских (погр. 11, 176), на женском (погр. 75) и на 15 детских черепах наблюдается конусовидная форма деформации. У женского (погр. 142) и 14 детских черепов отмечается типичная башенная форма. Кольцевая лобно-затылочная (башенная) деформация выявлена у субъектов из Вардбаха (погр. 4, 5/1, 9) и Кармакара (рис. 7а). У двух индивидов из могильника Вардбах (погр. 4, 5/1) также наблюдаются четкие следы локального понижения костной пластины (рис. 7в) относительно сагиттального и венечного швов.

Рис. 6. Искусственная деформация черепа из могильника Акналич (курган № 5, датируется 4340–4050 лет. до н.э.) [Muradyan et al., 2014].
Fig. 6. Artificial deformation of the skull from the Aknalich cemetery Aknalich (mound No 5, dated to 4340–4050 BC) [Muradyan et al., 2014].

У двух женщин из могильника Ширикаван I черепные коробки были искажены кольцевой лобно-затылочной деформацией (рис. 7б, д). От воздействия циркулярной повязки на затылочной кости остался след в виде широкого уплощения, а на лобной — неглубокий желобок шириной 1,5–2 см. Под воздействием повязки изменен рельеф верхнего отдела височных линий.

Рис. 7. Искусственно деформированные черепа из могильников Кармракар (а), Ширикаван (б, д) и Вардбах (в, г).

Fig. 7. Artificially deformed skulls from the Karmrakar (a), Shirakavan (б, д) and Vardbakh (в, г) burial grounds.

На материалах из позднесарматских погребений Поволжья Б.В. Фирштейн [1970, с. 95–102] подробно проанализировала изменения размерных признаков черепа, образующиеся при лобно-затылочной деформации, и отличия деформированных и недеформированных мужских и женских черепов в сборной саратовской и волгоградско-астраханской группах. Исследователь отметила, что при высокой кольцевой деформации уменьшается поперечный диаметр и соответственно черепной указатель, а лобная кость становится более покатой. Длина основания черепа и лица увеличиваются, но в разной степени, поэтому лицо в результате становится более ортогнатным. Увеличивается выступание лица на уровне назиона, а также его высота и высота орбит и носа. Аналогичные результаты получили М.А. Балабанова [2003] и Е.Ф. Батиева [2011]. Исследованные преднамеренно деформированные черепа с территории Ширавской равнины различаются между собой по степени деформации: от очень сильной до едва заметной.

Вероятно, повязка снималась и какое-то время голова не подвергалась давлению либо повязка носилась не достаточное время для достижения максимальной степени давления и т.д. Более жесткая деформация достигалась, вероятно, круговой повязкой, закрепляющей маленькие дощечки, накладываемые на лобную кость и чешую затылочной кости (в частности, мужской череп из могильника Кармракар; рис. 7а). Так как повязка шла через лобную и затылочную кости, то произошло снижение высоты изгиба этих костей. Лобная кость расширилась в своей самой узкой части и стала покатой — «убегающий» назад лоб. Понижение кривизны чешуи затылочной кости привело к повышению черепного свода. Как уже было сказано выше, деформированная часть серии из Ширакской равнины более высоколицая и узколицая, чем черепа без деформации.

Почти у всех индивидов из могильников Черная крепость I (за исключением мужского черепа из погр. 28) и Вардбах (за исключением мужского черепа из погр. 6) имеются признаки непреднамеренной искусственной деформации колыбельного типа. У 55,89 % индивидов из бениаминского могильника наблюдается подобная деформация головы. На женском и на двух мужских черепках из могильника Шираван I выявлены следы непреднамеренной деформации в затылочной и затылочно-теменной областях.

У двух индивидов из Вардбаха (погр. 4-1, 4-2; рис. 8) обнаружена врожденная деформация головы (plagiocephalia). У индивида из погр. 4 синостозная (синостотическая) плагиоцефалия. Данный тип деформации (затылочная плагиоцефалия) вызывается преждевременным окостенением части швов черепа (ламбдовидного и саггитального). Асимметрия черепа у индивида — правосторонняя. Так как у индивида фиксируется непреднамеренная затылочная деформация, то вполне вероятно, что врожденная деформация была усилена непреднамеренной деформацией колыбельного типа.

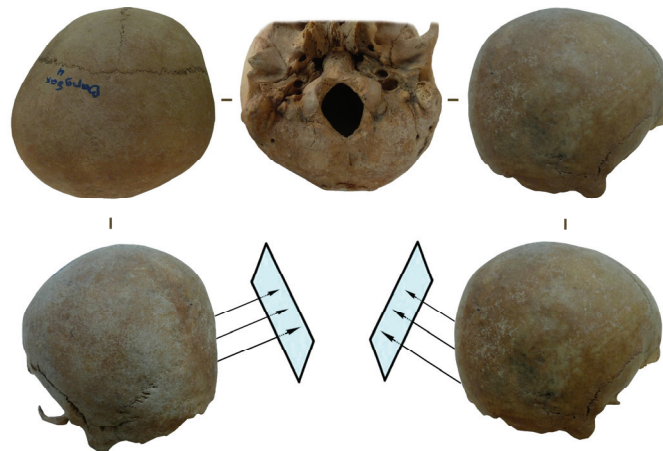

Рис. 8. Врожденная деформация головы (плагиоцефалия), непреднамеренная деформация черепа колыбельного типа (Вардбах, погр. 4-2).

Fig. 8. Congenital deformity of the head (plagiocephaly), unintended deformation of the skull of the cradle-type (Vardbakh, burial 4-2).

Детальный анализ краниологических материалов из городских и сельских могильников позволил констатировать сложный антропологический состав античного населения Армянского нагорья, выявить причины антропологической и этнической неоднородности населения. Соотношение результатов миграций и автохтонного развития популяций в ходе этногенетических процессов — один из основных вопросов исторической науки. Антропологические данные позволяют установить факт миграции (через фиксацию изменений в антропологическом типе в пределах данного региона на определенном хронологическом срезе). Киммерийцы, скифы, сарматы, саки часто совершали военные набеги на Кавказ, Армянское нагорье и в Малую Азию. Сведения об эпизодических инфильтрациях подобного рода содержатся в античных [Страбон, XI, V, 8] и древнеармянских [Хоренаци, 1893] источниках, освещающих исторические события рассматриваемой эпохи. В процессе передвижений кочевых племен происходило их взаимодействие с местными группами. Результаты исследования продемонстрировали высокий уровень интенсивности межкультурных взаимодействий населения Армении с группами с Ближнего Востока, из Восточной Европы и Центральной Азии. Статистический анализ выявил различную

направленность антропологических связей. Наиболее близкими к городским мужским группам оказались ближневосточные серии и носители черняховской культуры. М.С. Великанова [1975] и Т.А. Рудич [2010] также указывают на связи населения черняховских могильников Молдовы со средиземноморскими сериями. Р.У. Гравере [1999] связывает происхождение населения черняховской культуры с южными европеоидами. Сельские выборки Армянского нагорья оказались близки скифам Крыма, Украины и Приднестровья. Женские городские античные выборки Армении близки скифам Украины и Крыма и носителям черняховской культуры Приднестровья. Сельское население Гехаркуникской провинции проявляет определенное морфологическое сходство со скифами Среднего Днепра и Молдовы. О морфологических аналогиях скифских серий из курганов Нижнего Поднепровья некоторым закавказским сериям также указано в работах С.И. Круз [2002а, б]. Женщины из сельских могильников Ширакской равнины морфологически сходны с носителями среднесарматских культур Подонья, а также с населением первых веков н.э. из Танаиса, Европейского, Азиатского Боспора. Выявлены и морфологические аналогии с населением Северной Туркмении и Западной Украины (черняховская культура), что может быть следствием устойчивых связей в результате периодического проникновения мигрантных групп на территорию Армянского нагорья.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абдушлишвили М.Г.* Антропология населения Кавказа в позднеантичное время. Тбилиси: Мецниереба, 1978а. 309 с. (На груз. яз.)
- Абдушлишвили М.Г.* Антропология населения Кавказа в раннеантичном и эллинистическом периоде. Тбилиси: Мецниереба, 1978б. 111 с. (На груз. яз.)
- Алексеев В.П.* Происхождение народов Кавказа. М.: Наука, 1974. 317 с.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия: (Методика антропологических исследований). М.: Наука, 1964. 128 с.
- Алексеева Т.И.* Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.: МГУ, 1973. 330 с.
- Багдасарова Н.А.* Савроматы юго-западного Приаралья по материалам могильника Казыбаба // Этническая антропология Средней Азии. М.: Старый сад, 2000. Вып. 2. С. 78–112.
- Балабанова М.А.* Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья: Ранний железный век. М.: Наука, 2000. 133 с.
- Балабанова М.А.* Реконструкция социальной организации поздних сарматов по антропологическим данным // Нижневолж. археол. вестник. 2003. Вып. 6. С. 66–88.
- Батиева Е.Ф.* Население Нижнего Дона в IX в. до н.э. — IV в. н.э.: (Палеоантропологическое исследование). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 160 с.
- Богданов А.П.* Древние киевляне по их черепам и могилам // Известия Импер. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 35: Антропологическая выставка 1879 г. Т. III, ч. I. М.: Тип. М.П. Лаврова, 1880. С. 305–319.
- Великанова М.С.* Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М.: Наука, 1975. 283 с.
- Герасимова М.М.* Краниология могильника Мощевая Балка // Археологические открытия на новостройках: Древности Северного Кавказа: (Материалы работ северокавказской экспедиции). М.: Наука, 1986. Вып. 1. С. 204–213.
- Герасимова М.М., Рудь Н.Н., Яблонский Л.Т.* Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.: Наука, 1987. 253 с.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.* Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972. 372 с.
- Гравере Р.У.* Одонтологический аспект этногенеза и этнической истории восточнославянских народов // Восточные славяне: Антропология и этническая история. М., 1999. С. 205–218.
- Денисова Р.Я.* Антропология древних балтов. Рига: Зинатне, 1975. 403 с.
- Касимова Р.М.* Антропологическое исследование черепов из Мингечаура. Баку: АН АЗССР, 1960. 133 с.
- Кондукторова Т.С.* Антропология древнего населения Украины (I тыс. до н.э. — середина I тыс. н.э.). М.: Наука, 1972. 155 с.
- Кондукторова Т.С.* Физический тип людей Нижнего Приднестровья на рубеже нашей эры (по материалам могильника Николаевка-Казацкое). М.: Наука, 1979. 127 с.
- Конопелькин Д.С., Гончарова Н.Н.* Сравнительный краниологический анализ восточноевропейских городских и сельских выборок XVI–XVIII вв. // РА. 2016. № 2. С. 75–87.
- Круз С.И.* Антропологический состав сельского населения Восточного Крыма в скифское время (по материалам могильника Фронтное-1) // Вестник антропологии. 2005. Вып. 12. С. 56–75.
- Круз С.И.* Антропологічні дані до киммерійської проблеми // Археологія. № 4. 2002а. С. 13–29.
- Круз С.И.* Антропологические материалы к киммерийской проблеме // Сучасні проблеми археології. Київ, 2002б. С. 113–115.

Население Армянского нагорья в эпоху античности...

Литвинова Л.В. О населении Европейской Скифии (по антропологическим материалам могильника Мамай-Гора) // РА. 2002. № 3. С. 39–45.

Паликян А.К. Новые палеоантропологические материалы с территории Армении // Биол. журн. Армении. 1990. № 4 (43). С. 296–300.

Фирштейн Б.В. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Т.А. Тот, Б.В. Фирштейн. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов: Авары и сарматы. Л.: Наука, 1970. С. 69–146.

Рудич Т.А. Население черняховской культуры Дунайско-Днестровского междуречья по материалам антропологии // Stratum plus. 2010. № 4. Р. 223–231.

Страбон. География. В 17 кн. / Пер. Г.А. Стратановского. М.: Наука, 1964. 943 с.

Трофимова Т.А. Черепа из Никольского кладбища: (К вопросу об изменчивости типа во времени) // Материалы по антропологии Восточной Европы. М.: МГУ, 1941. С. 211–234. (Уч. записки МГУ; Вып. 63).

Ходжайов Т.К. Обычай преднамеренной деформации головы в Средней Азии // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. М.: Старый сад, 2000. Вып. 2. С. 22–23.

Хоренацци М. История Армении: Новый переводъ Н.О. Эмина (съ примѣчаніями и приложеніями). М.: В.А. Гатпукъ (Д. Чернышевский), 1893. 323 с.

Худавердян А.Ю. Население Армянского нагорья в античную эпоху (по антропологическим данным Бениаминского могильника). Ереван: Тигран Мец, 2000. 140 с.

Худавердян А.Ю. Антропологические особенности населения Армянского нагорья и этногенетическая ситуация на Южном Кавказе в эпоху средневековья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 1 (40). С. 60–88.

Яблонский Л.Т. Краниологические материалы из склепов Присарыкамышского могильника Сакар-Чага I (V–III вв. до н.э.) // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. М.: Старый сад, 2000. Вып. 2. С. 47–77.

Яблонский Л.Т. К антропологической характеристике населения Южного Приуралья позднесарматского времени (по материалам могильника Покровка-10) // Вестник антропологии. 2005. Вып. 12. С. 45–55.

Buikstra J.E., Ubelaker D.H. Standards of data collection from human skeletal remains. Arkansas Archaeol. Survey Research Series. 44. Fayetteville, 1994. 218 p.

Khudaverdyan A. Artificial modification of skulls and teeth from ancient burials in Armenia // Anthropos. 2011. Vol. 106 (2). P. 602–609.

Khudaverdyan A.Yu. Armenia in the Eurasian ethnic context of late classical antiquity: Craniometric evidence // Archaeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia, 2012. № 3 (51). P. 138–148.

Khudaverdyan A.Yu. Les inhumations de la cimetière de la plaine Chirak (Arménie), approche biologique et sociale // Etnoantropološki problem. 2014. Vol. 9 (1). P. 219–242.

Khudaverdyan A.Yu. Artificial Deformation of Skulls from Bronze Age and Iron Age Armenia // The Mankind Quarterly. 2016. Vol. 56 (4). P. 513–534.

Muradyan F., Zardaryan D., Gasparyan B., Aghikyan L. Discovery of the First Chalcolithic burial mounds in the Republic of Armenia // Stone Age of Armenia: A Guide-book to the Stone Age Archaeology in the Republic of Armenia. Kanazawa University: Center for Cultural Resource Studies, 2014. P. 339–364.

A.Yu. Khudaverdyan *, A.A. Hovhanisyan **, A.A. Yengibaryan *, R.Sh. Matevosyan ***, G.G. Qocharyan *, P.S. Palanjan *, L.G. Eganyan ****, A.A. Khachatryan ******

* Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia

Charents st., 15, Yerevan, 0025, Republic of Armenia

E-mail: akhudaverdyan@mail.ru; ruzanpal@gmail.com; Vruyr2001@yahoo.com

** «Armenia» Republican Medical Center

Margaryan st., 6, Yerevan, 0078, Republic of Armenia

E-mail: alexanyannune@gmail.com; rouben.davtyan@gmail.com

*** Yerevan Mkhitar Heratsi State Medical University

E-mail: ripmatev@mail.ru

Koryun st., 2, Yerevan, 0025, Republic of Armenia

**** Shirak Centre of Armenian Studies, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia

Myasnikyan st., 118, Gyumri, 3114, Republic of Armenia

E-mail: smuseum@web.am; larisayeganyan@gmail.com

Population of the Armenian Highlands in the age of Antiquity (according of anthropological materials of urban and rural settlements)

Article is devoted to studying of bone remains from antique burial grounds from the territory of the Armenian Highland. Anthropological materials of burials consist of 322 skeletons and dated I–III c. AD. The article analyzes the differences in anthropological characteristics of urban and rural population of Armenia of Antiquity period. The

work is based on classical craniometric and statistical research methods. Artificial cranial deformation and unintended deformation of a cradle-type found among urban and rural populations. As an intragroup analysis showed, the main differences between male urban and rural population across the size of the width of the frontal bone and face. If the villagers face orthognatic, angle of horizontal profiling at the top level enters the category of averages, in urban women face mezognatik, the angle of horizontal profiling is characterized by small values. Intergroup analysis showed, closest to urban male groups it turned out the tribes of Chernyakhov culture and the population of the Middle East. A male part of the villagers shows intimacy with Scythians of Crimea, Ukraine and Transnistria. The female part of the towns' people is close with the Scythians of Ukraine and Crim; villagers are morphologically similar to the carriers of the Middle Sarmatian cultures of the Don region, with a population of the first centuries AD from Tanais, European and Asian Bosphorus. Morphological analogies with the population of Northern Turkmenistan (Tumek-Kichidzhik), Western Ukraine (Chernyakhov culture), Middle Dnieper and Moldova (Scythians) were also revealed. This circumstance confirms the fact of sustainable, constant migration flow to the territory of the Armenian Highlands.

Key words: Armenia, Antiquity period, anthropological type, craniology, urban and rural population, artificially deformed skulls.

REFERENCES

- Abdushelishvili M.G. (1978a). *Anthropology of the Caucasian population in the late antiquity Age*. Tbilisi: Metsniereba. (Georgian).
- Abdushelishvili M.G. (1978b). *Anthropology of the Caucasian population in the Early Antique Age and Hellenistic period*. Tbilisi: Metsniereba. (Georgian).
- Alekseev V.P. (1974). *Origin of the Peoples of the Caucasus*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Alekseev V.P., Debets G.F. (1964). *Craniometry: Methods of anthropological researches*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Alekseeva T.I. (1973). *Ethnogenesis of Eastern Slavs according to anthropology*. Moscow: MGU. (Rus.).
- Bagdasarova N.A. (2000). Sauromats of the South-Western Priaralie on the materials from the Kazybaba burial ground. In: *Etnicheskaya antropologiya Srednei Azii* (pp. 78–112). Moscow: Starii sad. (Rus.).
- Balabanova M.A. (2000). *Anthropology of the ancient population of the Southern Urals and the Lower Volga region: The Early Iron Age*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Balabanova M.A. (2003). Reconstruction of the social organization of the Late Sarmatians according to anthropological data. *Nizhnevolzhskii arkhologicheskii vestnik*, (6), 66–88. (Rus.).
- Batieva E.F. (2011). *The population of the Lower Don in 9th c. BC — 4th c. AD: (Paleoanthropological study)*. Rostov-na-Donu: YuNTs RAS. (Rus.).
- Bogdanov A.P. (1880). Ancient Kievites in their skulls and graves. *Izvestiya Imp. O-va lyubitelei estestvoznaniya, antropologii i etnografii*, 35, 305–319. (Rus.).
- Buikstra J.E., Ubelaker D.H. (1994). *Standards of data collection from human skeletal remains. Arkansas Archaeol. Survey Research Series*, 44. Fayetteville.
- Denisova R.Ya. (1975). *Anthropology of the ancient Balts*. Riga: Zinatne. (Rus.).
- Firshtein B.V. (1970). Sarmatians of the Lower Volga region in anthropological lighting. In: T.A. Tot, B.V. Firshtein. *Antropologicheskie dannye k voprosu o velikom pereselenii narodov: Avary i sarmaty* (pp. 69–146). Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Gerasimova M.M. (1986). Craniology of the Moshchevaya Balka burial ground. In: *Arkheologicheskie otkrytiya na novostroiakh: Drevnosti Severnogo Kavkaza: (Materialy rabot severokavkazskoi ekspeditsii)* (pp. 204–213). Moscow: Nauka. (Rus.).
- Gerasimova M.M., Rud' N.N., Iablonskii L.T. (1987). *Anthropology of the Ancient and Medieval population of Eastern Europe*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Ginzburg V.V., Trofimova T.A. (1972). *Paleoanthropology of Central Asia*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Gravere R.U. (1999). Odontological aspect of ethnogenesis and ethnic history of Eastern Slavic peoples. In: *Vostochnye slaviane: Antropologiya i etnicheskaya istoriya* (pp. 205–218). Moscow. (Rus.).
- Kasimova R.M. (1960). *Anthropological study of skulls from Mingechaur*. Baku: AN AzerSSR. (Rus.).
- Khodzhaiov T.K. (2000). The custom of intentional deformation of the head in Central Asia. In: *Antropologicheskie i etnograficheskie svedeniya o naselenii Srednei Azii* (pp. 22–23). Moscow: Starii sad. (Rus.).
- Khorenatsi M. (1893). *History of Armenia*. Moscow: V.A. Gatpuk` (D. Chernishevskii). (Rus.).
- Khrisanfova E.N. (1978). *Evolutionary morphology of the human skeleton*. Moscow: MGU. (Rus.).
- Khudaverdyan A.Yu. (2000). *The population of the Armenian Highlands in ancient times (according to anthropological data of the Beniamin cemetery)*. Yerevan: Tigran Mets. (Rus.).
- Khudaverdyan A. (2011). Artificial modification of skulls and teeth from ancient burials in Armenia. *Anthropos*, (106), 602–609.
- Khudaverdyan A.Yu. (2012). Armenia in the Eurasian ethnic context of late classical antiquity: Craniometric evidence. *Archaeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia*, 51(3), 138–148.
- Khudaverdyan A.Yu. (2014). Les inhumations de la cimetières de la plaine Chirak (Arménie), approche biologique et sociale. *Etnoantropološki problem*, 9(1), 219–242. (French).
- Khudaverdyan A.Yu. (2016). Artificial Deformation of Skulls from Bronze Age and Iron Age Armenia. *The Mankind Quarterly*, 56 (4), 513–534.

- Khudaverdyan A.Yu. (2018). Anthropological characteristics of the Armenian Highlands population and ethnogenetic situation in south Eastern Europe in the Middle Age. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 60–88. (Rus.).
- Konduktorova T.S. (1972). *Anthropology of the ancient population of Ukraine (I millennium BC — mid I millennium AD)*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Konduktorova T.S. (1979). *Physical type of people of Lower Transnistria at the turn of our era (based on materials from Nikolaevka-Kazatskoe burial ground)*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Konopel'kin D.S., Goncharova N.N. (2016). Comparative craniological analysis of Eastern European urban and rural samples of the XVI–XVIII centuries. *Rossiiskaia arkheologiya*, (2), 75–87. (Rus.).
- Korneev M.A., Komissarova E.N. (2003). The effect of different somatotypes on the intensity of changes in growth indicators and body weight in the period of the first childhood. *Morfologiya*, (5), 72–75. (Rus.).
- Kruts S.I. (2002a). Anthropological data for the Cimmerian problem. *Arkheologiya*, (4), 13–29. (Rus.).
- Kruts S.I. (2002b). Anthropological data for the Cimmerian problem. In: *Suchasni problemi arkheologii* (pp. 113–115). Kiev. (Rus.).
- Kruts S.I. (2005). Anthropological composition of the rural population of Eastern Crimea in the Scythian time (on materials of the Frontovoe-I burial ground). *Vestnik antropologii*, (12), 56–75. (Rus.).
- Litvinova L.V. (2002). About the population of European Scythia (on anthropological materials of the Mamai-Gora burial site). *Rossiiskaia arkheologiya*, (3), 39–45. (Rus.).
- Muradyan F., Zardaryan D., Gasparyan B., Aghikyan L. (2014). Discovery of the First Chalcolithic burial mounds in the Republic of Armenia. In: *Stone Age of Armenia: A Guide-book to the Stone Age Archaeology in the Republic of Armenia* (pp. 339–364). Kanazawa University: Center for Cultural Resource Studies.
- Palikian A.K. (1990). New paleoanthropological materials from the territory of Armenia. *Biologicheskii zhurnal Armenii*, 43(4), 296–300.
- Rudich T.A. (2010). The population of the Chernyakhov culture of the Danube-Dniester interfluvium according to the materials of anthropology. *Stratum plus*, (4), 223–231. (Rus.).
- Strabon (1964). *Geograph: In 17 books*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Trofimova T.A. (1941). Skulls from Nikolsky cemetery: (On the issue of type variation in time). In: *Materialy po antropologii Vostochnoi Evropy* (pp. 211–234). (Rus.).
- Velikanova M.S. (1975). *Paleoanthropology of the Prut-Dniester interfluvium*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Yablonskii L.T. (2000). Craniological materials from the crypts of the Sarykamyshe burial ground of Sakar-Chaga I (V–III centuries BC). In: *Antropologicheskie i etnograficheskie svedeniia o naselenii Srednei Azii* (pp. 47–77). Moscow: Starii sad. (Rus.).
- Yablonskii L.T. (2005). To the anthropological characteristics of the population of the Southern Urals of the Late Sarmatian time (on materials from the burial site Pokrovka-10). *Vestnik antropologii*, (12), 45–55. (Rus.).

A.Ю. Худавердян, <https://orcid.org/0000-0002-1458-783X>

A.A. Оганесян, <https://orcid.org/0000-0002-9482-5921>

A.A. Енгибарян, <https://orcid.org/0000-0002-7898-5693>

Р.Ш. Матевосян, <https://orcid.org/0000-0003-3374-9846>

Г.Г. Кочарян, <https://orcid.org/0000-0003-0406-0177>

Р.С. Паланджян, <https://orcid.org/0000-0002-9456-5322>

A.A. Хачатрян, <https://orcid.org/0000-0001-8942-267X>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 20.10.2019

Accepted: 19.12.2019

Article is published: 02.03.2020

ЭТНОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-48-1-10>

Е.В. Перевалова *, Е.Н. Данилова *, **

* Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034

** Институт истории и археологии УрО РАН
ул. Софьи Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990
E-mail: Elena_Perevalova@mail.ru;
danilova@northarch.ru

КОТЕЛ В КУЛЬТУРЕ ОБСКИХ УГРОВ И САМОДИЙЦЕВ: САКРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Археологические и этнографические материалы свидетельствуют о невероятной многофункциональности и полисимволичности котла в культурах обских угров и самодийцев. В нем заключена энергия жизни, он выступает в роли дара-жертвы и оберега,местилища душ и духов. Многофункциональность котла находит отражение в погребально-поминальных обрядах. По масштабу и выразительности, степени включенности в культово-ритуальные комплексы угорско-самодийский котел в полной мере соответствует феномену сосуда в мировых религиях.

Ключевые слова: Северо-Западная Сибирь, обские угры, самодийцы, котел, энергия, символ, культово-ритуальные практики.

Ритуальное отношение к котлу как к сосуду принадлежит к универсалиям общемировой культовой практики. Археологические и этнографические материалы свидетельствуют о невероятной многофункциональности и полисимволичности котла в культурах обских угров и самодийцев. Устойчивость бытования и функционирования котла в ритуалах и обрядах удивительным образом множится в широчайшем разнообразии и локальной вариативности традиций.

Основным источником для подготовки статьи послужили полевые этнографические материалы авторов, собранные в ходе многолетних экспедиционных исследований (1980-х — 2018 г.): северные (рр. Сыня, Войкар, Собь, Куноват, Полуй, Малая и Большая Обь, Полярный Урал), восточные и южные (рр. Салым, Большой и Малый Юган, Пим, Тромъеган, Аган, Вах) ханты, северные и западные манси (рр. Северная Сосьва, Ляпин, Лозьва), тундровые и лесные ненцы (п-ов Ямал, рр. Пур, Аган). В работе также активно использованы материалы археологических изысканий в Западной Сибири и на Урале. Рассмотрение вещи в едином археолого-этнографическом пространстве позволяет расширить хронологические рамки исследования, дает возможность более точной идентификации и интерпретации вещи при более пристальном внимании к деталям и контекстам.

В опубликованной ранее первой части статьи были представлены археологический контекст, функциональные, морфологические и социальные аспекты «котла» как уникального этнокультурного явления [Перевалова, Данилова, 2019], во второй части исследования внимание акцентируется на его сакральной стороне.

Божественный атрибут и дар богам

В культурах угров и самодийцев котел имеет высокий мифоритуальный статус. Он выступает атрибутом многих угорских богов. У восточных хантов котел — дом (место обитания-хранения) одного из божеств Верхнего пантеона. По легенде, «как-то собрались боги вместе, только *Кон-ики* не пришел. В его отсутствие остальные братья что хотели, то и вытворяли. *Яун-ики* и *Моем-ики* сняли с голов скальпы и стали вшей искать. Наблюдавший за ними *Кон-ики* громко крикнул и напугал озорников. *Яун-ики* успел уклониться, а *Моем-ики* впопыхах скальп на голову неправильно натянул, поэтому у него две макушки. А один из богов, испугавшись окрика брата, забрался под котел, поэтому его изображение хранят в котле» [ПМА, р. Юган, 1988, 2002].

В котле могло обитать божество, в него помещали дары-приклады для духов-покровителей, но и сам по себе котел являлся лучшим даром богам разных рангов. Для лошади *Мир-сусне-*

хума, например, поскольку ее копыта не должны касаться земли, на святилище вместо традиционных четырех серебряных блюд могли быть выставлены «четыре медных котла незакопанных» [Лукина, Новик, 1990, с. 444, 544]. В «удаче приносящей песне» Великая богиня *Касэм ими* (Казымская женщина), двигаясь на оленном караване к вершине р. Казыма, сетует, что остров на озере Нум-то, определенный Верховным богом *Торумом* как ее дом-святилище, настолько мал, что огромный котел богини-богатырши не уместается («Без ручки котел мой, безушковый котел мой / Упадет [не уместится даже] [в такой] местности») [Кулемзин и др., 2000, с. 273, 277]. Среди многочисленной свиты богини упоминается «котлами гремющий маленький куль» (повар-слуга) [Молданов, 1999, с. 67, 127; Молданов, Молданова, 2000, с. 12]. Рядом со священным лабазом *Пупи Сяси* (бытовое имя Казымской богини) в районе селения Ай хар сангхум корт стояли изображения ее слуг — фигуры-пни «повара» и «поварихи» («мужчины и женщины конца котловой жерди»). Мужская фигурка с лицом, имеющим глаза, нос и рот, была повернута к священному лабазу, женская с лицом, имеющим только нос и рот, поскольку женщинам смотреть на культовые предметы запрещалось, была повернута от него; во время жертвоприношений между фигурами-пнями разводился костер¹. По рассказам казымских хантов, изображение «повара» и «поварихи» — *пут юх элэң имәңэн-икиңэн* («конца жерди (дерева) котла женщина и мужчина») делали на многих капищах [Дмитриева, 2005, с. 403].

Вероятно, эта традиция была распространена у обских угров широко. Так, верхняя часть опор-сошек кострища на святилище *Уран-шахэл-махум Сат менкв* (Горы-холма люди Семь менквов) у сосьвинских манси была увенчана антропоморфными фигурами «караульщиков огня», а на поселковом святилище *Полум-Торум-пыга* (Сына Пелымского бога) — личинами *менкв-пырыщей* (сыновей менквов) [Бауло, 2013, с. 34–35, рис. 32а–в; с. 57, рис. 56а–в]. Самый младший из семи *менкво*в на святилище *Сат менкв* у манси р. Ляпин (Ломбовож) назван «(за) костром присматривающий юноша-менкв» [Попова, 2008, с. 67]. А салымские и сургутские ханты в качестве дара-подношения на святилищах оставляли украшенное зооморфными изображениями «вешало» с крюками вместо котлов [Яковлев, 2011, с. 60].

Рис. 1. Приготовление медвежьего мяса в большом котле. Медвежьи игрища в Ханты-Мужах.

Ханты, рр. Куноват, Сыня, Войкар. Фото С. Попова, 2014.

Fig. 1. Cooking bear meat in a large cauldron. Bear Festival in Khanty-Myzi. Khanty (Kunovat, Synja, Voikar). Photo by S. Popov, 2014.

Без котла не обходится ни одно жертвоприношение. В священных угорских сказаниях богам приносится семь жертв и ставится семь котлов [Лукина, Новик, 1990, с. 77], для них варится «семь котлов тростникового пива» [Шестаков, 1992, с. 32], «семь котлов мяса, семь котлов рыбы», для обслуживания трапезы приглашались «посудными делами занимающиеся два повара, чашечными делами занимающиеся два повара» [Молданов, Молданова, 2000, с. 12, 58, 94–95]. Поскольку пищи во время больших жертвоприношений на святилищах и во время Медвежьих игрищ готовилось много, использовалось несколько котлов (для каждого вида пищи)

¹ Карачаров К.Г. (устное сообщение).

и/или котел больших размеров (для мяса жертвенного животного) (рис. 1). Однажды принесенные на святилище котлы, предназначенные для приготовления ритуальной пищи, оставлялись на нем навсегда (исключение — женские культовые места) (рис. 2). На общих угорских святилищах у женщин был отдельный котел. На роль поваров-слуг на время проведения обрядов приглашались специальные люди. Так, хозяевами сынского бога *Кев урр ху акем ики* (Каменного богатыря-мужчины дядьки-старика) были *щеня ёх* (Лонгортовы), роль его «слуг» (*лев ёх*) исполняли представители того же рода Куртямовы и Вальгамовы, а на роль «державших ручку от поварешки» (*посан ёх*) «звали людей со стороны». На Медвежьих игрищах также приглашались обслуживающие трапезу (гостя-медведя, мужской и женский столы) люди, не принадлежащие к роду охотника, добывшего зверя [ПМА, р. Сыня, 2011–2014].

Рис. 2. Приготовление жертвенной пищи. Женское культовое место у д. Вытовшгорт.

Ханты, р. Сыня. Фото Е. Переваловой, 2011.

Fig. 2. Cooking of ritual food. The female cult place near Bytvoshgort. Synja Khanty. Photo by E. Perevalova, 2011.

Энергия жизни

Из-за формы, напоминающей свод или гору, из-за возможности изменения субстанций при варке котел ассоциируется с землей и нижним миром, женской утробой и плодородием. К ритуальным архетипам, связанным прежде всего с мифологическим центром мира и образом Великой Матери-Земли, относится закапывание и переворачивание котла/сосуда (отворяюще-затворяющий ритуал) [Львова и др., 1988, с. 144]. В селькупском мифе полулюди-полумедведи обходят посолонь вокруг домашнего котла, и их чум уходит в землю, превращаясь в Лозыль Лакка (Гору Духов), в своеобразный центр мира [Головнёв, 1995, с. 250].

У аганских хантов котел — символ дочери Верховного бога *Торэма*, богини *Омэстэ-аңки* (Сидящей матери) или *Мәх-пүхэс-аңки* (Земли-матери-матери). Согласно легенде, *Торэм* собрал своих дочерей, чтобы распределить между ними земные обязанности. *Омэстэ-аңки* села на семиушковый котел, тот начал вращаться, вокруг пошли холмы и превратились в бугристую поверхность земли. С тех пор на священных местах в дар *Омэстэ-аңки* приносят семь медных котлов или корову (считается, что «корова держит на рогах землю, без нее земля уйдет вниз») [ПМА, Аган, 2002, 2003].

Традиция дарения-закапывания котлов богине земли сохраняется у восточных хантов по сей день. Во время обследования святилища Казамкиных на р. Пуралньёган были обнаружены лежащий на поверхности вверх дном медный котел (юго-восточная часть), закопанный в песок устьем вверх чугунный котел (западная часть), три ведра на поверхности (северо-восточная часть) и две группы закопанных оцинкованных ведер и котлов (центральная часть) рядом с развалинами священного лабаза (рис. 3) [Карачаров, 2005, с. 8, 61–66, рис. 70–72; Перевалова, Карачаров, 2006, с. 116]. Котел-дар для дочери богини *Омэстэ-аңки*, обеспечивавшей благополучие семьи, аганские ханты закапывают у священной стены дома. Обычно обряд проводится при завершении постройки жилища. У котла (ведра) убирают дужку и вместо нее привязывают ткань. Затем в котел кладут пять или семь монет и закапывают у задней стенки дома устьем вверх (в отличие от переворачивания или продырявливания оставленной на кладбище посуды).

В изголовье нар на всю длину стены кладут черную ткань, после чего забивают в дар богине телочку или корову [ПМА, р. Аган, 2002, 2004]. На Салыме под нары в жилище закладывали шкуру жертвенного животного [Гриценко и др., 2000, с. 146].

Рис. 3. Закопанные в землю котлы — дары Матери-Земле. Ханты, р. Аган. Фото К. Карачарова, 2002.

Fig. 3. Buried in the ground cauldrons are gifts of goddess Earth Mother. Agan Khanty. Photo by K. Karacharov, 2002.

Связь котла с культом Матери-Земли у восточных хантов прекрасно «считывается» по археологическим материалам. При раскопках селища Мохтикъяган 15 (бассейн р. Аган) у задней стенки жилища XIX в., под остатками нар, были найдены три железных котла без дужек. При расчистке выяснилось, что котлы были закопаны устьем вверх: два из них размещались практически вплотную к стене, третий — на расстоянии полуметра от стены; в одном из котлов были обнаружены три монеты достоинством 1 копейка, в другом — три свинцовые пули [Мызников, 2007, с. 28, 34–35, рис. 21, 26, 27, 100]. На селище Усть-Ванъяган 4 (г. Радужный, Нижневартовский р-н ХМАО) был обнаружен медный котел, вкопанный устьем вверх в углу у чувала [Карачаров, 2003, с. 157, 160, рис. 208; 213]. При раскопках жилища начала XIX в. на поселении Сырой Аган 12 (урочище Городской Остров, протока Кривая, левобережье Оби) в яме под нарами у дальней от входа стены был обнаружен скелет теленка, лежащий в анатомическом порядке, а в засыпке ямы — фрагмент кованого железного листа и три медные монеты [Шорин, Баранов, 2002, с. 77–80].

Обряд жертвоприношения *Мых-ими* (Земле-старухе), или, как ее еще величали на Васюгане, «Великой земли, матери конечной земли», описан К.Ф. Карьялайненом. В приобретенных в складчину семи медных котлах готовилась жертвенная пища (мясо коровы, оленя, лося, каша). Наполненные пищей котлы выстраивались в ряд, и шаманы приглашали к угощению богиню с ее свитой. В песне-путешествии пелось о дороге семи шаманов с котлами-дарами к «семижертвенному столбу». От него шаманы расходились по семи дорогам. Главный шаман уходил к Земле-старухе. В ее обители высотой в семь подземных этажей он встречал семь охранников, ожидающих подношений, на последнем этаже находилось семидверное жилище богини. После жертвенной церемонии семь шаманов уносили семь котлов «в разные места Васюганского края» и закапывали их в землю. Считалось, что котлами богиня прикрывала отверстия на поверхности земли, чтобы преградить путь болезням и духам нижнего мира [Карьялайнен, 1995, с. 233–236].

У разных групп хантов и манси обряды жертвоприношения Матери-Земле несколько различались: на Васюгане в землю закапывали семь котлов [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 138], на Югане и Тромъегане — котел с пищей, на Сыне в яму выливали вскипяченную в котле воду с семью монетами [ПМА, р. Тромъеган, 1987; р. Большой Юган, 1984, 2003; р. Сыня, 1989, 2013]. Несмотря на разницу в дарах-подношениях во всех случаях действие с котлом было направлено на закрытие входа в нижний мир.

Однако котел выступал не только даром-преградой для Матери-Земли. Одновременно он представляется сосредоточением ее репродуктивной силы и вместилищем душ. Богиня *Лугос-лунг* (Мать-дух) или *Торум-Анки* (Божья мать), по представлениям ваховских хантов, «обитает в той стороне, где солнце разгорается», от ее воли зависит рождение детей, которых она «выкачивает», а

затем посылает на землю с первым лучом солнца. При посещении «прикладного места» *Луос-луе* в бассейне р. Вах М.Б. Шатилов обнаружил 66 котелков, большой чугун, четыре чайника, шесть ковшей, двенадцать колокольцев, восемнадцать стрел, две домбры, два бубна, многочисленные лоскуты ткани, платки и шкуры жертвенных животных [Шатилов, 2000, с. 170, 279].

Котел обладал как рождающей, так и умертвляюще-затворяющей силой. На Агане функцию хранителя человеческих душ выполняет бог *Сойем-ики* (Священной протоки старик) или *Вонт-кутэл-ики* (Лесной середины старик). Могущественного старца ханты величают *Йилес-кой*, *йилес-пит-ики* (Души защищает, души спасает старик). В дар ему непременно приносят котел (за неимением — ведро) и темную ткань. Посещают капище только мужчины, женщинам ступать на священный берег запрещается (рис. 4) [ПМА, 2001, 2002]. Васюганские и тромъеганские ханты, согласно данным К.Ф. Карьялайнена, также почитали «духа нижней части земли» *Йил-юнк* или *Йил-торэм*, принимающего в жертву котел, иногда — лошадь. Он считался помощником Земли-старухи, поэтому оказывался в числе приглашенных на устраиваемые для нее жертвоприношения. Его изображение хранили в маленьком котле [Карьялайнен, 1995, с. 240]. В то же время у восточных хантов существуют устойчивые представления о хозяине нижнего мира, которому определялись отдельные места поклонения и дары. На Агане, например, место поклонения *Котл-порэк-ики* (Ели-корня-старiku) или *Пэхтэ-ики* (Черный старiku), который в отличие от *Соейм-ики* «напускает болезни и забирает людские души после смерти», находится неподалеку от капища последнего. Для *Котл-порэк-ики* под комлем дерева оставляют халат из черной ткани или железа, а со святилища берут деревянные изображения его помощников — «змеи» и «косатой змеи» [ПМА, р. Аган, 2002, 2004].

Рис. 4. Дары (котлы, ведра) хранителю душ *Сойем-ики* (Священной протоки старiku). Ханты, р. Аган.
Фото Е. Переваловой, 2002.

Fig. 4. The gifts (cauldrons, pails) for *Sojem-iki* (Owner of the sacred river channel), the kipper of souls.
Agan Khanty. Photo by E. Perevalova, 2002.

У северных хантов описываются случаи, когда рожденного вне брака младенца помещали в большой котел и оставляли в лесу. Рассказывают, что в одной семье пришлось устраивать *потлам хот* (шаманить в «темном» доме), поскольку «душа умерщвленного ребенка мстила, забирая души родственников», «во время камлания из-под половых досок были слышны шаги *кур ил'пи ики* (бога-охранника дома и семьи, хранившегося у порога) и плач младенца, но его душа была поймана и отдана родовым духам-лонхам, которые крепко держат ее» [ПМА, р. Сыня, 1997].

Котел в погребальном обряде

По археологическим данным, повсеместное использование котлов в погребальном обряде на севере Западной Сибири начинается с XI–XII вв. Самый ранний котел происходит из погребения, датированного IX–X вв. (погр. 133, могильник Сайгатинский VI) [Карачаров, 2008, с. 61–62, 190]. На могильнике Усть-Балык в погребениях конца VIII — XI в. посуда представлена в основном керамическими сосудами, а в погребениях XI–XVII вв. — котлами [Семенова, 2008, с. 120–124, 161–164]. Похожая ситуация наблюдается на синхронных памятниках Томско-Нарымского Приобья [Яковлев, Боброва, 1995, с. 105]. Появление котла в погребальных комплексах связывается исследователями с его статусом модной и престижной вещи, а также как индикатора высокого социального положения покойного; традиция ставить котлы в могилу закрепляется настолько, что появляются их керамические копии [Чемякин, Карачаров, 2002, с. 64].

Местонахождение котлов в погребениях, согласно археологическим материалам, заметно варьируется. Комплектность и варианты расположения котлов и других сосудов в погребениях существенно разнятся даже на одном памятнике. На могильнике Сайгатинский IV бронзовые и медные котлы, берестяные коробки и деревянная посуда, в которых могли находиться остатки пищи, располагались в ногах погребенных, тогда как в головах и собственно на головах умерших были обнаружены сосуды из серебра — чаши, кубки, ковши (погр. 194 и 240) [Терехова, 1991, с. 6, 23, 39]. В ногах покойного из погребения 287 того же могильника был поставлен «бронзовый» котел с железной ручкой, на дне которого находился берестяной туес [Борзунов и др., 2013, с. 160–164], а в погребении 262 котел был надет на голову умершего, а в ногах лежал берестяной туес [Терехова, 1991, с. 35].

Рис. 5. Приготовление поминальной пищи на кладбище. Костровое место. Ханты, р. Сыня.
Фото Е. Переваловой, 2013.

Fig. 5. Cooking of ritual food on the cemetery. Synja Khanty. Photo by E. Perevalova, 2013.

В Северо-Западной Сибири известны также находки бронзовых котлов, которые помещены в погребально-ритуальные комплексы в виде деформированных фрагментов. Так, фрагменты бронзового котла на поддоне (II в. до н.э. — I в. н.э.) были обнаружены в составе так называемого Холмогорского «клада», интерпретированного авторами как «остатки ритуального захоронения нескольких посмертных изображений умерших» [Зыков, Федорова, 2011, с. 62–63, 114–115, 145]. Похожий комплекс (неординарное захоронение культового характера) выявлен на могильнике Агрньёган 1 (бассейн р. Аган) [Карачаров, 2005, с. 29, 57]. В погребальном обряде средневекового населения Нижнего Приобья, судя по материалам археологического комплекса Зеленый Яр, бронзовые и медные котлы использовались очень активно: из стенок котлов зеленоярцы делали пластины-маски, закрывающие лица покойных, оклады-конусы, ленты-скобы и пластины, покрывающие (или скрепляющие) их тела. Но, по мнению авторов раскопок, в этом скорее прослеживается «особое отношение к металлу», а не к изделиям из него [Алексашенко и др., 2015, с. 71–109, 112–113, 116–117, 120, 130–131, 134, 136, 138, 140–141, 143–144].

В интерпретациях археологических материалов относительно использования металлических котлов и их фрагментов в погребальной практике ввиду многофункциональности и полисимволичности сосуда, на наш взгляд, одинаково вероятны несколько вариантов и их комбина-

ций — вместилище души (на голове или над головой покойного, поскольку котел непосредственно ассоциируется с головой) и посмертного изображения (отдельное захоронение или подхоронение к основному погребению), охранник уходящей в страну мертвых души (погребальные маски, оклады, скобы на теле и покрывах умершего), сопровождающий инвентарь (в голове или ногах покойного), емкость для приготовления ритуальной пищи (межмогильное пространство), что не противоречит этнографическим данным. У северных хантов, например, по традиции в могилу кладут чашку или чашки с пищей («ухо-чашка» ставится в изголовье, «колени-чашка» — в ногах), а также нож, топор и котел, без которых «нельзя отправлять покойника в мир мертвых». Восточные ханты в гроб с покойным также ставили чашечку или тарелочку с пищей [ПМА, р. Вах, 2007]. На кладбищах рядом с костровым местом непременно оставляются перевернутые вверх дном или подвешенные на дерево котлы и чайники, которые используются для приготовления пищи во время похорон и поминальных обрядов (как правило, один костер и общие котлы на группу кровных родственников) (рис. 5, 6).

Рис. 6. Костровое место на кладбище-ура. Ханты, р. Сыня. Фото Е. Переваловой, 2013.
Fig. 6. The fireplace on the cemetery-ura. Synja Khanty. Photo by E. Perevalova, 2013.

Несомненно, что в погребальном обряде обских угров и самодийцев котел мог выполнять функцию вместилища души покойного: как и целому котлу, фрагменту-маске, фрагменту-окладу, фрагменту-скобе отведена роль удерживающая и ограничивающая действия. Этнографические материалы свидетельствуют о трансформации этой традиции в нескольких направлениях: замена металла на ткань и вытеснение котла маской. Так, В.Ф. Зуев, описывая погребальный обряд самоедов XVIII в., отмечал, что они кладут покойного, вытянув руки и «надевши на голову котел», обертывают его «постелями или чумовой крышкой и обвязывают веревками» [1947, с. 67]. У И.Г. Георги находим: «В могиле опрокидывают над покойниковою головою котел, да сверх того кладут туда же ему про запас и другой домашний скарб, а особливо лук и стрелы» [1799, с. 11]. О положении котла в могилу дном вверх сообщал А.А. Дунин-Горкавич [1996, с. 52–53]. Отметим, что вариант положения котла в погребениях (надет на голову покойного или перевернут над головой) (рис. 7) отличается от положения котла как дара-подношения Матери-Земле на святилище (закопан в землю устьем вверх со снятой или снятой и замененной на ткань дужкой). Возможно, постепенно из погребального обряда металлический котел вытеснили более доступные материалы. Ф. Белявский сообщал, что самоеды, чтобы «душа, по разрушении тела, могла, где жить до своего переселения в другое тело, надевают покойнику на голову кошель» [1833, с. 126]. Ему вторил Ю.И. Кушелевский, писавший, что они «лицо мертвому и вообще голову зашивают сукном» [1868, с. 119]. Традиция закрывания головы и/или лица покойного погребальной маской сохраняется и сегодня у многих групп обских угров и ненцев. Северные манси называют ее *вильт лопыс* — букв. 'лицо прикрывающее [нечто]' или *вильт*

тор — букв. 'ткань [на] лицо' [Попова, 2010, с. 32]. Ненцы и северные ханты поясняют, что «голову покойного непременно обматывали лоскутом ткани или меха с нашитыми на месте глаз пуговицами или бусинами, иначе он не найдет дорогу в нижний мир и может увести с собой кого-нибудь из родственников» [ПМА, Нижняя Обь, 1987, 1989]. Хотя эти две традиции — надевание котла на голову и металлическая / тканевая маска на голову и лицо — вполне могли сосуществовать.

Рис. 7. Медный котел на старой могиле. Ханты, р. Сось. Фото Е. Переваловой, 2011.
Fig. 7. The cauldron on an old grave. Sob Khanty. Photo by E. Perevalova, 2011.

Котел играет роль и божественной жертвы-дара, и охранника-оберега, и дома-вместилища богов и душ людей. В котле сосредоточена энергия жизни: с ним связаны обряды рождения-перерождения и культ Матери-Земли. Многофункциональным предстает котел не только в культовых практиках, но и в погребально-поминальных обрядах ненцев, хантов и манси. Котлы из погребений, как и изделия из них (маски, оклады, скобы), указывают на социальный статус покойного. Котел выступает охранником и вместилищем души умершего и/или его посмертного изображения, используется как сопровождающий инвентарь и емкость для приготовления ритуальной пищи. По масштабу и выразительности, степени включенности в культово-ритуальные комплексы угорско-самодийский котел в полной мере соответствует феномену сосуда в мировых религиях.

Финансирование. Исследование выполнено за счет грантов Российского научного фонда (Е.В. Первалова — проект № 18-18-00309, Е.Н. Данилова — проект № 19-78-10002).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Карачаров К.Г. Археологическое обследование среднего и верхнего течения р. Аган в Нижневартовском районе ХМАО в 2002 году: Отчет о НИР: В 2 ч. Ч. 2: Иллюстрации. Нефтеюганск, 2003. 179 с. // Архив АСА. Ф. 1. Д. 127.

Карачаров К.Г. Выявление и обследование историко-культурных объектов в окрестностях г. Радужный в Нижневартовском районе ХМАО в 2004 г.: Отчет о НИР / ООО НПО «Северная археология-1». Нефтеюганск, 2005. 197 с. // Архив АСА. Ф. 1. Д. 179.

Карачаров К.Г. Археологические раскопки могильника Сайгатинский VI и селища Кучиминское XXII в Сургутском районе ХМАО — Югры в 2007 году: Отчет о НИР / МУК «СХМ». Сургут, 2008. 128 с. // Архив АСА. Ф. 1. Д. 226.

Мызников С.А. Охранные археологические раскопки селища Мохтикъяган 15 в Нижневартовском районе Ханты-Мансийского АО в 2007 году: Отчет о НИР / ХМАО; ООО НПО «Северная археология 1». Нефтеюганск, 2007. 128 с. // Архив АСА. Ф. 1. Д. 230.

Терехова Л.М. Отчет о раскопках Сайгатинского IV могильника летом 1988 г. Свердловск, 1991. 243 с.

Литература

Алексашенко Н.А., Брусницына А.Г., Литвиненко М.Н., Косинцев П.А., Перевалова Е.В., Ражев Д.И., Федорова Н.В. Зеленый Яр: Археологический комплекс эпохи Средневековья в Северном Приобье. Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2015. 368 с.

Бауло А.В. Священные места и атрибуты северных манси в начале XXI века: Этнографический альбом. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Баско, 2013. 208 с.

Беляевский Ф. Поездка по Ледовитому морю. М., 1833. 274 с.

Борзунов В.А., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Аварийные исследования средневекового Сайгатинского IV могильника в 2009 г. (раскоп 5) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2013. Вып. 11. С. 142–197.

Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб.: Императорская Академия Наук, 1799. Ч. 3. 117 с.

Головнёв А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.

Гриценко В.Н., Ивасько Л.В., Ильина И.В., Кардаш О.В., Клепиков А.В., Мартынова Е.П., Суровень Д.А., Федорова Е.Г. Салымский край. Екатеринбург: Тезис, 2000. 344 с.

Дмитриева Т.Н. Топонимия бассейна реки Казым. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. 580 с.

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. СПб.: Либерия, 1996. Т. III. 203 с.

Зуев В.Ф. Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. ТИЭ. Н. С. М.: Л., 1947. Т. 5. 65 с.

Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: Сократ, 2011. 176 с.

Карьялайнен К.Ф. Религия угорских народов / Пер. с нем. Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. Т. 2. 231 с.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX в.: Этнографические очерки. Томск: Изд-во ТГУ, 1977. 226 с.

Кушелевский Ю.И. Северный полюс и земля Явмал. СПб., 1868. 156 с.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В., Молданов Т.А., Молданова Т.А. Мифология хантов. Томск: Изд-во ТГУ, 2000. 310 с. (Энциклопедия уральских мифологий; Т. III).

Лукина Н.В., Новик Е.С. (отв. ред.). Мифы, предания, сказки хантов и манси / Пер., сост., пред. и примеч. Н.В. Лукина. М.: Наука, 1990. 568 с.

Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаяев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. 224 с.

Молданов Т.А., Молданова Т.А. Боги Земли Казымской. Томск: Изд-во ТГУ, 2000. 114 с.

Молданов Т.А. Картина мира в песнопениях медвежьих играх северных хантов. Изд-во ТГУ, 1999. 141 с.

Перевалова Е.В., Данилова Е.Н. Котел в культуре обских угров и самодийцев: Археологический артефакт и «живая» традиция // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 4 (47). С. 152–164.

Перевалова Е.В., Карачаров К. Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН: Студия «ГРАФО», 2006. 352 с.

Попова С.А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск: Изд-во ТГУ, 2008. 138 с.

Попова С.А. Обрядовая деятельность народа манси. Ханты-Мансийск, 2010. Ч. I: Обряды жизненного цикла. 111 с.

Семенова В.И. Мифология мира мертвых (по мифологическим и археологическим источникам западной Сибири). Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2008. 213 с.

Чемакин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: (Материалы к атласу): Научно-исторические очерки. 2-е изд. Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 5–74.

Шатилов М.Б. Ваховские остяки: Этнографические очерки. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 288 с.

Шесталов И.Н. (ред.) Священный сказ о сотворении земли: Мансийские мифы / Пер. О. Шесталовой-Фидорович. Л.; Ханты-Мансийск: Стерх — Белый журавль, 1992. 34 с.

Шорин А.Ф., Баранов М.Ю. Возможности археологии в реконструкции жилища как области реализации мифологических представлений (по материалам раскопок хантыйских жилищ начала XIX в. на поселении Сырой Аган 12 близ г. Сургут) // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. С. 70–81.

Яковлев Я.А., Боброва А.И. К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Приобья: Котел // Средневековые древности Западной Сибири. Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. С. 101–117.

Яковлев Я.А. На столе и вокруг него. Томск: Изд-во ТГУ, 2011. 368 с. (Жизнь обских угров: Взгляд изнутри; Т. 1).

E.V. Perevalova *, E.N. Danilova *, **

* Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the RAS
Universitetskaya nab., 3, St. Petersburg, 199034, Russian Federation

** Institute of History and Archaeology of the Ural Branch RAS
S. Kovalevskoy st., 16, Yekaterinburg, 620099, Russian Federation

E-mail: Elena_Perevalova@mail.ru;
danilova@northarch.ru

Cauldrons in the cultural traditions of the Ob Ugrians and Samoyeds: a sacral aspect

The ritual attitude towards the cauldron as the sacred vessel can be found in all religious practices. Archaeological and ethnographic materials indicate the incredible versatility and polysymbolism of the cauldron in the cultures of the Ob Ugrians and Samoyeds. The first part of this research, which was published in the previous issue of the present Journal, covered the archaeological context along with the functional, morphological and social aspects associated with the cauldron as a unique ethnocultural phenomenon. The second part presented here aims to consider the sacral aspect of the cauldron. The conducted archaeological and ethnographic research was based on a structural-semiotic approach. In this article, we analyse field ethnographic materials collected during long-term fieldwork (1980s–2018) from Northern (Synya, Voykar, Sob, Kunovat, Polui, Ob, Polar Urals), Eastern and Southern (Salym, Yugan, Pim, Tromyogan, Agan, Vakh) Khanty; Northern and Western Mansi (Northern Sosva, Lyapin and Lozva Rivers); tundra and forest Nenets (Yamal Peninsula, Pur and Agan Rivers). The materials of research carried out in Western Siberia and the Urals were also applied. The use of cauldrons in rituals and rites is characterized by a wide diversity and local variability of traditions. Judging by the information presented in the article, the cauldron plays the roles of a divine sacrifice-gift, a guard-talisman, as well as a home-receptacle for gods and the souls of people. The cauldron concentrates the energy of life through participating in the rites of birth-rebirth and the cult of Mother Earth. Besides cult practices, the multifunctional character of the cauldron manifests itself in the funeral and memorial rites of the Nenets, Khanty and Mansi. Cauldrons from burials, as well as products made thereof (masks, mountings, brackets), indicate the social status of the deceased. Cauldrons act as a guard and a receptacle for the soul of the deceased and/or his posthumous image; they are used as an accompanying item and a vessel for preparing ritual food.

Key words: North-Western Siberia, the Ob Ugrians, the Samoyeds, cauldron, energy, symbol, the spiritual and ritual practices.

Funding. This work was supported by the grants from the Russian Science Foundation (E.V. Perevalova — project No. 18-18-00309, E.N. Danilova — project No. 19-78-10002).

REFERENCES

- Alexashenko N.A., Brusnitsyna A.G., Litvinenko M.N., Kosintsev P.A., Perevalova E.V., Razhev D.I., Fedorova N.V. (2015). *Zeleny Yar: Archaeological complex of the Middle Ages in the Northern Ob region*. Ekaterinburg; Salekhard: Ural'skoe otdelenie RAN. (Rus.).
- Baulo A.V. (2013). *Sacred places and attributes of the Northern Mansi at the beginning of the 21st century: Ethnographic album*. Khanty-Mansiysk; Ekaterinburg: Basko. (Rus.).
- Belavskii F. (1833). *Trip on the Arctic Sea*. Moscow. (Rus.).
- Borzunov V.A., Korochkova O.N., Stefanov V.I. (2013). Emergence studies of the Medieval Saigatinske IV Burial. In: Ia.A. Iakovlev. (Ed.) *Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo*, (11) (pp. 142–197). Tomsk; Khanty-Mansiysk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Chemiakin Iu.P., Karacharov K.G. (2002). The ancient history of the Surgut Ob. In: *Ocherki istorii traditsionnogo zemlepol'zovaniia khantov: (Materialy k atlasu): Nauchno-istoricheskie ocherki* (pp. 5–74). Ekaterinburg: Tezis. (Rus.).
- Dmitrieva T.N. (2005). *Toponymy of the Kazym River Basin*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo Universiteta. (Rus.).
- Dunin-Gorkavich A.A. (1996). *Tobolskii Sever*, III. St. Petersburg: Libereia. (Rus.).
- Georgi I.G. (1799). *Description of all the living nations in the Russian state*, 3. St. Petersburg: Imperatorskaia Akademiia Nauk. (Rus.).
- Golovnev A.V. (1995). *Talking cultures: Traditions of Samoyeds and Ugrians*. Ekaterinburg: Ural'skoe otdelenie RAN. (Rus.).
- Gritsenko V.N., Ivas'ko L.V., Il'ina I.V., Kardash O.V., Klepikov A.V., Martynova E.P., Suroven' D.A., Fedorova E.G. *Salym region*. (2000). Ekaterinburg: Tezis. (Rus.).
- Iakovlev Ia.A. (2011). *On the table and around it*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Iakovlev Ia.A., Bobrova A.I. (1995). On the role and significance of the funerary inventory of the late Medieval population of the Ob region: A boiler. In: *Srednevekovye drevnosti Zapadnoi Sibiri* (pp. 101–117). Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Karjalainen K.F. (1995). *Religion of the Ugric peoples. Vol. 2*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (Rus.).

- Kulemzin V.M., Lukina N.V. (1977). *Vasyugan-Vakhov Khanty in the late XIX — early XX centuries: Ethnographic essays*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Kulemzin V.M., Lukina N.V., Moldanov T.A., Moldanova T.A. (2000). *Khanty mythology*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Kushelevskii Iu.I. (1868). *North Pole and Yavmal Land*. St. Petersburg. (Rus.).
- Lukina N.V. (1990). *Mify, traditions, tales of the Khantov and Mansi*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- L'vova E.L., Oktiabr'skaia I.V., Sagalaev A.M., Usmanova M.S. (1988). *The traditional worldview of the Turks of Southern Siberia: Space and time. Real world*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Moldanov T.A. (1999). *A picture of the world in the chants of bear games of the northern Khanty*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Moldanov T.A., Moldanova T.A. (2000). *Gods of the Earth of Kazym*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Perevalova E.V., Danilova E.N. (2019). A cauldron in the culture of Ob Ugrians and Samoyeds: The archaeological artifact and «living» tradition. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (4), 152–164. (Rus.). DOI: 10.20874/2071-0437-2019-47-4-12.
- Perevalova E.V., Karacharov K.G. (2006). *Agan River and its inhabitants*. Ekaterinburg; Nizhnevarstovsk: Ural'skoe otdelenie RAN: Studiia «GRAFO». (Rus.).
- Popova S.A. (2008). *Mansi calendar holidays and ceremonies*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Popova S.A. (2010). *Ritual activity of the Mansi people. Part. I: Rites of the life cycle*. Khanty-Mansiysk. (Rus.).
- Semyonova V.I. (2008). *Mythologies of the World of the Dead (in accordance with mythological and archaeological sources of West Siberia)*. Tyumen: Izdatel'stvo IPOS SO RAN. (Rus.).
- Shatilov M.B. (2000). *Vakhov Ostyaks: Ethnographical*. Tyumen: Izdatel'stvo Iu. Mandriki. (Rus.).
- Shestakov I.N. (Ed.) (1992). *The sacred tale of the creation of the earth. Mansi myths*. Leningrad; Khanty-Mansiysk: Sterkh — Belyi zhuravl. (Rus.).
- Shorin A.F., Baranov M.Iu. (2002). The possibilities of archaeology in the reconstruction of the dwelling as an area of mythological representation (based on excavation of the Khanty dwellings at the beginning of the 19th century at the settlement of Syroi Agan 12 near Surgut). In: *Materialy i issledovaniia po istorii Severo-Zapadnoi Sibiri* (pp. 70–81). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (Rus.).
- Zuev V.F. (1947). *Description of Ostyaks and Samoyeds living in the Siberian province in the Berezovsky district of Gentile peoples. Materials on the ethnography of Siberia of the XVIII century*, 5. Moscow; Leningrad. (Rus.).
- Zykov A.P., Fedorova N.V. (2011). *Kholmogorsky treasure: A collection of antiquities of the 3rd–4th centuries from the collection of the Surgut Art Museum*. Ekaterinburg: Sokrat. (Rus.).

Е.Н. Данилова, <https://orcid.org/0000-0002-8183-4810>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 22.08.2019

Accepted: 19.12.2019

Article is published: 02.03.2020

Ю.М. Гончаров

Алтайский государственный университет
просп. Ленина, 61, Барнаул, 656049
E-mail: yuriig@yandex.ru

ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ ГОРОЖАН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Изменения, происходившие в архитектуре и интерьере жилища городской семьи Сибири во второй половине XIX — начале XX в. были тесно связаны с социально-экономическим развитием региона. В планировке появляются новые тенденции, которые усилились с проведением Сибирской железной дороги, способствовавшей преодолению экономической и культурной оторванности территории Сибири от Европейской России.

Ключевые слова: Сибирь, город, XIX век, дом, жилище, сословия.

Изучение жилищных условий горожан дореволюционной Сибири — важная и научно значимая проблема истории повседневности. Жилищные условия являются одним из важнейших показателей уровня и образа жизни населения. Данной теме уделялось до сих пор слабое внимание со стороны историков. Затрагивались лишь отдельные сюжеты в рамках изучения быта горожан, городской семьи и городского благоустройства [Анохина, Шмелева, 1977; Гончаров, 2004; Кискидосова, 2012; Скубневский, Гончаров, 2014].

Обозначенная тема исследования достаточно широка и, безусловно, заслуживает более подробного, монографического исследования. В данной работе затрагиваются лишь отдельные сюжеты, такие как: особенности строительства жилых зданий в регионе, средняя населенность жилого помещения, сословная специфика жилищных условий. Для изучения жилищных условий провинциальных горожан второй половины XIX — начала XX в. использован достаточно представительный круг источников: делопроизводственная документация городских магистратур, статистические исследования (особенно ценны однодневные городские переписи), воспоминания современников, материалы периодической печати и др.

В отличие от сельской местности, в городах дореволюционной России бытовало несколько иное понятие жилища. В то время как в селах понятие «жилой дом», как правило, означало «жилище семьи», то в городах особое значение имели понятия «квартира» или «комнаты». Часть горожан проживали в собственных домах, другие сдавали принадлежавшую им недвижимость под «квартиры», «комнаты» или даже «углы», третьи, не имея собственного жилья, вынуждены были снимать его в аренду. Жилищные условия основной массы горожан региона в середине XIX в. были достаточно скромными. Каменных жилых домов насчитывалось единицы, так как кирпича производилось немного и стоил он дорого, немногочисленные артели каменщиков едва справлялись со строительством церквей и казенных зданий. В основном города застраивались деревянными домами, под которые изредка подводился каменный фундамент или цокольный этаж.

Один из современников так описал особенности жилой деревянной застройки городов: «Деревянные постройки в Сибири на приезжего из России производят своеобразное впечатление прочности и солидности. Видно, что лесу не жалеют и выбрать есть из чего. Бревна на подбор, доски широкие, толстые, длинные; на жердь взято целое дерево, на слегу целое бревно. Не только ни один дом, но даже ни одна избушка не поставлены прямо на землю, а стоят или на каменных столбах, или на толстых пнях, “стульях”, и все дома обшиты тесом, у всех выведены трубы, у всех обширные дворы обнесены заборами из досок или тыном из бревен. Некрасиво срублены сибирские дома, но зато тепло, сыто и чисто живут в них “умные” и работающие сибиряки» [Романов, 1883, с. 441].

Обычный (рядовой) дом горожанина, как правило, не возводился по проекту архитектора. Чаще всего строили по прототипам (образцам), с частными видоизменениями, которые вносил хозяин при постройке, что определяло желаемое соответствие дома потребностям семьи, общепринятым в городе нормам застройки, климатическим условиям Сибири, традициям. При строительстве дома соблюдали определенный ритуал. Так, перед началом строительства

обычно служили молебен. Во время возведения жилых построек наиболее торжественными считались следующие моменты: само начало строительства, а также укладка матицы (центральной балки, поддерживающей потолок). Эти моменты сопровождались выпивкой с угощением. Например, после обедни в воскресенье у места постройки собирались: хозяин с семьей, родственники, друзья, священнослужители и, конечно, рабочие, занятые на стройке. Рядом со стройкой ставился стол, на него — икона и миска с водой, после чего начинался молебен с водосвятием. При пении молитв священник погружал крест в миску с водой для ее освящения. Читались молитвы о «ниспослании благодати и благоденствия дому сему», обычно дьякон провозглашал «многолетие» хозяину и его потомству. После этого с пением обходили всю постройку, священник все время кропил, а дьякон кадил. После завершения ритуала хозяин приглашал всех присутствующих «откушать хлеба-соли». Во время угощения произносились тосты, пожелания хозяину дома и его семье.

Одним из самых распространенных типов рядовой обывательской застройки был двухквартирный дом, в котором нижний этаж обычно занимали хозяева, а верхний сдавался внаем. Большинство зданий выглядели достаточно скромно, многие из них обшивались тесом и красились. Территорию двора чаще всего огораживали, в центре ограды ставили большие высокие ворота, за которыми по левую сторону располагался собственно жилой дом, по правую — хозяйственные постройки, сараи; в глубине за домом — конюшни; рядом с домом — огород. Наиболее распространенным был тип отдельно стоящего дома, хотя на главных улицах городов, особенно губернских, к концу XIX в. застройка уплотняется, местами приобретая характер «сплошного фасада».

Показателем зажиточности являлась железная крыша. Например, большинство купеческих домов было крыто именно железом. Характерно, что в сибирских городах от 30 до 50 % жилых зданий имели железную крышу — процент значительно более высокий, чем средний по стране. Такие крыши чаще всего красились в зеленый или красный цвет. Распространенной кровлей был тес. Иные кровельные материалы (солома или черепица) в Сибири практически не использовались. С течением времени в городах региона появляются такие «столичные» новинки, как веранда, терраса, эркер, но они, как правило, не входили в отапливаемый объем дома. Многолетняя политика строительства по образцовым проектам, безусловно влияла на внешний облик городского дома, хотя внутреннюю планировку хозяин всегда определял сам.

Достаточно интересны данные о среднем числе жителей на один дом. Так, по данным 1851 г., средний показатель проживающих на один дом в городах Западной Сибири составил 5,8 чел. При этом ниже средних показатели были в Кургане — 4,0, Бийске — 4,2, Тюмени — 4,5, а выше — в Березове — 8,2, Колывани — 8,3 чел. В губернских центрах: Тобольске — 6,7, Томске — 7,0 чел.; в других крупных городских центрах: Омске — 6,5, Барнауле — 5,5 чел. на дом [Гагемейстер, 1854, с. 129]. Эти сведения в достаточной степени свидетельствуют, что в городах Сибири преобладали небольшие жилые дома, занимаемые чаще всего одной семьей, а тип многоэтажного доходного жилого дома тогда не был характерен для региона.

В пореформенный период в большинстве городов региона росло и население, и количество жилых домов. Вместе с этим обнаружилась тенденция увеличения среднего показателя количества жильцов на один дом. Так, по сведениям 1864 г., в городах Томской губ. население составляло 50 508 чел., количество жилых домов — 6726, а средний показатель числа жильцов на один дом — 7,5 чел. Максимальный показатель был отмечен в Томске — 9,3, население которого возросло особенно заметно: в 1851 г. — 13,5 тыс. чел., в 1864 г. — 21,1 тыс. чел. Высокий показатель среднего количества жильцов на один дом отмечался в новом городе Мариинске — 8,4, а также в Колывани — 8,6. Почти не изменился он в самом маленьком городе губернии — Нарыме, а также в Барнауле, население которого за рассматриваемый период даже несколько сократилось, что было связано с последствиями отмены крепостного права, ибо большую часть жителей этого города до 1861 г. составляли кабинетские (крепостные) мастеровые [Костров, 1872, с. 2–80].

К 1893 г. население городов Томской губ. выросло более чем в два раза и достигло 119 810 чел. Более чем в два раза выросло население в Томске, в два раза — в Барнауле и Кузнецке, более чем в три раза — в Бийске и Колывани. Количество жилых домов в городах губернии достигло 13 409, из них в Томске было 4850, в Барнауле — 2619. Возросли средние показатели количества жильцов на один дом: в 1864 г. — 7,5, в 1893 г. — 8,9. Показатели выше средних были в тех городах, которые быстрее росли: в Томске — 10,5, Колывани — 9,1, Кузнецке — 10,3, Каинске — 8,8, Барнауле — 7,9. В Нарыме аналогичный показатель составил лишь 6,5 чел. [Список..., с. 1–4].

Показатели количества домов и среднего числа жителей на один дом, по сведениям источников, могут существенно колебаться по годам, так как города региона нередко подвергались опустошительным пожарам и не всегда жилой фонд восстанавливался быстро. Например, во время пожаров в августе — сентябре 1864 г. в Барнауле сгорело не менее 60 лучших домов горных чиновников, инженеров и купцов [Костров, 1872, с. 73; Бородавкин, 1987, с. 153]. Чаще всего пожары возникали в результате несчастных случаев, чему способствовало преобладание деревянных строений, свечное и керосиновое освещение, печное отопление.

Жилищные условия горожан значительно различались в разных группах населения. В частности, в Омске, по сведениям однодневной городской переписи 1877 г., было учтено 3272 жилых дома при населении 24 818 чел. [Алисов, 1998, с. 264]. Таким образом, на один жилой дом приходилось в среднем 7,6 чел. При этом среди дворянства, духовенства и почетных граждан в каждой квартире проживало в среднем 5,2 чел., на одну комнату приходилось 0,9 обитателя. Среди мещанства и казаков на одну квартиру приходилось 7,2 чел., в среднем в одной комнате жило 2,8 чел. Крестьяне, запасные нижние чины с семьями, разночинцы, инородцы и ссыльные жили еще более стесненно: в среднем по 7,5 чел. на квартире, 3,1 чел. в комнате. Наиболее обеспеченными жильем были купцы — на одну квартиру приходилось по 3,5 чел., на каждого человека — по 2 комнаты [Словцов, 1880, с. 27].

В конце 70-х гг. XIX в. в Тобольске имелось 1895 жилых домов, в среднем на один дом 10,7 жильцов, в Тюмени соответственно — 2713 и 5,0. [Голодников, 1881, с. 119–120]. По данным за 1903 г., в городах Тобольской губ. проживало 101 187 чел., имелось 12 744 жилых дома. Показатель количества жильцов на один дом составил 7,9 чел. Меньше всего показатель был в Сургуте, который практически не увеличивал численность населения, — 5,3 чел. Максимальные показатели были в Таре — 16,8, Кургане — 9,4, Тюмени — 7,0 [Список..., с. 1–4].

Показатели количества жильцов на один дом существенно не различались в сибирских и среднерусских городах. Так, в частности, в губернской Калуге и уездных городах Ельце Орловской губ. и Ефремове Тульской губ. данный показатель составлял от 6,7 до 7,7 чел. [Анохина, Шмелева, 1977, с. 109].

Жилые дома в сибирских городах были преимущественно деревянные и одноэтажные. Впрочем, это было характерно для большинства провинциальных городов Европейской России, где не только в середине XIX в., но и на рубеже XIX–XX вв. города продолжали оставаться преимущественно деревянными. В качестве примера можно привести Калугу, Елец и Ефремов [Анохина, Шмелева, 1977, с. 109–110].

С середины XIX в. в архитектуру жилых домов в небольших сибирских городах проникают новые веяния. Например, купец И.С. Конюхов отмечал, что в Кузнецке первый дом с балконом построил купец Петр Баранов в 1852 г., а первый дом с мезонином — купец Алексей Бехтенев в 1856 г. [1995, с. 59]. Изменения в культуре города, появление в середине XIX в. новых черт, идущих от культуры столиц и крупных городов, определялось изменением социально-экономических условий развития сибирского города, усилением социокультурных связей Сибири с Европейской Россией. Носителем новой культуры были высшие и средние городские слои (купцы, чиновники), определенную роль в формировании этой культуры играли ссыльные. Культура средних слоев (мещане, ремесленники) представляла в это время сложный конгломерат элементов традиционной крестьянской и новой городской культуры. Взаимодействие этих культур порождало особый тип — народной городской культуры.

Однако нововведения касались прежде всего жилищ состоятельных горожан. Беднота же ютилась в более примитивном жилье, преимущественно на окраинах. Как правило, жилище бедного горожанина состояло из домика в три окошка с небольшим двориком и клочком приусадебного участка.

Усадьбы и отдельные дома различались в зависимости от сословной принадлежности и материального достатка их владельцев. Мещанские усадьбы, а они преобладали, во многом сохраняли традиции крестьянской усадьбы — с «передним» и «задним» дворами; в первом помещались жилые помещения, во втором — флигель и хозяйственные постройки [Быконя и др., 1990, с. 251]. В небольших городах региона большая часть горожан обитала в одноэтажных бревенчатых домах, поддерживая полукрестьянский образ жизни [Аксенова, Гонина, 2017, с. 204].

Совсем иным было жилище купеческой семьи. Характерный жилой дом сибирского купца — двухэтажный деревянный, на каменном полуподвале, нередко комбинированный, «полукаменный» (первый этаж — каменный, второй — деревянный). Обычно на втором, деревянном, этаже

жил сам купец со своей семьей, на первом же располагались лавка, контора, кухня, жилые комнаты для дальних родственников и прислуги. Купеческий дом, как правило, был крыт железной крышей, нередко богато украшался дорогостоящей резьбой по дереву.

Сибирская писательница Н.А. Лухманова в «Очерках из жизни в Сибири» дает описание типичной усадьбы тюменского купца: «Дом богатых старообрядцев Ситниковых раскинулся, что усадьба, в нагорной части города К-ска. Амбаров, амбарушек, закровов, повалушек с казенками, завозней без числа, а позади два сада: один для приятности с «ранжерейками» узорчатыми планидами разных духовитых цветников с беседкой в виде храма, со стеклянным «кумполом»; другой сад, или вернее огород, как приспех к домашнему обиходу, весь зарос кустами малины, красной смородины, застроился правильными рядами клубники и земляники. В этом саду у самого забора стояла и баня. Большой чистый двор, к которому примыкали оба сада, был весь, по сибирскому обычаю, выстлан досками, хорошо сколоченными, белыми и чистыми, как пол. Сам полукаменный дом Ситниковых был просторный, двухэтажный... В стороне от главного дома ютились разные постройки: кухни, людские, «флигелечки» и въезжие... Вся эта Ситниковская слободка окружалась со всех сторон высоким оплотом с вечно запертыми на железный засов воротами, с калиткой, от которой денно и ночью не отходили сменные караульные из татар. Внутри, круг оплота, решетками в стену стояли ящики, а в них день-деньской спали свирепые псы, ночью же, выпущенные на свободу, расправив усталые члены, носились по двору, готовые перегрызть горло каждому, кто осмелился бы без провожатого показаться во дворе» [1997, с. 204–205].

Отличительной чертой купеческой усадьбы было стремление владельцев сосредоточить в ней помимо жилых помещений склады, торговые заведения, иногда промышленное заведение, конюшню, а с конца XIX в. иногда и собственные электростанции. Купеческие постройки выделялись зачастую внушительными размерами, иногда помпезной архитектурой, так как для купцов их дом должен был свидетельствовать о богатстве. Территория городской усадьбы обязательно огораживалась. Усадьбы богатых купцов окружались мощными заборами, нередко из красного кирпича, которые могли достигать в высоту 3 м. Сооружались такие ограды прежде всего с целью охраны имущества. Историк архитектуры Т.М. Степанская отмечает, что в сибирских городах, в частности в Барнауле, существовал тип дворянской усадьбы [1995, с. 86–87], однако это были единичные случаи.

Свойственные крупным промышленным центрам рабочие районы даже в крупных городах региона к концу XIX в. еще не сложились. Обычной практикой было, что «казармы» или отдельные домики, предназначенные для проживания рабочих, строились непосредственно рядом с промышленными заведениями. Например, в 1887 г. в Барнауле рабочие жили в «хозяйских квартирах», т.е. в казармах при предприятиях купцов, в частности: Д.Н. Сухова, М. Бодунова, С.Т. Сбитнева, шубно-пимокатном И. Полякова, шубной мастерской С.В. Лапина и др. [ГАТО, л. 154, 155, 171, 174]. В Томске, где жилищные условия рабочих были хуже, комнаты, занятые рабочими, разделялись на «углы» [Блинов, 1982, с. 148]; это, как известно, было обычной практикой в промышленных центрах Европейской России [Кириянов, 1979, с. 238–239].

Более рельефно в пореформенный период обозначились рабочие окраины в Тюмени — самом развитом в промышленном отношении городе Западной Сибири. Источник свидетельствует, что в конце 70-х гг. в Затюменке большинство жителей занимались извозом, а в Заречной части находились все кожевенные заводы [Экономическое состояние..., с. 16]. В пригородах размещались судостроительные и судоремонтные заводы (и поселки при них). А «кирпичные сараи» представляли собой целый поселок с числом жителей не менее 2 тыс. чел., который отличала нищета.

Люди, не имевшие даже такого жилья, вынуждены были пользоваться ночлежным приютом. В Томске, например, в конце XIX в. существовал ночлежный приют в доме, уступленном мещанским обществом. Помещение его состояло из мужского и женского отделений с нарами и столовой. В приют пускались лица всех званий и сословий «без предъявления видов и спроса», не пускались только пьяные. Время пребывания в приюте было ограничено с 4 часов вечера до 8 часов утра, в течение ночи никто не выпускался. Плата за вход составляла 5 коп., каждый ночлежник получал вечером чашку щей с 1/2 фунта мяса и фунт хлеба, утром — кружку чая с фунтом хлеба [Адрианов, 1890, с. 11–112].

В Сибири практике деревянного домостроительства способствовало наличие самых больших в империи лесных ресурсов и, разумеется, традиции в строительстве. Но нередко в городах строили, особенно зажиточные горожане, жилые дома в 2 и даже 3 этажа, были популярны

Жилищные условия горожан Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в.

и комбинированные дома: подвал и первый этаж — кирпичные, второй этаж — деревянный. Нередко деревянные дома строили на каменном фундаменте.

В то время городская застройка регулировалась «Уставом строительным» 1857 г. Согласно уставу, заведование строительной и дорожной частью возлагалось на губернские и областные строительные и дорожные комиссии, которым подчинялись соответствующие комиссии в уездах. После принятия Городового положения 1870 г. наблюдение за строительством предоставлялось городским общественным управлениям (городским думам и управам) «при содействии полиции». Для сибирских городов строительное законодательство допускало некоторые послабления по сравнению с городами европейской части России. Например, если статья 200 Строительного устава ограничивала высоту деревянных построек от земли до начала крыши 4 саженьями (8,5 м), то на Сибирь это ограничение не распространялось. Жителям Тобольска в 1862 г. Строительным уставом было разрешено возводить двух- и трехэтажные деревянные дома [Городские поселения..., с. 148–149]. В Томске двухэтажные деревянные дома также разрешили строить с 1862 г. [Дмитриенко, 2000, с. 173].

Деревянные постройки (и жилые, и другого назначения) преобладали во всех городах Западной Сибири. Исключение составляли культовые сооружения, прежде всего церкви, их стремились строить из кирпича на века.

Информативны данные однодневной переписи населения Барнаула 26 марта 1895 г., так как они содержат развернутую характеристику построек города, в том числе содержат показатели по этажности, информацию о соотношении жильцов, проживающих в квартирах разных размеров и др. (табл. 1 [Алтайский сборник, 1898, с. 42–43].

Таблица 1

Количество жильцов в жилищах Барнаула по данным переписи 26 марта 1895 г.

Table 1

The number of residents in the dwellings of Barnaul according to the census 26 March 1895

Домов с числом жильцов	Количество домов	В них жильцов	В среднем на один дом
1–5	1106	4647	4,2
6–10	1163	8740	7,5
11–20	478	6839	14,3
Более 21	94	2808	29,8
Итого	2841	23 034	8,1

В Барнауле, как и в большинстве городов Сибири, преобладали дома с числом жильцов до 10 чел. Среднее число жильцов на один дом составляло 8,1 чел. Самая большая категория жителей — занимающая квартиры на первом этаже (71,1 %). Следует оговориться, что в эту статистику попали «чисто» жилые квартиры, т.е. без комбинированных, совмещавших, например, жилые и торговые, конторские, производственные помещения. 5,1 % жителей проживали в подвалах, 20,9 % — на втором и третьем этажах, и 2,9 % квартир размещались на нескольких этажах, т.е. были, как сейчас принято говорить, многоуровневые (проще говоря, квартира размещалась, например, на первом и втором этажах, соединявшихся лестницей). Барнаульская перепись подтвердила преобладание одноэтажной застройки, и все же по сравнению с 60–70-ми гг. XIX в. обнаружилась тенденция повышения этажности жилых домов. Правда, следует учитывать, что город после 1876 г., когда ему Кабинет выделил в собственность только 471 дес. земли, испытывал земельный голод. Это могло повлиять на уплотнение застройки и некоторое повышение этажности жилого фонда.

В соответствии с данными переписи (табл. 2 [Алтайский сборник..., 1898, с. 100–101], структура жилого фонда Барнаула по этажности, количеству комнат, кухонь, наличию прихожих, «сырых» квартир была следующей: однокомнатных квартир было учтено 1660 (41,5 %), все они были без кухонь и прихожих, в них проживало 7248 чел. (35,4 %), или в среднем на квартиру 4,3 чел. При этом 130 квартир с 571 жителем размещались в подвалах. Очевидно, что в подвалах проживала самая бедная часть горожан, не считая, разумеется, тех, кто вообще не имели собственного жилья, например рабочих, живущих в казармах, и т.д. Двухкомнатных квартир было 1353 (33,8 %), в них проживало 6806 чел. (33,2 %). В этой категории квартир кухню имели 113 квартир (8,3 %), прихожую — 86 (6,3 %); квартир, в которых бы одновременно были и кухня, и прихожая, в этой группе не оказалось. Трехкомнатных квартир было 379 (9,4 %), в них прожи-

вало 2509 чел. (12,2 %). Кухню имели 128 квартир, или 33,7 %, кухню и прихожую — 109 квартир (28,7 %) и только прихожую — 83 квартиры (21,9 %).

Таблица 2

Жилой фонд Барнаула по данным переписи 26 марта 1895 г.

Table 2

Housing stock of Barnaul according to the census of March 26, 1895

Этажи	Общее число			В среднем на 1 квартиру, чел.	Квартиры				
	квартир	комнат	жителей		без кухни и прихожей	с кухней	с кухней и прихожей	с прихожей	с признаками сырости
Квартиры в одну комнату									
Подвал	130	130	571	4,4	130	—	—	—	70
1-й	1301	1301	5451	4,2	1301	—	—	—	337
2-й, 3-й	229	229	1226	5,3	229	—	—	—	7
Квартиры в две комнаты									
Подвал	60	120	270	4,5	58	2	—	—	42
1-й	943	1886	4865	5,1	826	77	—	40	222
2-й, 3-й	334	688	1652	4,8	269	31	—	44	15
Неск. этажей	6	12	19	3,1	1	3	—	2	—
Квартиры в три комнаты									
Подвал	26	78	107	4,1	16	9	—	1	12
1-й	299	897	1945	6,5	83	96	82	38	33
2-й, 3-й	40	120	373	9,3	6	15	1	18	1
Неск. этажей	14	42	84	6,0	4	8	—	2	3
Квартиры в четыре комнаты									
Подвал	14	56	56	4,0	2	4	4	4	6
1-й	158	632	1068	6,7	21	19	113	5	21
2-й, 3-й	99	396	545	5,5	20	29	37	13	—
Неск. этажей	25	100	166	6,6	4	6	14	1	1
Квартиры в пять и более комнат									
Подвал	7	35	38	5,4	1	—	6	—	3
1-й	164	1165	1234	7,5	—	—	164	—	19
2-й, 3-й	91	757	483	5,3	—	—	91	—	2
Неск. этажей	50	356	334	6,7	—	—	49	1	9
Всего квартир									
Подвал	237	419	1042	4,4	207	15	10	5	133
1-й	2865	5881	14561	5,0	2232	192	359	82	632
2-й, 3-й	803	2190	4279	5,3	524	75	129	75	25
Неск. этажей	95	510	603	6,3	9	17	63	6	13

Четырехкомнатных квартир было зарегистрировано 296 (7,4 %) с 1835 жителями (8,9 %). Кухню имели 58 квартир (19,6 %), кухню и прихожую — 168 (56,7 %) и только прихожую — 23 (7,7 %). Квартир в 5 и более комнат оказалось 312 (7,8 %), в них проживало 2089 чел. (10,2 %). В этой категории квартир большинство имели и кухню, и прихожую и только одна квартира была без кухни и прихожей.

С «явными признаками сырости» насчитывалось: однокомнатных квартир — 414 (24,9 %), двухкомнатных — 279 (20,6 %), трехкомнатных — 49 (12,9 %), четырехкомнатных — 28 (9,4 %), с 5 комнатами и более — 33 (10,5 %). Получается, что именно одно- и двухкомнатные квартиры чаще были сырые, без кухонь и прихожих и, напротив, многокомнатные квартиры были и суше, и лучше обеспечены кухнями, прихожими. Материалы однодневной переписи Барнаула наглядно иллюстрируют дифференциацию жилья по качеству [Алтайский сборник..., 1898, с. 100–101].

Следует обратить внимание и на обеспеченность населения банями. Учитывая преобладание частного сектора, можно предположить, что большинство домов имели частные бани. Так, в Барнауле однодневная перепись населения 1895 г. зафиксировала, что при 1514 жилых домах имелись бани, в том числе: топившиеся «по-белому» — 1252, «по-черному» — 262, т.е. 53,3 % домов имели бани [Алтайский сборник..., 1898, с. 92].

Строительство Сибирской железной дороги не просто ускорило рост городов Сибири, а открыло новый этап их развития. Появление железной дороги оказало значительное влияние на рост, состав, занятия населения, развитие экономики городов. Столь же существенные изменения наблюдались и в строительстве, как количественного, так и качественного характера. По подсчетам П.С. Коновалова, общий прирост жилищного фонда городов Сибири с 1904 по 1910 г. составил свыше 20,3 тыс. зданий, в том числе в Новониколаевске — 4800 (без учета уничтоженных пожарами), Бийске — 5000, Омске — 3300, Томске — 850, Кургане — 750 и т.д.

[1989, с. 85]. По данным Н.М. Дмитриенко, в Томске ежегодно строилось до 300 новых зданий, т.е. показатели, приведенные этим автором, выше, чем у П.С. Коновалова [Дмитриенко, 2000, с. 173].

Особенно впечатлял рост Новониколаевска, который получил статус города в 1903 г. В 1895 г. в поселке Новониколаевском насчитывалось до 1500 усадеб и свыше 5 тыс. жителей. Второе ядро будущего города возникло у железнодорожной станции «Обь», где размещался поселок строителей моста, здесь же в 1896 г. было построено железнодорожное депо на 450 рабочих, развивалась инфраструктура по обслуживанию населения. Строительство нового города сдерживалось частыми пожарами, чему способствовала деревянная хаотичная застройка. Только за 1908–1912 гг. здесь произошло 150 пожаров, которые уничтожили 940 дворов [Баландин, 2003, с. 228]. В 1896 г. в Новониколаевске насчитывалось 1862 жилых дома, в 1906 г. — 3802, в 1913 г. — более 8 тыс. домов [Бочанова, 2003, с. 307–309].

Быстрый рост населения городов региона, особенно усилившийся со строительством Транссибирской магистрали, естественно, вызвал повышение цен на съемные квартиры и острую нехватку жилья в быстрорастущих населенных пунктах Сибири. В крупнейших городах региона начало XX в. характеризуется «строительной горячкой». На страницах местных газет появляются такие характеристики жилищного строительства: «...строят дома новые, перестраивают старые, словом, нет ни одной улицы, на которой не возводилось бы хоть одной более или менее значительной постройки» [Журин, 1974, с. 56]. При этом наряду с частными жилыми домами быстро росли «доходные дома», т.е. изначально строящиеся для сдачи внаем. Двухэтажный деревянный жилой дом, разбитый на несколько квартир, лишенный санитарных удобств и с жилыми подвалами, оказывался наиболее выгодным для домовладельцев в местных условиях.

Доходный дом начала XX в. — характерное явление урбанизации: наемное жилище людей, ведущих городской образ жизни: интеллигенции, чиновников, ремесленников, рабочих. При этом чем населеннее был город, тем больше в нем было доходных домов. В центре города цены на земельные участки постоянно росли, вследствие чего мотивы домовладельцев максимально увеличить доход, т.е. размеры жилой площади, сосредоточенной на участке, приводили к уплотнению застройки.

В европейской части России в это время все более распространенным становится тип каменного многоквартирного доходного дома. При строительстве такого жилья обычно на границе участка возводилась стена-брандмауэр (капитальная глухая огнестойкая стена, ставившаяся в противопожарных целях), окна здания выходили либо на улицу, либо во внутренний двор. Обычно здание зонировалось по статусу жилища: со стороны улицы располагались самые благоустроенные и дорогие квартиры, в глубине — подешевле, нередко с глухими темными коридорами, которые тянулись вдоль брандмауэра. Часто на первом этаже располагались магазины, а в подвалах и мансардах устраивалось самое дешевое жилье для малоимущих. Одним из примеров подобного доходного дома является сохранившийся до наших дней каменный четырехэтажный дом в Барнауле, построенный подрядчиком Авериним. На первом этаже в центре фасада находится вход в магазин. Каждый этаж разделяют капитальные стены на пять квартир разной величины. Второй корпус здания, соединенный с первым, расположен в глубине тесного двора. Однако в городах региона каменные многоквартирные доходные жилые дома не получили значительного распространения, в отличие, например, от Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода.

Квартирный кризис начала XX в. задел прежде всего такие группы горожан, как мелкие служащие, учащиеся, интеллигенция. В силу повышения спроса особенно быстро росли цены на небольшие квартиры, отдельные комнаты. Так, по сведениям городской управы Омска, в 1912 г. квартплата, отопление и освещение составляли в бюджете служащего 40,85 %, что превышало средний уровень по крупным городам Европейской России [Вестник..., с. 12]. Нужно иметь в виду, что плата за аренду съемного жилища значительно различалась в разных городах. Например, в Енисейской губ. в 1904 г. в Ачинске арендаторы платили: за квартиру в 6 комнат — 360 руб., в 4–6 комнат — 240, за 3 комнаты — 70 руб. в год. В Енисейске соответственно — 300, 120–150, 24–60 руб. В Минусинске не было предложений больших квартир, цена средней варьировалась от 150 до 300 руб., маленькой — составляла 36 руб. Наиболее высокой арендная плата была в губернском Красноярске: за большую квартиру — 700–1500 руб., среднюю — 300–700 руб. [Кискидосова, 2012, с. 147–148].

Таким образом, изменения, происходившие в жилищных условиях горожан региона во второй половине XIX — начале XX в., были прежде всего связаны с социально-экономическим развитием пореформенной Сибири. Стремительный рост численности населения нередко приво-

дил к развитию трущобной застройки. В городской планировке появляются новые тенденции, усилившиеся после строительства Транссиба, способствовавшего преодолению экономической и культурной оторванности региона от центральных районов империи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Алтайский сборник. Т. II: Город Барнаул по переписи 26 марта 1895 года: Вып. 2: Жилища. Барнаул: Типо-литография при Главном управлении Алтайского округа, 1898. 101 с.

Вестник Омского городского общественного управления. Омск: Художественная типография, 1912. № 13. 24 с.

Городские поселения в Российской империи. Т. 5. Ч. 1. СПб., 1865.

ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 77.

Список населенных мест Томской губернии за 1893 год. Томск: Типография Губернского правления, 1893. 381 с.

Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882. 310 с.

Литература

Адрианов А.В. Город Томск в прошлом и настоящем. Томск: Изд. «Сибирского книжного магазина» Михайлова и Макушина, 1890. 433 с.

Аксенова А.В., Гонина Н.В. Енисейск в последней четверти XIX — начале XX века: Опыт социокультурного развития провинциального города. Красноярск: КГАУ, 2017. 279 с.

Алисов Д.А. Социально-культурный облик «провинциальных столиц» Западной Сибири (конец XIX — начало XX вв.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1998. № 6. С. 263–272.

Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем на примере городов Калуга, Елец, Ефремов. М.: Наука, 1977. 360 с.

Баландин С.Н. Градостроительное развитие Новосибирска // Новосибирск: Энциклопедия. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2003. С. 228–231.

Блинов Н.В. (ред.). Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск: Наука, 1982. 459 с.

Бородавкин А.П. (ред.). Очерки истории Алтайского края. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1987. 446 с.

Бочанова Г.А. Жилищное строительство в Новониколаевске в конце XIX — начале XX в. // Новосибирск: Энциклопедия. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2003. С. 307–314.

Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Бердников В.И. Красноярск в дореволюционном прошлом (XVII–XIX века). Красноярск: КГПУ, 1990. 304 с.

Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. II. 697, XI с.

Голодников К. Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири. Тобольск: Тип. Тобольского губернского правления, 1881. 192 с.

Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX — начало XX в.). Новосибирск: Сова, 2004. 358 с.

Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX — первой трети XX века: Управление, экономика, население. Томск: ТГУ, 2000. 284 с.

Журин Н.П. Жилищное строительство в городах Сибири конца XIX — начала XX в. // Известия вузов: Строительство и архитектура. 1974. № 2. С. 54–59.

Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1979. 288 с.

Кискидосова Т.А. Повседневная жизнь горожан Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX в. Абакан: Бригантина, 2012. 312 с.

Коновалов П.С. Строительная промышленность Сибири второй половины XIX — начала XX вв. // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1989. С. 83–93.

Конюхов И.С. Кузнецкая летопись. Новокузнецк, 1995. 182 с.

Костров Н.А. Историко-статистическое описание городов Томской губернии. Томск, 1872. 117 с.

Лухманова Н.А. Очерки из жизни в Сибири. Тюмень, 1997. 461 с.

Романов В.В. За Урал! Рассказ из воспоминаний о Сибири // Рус. вестник. 1883. № 6. С. 438–451.

Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2014. 252 с.

Словцов И.Я. Материалы по истории и статистике Омска // Труды Акмолинского статистического комитета. Омск, 1880. Ч. 1. С. 1–108.

Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предпринимательство в Сибири: Исторический опыт (XVII — начало XX в.). Барнаул: АЗБУКА, 2014. 214 с.

Степанская Т.М. Архитектура Алтая XVIII — начала XX вв. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1995. 179 с.

Housing conditions in Western Siberia in the second half of the 19th — early 20th century

The study of housing conditions in Western Siberia in the second half of the 19th — early 20th century constitutes an important and scientifically relevant problem of everyday history. Housing conditions are one of the most important indicators of the level and lifestyle of the population. This subject matter has so far received little attention from historians. The study is aimed at identifying the specifics of the housing conditions in an important province of the late Russian Empire. In order to study provincial housing conditions in the second half of the 19th — early 20th century, a fairly wide range of sources was used: records of city magistracies; statistical studies, with one-day city censuses being of particular value; memoirs of contemporaries; periodicals, etc. The concept of the dwelling existing in the cities of pre-revolutionary Russia differed slightly from that in rural areas. While in villages the concept of the dwelling, as a rule, meant a 'family home', in towns, the concepts of 'flat' or 'room' were of particular importance. Some townspeople lived in their own houses, others rented out their property ('apartments', 'rooms' or even 'part of a room'), while those having no property were forced to rent it. One of the most common types of buildings was a two-family house, whose lower floor was usually occupied by the owners and the upper floor was rented out. Most of the buildings were modest-looking, with many of them being battened and painted. Most often the territory of the yard was fenced, with a large high gate being placed in the middle of the fence, behind which there was a house on the left; outbuildings and sheds on the right; stables at the back of the house; as well as a vegetable garden next to the house. The housing conditions varied significantly among different population groups. Changes that occurred in the housing conditions in the region in the second half of the 19th — the beginning of the 20th century were primarily associated with the socio-economic development of post-reform Siberia. Rapid population growth often resulted in slum development. Urban planning reflects new trends, intensified following the construction of the Trans-Siberian Railway, which helped overcome the economic and cultural isolation from the central regions of the Empire.

Key words: Siberia, city, the 19th century, the beginning of the 20th century, house, dwelling, estates.

REFERENCES

- Adrianov A.V. (1890). *The Tomsk city in the past and present*. Tomsk: Sibirsii knizhnyi magazin Mikhailova i Makushina, 1890. (Rus.).
- Aksenova A.V., Gonina N.V. (2017). *Yeniseisk in the last quarter of the 19th — the early of the 20th century: The experience of socio-cultural development of a provincial city*. Krasnoyarsk: KGAU SFU. (Rus.).
- Alisov D.A. (1998). Social and cultural appearance of «provincial capitals» of Western Siberia (late XIX — early XX centuries). *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*, (6). 263–272. (Rus.).
- Anokhina L.A., Shmeleva M.N. (1977). *Life of the urban population of the middle zone of the RSFSR in the past and present on the example of the cities of Kaluga, Yelets, Efremov*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Balandin S.N. (2003). Urban development of Novosibirsk. In: *Novosibirsk: Encyclopedia* (pp. 228–231). Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatelstvo. (Rus.).
- Blinov N.V. (Ed.) (1982). *The working class of Siberia in the pre-October period*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Borodavkin A.P. (Ed.) (1987). *Essays on the history of the Altai territory*. Barnaul: Alt. kn. izd-vo (Rus.).
- Bochanova G.A. (2003). Housing construction in Novonikolaevsk in the late XIX — early XX century. In: *Novosibirsk: Encyclopedia* (pp. 307–314). Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatelstvo. (Rus.).
- Bykonya G.F., Fedorova V.I., Berdnikov V.I. (1990). *Krasnoyarsk in the pre-revolutionary past (XVII–XIX centuries)*. Krasnoyarsk: KGPU. (Rus.).
- Dmitrienko N.M. (2000). *Siberian city Tomsk in the 19th — the first third of the 20th century: Management, economy, population*. Tomsk: TGU. (Rus.).
- Golodnikov K. (1881). *Tobolsk Province on the eve of the 300th anniversary of the conquest of Siberia*. Tobolsk: Tip. Tobolskogo gubernskogo pravleniya. (Rus.).
- Goncharov Yu.M. (2004). *Essays on the history of urban life in pre-revolutionary Siberia (mid-XIX — early XX century)*. Novosibirsk: Sova. (Rus.).
- Hagemeister Yu.A. (1854). *Statistical review of Siberia. Part II*. St. Petersburg. (Rus.).
- Kiryanov Yu.I. (1979). *Living standards of Russian workers (late of the 19th — early of the 20th century)*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Kiskidosova T.A. (2012). *Daily life of citizens of the Yenisei province in the second half of the 19th — the early of the 20th century*. Abakan: Brigantina. (Rus.).
- Konovalov P.S. (1989). Construction industry of Siberia in the second half of the XIX — early XX centuries. In: *Problemy istorii dorevolucionnoi Sibiri* (pp. 83–93). Tomsk. (Rus.).
- Konyukhov I.S. (1995). *Kuznetsk chronicle*. Novokuznetsk. (Rus.).

Ю.М. Гончаров

- Kostrov N.A. (1872). *Historical and statistical description of the cities of Tomsk province*. Tomsk. (Rus.).
- Lukhmanova N.A. (1997). *Essays from life in Siberia*. Tyumen. (Rus.).
- Romanov V.V. (1883). Beyond The Urals! A story from memories of Siberia. *Russkii vestnik*, (6), 438–451. (Rus.).
- Skubnevsky V.A., Goncharov Yu.M. (2014). *Cities of Western Siberia in the second half of the XIX — early XX century: Population. Economy. Building and improvement*. Barnaul: IP Kolmogorov I.A. (Rus.).
- Slovtsov I.Ya. (1880). Materials on the history and statistics of Omsk. *Trudy Akmolinskogo statisticheskogo komiteta. Chast' 1* (pp. 1–108). (Rus.).
- Startsev A.V., Goncharov Yu.M. (2014). *Entrepreneurship in Siberia: Historical experience (the 17th — the beginning of the 20th century)*. Barnaul: AZBUKA. (Rus.).
- Stepanskaya T.M. (1995) *Architecture of Altai of the 18th — the early of the 20th centuries*. Barnaul: Izdatel'stvo AltGU. (Rus.).
- Zhurin N.P. (1974). Housing construction in Siberian cities of the late XIX — early XX century. *Izvestiya vuzov. Stroitel'stvo i arhitektura*, (2), 54–59. (Rus.).

Ю.М. Гончаров, <https://orcid.org/0000-0003-3993-0953>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 19.11.2019

Accepted: 19.12.2019

Article is published: 02.03.2020

В.Я. Темплинг

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: tmp1@mail.ru

КОНСОЛИДАЦИЯ СООБЩЕСТВА СЕЛЬСКИХ ВРАЧЕЙ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX в.

В фокусе исследования — уездные съезды сельских врачей Тобольской губернии, уникальное явление в истории сибирского медицинского сообщества. Съезды рассматриваются как составная часть и показатель развития корпоративной общественной инициативы, профессионального взаимодействия медицинских специалистов. На основе документов, впервые вводимых в научный оборот, характеризуются материалы поуездных съездов, круг обсуждавшихся вопросов, основные рекомендации и результаты. Показано, что деятельность медицинского сообщества не ограничивалась работой только научно-практических обществ губернских центров, но была значительно шире и насыщеннее. Уездные съезды стали местом установления личных контактов между врачами, здесь обсуждались профессиональные и социальные проблемы, в живом общении происходил обмен мнениями и опытом, формулировались предложения, которые затем обсуждались на губернском форуме и ложились в основание административных решений.

Ключевые слова: профессиональное сообщество, история медицины, съезд врачей, сельская медицина, врачебный участок, фельдшерский пункт, лечебница, общественная инициатива.

Введение

Профессиональные медицинские форумы в России второй половины XIX — начала XX в. становятся объектом пристального внимания ученых и живого интереса общественности уже с самых первых лет своего существования. А их подчас острая социальная направленность встречала благосклонное отношение и со стороны советской историографии. Им посвящено достаточно много исследований, и почти все они, как правило, построены на материалах центральной России. Это определялось бурным развитием земской медицины, более высоким уровнем самоорганизации медицинской общественности центральных губерний. В последние годы появились работы, ориентированные на изучение локальных аспектов феномена. Изучаются съезды Архангельской, Вятской, Тульской, Курской, Уфимской и других губерний [Никитина, 2009; Поляков, 2006]. Ракурс социального взаимодействия внутри медицинской корпорации избран в качестве основного А. Горбушиной [2016]. Рассматриваются и отдельные аспекты работы съездов, например их роль в развитии санитарного дела или школьной гигиены [Блохина, 2011; Лукьянова, 2017]. Томский съезд врачей состоялся только в 1917 г. [Семенова, 2010].

По мнению, высказанному еще в далекие 1970-е гг. томскими учеными Н. Федотовым и Г. Мендриной, отсутствие съездов врачей в Сибири в некоторой степени компенсировалась деятельностью их профессиональных обществ [1975, с. 183]. В новейшей историографии эту мысль поддерживает Д. Попов [2006, с. 65]. Об исключенности сельских врачей из деятельности красноярского общества в свое время писал и В. Крутовский [1911, с. 44–45]. Однако в реальности картина, вероятно, была все же несколько иной. В Тобольской губернии съезды разного уровня проходили с 1903 по 1914 г. Материалы их работ частично опубликованы, но никогда не использовались исследователями [Труды..., 1913]. Цель статьи заключается в раскрытии деятельности уездных съездов сельских врачей как подготовительного этапа губернского форума, показателя консолидации медицинской общественности и ее влияния на формирование новой модели здоровья у сельского населения. Исследование базируется на «делегатских докладах» съезду и на протоколах некоторых уездных совещаний.

Протоколы и доклады уездных съездов 1910 г.

Первый в Сибири губернский съезд сельских врачей состоялся в Тобольске в январе — феврале 1911 г. Созыву форума предшествовала работа поуездных съездов сельских врачей, на которых избирались делегаты и обсуждались программные вопросы, готовились «делегатские доклады». На обсуждение губернского форума были представлены доклады только семи из десяти уездов. Не поступили доклады из Березовского, Сургутского и Тюкалинского уездов. От первых двух не

было и делегатов, что вполне объяснимо. Штат медицинских работников на Севере был так мал, что «съезжаться» там было не только трудно и сложно, но зачастую и некому [Темплинг, 2017].

Представление о том, как были организованы поездные съезды, дают протоколы и отчасти материалы дискуссий на губернском съезде. В его итоговом сборнике были опубликованы не только «делегатские доклады» съезду, но и протоколы тарского и ялуторовского совещаний. Все уездные совещания прошли примерно в одно и то же время — во второй половине ноября 1910 г. Например, врачи Тарского уезда собрались 20 ноября. В земской квартире встретились трое из пяти сельских врачей — А.В. Наумов, М.Г. Фальк и В.А. Вырский, городской врач М.В. Малинин и представитель переселенческой медицины доктор Пиотровский. Врач 2-го участка Комаров был занят делами в призывной комиссии, а врач 4-го участка Попов не имел билета для бесплатного проезда.

Не более многолюдным было и совещание-съезд их ялуторовских коллег, состоявшееся 21 ноября. Присутствовали доктор медицины А. Узембло (исетский врач) — председатель, врачи: И. Шпиндлер, П. Миловидов (юргинский врач), А. Серых и А. Альбицкий (новозаимский сельский врач) — секретарь съезда. Материалы этого совещания интересны многочисленными отсылками к решениям предыдущих совещаний-съездов. В протоколе говорилось, что в самом начале по желанию собравшихся, секретарем съезда А. Альбицким были зачитаны постановления съездов 1903 и 1909 гг. Из протокола становится известно, что съезд, например, присоединился к постановлениям съезда 1903 г. об открытии врачебных пунктов в с. Мокроусовском и Суерском, о нуждах врачебных участков и фельдшерских пунктов — к постановлению съезда 1909 г. Примечательно мнение ялуторовских врачей об организации санитарных попечительских съездов. Вновь, принципиально соглашаясь с постановлением съезда 1909 г., они решили, что «при настоящих условиях — составе населения, недостатке интеллигентных сил, до тех пор, пока само население не будет понимать советов санитарных попечительств, мы думаем, что учреждение последних преждевременно; в данный же момент необходимо подготовить население посредством лекций и т.п.» [Труды..., 1913, с. 37, 87–89]. Таким образом, ноябрьское собрание 1910 г. было уже третьим, во всяком случае, для врачей Ялуторовского уезда. Это может значить только то, что история профессионального медицинского взаимодействия в Тобольской губернии была более насыщенной, нежели представлялось ранее и не ограничивалась исключительно деятельностью научных обществ в губернском центре. Этот аспект истории регионального медицинского сообщества еще нуждается в детальном исследовании.

В дискуссии об уездных форумах на «большом» съезде в Тобольске отразилась проблема профессиональной сегрегации, имевшей место в медицинской сфере. Курганский врач П.П. Успенский высказал сожаление, что эти съезды были закрытыми, предназначались только для сельских врачей. Хотя, по-видимому, это было не совсем так. В совещании тарских врачей принимали участие переселенческий и городской врачи. В объяснительной записке к устройству съездов председателям было предоставлено право допускать «известных им лиц, могущих быть полезными в деле». В Ишимском уезде это было реализовано, а в Тюменском уезде в преддверии съезда врачи встречались и беседовали с представителями крестьянских обществ [Труды..., 1913, с. 13 первой пагинации]. Идея привлечения к сим собраниям фельдшеров поддержки среди делегатов пока не встретила, хотя на Пироговских съездах начала XX в. это разделение уже преодолевалось [Горбушина, 2016].

Несмотря на то что перечень вопросов, обсуждавшихся на уездных совещаниях, был один и тот же и определялся повесткой съезда, формировавшейся врачебной управой, поступавшие с мест докладные записки по качеству информации весьма различаются. Одни из них подробны, другие немногословны, но в совокупности они представляют собой уникальные локальные достаточно подробные срезы состояния сибирской сельской медицины начальных десятилетий ее существования. Все доклады начинаются с характеристики уезда и врачебных участков. Приводятся данные по площади уезда, населенным пунктам, числу врачебных участков, больниц. Как правило, здесь же формулируются предложения об улучшении участковой системы уезда. Это важно отметить, потому что в данном случае врачи опирались на практический опыт работы. Далее дается статистика по посещениям, числу амбулаторных и стационарных больных, выявляется зависимость обращений за медицинской помощью от дальности расположения населенных пунктов от центра врачебного участка. Описывается состояние сельских лечебных учреждений, удобства и неудобства их планировки и расположения. Среди других обсуждаемых были проблемы: замещения фельдшерских и акушерских должностей, устройства

волостных аптек, условий заказа медикаментов, оспопрививания, установления постоянных контактов между специалистами в уезде и губернии.

Характеристика уездов и врачебных участков

В начале XX в. Тобольская губерния состояла из десяти административных образований — уездов, которые различались между собой природно-климатическими условиями, занимаемой площадью, плотностью населения, инфраструктурой. В разной степени они были охвачены и переселенческим движением, интенсивно развивавшимся с конца XIX в. Переселенцы оседали в основном в восточных и юго-восточных уездах — Ишимском, Тарском, Тюкалинском. Перемещение масс людей сопровождалось частыми и масштабными эпидемиями не только в местах расселения, но и вдоль маршрутов передвижений. Это и стало одной из основных причин распространения в Сибири участковой медицины с 1890-х гг. Серьезной проблемой новой системы, наряду с тотальной нехваткой специалистов, на долгие годы станет рациональное распределение территорий и населения по участкам ради достижения главной цели — обеспечения доступности медицинской помощи. Именно поэтому центральной обсуждаемой темой на съездах был вопрос об изменении границ участков и о формировании новых. Например, население Ишимского уезда в 348 822 чел., разбросанное на площади 37 604 кв. верст, обслуживалось 7 участковыми врачами (включая одного переселенческого в селе Б. Сорокинском). В среднем на каждый участок приходилось около 50 тыс. жителей и его площадь составляла около 5600 кв. верст. На весь уезд имелось всего 60 коек (включая 15 коек глазной больницы в с. Петуховском), по 5736 чел. на одну койку (в 5 раз больше «нормальной цифры» — 1 тыс.) [Труды..., 1913, с. 1].

Исходя из реального положения дел и более низкой плотности населения ишимские врачи предлагали установить участок не в 10–15 верст, как было принято в земских губерниях, а хотя бы в 25–30 верст, при выборе мест для больниц и резиденций врачей учитывать населенность округи, «естественное тяготение» местного населения к какому-либо центру и удобство путей сообщения. Они также предлагали организовать новые участки: Аромашевский, Каменский, Армизонский, Сладковский [Труды..., 1913, с. 3], в которые бы вошли в среднем по 50 населенных пунктов и 25 тыс. чел. При их создании самый большой радиус участка составил бы 40–50 верст, а средний — 25–30. Однако даже при таком увеличении числа участков расстояния были бы еще слишком велики [Там же, с. 4].

Второй по величине, Курганский уезд насчитывал 306 013 жителей, был разделен на 4 участка, на каждую больницу приходилось 76,5 тыс. населения [Труды..., 1913, с. 23], но размещение участковых больниц по уезду было далеко не идеальным. От города и городской сельской больницы до Утятской больницы было 40 верст, зимой — 30, до Белозерской — 50 верст. Половинное расстояние между больницами составляло приемлемые 15–25 верст, однако в самих Белозерском и Утятском участках были селения, отстоявшие от больницы за 50–75 верст. В Белозерском участке далее 30 верст от больницы были расположены половина селений, в которых проживало более 55 % населения. В Моршихинском участке две трети селений (и 62,5 % населения) находилось в удалении от участковой больницы [Там же, с. 24]. Такая картина наблюдалась по всем уездам губернии.

Отмечалась и резкая неравномерность распределения населения по участкам в уездах. Если крайняя северная точка Тобольского уезда — Самарово являлась важным транспортным узлом на водных коммуникациях и там строилась новая лечебница, то о крайней северной точке Туринского уезда — Пелымском участке говорилось следующее: «Селения этого участка так разбросаны и на таком громадном пространстве, что не представляется возможным наметить какую-либо правильную врачебную сеть» [Труды..., 1913, с. 66].

В целом удаленные от лечебниц селения давали всего 2 % всех обращающихся за помощью.

Обращения за медицинской помощью

Одним из самых ярких показателей изменения модели здоровья, без сомнения, является рост обращений крестьян за медицинской помощью. Он отражает не только степень развития больничной сети в губернии, но и повышение доверия к фигуре врача, который постепенно становится для крестьян, особенно близких к центру участка, «своим». Социальный статус врача в глазах сельских жителей явно изменялся. Необходимость преодоления культурно-психологической дистанции осознавалась и очень заботила врачей.

Лейтмотивом этой части почти всех протоколов и «делегатских докладов» стали сетования по поводу недоступности медицинской помощи подавляющему большинству сельских жителей.

Так, например, количество амбулаторных больных в Ишимском уезде составляло 20 % от всего населения. Но не все могли ее получить в равной мере. «Количество обращающихся за помощью больных,— сообщается в докладной записке,— быстро уменьшается по мере удаления от лечебниц и свыше 20 верст расстояния, обращающиеся за помощью больные дают лишь около 40 % всех больных: Петуховская больница от 0 до 10 верст — 37 %, от 10 до 20 — 22 %; Бердюжская соответственно 51,2 % и 18,5 %». Иными словами, 3/4 населения каждого участка, имевшего радиус 65–70 верст, оставалось без медицинской помощи исключительно из-за удаленности. Врачи прямо заявляли, что для некоторых селений, отстоявших на 100 верст, медицинской помощи вовсе не существует.

Врачебной помощью пользовались главным образом жители близлежащих селений: 15 верст — треть посещений, свыше 20 — 10 %, свыше 30 верст — 3 %. Однако за 30-верстной полосой проживала половина и большая часть населения участков [Труды..., 1913, с. 25]. Примерно такая же ситуация наблюдалась и в других уездах губернии.

Тем не менее участники уездных совещаний 1910 г. отмечали изменения в отношении местного населения к медицинской помощи и врачам. Наиболее «продвинутыми» были сельские общества Курганского уезда, в котором все четыре больницы были устроены до введения в губернии штатов сельской медицины на средства местного населения: «И мы наблюдаем светлое явление в жизни сибирского крестьянства — явление, пожалуй, исключительное: население Курганского уезда, добровольно несущее 2/3 расходов на содержание больниц, добровольно из года в год отпускает средства на наем помещения для волостных аптек, на содержание фельдшерскому персоналу и на приобретение медикаментов,— словом, самостоятельно обзаводится фельдшерскими пунктами» [Труды..., 1913, с. 26]. «Очевидно, здесь население так доверчиво относится к медицинской помощи, так ценит ее, что идет навстречу нуждам больницы своим добровольным сбором с каждой платёжной души. Это говорит уже об известном развитии общественных интересов среди сельского населения Курганского уезда. Благодаря этой помощи, ежегодный бюджет врачебных участков 6000–10000 рублей» [Там же, с. 28].

Ишимские врачи также отмечали, что «население Ишимского уезда в значительной степени уже привыкло к медицинской помощи и в некоторых участках (Абатском, Ишимском, Голышмановском и Петуховском) даже приплачивает специально на медицинскую часть особые средства» [Труды..., 1913, с. 2]. Желание открыть на своей территории медицинские пункты высказывали крестьянские общества Тюменского уезда. Тугулымское общество предлагало ассигновать на это 1500 руб. и ежегодную субсидию в 200 руб. Еще один пункт предполагалось устроить в Червишевской волости.

Тобольское совещание врачей отмечало важность привыкания населения к медицинской помощи. Преследуя эту цель, они отступали от инструкций и принимали в лечебницу не «только страдающих острыми и вообще излечимыми болезнями, требующими коечного лечения», но иногда хронических и неизлечимых больных, «особенно если он прибыл за несколько десятков верст в надежде поступить в лечебницу. В таких случаях, помимо человеколюбия, играет роль и другое соображение — желание приохотить население к медицинской помощи» [Труды..., 1913, с. 56–57]. Среди минусов в организации инициативных медицинских пунктов участники съездов отмечали произвольный выбор места в зависимости от желания администрации, чаще всего оно совпадало с местом пребывания крестьянского начальника и не всегда соответствовало интересам населения. Торговое или промышленное значение села, расстояние до крайних селений, входивших в участок, во внимание не принимались или учитывались слабо. Также отмечалась неустойчивость этих пунктов, их зависимость от многих факторов, в том числе от урожая, личного авторитета доктора, его отношений с крестьянским начальником. Приводится пример Утятского участка, в котором крестьянский начальник, сводя счета с врачом, запретил волостному правлению выдачу общественных денег на содержание больницы, запретил врачу пользоваться казенным отоплением и освещением. Врачу пришлось покинуть участок [Там же, с. 28].

Однако сам факт добровольного финансирования сельскими обществами фельдшерских пунктов уже свидетельствует о значительном изменении в представлениях крестьян о болезнях и здоровье, о трансформации традиционной модели здоровья и ценностных ориентаций крестьян [Темплинг, 2017].

Сельские лечебницы: планы, деньги, быт

Еще одним важным элементом новой модели здоровья явилась сеть постоянных сельских больниц — уникальное достижение российской земской медицины. Больницы стали «точкой сборки», где крестьяне могли всегда получить медицинскую помощь. Головной болью сельских врачей были здания лечебных учреждений. В этой части докладов описывалось состояние ле-

чебниц, планировка, удобства и неудобства расположения и т.п. В докладе курганского съезда, например, отмечалось, что инициативные пункты и больницы весьма неудобные в плане, требуют дополнительных затрат для постройки амбулаторий, хирургических барачков и пр. Они выступили за подготовку типового проекта сельской больницы, состоящей из 4 барачков: амбулатории, больницы, хирургического и заразного барачков. Амбулатория им виделась состоящей из семи комнат: ожидальной, кабинета врача, перевязочной, аптеки, материальной, дежурной и помещения для прислуги. В хирургическом барачке: операционная и три палаты (мужская, женская и для рожениц), помещение для прислуги, ванная. В заразном барачке: 2 палаты, комната для дезинфекции с отдельным входом, ванная. Отдельно кухня. При городских сельских больницах должны быть изолированные и приспособленные помещения для временного пребывания душевнобольных до перевода их в Тобольскую губернскую больницу (в то время они обычно направлялись в уездное полицейское управление) [Труды..., 1913, с. 30].

В докладе тобольского съезда содержится подробное описание участковых сельских лечебниц, дающих представление о типичных вариантах состояния этой сферы не только в Тобольском, но и в других уездах. О лечебнице 1-го участка, на 10 кроватей, сообщалось, что она «находится на окраине нагорной части г. Тобольска, в наемном доме. Дом деревянный, поместительный, вновь отремонтированный, двухэтажный, по 5 комнат вверх и вниз, не считая коридоров и кухонь. В нижнем этаже находятся: прихожая (она же ожидальная комната), кабинет врача для приема амбулаторных больных, аптека, две женских палаты, комната для акушерки-фельдшерицы и кухни. В верхнем этаже операционная, 2 больших мужских палаты, комната для прислуги, одна комната превращена в цейхгауз, кухня второго этажа — в ванную комнату. Вентилируются палаты через большие оконные форточки. Нет теплого ватер-клозета, усыпальницы и бани. Прислуга — кухарка, сиделка и слуга. При враче находились акушерка-фельдшерица и два фельдшера, один в Тобольске при больнице, второй на фельдшерском пункте в д. Байкаловой [Труды..., 1913, с. 51].

Лечебница 2-го участка, тоже типовая, на 6 кроватей, находилась в полуверсте от с. Черного на высоком берегу р. Вагай, возле бора. Была построена в 1903 г. Представляла собой «поместительное одноэтажное деревянное, нештукатуреное внутри здание, с центральным коридором, изогнутым покоем. Справа от прихожей (она же ожидательная) расположен кабинет врача, слева аптека. Дальше в глубине, по ту сторону коридора, против входной двери, операционная, по бокам две палаты, теплое отхожее место и двери, ведущие на кухню, справа комната для акушерки-фельдшерицы, ванная и палата для нечистоплотных. На обширном дворе имеется хорошая баня, усыпальница и др. необходимые надворные постройки. Прислуга состоит из кухарки, сиделки, слуги. В распоряжении врача имеется три фельдшера и акушерка-фельдшерица, она же и заведующая хозяйством». Двое из фельдшеров находились на пунктах в с. Ашлыкском (80 верст), Загваздинском (173 в.), один фельдшер при лечебнице [Труды..., 1913, с. 53].

По аналогичному проекту строилась новая больница в с. Самаровском (3-й участок). Место врача здесь было вакантно, а пока трудились 3 фельдшера: один при лечебнице и для разъездов, второй в с. Нахрачинском (497 верст от лечебницы) и третий в с. Филинском (145 в.). При лечебнице проживала также акушерка-фельдшерица, которая одновременно заведовала хозяйством.

Эту почти идиллическую картину сельской медицины Тобольского уезда разрушала ситуация в 4-м участке (Демьянский), который располагался между Тобольском и Самаровым: «Сельская лечебница находится в наемном двухэтажном здании, состоит — в верхнем этаже — из 4-х комнат: приемной, аптеки и двух палат. В нижнем этаже — кухня и квартира фельдшерицы. Помещение не соответствует своему назначению; нижний этаж заливадается весной водой; в верхнем этаже холодно, темно, полы перекошены, печи требуют капитального ремонта, потолки проваливаются; вентиляции почти никакой. Ранее лечебница помещалась в собственном здании, но в последнее время пришла в полную ветхость» [Труды..., 1913, с. 54–56].

Примерно такая же довольно безрадостная картина наблюдалась в Туринском уезде. Больница здесь, как это часто бывало, располагалась за границей города в одной версте. По уверениям врачей, «в настоящее время в Туринском уезде здания лечебниц совершенно не соответствуют своему назначению и тем требованиям, какие к ним предъявляет медицинская наука и практика». Так, участковая туринская лечебница состояла из двух комнат для больных и 3 небольших комнат, из которых одна служила аптекой. Причем она была так мала, что двум-трем человекам сразу находиться там было нельзя, работать за одним столом невозможно. Вторая комната служила кабинетом врача и третья — посетительской. Амбулатория помеща-

лась в одном здании и даже в одном коридоре с палатами для больных. Отсутствовали операционная комната и ванная.

Еще одной проблемой, характерной для многих сельских лечебниц губернии, было отсутствие квартир для персонала. Это вынуждало функциональные помещения лечебницы отдавать под жилье. Так поступили и в Туринске, где под квартиру «многосемейной фельдшерицы» выделили помещение в инфекционном бараке, и в Тюмени, и в других местах.

Весьма показательна ситуация с лечебницами была в Ялуторовском уезде. Сеть больниц в нем сложилась под влиянием эпидемии 1892 г. Здесь особенно ярко проявились спонтанность и краткосрочность принятых тогда решений. Кроме обычных, уже отмеченных выше, сельская медицина уезда отразила проблемы, связанные с быстро менявшейся социально-экономической обстановкой, например со строительством железной дороги, с изменившимся направлением движения партий переселенцев и арестантов. В некотором смысле «авральный» характер формирования врачебных участков, предопределенный ожиданиями повторной эпидемии холеры в середине 1890-х гг., не отличался рациональностью и не соответствовал задаче охвата всей территории уезда медицинской помощью. Кроме того, лечебницы, наскоро построенные или приспособленные к врачебным нуждам, не отвечали ни уровню развития медицинской науки, ни потребностям населения. В этой связи ялуторовские врачи писали, что «здания под лечебницы и амбулатории почти во всех участках находятся или в нежелательном виде, или в состоянии негодности, вследствие разрушения от времени и других причин, а также потому, что при постройке их не было в руках строителей руководящего плана здания, как специально приспособленного для целей лечебницы. Например, Исетская лечебница имеет центральный коридор с массой дверей, над больницей, аптекой и амбулаторией, расположенных вместе, находится квартира врача». Главная же беда виделась делегатам съезда в том, что при основании существующих лечебниц не было выработано нормальной сети участков. Организаторы руководствовались чисто случайными соображениями, следствием чего стало неравенство участков по радиусу и количеству жителей. Ярким примером в этом отношении была история Памятинской лечебницы. Памятинское — небольшое селцо в 4 верстах от города, расположено на берегу Тобола, здесь был мост. Через село проходил тракт, имевший прежде большое значение, по нему направлялась переселенческая волна, здесь же продвигались и партии арестантов. Этим и объясняется возникновение здесь лечебницы. Но к 1910-м гг. ситуация изменилась. Переселенцы и арестанты были пересажены на железнодорожный транспорт, а земельных резервов для переселенцев в Ялуторовском уезде не имелось. Поэтому статус села изменился. Обслуживаемый же лечебницей участок располагался далеко на север.

Удручающей представляется и картина Новозаимской больницы, в которой крыша текла, зимой было холодно. В сильные морозы температура в помещениях была 1–2 °С, в остальное время при двукратной топке — 12 °С. Ванна выносная, воду приходилось вычерпывать, что отнимало много времени. «Больница на южную сторону обращена задним ходом, окном комнаты акушерки, перед которым находятся ящики отхожего места. В операционной за два дня до приезда губернатора (в начале декабря 1910 г.) обвалилась с потолка штукатурка. «В 1903-м году, как говорится в докладе съезда ялуторовских врачей того же года, был губернский инженер Даугель, и нашел, что ремонтировать эту лечебницу,— значит деньги переводить, что выгоднее строить заново... Мой предшественник Купенский обшил ее тесом, но результаты сводятся к нулю. Нижние венцы истлели, подпольного пространства нет, если осматривать стены изнутри здания, то редко найдешь целое по длине бревно: стены почти сплошь состоят из стыков, и их так много, что не стоит и считать. Стены искривились в разных плоскостях, над косяками дверей, вследствие осадки здания, громадные щели. В операционной посредине южной стены идет бревно с винтовыми гайками, закручивающимися железные болты, проходящие наружу и соединяющиеся с таковым же бревном, стоящим снаружи стены. Это сделано, кажется при враче Д.А. Миловидове из опасения, чтобы не рассыпалась стена» [Труды..., 1913, с. 96–99].

Фельдшерские пункты

Понимая ограниченные возможности в устройстве полноценных врачебных участков, работу в которых возглавлял бы дипломированный врач, участники съездов много внимания уделили обсуждению фельдшерской помощи и участию в их организации сельских обществ. Например, в Курганском уезде на средства населения было открыто 10 фельдшерских пунктов и несколько волостных аптек. Слабой их стороной была низкая квалификация специалистов [Труды..., 1913, с. 26]. Курганцы отмечали нестандартность штатов сельских больниц, так как кроме «бюд-

жетных» были ставки, финансируемые местными обществами. Поэтому они выступали за стандартизацию штатов — врач, фельдшер и две фельдшерицы-акушерки, одна для разъездов по участку, другая при больнице [Там же, с. 31]. В целях минимизации зависимости персонала общественных пунктов от прихотей крестьянских начальников или сельских обществ, туринцы предлагали перевести их содержание на счет губернского земского сбора [Там же, с. 69].

Дискутивным оказался вопрос о замещении должностей фельдшеров. Кому отдать предпочтение: фельдшерам или фельдшерицам-акушеркам? В этой дискуссии проявилось осознание острой необходимости акушерской помощи на селе [Труды..., 1913, с. 27]. В целях привлечения фельдшерского персонала, кроме мер по улучшению их материального положения, участники курганского съезда предложили дать врачам право посылать в фельдшерские школы на казенные стипендии местных крестьян, «имеющих соответствующий образовательный ценз и выражающих известную склонность к занятию медициной». Высказывалось предположение, что в село охотнее пойдут сельские жители, нежели городские [Там же, с. 31].

Участники ялуторовского съезда такую медицинскую помощь считали суррогатной, но в имеющихся условиях необходимо было использовать то минимально положительное, что было в фельдшерских пунктах, и открывать новые. Существовавшие в тот момент в уезде пункты содержались за счет губернского земского сбора и на местные общественные и частные средства. В с. Омутнинском Юргинского участка, в Новозаимском участке было два частных фельдшерских пункта: в с. Падун при винокуренном заводе Поклевских и на заимке Колмаковых при паровой мельнице Т-ва Колмаковых. Пункты находились на расстоянии 4 верст друг от друга, но крестьян, никак не связанных с заводами, не обслуживали [Труды..., 1913, с. 95]. С позицией ялуторовского съезда были солидарны курганцы.

Оспопрививание и специализированная медицинская помощь

Обратились участники совещаний и к проблеме оспопрививания. В докладе Ишимского съезда говорилось, что оспопрививание поставлено плохо, прививается мало. В Абатском участке в 1909 г. было привито 312 чел., в Ильинском — 6424. Но труд сей был напрасен, «так как, по заявлению врачей, детрит, выписываемый из Тобольска, никуда не годится. Почти три четверти всех случаев не прививается» [Труды..., 1913, с. 7]. «Кадры оспопрививателей ниже всякой критики: полуграмотные, не имеющие понятия об инфекции и дезинфекции, смотрящие на оспопрививательное дело как на подспорье к какому угодно делу, но не как основное дело» [Там же, с. 8]. Оспопрививателям полагалось самое нищенское содержание — от 1,2 до 5 руб. в месяц. Трудно было надеяться, что за такую сумму согласится работать квалифицированный специалист. В Ишимском участке была опробована новая практика — приглашение временных оспопрививателей из среды сельской интеллигенции (учителей или студентов) на 1–2 летних месяца. Средства предоставлялись сельскими обществами в объемах, выделявшихся раньше на оспопрививание. В Петуховском участке прививанием занимался постоянный фельдшерский персонал за доплату от волостей, тоже в размере, выплачивавшемся оспеникам ранее. Недостаток такой организации прививания заключался в том, что персонал отрывался от прямых обязанностей. Выход виделся в учреждении в каждом участке должности фельдшера со специальной миссией оспопрививания. Этот персонал в свободное время мог бы заниматься делами при больнице, выполнять другие поручения. Эта должность также могла бы рассматриваться как подготовительный этап к службе в больнице [Там же, с. 8].

Важным показателем развития медицинской помощи на селе является организация специализированных ее форм. Одной из первых была создана глазная больница в Ишимском уезде. Петуховская сельская больница имела 15 кроватей для глазных больных, вдобавок к 6 обычным. Финансировалась из расчета 100 руб. на кровать, вместо 150 для обычных больниц. Была расположена на границе губернии и уезда, радиус обслуживаемого участка составлял 200–300 верст. Обращаемость амбулаторных больных сильно зависела от расстояния до больницы [Труды..., 1913, с. 9].

Профессиональные связи

Участники съездов отмечали полное отсутствие в губернии органа, который объединял бы всех сельских врачей (да и вообще врачей) в их общей работе. В докладе ишимской делегации говорилось, что «в настоящее время никто из сельских врачей не знает, что делается в другом даже соседнем с ним участке, как относятся там к тому или другому явлению повседневной жизни, зачастую даже в течение ряда лет не знают друг друга и новый сочлен, являясь на вакантное место, лишь только увеличивает собою число разрозненных медицинских работников,

которым как бы не полагается иметь никакой заботы, касающейся всего уезда, всего данного района. Выходом из такого положения могло бы быть установление уездных съездов врачей, как органа постоянно действующего в лице своего избранного комитета, и периодических через 3 года общегубернских съездов врачей (не одних только сельских)» [Труды..., 1913, с. 20–21]. Такой же позиции придерживались и участники курганского съезда.

Важными для сельских врачей оказались также проблемы взаимоотношений с крестьянскими начальниками, условий заказа медикаментов и производства некоторых лекарственных форм в больницах, организации продажи при больницах предметов ухода за больными, материальное положение уездных и городских врачей. Эти вопросы, отсутствовавшие в первоначальной повестке дня, предлагались уездными совещаниями для обсуждения на губернском съезде.

Заключение

Таким образом, представленные материалы позволяют по-иному взглянуть на историю регионального медицинского сообщества, более детально охарактеризовать его деятельность помимо исполнения прямых обязанностей. Проблемы улучшения медицинской службы обсуждались врачами коллегиально, в обстановке живого общения на совещаниях/«съездах». Это означает, что в начале XX в. горизонтальные связи начинают пронизывать и спланировать не только медицинских специалистов города, но и совсем немногочисленную когорту врачей сельской местности. В отсутствие земской организации уездные съезды стали площадкой, на которой устанавливались связи между врачами в рамках территориальных административных единиц, обсуждались проблемы, происходил обмен мнениями и опытом, формулировались предложения, содержание которых опиралось на реальный опыт и практики. Важно отметить, что эти предложения затем обсуждались на губернском форуме и служили основой для принятия мер администрацией. Коллегиальную работу медицинского сообщества необходимо рассматривать в контексте профессиональной консолидации, бурно проявлявшейся в начале XX столетия, которой были охвачены не только медицинские работники, но агрономы и ветеринары, даже более активные, нежели врачи [Бычин, 1982, с. 27–34].

Разумеется, уездные съезды не масштабны, они не были общественным рупором, не стали локомотивом реформ и генератором значимых общественных проектов. Слишком коротка их история, слишком невелики были силы сельской медицины и вообще всей медицины губернии. Чуть более ста дипломированных специалистов трудились здесь на ниве общественного здоровья в начале XX в. Тем не менее потребность в профессиональной консолидации и общении оказалась настолько сильной, что позволила врачам, пусть и при поддержке администрации, провести серьезную подготовительную работу в уездах и два съезда в масштабах губернии. Безусловно, это яркое свидетельство качественных изменений в состоянии местного медицинского сообщества.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания — проект № АААА-А17-117050400150-2.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Блохина Н.Н.* Санитарно-гигиенический аспект деятельности съездов русских естествоиспытателей и врачей // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2011. № 2. С. 54–56.
- Бычин Б.П.* (сост.). Сельское хозяйство Северного Зауралья: Указатель литературы XVII в. — 1917 года. Тюмень, 1982. 106 с.
- Горбушина А.А.* Пироговские съезды врачей и фельдшерский персонал: Проблемы взаимодействия (1907–1916) // Вестник ТГПУ. 2016. № 9 (174). С. 29–34.
- Крутовский В.М.* Очерк истории общества врачей Енисейской губернии за 25 лет: 1886–1911. Красноярск: Тип. б. М.И. Абалакова, 1911. 196 с.
- Лукьянова Т.В.* Роль съездов земских врачей в становлении санитарной организации в Пензенской губернии // Opera medica historica: Труды по истории медицины. М.: Издат. дом Магистраль, 2017. С. 155–159.
- Никитина А.* Роль съездов врачей в развитии земской медицины Уфимской губернии // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 117. С. 72–77.
- Поляков П.В.* Съезды земских врачей Тульской губернии (80–90-е гг. XIX в.) // КЛИО. 2006. № 2 (33). С. 145–148.
- Попов Д.И.* Культурно-просветительские общества в Сибири в конце XIX — начале XX в. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. 512 с.
- Семенова К.А.* Здравоохранение города Томска: Время становления (1860-е — 1919 г.). Томск: Изд-во ТГУ, 2010. 158 с.
- Темплинг В.Я.* Народная медицина русского населения Западной Сибири XIX в.: (Социокультурный аспект). Тюмень: Мандр и Ка, 2017. 224 с.

Труды первого губернского съезда сельских врачей Тобольской губернии (20 января — 4 февраля 1911 г.). Тобольск, 1913. 86+80+120 с.

Федотов Н.П., Мендрин Г.И. Очерки истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск, 1975. 260 с.

V.Ia. Templing

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation

E-mail: tmp1@mail.ru

Consolidation of the rural medical community in the Tobolsk Governorate in the early 20th century

The present article is aimed at studying district congresses of rural doctors from the Tobolsk Governorate, a unique phenomenon in the history of the Siberian medical community. Congresses are considered to be an integral part and development indicator of the corporate social initiative, as well as the professional interaction of medical specialists. On the basis of documents being introduced into scientific circulation for the first time, the author analysed the activity of rural doctors within the paradigm of the general theory of modernisation, as well as characterised the materials of meetings, the range of issues under discussion, main recommendations and results. It is shown that the activity of the medical community was not limited to the work of scientific and practical societies of governorate centres — it was much wider and richer. The fact of holding two provincial and a number of district congresses in the Tobolsk Governorate (from 1903 to 1912) was established. District congresses became a place for establishing personal contacts between doctors, sharing opinions and experiences, formulating proposals, which were then discussed at the governorate forum and laid the foundation for administrative decisions. They demonstrated a strong motivation of rural specialists in medicine, which in fact began to develop in Siberia only starting from the late 1880s, for professional consolidation and for the development of common approaches to solving regional problems. The materials of district congresses also prove the formation of a new health model among the rural population, characteristic of modern society. A doctor became a familiar and necessary element of the social environment for a peasant. It should be noted that district congresses were not large-scale, they were not public mouthpieces, did not become the driving force of reforms and the generator of significant public projects. Their history was too short; the level of rural medicine and, in general, the entire medicine of the governorate was too low. Nevertheless, the need for professional consolidation and communication turned out to be so strong that it allowed doctors, albeit with the support of the administration, to carry out serious preparatory work in districts and hold two governorate congresses. Clearly, this constitutes definite evidence of qualitative changes in the state of the local medical community.

Key words: professional community, history of medicine, doctors' convention, rural medicine, medical station, feldsher station, hospital, non-governmental initiative.

Funding. The article is written within the framework of the State Project No. AAAA-A17-117050400150-2.

REFERENCES

- Blokhina N.N. (2011). Sanitary and hygienic aspect of the conventions of Russian natural scientists and doctors. *Problemy sotsialnoy gigiyeny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny*, (2), 54–56. (Rus.).
- Fedotov N.P., Mendrina G.I. (1975). *The reviews on history of medicine and healthcare in Siberia*. Tomsk. (Rus.).
- Gorbushina A.A. (2016). Pirogov's conventions of doctors and feldsher staff: Problems of interactions (1907–1916). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 174(9), 29–34. (Rus.).
- Krutovskiy V.M. (1911). *Analytical review on the history of medical society in the Yenisei Governorate for 25 years*. Krasnoyarsk. (Rus.).
- Luk'yanova T.V. (2017). The role of the conventions of local doctors in the development of sanitary organization in Perm Governorate. In: *Opera medica historica. Trudy po istorii meditsiny* (pp. 155–159). Moscow. (Rus.).
- Nikitina A. (2009). The role of the conventions of doctors in the development of local medicine in Ufa Governorate. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, (117), 72–77. (Rus.).
- Polyakov P.V. (2006). Conventions of local doctors in Tula Governorate (80–90s of the 19th c). *KLIO*, 33(2), 145–148. (Rus.).
- Popov D.I. (2006). *Cultural and educational societies in Siberia in the late 19th — early 20th centuries*. Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Semenova K.A. (2010). *The health care of Tomsk: Formation period*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Templing V. (2017). Traditional medicine of the Russian population of Western Siberia of the XIX century: (Sociocultural aspect). Tyumen. (Rus.).

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 20.11.2019

Accepted: 19.12.2019

Article is published: 02.03.2020

Т.С. Киссер

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034
E-mail: tkisser@bk.ru

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НЕМЦЕВ НА УРАЛЕ В 1989–2019 гг. (ЭТНОПРОЕКТЫ И ЛИДЕРЫ)

На основе ранее неизвестных источников (архивных и полевых материалов автора) рассматриваются история и факторы формирования общественного движения российских немцев на Урале. Немцы Урала сформировались как единое сообщество во второй половине XX в. в результате депортации, трудовой мобилизации (1942–1946 гг.) и действия режима спецпоселения (1948–1955 гг.). Автор приходит к выводу, что современное общественное движение играет роль проводника этнокультурного развития немецкого населения России через различные проекты сохранения истории, памяти, языка и культуры. В результате деятельности активистов на Урале сложилась сеть немецких объединений: центры немецкой культуры, центры встреч, национально-культурные автономии, общества «Возрождение», российско-немецкие дома и другие организации.

Ключевые слова: *российские немцы, Урал, общественное движение, самоорганизация, национально-культурная автономия, лидеры, этнопроекты.*

Немецкое население в России появилось в основном при Екатерине II в Поволжье в XVIII в., хотя немцы жили и работали в разных регионах страны еще с XVI в. При В.И. Ленине оно получило территориальную автономию, а при И.В. Сталине превратилось в народ-изгой (в 1941 г. АССР немцев Поволжья была ликвидирована). После частичной реабилитации народа при Б.Н. Ельцине организовалось в первую в стране федеральную национально-культурную автономию в 1997 г. Эти события стали фактором формирования региональных групп российских немцев, которые различались не только территорией проживания, этнической историей, но памятью и самосознанием. Такие группы сложились в Сибири, Поволжье и на Урале.

Группа немцев Урала сформировалась и закрепились в регионе в период Великой Отечественной войны во время трудовой армии (1942–1946 гг.) и спецпоселения (1948–1955 гг.) преимущественно в административных границах Челябинской, Свердловской областей, Республики Коми и Пермского края. Урал не был территорией депортации немцев, сначала они ссылались в Сибирь и Северный Казахстан. В 1942 г. началась политика трудовой мобилизации, и большинство немцев трудоспособного возраста мобилизовали в трудовую армию, преимущественно на Урал. После окончания войны по отношению к немцам применен режим спецпоселения, и они укоренились на Урале. В разные годы их численность в регионе варьировалась: от 180 тыс. чел. в 1959 г. до 60 тыс. чел. в 2010-е гг. [Демосокоп...]. Сокращение связано с волной эмиграции в Германию в 1990-е гг., развернувшейся из-за неполной реабилитации немцев — не возвращена территориальная автономия.

На фоне массовой эмиграции российских немцев в Германию остро встали вопросы об утрате этнической идентичности и ассимиляции немцев, оставшихся в России. Пик эмиграции пришелся на середину 1990-х гг. В Германии сейчас живет около 3 млн немцев и членов их семей, выходцев из республик бывшего СССР.

Роль проводников этнокультурного развития взяли на себя создаваемые общественные организации. Российские немцы по отношению к своим организационным структурам используют термин «самоорганизация». Наиболее важными являются два значения понятия. Первое связано с организацией, т.е. объединением людей с какой-то целью, второе — с указанием на «само» деятельность и добровольный характер объединения [Барбашина, 2008, с. 7, 8].

Цель статьи — выявить, какие факторы и субъекты (прежде всего человеческие) повлияли на создание общественного движения немцев на Урале, проследить его историю и определить роль в сохранении этнической идентичности. Основными источниками послужили интервью, которые были собраны в рамках этнографических экспедиций в 2016–2019 гг. на Урале, а также использовались данные региональных архивов и периодической печати. Общественное движение немцев Урала связано с деятельностью активистов, лидеров. В этом контексте удобен за-

имствованный из кинематографа прием крупного плана, позволяющий различать персональные и социальные мотивы действий [Головнёв, 2010].

Проблемы современной самоорганизации и национально-культурной автономии российских немцев и их региональных групп являются актуальной темой исследования и нашли отражение в работах как ученых: Э.Р. Барбашиной [2008], Т.С. Иларионовой [2003], Т.Б. Смирновой [2016], так и активистов общественного движения: Э.А. Гриба [2000], И.Э. Редекон [2007], Г.Г. Мартенса [2010]. Несмотря на интерес исследователей и общественных лидеров к данной теме, деятельность общественных организаций немцев Урала почти не становилась темой специального анализа. Отдельные аспекты работы конкретных региональных организаций рассматривались в работах А.А. Авдашкина [2014] — Челябинская обл., Д.И. Ваймана [2015] — Пермский край, О.Ф. Штралера [2003] — Республика Коми. Однако ранняя история общественного движения не анализировалась в комплексе. Рамки данного исследования охватывают большинство регионов массового проживания немцев на Урале (Свердловская и Челябинская области, Пермский край и Республика Коми), общественное движение рассматривается от истоков формирования (в комплексе с причинами и персональными мотивами). Особое внимание уделяется роли и позиции лидеров этого движения.

Институты (факторы появления и направления деятельности)

Для российских немцев характерно стремление к созданию различных союзов, объединений, обществ, клубов: нередко говорят, что немцы — это «нация организаций» [Смирнова, 2009, с. 36]. К моменту выхода закона «О Национально-культурной автономии» (1996 г.), уже активно действовало с 1989 г. общество «Возрождение» («Wiedergeburt»), основной целью которого было восстановление автономии на Волге. Затем стали появляться в большом количестве местные, региональные и федеральные объединения.

В 1997 г. создана Федеральная национально-культурная автономия российских немцев, руководителем которой стал В.А. Бауэр. Руководство ФНКА заявило претензии своей организации на полное выражение интересов российских немцев, а следовательно, целесообразность сделать ФНКА единственной структурой, получающей и распределяющей российские и германские средства, идущие на поддержку немцев России. В 2003 г. Бауэр сложил полномочия и новым президентом ФНКА избран В.Ф. Баумгертнер. Однако существенных изменений в стилях, формах и методах работы не произошло. В 2009 г. внеочередной съезд российских немцев сменил руководство ФНКА, избрав новым председателем Г.Г. Мартенса.

Наиболее крупной и активно ныне действующей организацией российских немцев является Международный союз немецкой культуры (создан в 1991 г.), возглавляемый Г.Г. Мартенсом. Он отмечает, что объединил единомышленников, которые хотели заниматься практическими делами, конкретными проектами в сфере культуры, языка, молодежи, а не политическими проектами [Смирнова, 2016, с. 10].

На Урале первые объединения появились гораздо раньше, чем самоорганизация российских немцев стала представлять четкую структуру, и в последующем они явились важными звеньями в системе общественного движения российских немцев. Наибольшее количество немцев на Урале проживало в Челябинской области, поэтому неудивительно, что именно там и зародилось общественное движение немцев Урала. 4 апреля 1989 г. в Челябинске в Доме культуры «Восток» состоялась первая встреча по вопросу создания Немецкого культурного центра. Инициаторами встречи были бывшие трудармейцы, строители Челябинского металлургического комбината Г.В. Факанкина, А.П. Миллер, Г.П. Гофман, А.А. Леонгардт, Г.М. Витлиф. Они еще в середине 1980-х гг. организовали клуб читателей немецкой газеты «Neues Leben», информировали немцев области о первых делегациях в Кремль по вопросу восстановления автономии на Волге, об общественном движении, о проблемах и шагах по реабилитации немцев.

На первое организационное собрание пришло около 50 чел. На нем выступали председатель областного отделения Советского фонда культуры, писатель К.А. Шишов, его заместитель С.А. Барсуков. Немецкий культурный центр, по их мнению, должен был направить свои усилия на решение проблем национальной перестройки в духе современной политики. Необходимо возродить немецкое музыкальное фольклорное искусство, народные ремесла и традиции, чтение национальной литературы [Вечерний Челябинск, 1989, 4–10 апр.]. На собрании организовали инициативную группу, главой которой избрана Г. Факанкина. Благодаря усилиям этой группы был организован Челябинский областной немецкий культурный центр, зарегистрированный 30 июля 1989 г. Главной члену Центра поставили задачу «информирования широкой общественности об истинной истории одного из российских народов, воспитание у молодежи

уважения к своим предкам, которые, несмотря на необоснованные репрессии, отдали укрепленную Родину все силы, а многие даже жизнь» [ОГАЧО. Ф. П-123, оп. 1, д. 330, л. 6].

В первый же год Центр добился вывода из сельхозоборота места захоронения трудармейцев на коксоотвалах Челябинского металлургического комбината, что закреплялось распоряжением облисполкома № 730р от 3 сентября 1990 г., и создал там мемориальное кладбище, которое стало главным местом проведения Дней памяти погибших в годы трудармии. Немецкий центр вел активную работу по сохранению культуры. Она включала празднование Пасхи, Рождества, Дней немецкой культуры, обустройство и содержание кладбища трудармейцев [ОГАЧО. Ф. Р-274, оп. 10, д. 3573, л. 24].

В 1989 г. по инициативе Ф.А. Шнайдера и М.М. Клайна при поддержке Металлургического районного комитета партии организовали клуб для немецкого населения г. Златоуста. Инициаторы предлагали организовать при клубе работу корреспондентского пункта газеты «Neues Leben». Планировалось также чтение лекций на немецком языке о Конституции, международном положении, о ГДР, о прогрессивных немецких писателях, организация самодеятельного творческого коллектива и др. Однако начинание энтузиастов, за исключением двух проведенных мероприятий, практически оказалось нереализованным. Уже в декабре того же года клуб прекратил свое существование: «Я тогда жила в Златоусте, и мы с мамой ходили на собрания этого клуба, но мало кому это было интересно, все были заняты переездом в Германию» [ПМА, Челябинск, 2018 г.].

В Челябинской обл. многочисленные центры и объединения создавались довольно быстро. За 1989–1996 гг. появились немецкие культурные центры и организации — в Челябинске, Златоусте, Копейске [ОГАЧО. Ф. Р. П-374, оп. 1, д. 39, л. 9, 10; Ф. Р-1041, оп. 6, д. 874-а, л. 67]; объединения «Widergeburt» в Челябинске, Копейске, Еманжелинске; «Zukunft» и «Содружество» в Миассе, Челябинске [Авдашкин, 2017, с. 106]. В 1996–1997 гг. аналогичное объединение возникло в Магнитогорске [ОГАЧО. Ф. Р-1041, оп. 6, д. 1042, л. 18]. В 1997 г. создана немецкая региональная национально-культурная автономия. Ее цель, как и у всех НКА, состояла в возрождении культуры и традиций российских немцев в пределах области, а также создании для них благоприятных социально-экономических условий [Авдашкин, 2014, с. 5].

В 2000-е гг. в связи с массовым отъездом многих лидеров (например, О.В. Зало) и организаторов культурных центров и объединений активность южно-уральских немцев снизилась, они вели лишь языковую работу: это направление с самого начала считалось наиболее важным, потому что курсы помогали подготовиться к шпрахтесту для переезда в Германию. Кроме того, сложности добавляла разрозненность организаций, создано их было много, все работали по разным программам; не хватало координации действий и связи с центральными объединениями. Сейчас действует и активно реализует этнокультурные и другие проекты немецкая НКА Челябинской области под руководством А.А. Креля.

Другим регионом активности немцев была Республика Коми. С началом «перестройки» там, как и по всей стране, начался рост национального самосознания, и российские немцы стали требовать равноправия для своего народа. Таким образом, инициатива создания в республике национальных объединений немцев исходила преимущественно «снизу». Впрочем, это стало возможным после принятия в сентябре 1989 г. на пленуме ЦК КПСС «Платформы КПСС по национальной политике партии на современном этапе», а затем принятия в декабре 1989 г. на VI пленуме Коми обкома КПСС «Программы совершенствования межнациональных отношений в Коми АССР». После пленума в идеологическом отделе обкома организовали сектор по национальным отношениям, который и осуществлял текущую работу по реализации программы [Штралер, 2003, с. 97].

Непосредственным поводом к созданию организации немцев в Республике Коми явились выборы делегатов на первый Съезд немцев СССР, проведение которого планировалось в декабре 1990 — январе 1991 г. Совместно с подготовкой выборов делегатов состоялись и учредительные собрания немецких обществ в Сыктывкаре, Ухте и Воркуте. 22 ноября 1990 г. в г. Сыктывкаре на учредительном собрании образовалась первая организация немцев всесоюзного общества «Видергебурт», принят устав, избраны руководящие органы. Председателем избрали штурмана Сыктывкарского авиапредприятия Г.Э. Губера, его заместителем — В.А. Эберле.

19 января 1991 г. в Воркуте состоялось собрание по избранию делегата, на нем присутствовало 106 чел., делегатом избран Ф.Г. Гаун. В ходе собрания поднимался вопрос о восстановлении автономии и возможности переезда в Германию, о чем свидетельствует стенограмма собрания:

Матер Я.А.: Нас не держат в России, надо ехать в Германию, чтобы мы были немцами. Мы будем рабы, пока не уедем.

Вопросы из зала: Сколько могут принять Германия и Австрия?

Губер Г.Э.: Виктор Шталь был на приеме в Бонне: Германия в течение 5 лет принимает всех желающих немцев. Информация официальная.

Рудольф А.А. отметил, что можно принять вариант с Калининградом. Выразил мнение, что туда поедут, что можно организовать производство без территории. Если мы выберем делегата, надо, чтобы он на съезде немцев не пошел на поводу у Вормсбехера — нет ассоциации. Калининград не подходит — важный стратегический район.

Гафнер А.Ф.: Нашему немецкому народу следует отбросить иллюзии. Волга, Калининград нас не ждут. Там уже выросли люди. Если немцы хотят сохранить свою национальную принадлежность, то могли бы по примеру Чайна-тауна в Воркуте и других городах организовать кварталы немцев.

С места: Республика указом не распущена, но правительства нет. Необходимо уже на Съезде быть готовым выдвинуть свою кандидатуру в правительство. Иначе в Поволжье будет второй Карабах [НАРК. Ф. П-3854, оп. 1, д. 2, л. 7–11].

Собрание по избранию делегата на Съезд немцев СССР от г. Ухты состоялось 20 января 1991 г., на нем присутствовало 84 чел., делегатом избран старший инженер стройуправления № 5 треста «Газмонтажавтоматика» В.В. Шнорр. Тема восстановления автономии также остро обсуждалась в Ухте:

Нейфельд Н.Н.: Немцев в Союзе много, надо создавать республику в Калининградской обл. Можно всех немцев обеспечить работой. Наверняка Германия поддержит нас духовно и материально.

Фридман В.С.: В Сыктывкаре можно создать слободу немцев из 12 тыс. человек. Разговор ведется.

Винтер И.А.: Нет смысла создавать слободу, никто туда не поедет. Мы никому не нужны. Надо договариваться, чтобы нас где-то приняли, а не создавали новый Нагорный Карабах. Нам нужна Калининградская обл., там нет коренных жителей, нет переселенцев [НАРК. Ф. П-3854, оп. 1, д. 2, л. 12].

В Сыктывкаре 22 января 1991 г. делегатами избраны: штурман Сыктывкарского авиапредприятия Г.Э. Губер, преподаватель Коми педагогического института Э.Ф. Паршукова, командир экипажа Сыктывкарского авиапредприятия Л.А. Лерх, пенсионер А.К. Мейснер из п. Жешарт. Именно в это время на собрании преподавателем педагогического института Т.А. Гельман впервые была высказана мысль о создании «Немецкой слободы» в окрестностях Сыктывкара, где бы жили немцы, желающие объединиться со своими соотечественниками, где бы создавались национальные предприятия, школа, клуб, библиотека, издавалась газета на немецком языке [НАРК. Ф. П-3854, оп. 1, д. 17, л. 12]. В декабре 1991 г. в Сыктывкаре прошло собрание немецкого общества, на котором избран новый совет общества и сменилось руководство. Председателем стал О.Р. Баймлер, его заместителем — О.Ф. Штралер.

После III Съезда немцев в Москве (26–28 февраля 1993 г.) было проведено собрание немцев в Сыктывкаре, на котором Баймлер выступил с докладом о Программе социально-экономического и культурного возрождения немцев Республики Коми. Эта программа, разработанная обществом «Видергебурт» совместно с республиканской комиссией по развитию экономических и культурных связей с Германией и администрацией города Сыктывкара, утверждена Президиумом Верховного совета Республики 20 апреля 1993 г. на период 1993–1997 гг., но из-за финансовых сложностей не реализована.

В 1998 г. была запущена программа социально-экономического и культурного развития немцев Республики Коми, которая реализовывалась до 2003 г. [НАРК. Ф. П-3854, оп. 1, д. 19, л. 8–10]. Все усилия автономии направлялись на создание реальных возможностей для изучения родного языка российских немцев, как в рамках общеобразовательной школы, так и для взрослого населения в системе внешкольного образования. В этих целях классы с углубленным изучением немецкого языка были открыты в Эжвинской гимназии и Койгородской средней школе, в Ухте и Воркуте.

11 июня 1997 г. была образована немецкая национально-культурная автономия Республики Коми. Председателем автономии стал О.Р. Баймлер, заместителем — Г.Р. Унгефуг. В 2014 г. председателем республиканской автономии стала Е.О. Копп.

Самоорганизация немцев Пермского края была инициирована «сверху», партийным руководством. В июле 1990 г. горком КПСС г. Соликамска дал указание собрать всех немцев, чтобы четче контролировать их настроения. В итоге собралось свыше 700 чел., не хватило даже самого большого зала в городе [ПМА. Соликамск, 2017 г.]. В президиуме был советник посольства ФРГ в СССР г-н Адамс, он произнес перед собравшимися речь. Когда он начал говорить по-немецки, далеко не все его могли понять, начали спрашивать друг друга, о чем он говорит, по залу прошел шум — и Адамс перешел на русский язык. Он говорил, что в СССР теперь демократия, дискриминация немцев закончилась, они могут свободно реализовывать свои этнические права, создавать свои организации и т.п. [Герман, 2007, с. 78].

Был сформирован оргкомитет по подготовке национальной организации, который работал под руководством горкома КПСС и горисполкома. Оргкомитет выработал принципы, сформулировал задачи и приоритеты немецкого сообщества Соликамска. В сентябре 1990 г. постановлением городского Совета Соликамска зарегистрировано городское общество российских немцев «Возрождение». Председателем был избран Э.А. Гриб. После создания «Возрождения» в Соликамске он помог собрать немцев в Березниках, и там организовали второе немецкое общество в Пермской области. 23 сентября 1990 г. создано «Общество немцев СССР г. Перми». А 8 октября 1990 г. исполнительным комитетом Пермского городского Совета народных депутатов зарегистрировано общество немцев СССР г. Перми. Через неделю в Пермь приехал Гриб. Там также собрали немцев и на общем собрании создали свое объединение. По его итогам под председательством П.Ф. Паульса избран Совет этого общества. Первостепенными задачами в повестке первого общего собрания немцев Перми значились «создание республики немцев СССР, а также создание культурного центра в г. Перми и лютеранской кирхи для верующих немцев» [Вайман, Черных, 2015, с. 52]. В 2009 г. общественная организация немцев г. Перми приобрела статус региональной и объединила центры встреч по всему краю. С этого времени Пермь становится центром областных и краевых инициатив, немецкого общественного движения края.

В Свердловской области первые отделения общества «Возрождения» появились в 1989 г. в г. Нижний Тагил, руководитель — И.И. Браун. В 1994 г. по инициативе А. Твердохлеб и Ю. Арльт сложилось молодежное объединение «Zukunft», его руководителем стал И. Гельбинг [Zukunft, 1995, № 1]. Общество создавалось как религиозное объединение молодых российских немцев под девизом «молодежь и религия». В это же время в Нижний Тагил на практику приехал студент из Швейцарии Д. Майхтри, он был пастором в обществе, собирал молодежь, рассказывал о религии, направлениях в протестантстве, новореформаторских течениях, новых течениях в христианстве. На его службы приходили не только молодые, но и взрослые, не только немцы, но и представители других национальностей. Кроме того, там работали кружки для молодежи (танцевальный, рукоделия, игры на гитаре), языковые курсы. Каждый год активисты общества ездили по программам обмена в Германию и Швейцарию. В начале 2000-х гг. общество прекратило свое существование. В 1995 г. нижнетагильское общество «Возрождение» изменило название на «Культурно-просветительский центр российских немцев», им руководил В.Г. Дель [НТГИА. Ф. 627, оп. 1, д. 59, л. 5]. Основным направлением деятельности центра была этнокультурная работа, связанная с сохранением языка, фольклора, кухни, традиций и религии немцев на Урале.

В 1999 г. при поддержке Министерства по делам федерации и национальной политики РФ в Нижнем Тагиле создан Российско-немецкий дом, руководителем которого стал Р.П. Веер. Долгие годы РНД работал параллельно с центром, разделяя сферы деятельности. РНД занимался социальной работой, а центр — этнокультурной. В 2013 г. Деля отсранили от дел, центр прекратил существование, а вся его деятельность перешла РНД под руководством Веера. Он не был столь активен и инициативен, как Дель, хотя обладал организаторскими способностями, которые направил на совместные проекты с еврейским обществом Нижнего Тагила: руководил масштабной стройкой еврейского центра и синагоги. В итоге в 2014 г. немцы остались без лидера. Тогда же новым руководителем стала М.А. Тихонова, которой за несколько лет удалось объединить в автономии разных по возрасту и занятиям российских немцев. При автономии работают кружки, языковые курсы, молодежный клуб, ведется социальная работа, организуются выезды в лагерь и санатории.

Этнокультурные проекты (фольклор, язык, память)

В начале 2000-х гг. большую популярность приобрели этнокультурные проекты, направленные на поддержание и актуализацию языка и культуры немцев. Именно тогда стали создаваться этнически ориентированные творческие объединения, которые вели культурно-просветительскую работу. Первыми сложились творческие (фольклорные) коллективы: в 1989 г. появились хоры «Hoffnung» («Надежда») в Краснотурьинске, «Девчата» (с 2007 г. — «Feiertag») в Нижнем Тагиле, в 2007 г. «Edelstein» в Сыктывкаре, в 2008 г. танцевальный коллектив «Tanzkreis» в Сыктывкаре, в 2012 г. молодежный немецкий театр «Märchenwelt» в Соликамске.

Творческий ансамбль стал местом, где актуализируется этничность, где немцы ощущают себя немцами, используя родной язык и сохраняя фольклорные традиции. Одной из мотиваций первых хористов было желание выучить через песни немецкий язык для переезда в Германию: «Сейчас первых хористов нет, тогда немцев в Тагиле жило очень много, в основном люди думали об отъезде и шли в немецкий центр и в хор, чтобы подучить немецкий язык» [ПМА, Нижний Тагил, 2016 г.].

Кроме того, хор является способом межэтнического взаимодействия. Так, например, в составе немецкого хора «Edelstein» не только немцы, но и коми, а также русские: «Я коми, но занимаюсь уже несколько лет в немецком хоре, мой муж немец, мне всегда интересна эта культура. Я часто слушала, как свекровь пела немецкие колыбельные нашему ребенку, как они собирались с друзьями немцами и под аккордеон пели немецкие песни. В хоре мы исполняем не только немецкие песни, но и коми, русские, украинские» [ПМА, Сыктывкар, 2018 г.]. Действительно, в репертуаре ансамбля много народных коми песен: *Кузь сырья* («Ижемская шаль»), *Ой олём, Олём* («Ой жизнь, жизнь»), *Ичот сикт* («Малая родина»), *Юкмёс дорын* («У колодца»).

Создание многочисленных общественных организаций российских немцев стало поводом и для появления языковых проектов. Сохранение немецкого языка через языковые курсы — главное направление в деятельности организаций. В 1990-е гг. языковые курсы пользовались большой популярностью, основной мотивацией слушателей был отъезд в Германию, так как владение немецким языком являлось одним из главных условий для потенциальных эмигрантов. Одними из первых курсы стали работать в Республике Коми, в 1987 г., когда еще не существовало никакой организационной структуры в виде общества или центра, но была необходимость в изучении языка с целью эмиграции. В Свердловской области первые языковые курсы были организованы обществом «Zukunft» в 1996 г. Несмотря на организационные сложности, они действуют до сих пор.

Еще одним языковым проектом, который инициировал МСНК, стали этнокультурные языковые лагеря для детей. Первая смена лагеря состоялась в 1996 г. в Самаре, еще две смены прошли в Нижнем Тагиле и на Алтае. В 1998 г. в Республике Коми открылся первый языковой лагерь «Kinderland» («Детская страна»), с тех пор он проводится каждый год. Лагерь организовывался при поддержке Германии и родителей. Уже в течение нескольких лет его поддерживает правительство Республики Коми: выделяются бесплатные путевки на юг для 70–100 детей. Преподавателей и учебную программу для лагеря готовит немецкая автономия Коми. В Свердловской области каждое лето на озере Таватуй организуется этнокультурный лагерь «Kinderstimmen» («Детские голоса»). В лагере используются нетрадиционные формы занятий немецким языком с использованием стихов, песен, подвижных игр, дети знакомятся с историей российских немцев, обучаются песням и танцам.

Историческая память немцев Урала сохраняется с помощью проектов актуализации этой памяти. Таким примером является создание музеев, где сохраняется материальное наследие народа. Примером личной инициативы сохранения культурного наследия немцев Урала является музей переселенцев XX в., который создал В.В. Моор в Республике Коми. Он родился в 1959 г. в семье немцев-трудармейцев, с детства увлекался коллекционированием, вырос в п. Глушь Печорского района. В 1981 г. семья Моора переехала в Ухту, а он продолжал собирать коллекции, выезжал каждое лето в экспедиции в места, где находились лагеря по всей республике. По его замыслу, музеем должен был стать вагон-теплушка как символ переселения: «Я как-то товарищу сказал, что у меня уже столько вещей, надо где-то их хранить, загорелся идеей расположить все предметы в теплушке как символе переселения» [ПМА, Ухта, 2018 г.].

Сейчас музею помогает только немецкое общество, несмотря на то что коллекции этого музея содержат предметы, относящиеся к самым разным культурам. Недолгое время музей был частью Ухтинского историко-краеведческого музея, город обеспечивал музею оплату коммунальных и охранных расходов.

Этнолидеры

Современные проявления сложной этнической идентичности немцев Урала удобно рассматривать в устойчивости и изменчивости, социальности и персональности. В фокусе исследования основные сферы жизни — от политики и общественных движений до инициатив по сохранению исторической памяти и этнокультурного наследия. Особое внимание мы уделяем индивидуальной инициативе, которая в конкуренции нередко обновляет и преобразует этничность, вызывая эффект изменчивости. В наших интервью на вопрос о выдающихся людях, внесших значительный вклад в историю и культуры немцев Урала, особенно часто упоминались две личности — Э.А. Гриб и О.Ф. Штралер.

Э.А. Гриб родился 28 августа 1924 г. (в документах — 1925 г.) в с. Сергеевка Приазовья. Он учился в немецкой, украинской и русской школах. В сентябре 1941 г. Гриб был мобилизован в «трудармию» на Урал. Эшелон, в котором он ехал, прибыл 24 сентября 1941 г. на станцию Соликамск. Хорошее образование, воспитание, знание языков и склад характера помогли Грибу не только выжить в трудармии, но и сделать головокружительную для немца-трудармейца

карьеру. Он работал на кирпичном заводе техником по безопасности, начальником снабжения на комбинате строительных материалов и деталей. После войны Гриб, как и все немцы, получил статус спецпоселенца, однако одним из первых в Соликамске вступил в комсомол. Гриб активно участвовал в художественной самодеятельности, был нештатным корреспондентом местной газеты. В 1958 г. он окончил заочное отделение строительного факультета Северо-Западного политехнического института в Ленинграде [Герман, 2007, с. 23–37]. Главным направлением в деятельности Гриба была работа по формированию и сохранению исторической памяти. Во многом это связывалось с памятью о трудармии и трудармейцах. Первым конкретным делом в этом направлении стало выявление и регистрация всех, кто был в трудармии. По его подсчетам, их в городе числилось около 4 тыс. чел. Тогда еще многие были живы, но Гриб не ограничивался сбором устной информации, он много работал в архивах, хотя многие документы оказывались недоступными. Трудармейцы имели на руках только справку, выданную управлением мест заключения УВД облисполкома, в ней значилось, что был призван райвоенкоматом и находился в трудармии. Получалось, что они как будто были военнослужащими, поскольку мобилизовывались военкоматами на трудовой фронт, но в то же время они являлись заключенными, коль скоро свой документ получили от учреждения, которое отвечало за заключенных.

Работа над выявлением и сбором информации о трудармейцах завершилась в 2005 г., когда под редакцией Гриба была издана Книга памяти немцев Усольяга [GEDENKBUCH..., 2005]. В ней опубликованы воспоминания трудармейцев и приведен список всех погибших немцев-трудармейцев Усольяга, сведения о которых ему удалось найти. Этот алфавитный список состоит из 3508 чел., с указанием фамилии, имени, отчества, года и места рождения, места жительства до мобилизации, когда и откуда прибыл в лагерь, даты и места смерти. К долгой исследовательской работе Гриба побудил долг перед стариками, которым, по его мнению, он был обязан жизнью:

Вот идет однажды по лагерю человек — скелет, несет в руках пайку и говорит мне: «На, сынок, съешь. Я все равно сегодня-завтра умру, а ты, может, выживешь...». Вот это и было побудительной силой. Мы, молодые, выжили благодаря тому и ради того, что старики погибли. Я тогда себе дал клятву: «Если выживу, буду помогать старикам всем, чем смогу». Я решил, что должен почтить всех поименно, пусть даже в виде Книги памяти [ПМА, Соликамск, 2017 г.].

Мечтой Гриба было воздвигнуть в честь немцев-трудармейцев памятник. В 2008 г. по его инициативе открыт памятник «Камень слез и плача». Мемориальный знак выполнен из гранита с надписью: «...Хотелось бы всех поименно назвать, да отняли список и негде узнать...» (слова из «Реквиема» А. Ахматовой). В 2018 г. Гриб умер, его наследие сохраняется в деятельности общества «Возрождение», в мемориальных проектах и других инициативах, которые были направлены на восстановление исторической справедливости по отношению к российским немцам.

О.Ф. Штралер родился в немецко-коми семье. Его отец Франц Штралер — немец, приехавший в СССР из Верхней Силезии в качестве иностранного специалиста на химическое предприятие. В 1936 г. он обвинен в шпионаже в пользу Германии, арестован и отправлен в Коми. В 1941 г. освобожден, но в связи с началом войны направлен на промышленные работы, а затем, как и все советские немцы, стоял «под комендатурой».

В конце 1980-х гг. О.Ф. Штралер начинает активно заниматься проблемами немцев Коми и инициировать проекты по сохранению их этнической идентичности. В 1987 г. он вместе с В. Эберле под эгидой профсоюза организовал языковые курсы. Действующее общество немцев «Wiedergeburt», председателем которого был Г. Губер, мало ориентировалось на поддержку местных немцев. Все собрания в 1990-е гг. проходили под девизом «Даешь республику — или в Германию». Губер на каждое собрание приносил пачки антрагов (ходатайств о переезде в Германию), и люди приходили на собрания именно за ними. Штралер сошелся во мнении со своим другом О. Баймлером в том, что нужна ориентация на местных немцев. В 1991 г. они провели внеочередное собрание Сыктывкарского общества немцев, и на нем принято решение, что общество берет курс на поддержку тех немцев, которые никуда не собираются уезжать, их языка, культуры, традиций. Председателем общества избран Баймлер. Штралер оставил профсоюзную деятельность и полностью погрузился в общественную работу. В 1992 г. по инициативе Штралера и Баймлера открыта начальная немецкая национальная школа в Сыктывкаре. За полгода ее удалось создать с нуля: под школу было приспособлено здание детского сада, сделан ремонт, разработана учебная программа, подобраны учителя. Первым директором стала О.П. Шмидт. Особенность программы национальной школы состояла в том, что в ней был сильный этнокультурный компонент (язык, традиции, культура, история). В первом классе в первый

год — 30 детей, все немцы. Дети целый день находились в школе, после основных занятий шли занятия немецким языком вместе с родителями, проводились этнические праздники, действовал танцевальный коллектив.

Амбициозным проектом Штралера и Баймлера в 1990-е гг. стала идея строительства немецкой слободы. Город для этого проекта выделил территорию площадью 64 га в районе п. Макаровка: «Когда мы приехали туда, там была катастрофа — густо заросшее болото, наши трактора, экскаваторы тонули». Городская администрация обещала обеспечить инфраструктуру в районе слободы — дорогу, электричество, воду, газ. Был разработан проект немецкой слободы, с кирхой, школой, культурными центрами. Для начала строительства собирали взносы, люди продавали гаражи, брали кредиты. В 1992 г. строительство началось. Однако обещанного финансирования не поступало, строительство домов на территории слободы затягивалось. После 1993 г. немцы продали лес, который добыли на месте будущей слободы, чтобы продолжить строительство, но это не спасло положения. Сегодня в немецкой слободе живут три семьи, в оторванности от городской жизни, дорогу туда не проложили.

С 1993 по 2003 г. Штралер работал в Министерстве по делам национальностей Республики Коми в должности заместителя министра. В 2003 г. он оставил работу в министерстве и решил создать Информационно-образовательный центр немцев Республики Коми (с 2017 г. — Культурно-деловой центр российских немцев). В 2004 г. Штралера избрали председателем региональной НКА. В январе 2004 г. он инициировал создание молодежного общества, тогда же созданы этнокультурная школа и агитбригада, проведена первая этнографическая экспедиция. В 2007 г. при участии Штралера был создан Межрегиональный координационный совет (МКС) в рамках Совета федеральной автономии, что усилило влияние регионов. МСНК также по примеру ФНКА создал МКС, промежуточное звено в структуре самоорганизации между федеральным и региональным уровнем. Регионы получили приоритетное право в определении направлений деятельности немецких организаций на местах.

Для укрепления региональной идентичности руководитель немцев Урала Штралер инициирует и организует фестивали культуры немцев Урала, конкурсы на лучший символ немцев Урала, экспедиции по Уралу, научно-практические конференции и многое другое.

Общественное движение немцев Урала играет ключевую роль проводника этнокультурного развития. Оно возникло на фоне массовой эмиграции немцев в Германию и создавалось как «снизу» по инициативе самих немцев с целью сохранить историю и культуру своего народа, так и «сверху» с целью объединить и контролировать настроения немецкого населения. Немецкие организации сегодня инициируют свои этнокультурные проекты, одним из главных направлений которых является сохранение исторической памяти, культуры, языка и других основ этнокультурного наследия. Во всех проектах яркую, если не решающую роль играет персональная позиция лидеров. В какой-то мере этнические лидеры посвятили себя своему народу и самореализовались на поле этничности, дополняя и оживляя ее своими инициативами. Как показывают наши исследования, этнокультурный потенциал немцев Урала наиболее эффективно реализуется при условии активности этнолидеров, как общественно-политической, так и в сфере культуры, благодаря деятельности которых сохраняется культурное наследие сообщества. Общественно-политические лидеры немцев Урала в лице Э.А. Гриба и О.Ф. Штралера поднялись на пике этнического движения и становления самоорганизации российских немцев в конце 1990-х — начале 2000-х гг. Траектории и мотивы их деятельности, с одной стороны, были связаны с личной самореализацией, с другой — объяснялись желанием сохранить этнокультурные основы резко сокращающегося числа немцев в связи с массовой эмиграцией. Их деятельность нашла отражение в многочисленных проектах, успех которых способствует формированию региональной идентичности немцев Урала через систему самоорганизации.

Финансирование. Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-39-20004 «Этнокультурные проекты и их лидеры на постсоветском пространстве».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Вечерний Челябинск. 1989. 4–10 апр.

Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=3> (дата обращения: 05.10.2019).

- НАРК. Ф. П-3854. Оп. 1. Д. 2, 17, 19, 22.
НТГИА. Ф. 627. Оп. 1. Д. 46, 59.
ОГАЧО. Ф. П-123. Оп. 1. Д. 330.
ОГАЧО. Ф. Р. П-374. Оп. 1. Д. 39.
ОГАЧО. Ф. Р-1041. Оп. 6. Д. 874-а, 1042.
ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 3573.
ПМА, Нижний Тагил, 2016, 2017 г.
ПМА, Соликамск, 2017 г.
ПМА, Сыктывкар, 2018 г.
ПМА, Ухта, 2018, 2019 г.
ПМА, Челябинск, 2018 г.
Zukunft. 1995. № 1.
GEDENKBUCH: Книга памяти немцев-трудармейцев Усольлага НКВД/МВД СССР (1942–1947 гг.) / Сост. Э.А. Гриб; Ред. В.Ф. Дизендорф. М.: ОАРН, 2005. 416 с.

Литература

- Авдашкин А.А. Деятельность национально-культурных объединений российских немцев в конце 1980-х — начале 2000-х гг. (на материалах Челябинской области) // Мир Евразии. 2014. № 4 (27). С. 2–8.
Авдашкин А.А. Процессы диаспоризации на Южном Урале: 1989–2002 гг. (на материалах Челябинской обл.): Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2017. 237 с.
Барбашина Э.Р. Самоорганизация российских немцев как многофакторная проблема // Немцы России: Исторический опыт и современные проблемы самоорганизации: Материалы междунар. науч.-практ. конф., Москва, 29–30 окт. 2007 г. М.: МСНК-пресс, 2008. С. 7–11.
Вайман Д.И., Черных А.В. Немцы Перми: История и культура. СПб.: Маматов, 2015. 64 с.
Герман А.А. «Если останусь жив...»: Жизнь и удивительные изломы судьбы российского немца Эдвина Гриба. М.: МСНК-пресс, 2007. 152 с.
Головнёв А.В. Крупный план в антропологии // УИВ. 2010. № 4 (29). С. 14–20.
Гриб Э.А. Практика работы национальных общественных организаций с местными органами власти на примере г. Соликамска Пермской области // Национальные некоммерческие организации, СМИ, местное самоуправление и проблемы межэтнической толерантности: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. «Полиэтнический регион — 2000...». Пермь: Урал. центр поддержки НГО, 2000. С. 185–188.
Иларионова Т.С. Между надеждой и отчаянием: Десять лет новейшей истории национального движения российских немцев (1991–2000 гг.) // Немецкое население в постсталинском СССР, в странах СНГ и Балтии (1956–2000 гг.): Материалы IX междунар. науч. конф., Москва, 4–7 нояб. 2002 г. М.: МСНК, 2003. С. 154–167.
Мартенс Г.Г. Современное положение российских немцев и актуальные проблемы их развития // Немцы новой России: Проблемы и перспективы развития: Материалы 2-й междунар. науч.-практ. конф., Москва, 7–9 дек. 2009 г. М.: МСНК-пресс, 2010. С. 59–66.
Редекон И.Э. Пермской общество российских немцев «Видергебурт» // Общественные слушания «Участие российских немцев в развитии культуры, науки и образования в прошлом и настоящем города Перми и Пермского края»: Сб. выступлений. Пермь, 2007. С. 3–7.
Смирнова Т.Б. Немецкое население Западной Сибири в конце XIX — начале XXI века: Формирование и развитие диаспорной группы: Дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2009. 460 с.
Смирнова Т.Б. 25-летие Международного союза немецкой культуры // Ежегодник МАИИКРН. 2016. № 2. С. 8–17.
Штралер О.Ф. Национально-культурная автономия в Российской Федерации: Опыт, проблемы развития (на материалах Республики Коми): Дис. ... канд. полит. наук. М., 2003. 167 с.

T.S. Kisser

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the RAS
Universitetskaya nab., 3, Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: tkisser@bk.ru

Social movement of Ural Germans in 1989–2019 (ethnic projects and leaders)

The present article considers the history of the social movement of Russian Germans in the Urals, as well as the factors in its formation, on the basis of previously unknown sources (archival and field materials obtained by the author). The Germans of the Urals formed as a single community in the second half of the 20th century, as a result of deportation, labour mobilisation (1942–1946) and a special settlement regime (1948–1955). The author concludes that the modern social movement contributes to the ethnocultural development of the German population in Russia through various projects aimed at the preservation of history, memory, language and culture. As a result of the activists' activities in the Urals, a network of German associations has formed: centres of German culture, meeting centres, national-cultural autonomies, «Rebirth» society, Russian-German houses, etc. The so-

cial movement of Ural Germans plays a key role in ethnocultural development. It emerged in the setting of the mass emigration of Germans to their homeland, both 'from below' at the initiative of Germans themselves aiming to preserve the history and culture of their people, and 'from above' with the aim of unifying and controlling the mood of the German population. Currently, German organisations initiate their ethnocultural projects directed at the preservation of historical memory, culture, language, as well as other foundations for ethnocultural heritage. For example, creative groups have become a place where ethnicity is updated, where Germans feel like Germans, using their native language and preserving folk traditions. In all projects, a significant, if not decisive, role is played by the personal position of leaders. To some extent, ethnic leaders devote themselves to their people and find self-fulfilment in the field of ethnicity, complementing and revitalising it with their initiatives. Our studies show that the ethnocultural potential of Ural Germans is most effectively realised if ethnic leaders, both socio-political and in the cultural sphere, are active, which helps preserve the cultural heritage of the community. The socio-political leaders of Ural Germans represented by E.A. Grib and O.F. Shtraler emerged at the height of the ethnic movement and the establishment of self-organisation of Russian Germans in the late 1990s — early 2000s. The areas and motives of their activities, on the one hand, were associated with personal self-realisation and, on the other, were explained by the desire to preserve the ethnocultural heritage of Germans whose number reduced sharply due to mass emigration. Their activities are reflected in numerous projects whose success contributes to the formation of the regional identity of the Germans in the Urals through a system of self-organisation.

Key words: Russian Germans, Ural, social movement, self-organization, national-cultural autonomy, leaders, ethnoprojects.

Funding. The article has been written within the RFFI Grant No. 18-39-20004.

REFERENCES

- Avdashkin A.A. (2014). The activities of national-cultural associations of Russian Germans in the late 1980s — early 2000-s (based on materials from the Chelyabinsk region). *Mir Evrazii*, 27(4), 2–8. (Rus.).
- Avdashkin A.A. (2017). *Diasporization processes in the Southern Urals: 1989–2002 (based on materials from the Chelyabinsk region)*. PhD dissertation. Chelyabinsk. (Rus.).
- Barbashina E.R. (2008). Self-organization of Russian Germans as a multifactorial problem. In: *Nemcy Rossii: istoricheskij opyt i sovremennye problemy samoorganizatsii: Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*, Moskva, 29–30 okt. 2007 g. (pp. 7–11), Moscow: MSNK-press. (Rus.).
- German A.A. (2007). «If I stay alive ...»: *Life and amazing breaks in the fate of the Russian German Edwin Grib*. Moscow: MSNK-press. (Rus.).
- Golovnev A.V. (2010). Close-up in anthropology. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 29(4), 14–20. (Rus.).
- Grib E.A. (2000). The practice of work of national public organizations with local authorities on the example of the city of Solikamsk, Perm Region. In: *Nacional'nye nekommercheskie organizatsii, SMI, mestnoe samoupravlenie i problemy mezhetnicheskoy tolerantnosti: Materialy mezhtregion. nauch.-prakt. konf. «Poliethnichnyj region — 2000...»* (pp. 185–188). Perm: Ural. centr podderzhki NGO. (Rus.).
- Ilarionova T.S. (2003). Between hope and despair: Ten years of recent history of the national movement of Russian Germans (1991–2000). In: *Nemeckoe naselenie v poststalinskom SSSR, v stranah SNG i Baltii (1956–2000 gg.): Materialy IX mezhdunar. nauch. konf.*, Moskva, 4–7 noyab. 2002 g. (pp. 154–167). Moscow: MSNK-press. (Rus.).
- Martens G.G. (2010). The current situation of Russian Germans and current problems of their development. In: *Nemcy novoj Rossii: problemy i perspektivy razvitiya: Materialy 2-j mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*, Moskva, 7–9 dek. 2009 g. (pp. 59–66). Moscow: MSNK-press. (Rus.).
- Redekop I.E. (2007). Perm Society of Russian Germans «Widergeburst». In: *Obshchestvennye slushaniya «Uchastie rossijskikh nemcev v razvitii kul'tury, nauki i obrazovaniya v proshlom i nastoyashchem goroda Permi i Permskogo kraja»: Sb. vystuplenij* (pp. 3–7). Perm'. (Rus.).
- Shtraler O.F. (2003). *National-cultural autonomy in the Russian Federation: Experience, development problems (based on the materials of the Komi Republic)*. PhD dissertation. Moscow. (Rus.).
- Smirnova T.B. (2009). *The German population of Western Siberia in the late XIX — early XXI centuries: The formation and development of the diaspora group*. Doct. dissertation. Omsk. (Rus.).
- Smirnova T.B. (2016). 25th anniversary of the International Union of German Culture. *Ezhegodnik MAIKRN*, (2), pp. 8–17. (Rus.).
- Vajman D.I., Chernyh A.V. (2015). *Perm Germans: History and Culture*. St. Petersburg: Mamatov. (Rus.).

T.C. Киссеп, <https://orcid.org/0000-0001-9246-2787>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 19.09.2019

Accepted: 19.12.2019

Article is published: 02.03.2020

Е.А. Ягафова *, Е.В. Бажина **

* Самарский государственный социально-педагогический университет
ул. Максима Горького, 59, Самара, 443099

** Самарский филиал Московского городского педагогического университета
ул. Стара-Загора, 76, Самара, 443084
E-mail: yaгаfova@yandex.ru;
lp168@mail.ru

САМАРСКИЕ ТАТАРЫ: ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ПРАКТИК МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО МЕГАПОЛИСА

Проанализированы факторы этнической самоидентификации татар г. Самары, рассмотрены основные историко-культурные и языковые характеристики и особенности самоорганизации этнических группы, поведенческие установки самарских татар по отношению к другим этническим группам. В результате исследования определены закономерности формирования и поддержания этнокультурной идентичности самарских татар и охарактеризованы практики их межэтнического взаимодействия в условиях мегаполиса.

Ключевые слова: татары, этническая идентичность, межэтническое взаимодействие, Самара, этническая культура, татарский язык.

Введение

Современная Россия имеет достаточно сложную этническую структуру населения, обусловившую разнообразные межкультурные контакты на групповом и личностном уровнях, в различных социальных средах. В условиях многонациональных мегаполисов, с их активным и разносторонним межэтническим взаимодействием, проблема этнического самосознания, ключевых этнодифференцирующих признаков, межэтнических коммуникаций приобретает особую актуальность.

Самара исторически развивалась как многонациональный и поликонфессиональный город. По данным переписи 2010 г. здесь проживают представители более 100 национальностей, численность 17 из них составляет свыше 1000 чел.: в том числе русские (84,72 % от всего населения города), татары (3,38 %), украинцы (1,08 %), мордва (1,07 %), чуваша (1,02 %) [Национальный состав..., 2013, с. 32–37]. Проблема этнокультурной идентификации и межэтнического взаимодействия в Самаре рассмотрена в данной статье на примере одной из многочисленных этнических групп — татар, насчитывающей около 40 тыс. чел.

Исследовательские задачи включали в себя: анализ факторов формирования этнического самосознания самарских татар и основных этнодифференцирующих признаков; описание специфики использования национального языка в условиях русскоязычного города; изучение поведенческих установок самарских татар по отношению к другим этническим группам; описание культурно-бытовых условий жизни самарских татар и их этнической «окрашенности» и ряд других. Особенности этнического самосознания изучались в исследовании через описание и анализ этнической самоидентификации, признаков, определяющих национальную принадлежность и характеристик, сближающих с людьми своей национальности. Цель исследования — определить закономерности формирования и поддержания этнокультурной идентичности самарских татар и практики их межэтнического взаимодействия в условиях мегаполиса.

Городская среда вследствие своей специфики структурирования социальных отношений и поликультурности задает иные, нежели на селе, формы социализации и инкультурации личности. Интенсивные межличностные контакты существенно расширяют и усложняют спектр межэтнических взаимодействий в городах. В связи с этим особое внимание уделяется индивидуальным характеристикам маркеров этничности, проявляющимся в ходе внутри- и межэтнического взаимодействия или, по словам Ф. Барта, «социальных процессов исключения и включения», в которых члены этнической группы демонстрируют «постоянные формы выражения и подтверждения идентичности». Концепция Ф. Барта об «этнических границах», выстраиваемых

посредством дифференциальных признаков, «которые люди находят у других и выказывают сами для демонстрации идентичности», наиболее точно соответствует задачам данного исследования [Барт, 2006, с. 10, 17]. В его рамках основное внимание уделено культурно-языковым характеристикам изучаемого сообщества (язык, материальная культура, религиозно-обрядовые традиции, социальные нормы и структуры, ценностные установки и т.д.), определяющим характер межэтнических контактов и особенности этнокультурной идентификации в группе. Исследование языковой идентичности предполагает выяснение следующих вопросов: степень владения языком (в устной и письменной форме), функционирование языка в разных сферах жизни (бытовое общение, публичная сфера) и различных коммуникативных ситуациях. Особенности внутри- и межэтнического взаимодействия в этнических группах будут рассмотрены в рамках различных социальных институтов и сфер (семья, трудовой коллектив, общественные организации и т.д.; территориальные, бытовые, рабочие контакты). Ключом к пониманию современных этнических процессов является история формирования татарской общины в Самаре, изучение которой позволяет охарактеризовать значение освоенного татарами Самары городского пространства в формировании локальной идентичности членов сообщества.

Исследование было выполнено в русле качественной методологии: применялся целевой отбор информантов, предполагающий формирование выборочной совокупности в соответствии с целями и задачами исследования на разных его этапах в течение 2017–2019 гг. Для сбора информации на первом этапе исследования использовался метод полуструктурированного интервью. Выборочная совокупность формировалась исходя из следующих значимых характеристик: национальная принадлежность опрашиваемых; проживание в г. Самаре; представленность различных социально-демографических групп по полу, возрасту. Всего в рамках данного этапа было опрошено 48 информантов: татары — жители г. Самары — всего 48 чел. в возрасте от 18 до 40 лет, в том числе 21 мужчина и 27 женщин [ПМА]. На втором этапе исследования использовался метод глубинного интервью с представителями татарской общины в Самаре: получено 7 интервью от информантов в возрасте от 20 до 79 лет. Метод наблюдения применялся в процессе изучения массовых мероприятий и праздников татарской общины. Исследование содержит также анализ статистических и опубликованных данных по истории и современной ситуации в татарской общине г. Самары.

Историография темы столь обширна, что в рамках данной статьи невозможно охватить весь комплекс вопросов и проблем, обсуждаемых в публикациях по теме. Потому далее внимание будет сосредоточено на трудах, посвященных непосредственно проблеме межэтнического взаимодействия в городах Волго-Уральского региона, а также истории татар в Самарском крае. В современных исследованиях значительное внимание уделяется процессам межэтнического взаимодействия в урбанизированных средах [Габдрахманова, 2003; Мухаметшина, 2014]. Региональный аспект межэтнических отношений изучался Г.Р. Столяровой [1998; 2004], Р.Н. Мусиной [1995], Л.В. Сагитовой [1998], Т.А. Титовой [1999; 2007], Е.В. Фроловой [2006] на примере Республики Татарстан, Р.Р. Галлямовым [1996], Ф.Г. Сафиним [2000] в Республике Башкортостан. Касательно Самарской области особого внимания заслуживают работы Н.С. Мухаметшиной, Н.В. Явкина, С.П. Кандаурова и др., посвященные различным аспектам межэтнических отношений в Самарской области [Мухаметшина и др., 2011; Мухаметшина, 2015]. Признавая огромную значимость этих исследований для характеристики современных практик межэтнических взаимодействий в регионе, тем не менее следует отметить их методологическую ограниченность (применение преимущественно методов массовых соцопросов), а также акцентирование предмета исследования на этнополитических аспектах взаимоотношений. Изучение этнических диаспор Самары в этнокультурном ключе проведено Л.А. Агаджанян (армяне [2012; 2016]), Ю.Н. Ширинских (азербайджанцы [2016]), Е.А. Ягафовой и В.В. Головановым (киргизы [2018]).

Вопросы истории и расселения татар на территории Самарской области рассматривались в работах А.А. Ахметова [2002], Т.И. Ведерниковой [1981], Ш.Х. Галимова [2006, 2009], Р. Кирсанова, Ф. Махмудова, Р. Шакирова [2003] и некоторых других изданиях. История мусульманских приходов в Самарской губернии представлена в трудах Ш.Х. Галимова [2011], Э.М. Гибадуллиной [2008], Ю.Н. Гусевой [2007, 2016]. Этнокультурные особенности самарских татар изучены в статьях и монографиях С.В. Сусловой [1997, 2001], Р.К. Уразмановой [1997, 2001]. Информационно-справочные материалы касательно истории и современного развития татарской общины в регионе представлены в брошюре «Татары Самарской области» [2008], в работе Ш.Х. Галимова [2013]. На фоне относительно хорошей изученности истории и этнографии татарского сель-

ского населения региона вопросы формирования городской общины, в частности в г. Самаре, особенностей этнических процессов в городской среде остаются открытыми. Новизна настоящего исследования заключается в том, что впервые предметом исследования стали современные этнические процессы среди татарского населения г. Самары, анализ которых проведен с учетом истории и межэтнического взаимодействия в мегаполисе.

История татарской общины в г. Самаре

Расселение татар в Самарском Заволжье началось еще в XVI в., но происходило главным образом в XVIII–XIX в. В Самаре служилые татары (касимовские татары и мещеряки) находились с основания крепости в середине XVI в. В конце XVIII в. городе проживало 26 семей служилых татар общей численностью 168 чел. В последней четверти XVIII в. на юге Самары, в пределах городской черты, сформировалась мусульманская татарская слобода — «обывательские строения... выстроенные по плану приезжих купцов из татар дома», а также мечеть, кладбище и школа. На городских планах конца XVIII — первой половины XIX в. были указаны улицы Мечетная и Татарская (ныне — Самарская и Галактионовская соответственно). В середине XIX в. центр религиозной и общественной жизни татар г. Самары сместился на ул. Саратовскую (ныне ул. Фрунзе), где располагалась усадьба муллы, мечеть, приходская школа и медресе. Численность общины составила примерно 150 чел. [Татары..., 2017, с. 85, 110–112, 119, 343–345]. К концу XIX в. (перепись 1897 г.) в городах проживало 6437 татар (2,6 %), из них 2216 чел. — в Самаре [Список..., 1900, с. XX–XXI]. До революции в Самаре действовали три мечети, построенные в период с 1856 по 1912 г., 2 мусульманские школы (мектебе), татаро-мусульманское общество, 2 русско-татарских училища, издавался журнал на татарском языке «Икътисад» («Экономика»). Основным занятием татар в городе была торговля фруктами, тканями, коврами, чаем, галантереей, кожаными изделиями, книгами, перевозка грузов, хлебная торговля, производство кумыса для санаториев. Среди самарских татар были общественные и политические деятели [Татары..., 2017, с. 129–140, 367, 421, 437].

После революции 1917 г. мечети были закрыты, и только через полвека, в 1967 г., мусульмане города смогли добиться официального разрешения на религиозную деятельность и получили в пользование молельный дом в Малом тупике. Общественная и культурная жизнь самарских татар в 1920–1930-х гг. была представлена в «Клубе национальных меньшинств», на страницах татарских газет «Киңеш» («Совет»), «Яңа көч» («Новая сила»), «Колхозче» («Колхозник») и др., в школах с преподаванием на татарском языке, в театральных студиях [Татары..., 2017, с. 164–176].

Самарская городская община татар росла в течение первой половины XX в. и составила в 1926 г. 3895 чел. (37,6 % от численности городского татарского населения региона) [Всесоюзная перепись..., 1926], а в 1939 г. — 6250 чел. (43,3 %) [Всесоюзная перепись..., 1939]. Урбанизация населения в послевоенный период привела к численному увеличению в регионе татар-горожан до 30 968 чел. в 1959 г. (41,7 % от общей численности татар в регионе) [Всесоюзная перепись..., 1959]. В 1989 г. доля горожан составляла уже 67,7 % [Всесоюзная перепись..., 1989]. Одновременно росла численность татар в Самаре и составила в 1970 г. 24 916 чел., в 1979 г. — 32 912 чел., в 1989 г. — 38 448 чел. [Татары..., 2017, с. 280]. В Самаре в эти десятилетия проживала половина всего городского татарского населения области и от четверти до трети всех татар региона. Рост числа горожан происходил в основном за счет переселенцев из сельских районов области. Основными публичными площадками — трансляторами национальной (татарской) культуры в советское время являлись школы, клубы, библиотеки, сценические площадки и выступления татарских профессиональных и самодеятельных коллективов, в числе последних — татарские ансамбли «Дуслык» («Дружба»), «Ялкынлы яшьлек» («Пламенная молодость»). Местом сбора национальной молодежи в г. Самаре стал «пяточок» на площади Кирова [Татары..., 2017, с. 215–217].

Новый виток в этнокультурном развитии татарской общины Самары наступил в конце 1980-х — начале 1990-х гг. — были учреждены национально-культурные общественные организации («Туган тел» (1989), «Азатлык» и др.), издания на татарском языке — «Бердэмлек» («Единство»), открыты татарская школа «Яктылык» (1996) и Соборная мечеть (1999), основаны самодеятельные коллективы, возрождена и заложена традиция фольклорных праздников (Сабантуй и др.), значительно активизировалась жизнь мусульманской общины в городе и области. В 1992–2002 г. работала татарская редакция многонационального «Радио-7 из Самары» [Кирсанов и др., 2003, с. 112–138; ПМА, 2018].

К началу XX в. численность татар в г. Самаре достигла 40 327 чел., что по-прежнему составляло основную часть городских татар в области (46 %) [Татары..., 2017, с. 280]. По данным

переписи 2010 г. на территории г.о. Самара проживало 39 409 татар, что составило 44 % всех татар-горожан в области и около трети (31 %) численности данной этнической группы в регионе. Большинство татарского населения Самары сосредоточено в Промышленном (10 960 чел.), Кировском (8077 чел.), Советском (6266 чел.), Железнодорожном (4318 чел.) и Октябрьском (3142 чел.) районах [Национальный состав..., 2013], что связано с особенностями урбанизации самарских татар — массовой трудовой миграцией на промышленные предприятия, расположенные в этих районах, и переселением в период их застройки. Татары г. Самары сегодня — это в основном переселенцы последней трети XX в. из сел Самарской области и соседних регионов и их потомки. Благодаря продолжающейся урбанизации региона татарская община Самары регулярно «подпитывается» более компетентной в отношении национального языка и этнических традиций молодежью, что влияет на ход этнических процессов среди самарских татар. В то же время самарские татары внимательно относятся к фактам истории татар в городе — публикуют исторические карты с указанием «татарских» названий улиц, размещают на фасадах зданий соответствующую информацию касательно «татарской истории», обсуждают события из истории самарских татар на научных и общественных мероприятиях. Таким образом, длительная история городской общины татар в Самаре служит мощным ресурсом для локальной этнокультурной идентификации ее членов как «самарских татар» и одновременно стимулом для интеграции в современное поликультурное пространство региона.

Особенности и факторы этнической самоидентификации и практик межкультурного взаимодействия самарских татар

Этническая самоидентификация самарских татар связана в первую очередь с происхождением, национальностью родителей и предков — почти 98 % опрошенных указали на этот критерий при определении своей этнической принадлежности. Треть опрошенных (31 %) отметили значимость культуры, норм и ценностей своего народа, а каждый пятый респондент указал на язык как определяющий фактор самоидентификации. С людьми своей национальности большинство опрошенных сближают язык (65 %), национальные обычаи и обряды (63 %), происхождение (58 %), культура (56 %) и религия (43 %), в меньшей степени — историческое прошлое (19 %), проживание на одной территории (17 %) и черты характера (10 %).

Родным языком большинство респондентов назвали татарский (58 %), в то же время более трети опрошенных (38 %) родным считают русский, а 5 % опрошенных — оба языка. Для самарских татар характерен высокий уровень владения русским языком — 98 % [Всероссийская перепись..., 2002a]. При этом татарским языком владели в 2002 г. только 80 % татар в области [Всероссийская перепись..., 2002b]. По данным текущего опроса, русским языком среди татар Самары свободно владеют 98 %, в то время как татарским — только треть (33 %). Последнее характерно для поколения татар, родившихся в 1980–1990-х гг. и выросших в городе. Из них, по оценочным данным, около трети не знают татарского языка. Тем не менее это не препятствует, по мнению членов общины, формированию у них татарской идентичности, поскольку фактор «происхождения» более значим, чем язык: *«Если человек по происхождению татарин, он все равно с нами рядом»* [ПМА, 2019].

Русский язык является основным и практически единственным языком для контактов на работе (96 %) и в общественных местах (98 %), но преобладает и в дружеском общении (57 %). Исключительно татарский язык для общения в семье и с родными используют 27–28 % опрошенных.

Функциональность языков обусловлена особенностями социального взаимодействия татар с окружающим населением. Если в дружеские контакты они вступают преимущественно с людьми своей национальности (58 %; но при этом круг друзей разнообразен и представлен 13 этническими группами), то среди коллег и соседей отмечается значительное преобладание русских (77 и 75 % соответственно). Таким образом, роль русского языка в межэтническом общении актуальна в различных ситуациях социального взаимодействия, в то время как татарский язык представлен преимущественно в семейно-родственном кругу. Последний, как показали результаты исследования, формируется при терпимом отношении самарских татар к межэтническим бракам: лишь менее четверти опрошенных (23 %) признали такой брак нежелательным и немногим более четверти (27 %) из них отметили, что предпочли бы вступить в брак с человеком своей национальности. Таким образом, разнообразные социальные контакты самарских татар имеют полиэтнический характер, что отражается на процессах этнокультурной идентификации членов сообщества.

Этническая самоидентификация человека происходит, как правило, в ходе инкультурации — в процессе усвоения им культурных норм, ценностей народа, через приобщение его к элементам этнической культуры (пище, костюму, обрядам, обычаям, национальной литературе, музыке и т.д.). Основным социальным институтом, благодаря которому преимущественно формируется этническое самосознание и усваиваются культурные стереотипы, традиции, модели поведения и т.д., является семья. В рамках данного исследования нас интересовала в первую очередь этническая «окрашенность» повседневных культурно-бытовых практик респондентов в пространстве их семей.

Одним из наиболее функциональных компонентов этнической культуры самарских татар является национальная кухня. Большинству опрошенных (89,6 %) известны татарские национальные блюда, более половины (57 %) знают рецепты приготовления, несколько меньше тех, кто сам их готовит (44 %). Самыми популярными блюдами являются *чак-чак*, *эчпочмак*, *белеш*, *кыстыбый*, *токмач*; известны также *губадия*, *перемяч*, *азу*, *кабартма*. Рецепты этих же блюд знакомы опрошенным. При этом они передаются в семьях чаще по женской линии: от матерей (42 %) и бабушек (19 %). Несколько ниже показатели бытования татарских блюд — только *эчпочмак* готовят 19 % респондентов, а остальные блюда — от 4 до 8 % опрошенных. Национальные блюда самарских татар не входят в повседневный рацион питания — 45 % опрошенных отметили, что готовят их 2–3 раза в месяц или на праздники. Таким образом, расхождение в показателях знания о пищевых традициях народа и его реальным применением указывает на слабую функциональность пищи в материальном быту самарских татар. Вместе с тем ее роль как символа татарской культуры, семейно-бытового уклада («выросли на ней», «привыкли с детства») значима в процессе этнокультурной идентификации. Именно пища, наряду с языком, формирует, по признанию информантов, «*татарскую атмосферу в доме*». С пищевыми же запретами (отказ от свинины, алкогольных напитков) ассоциируется этническая поведенческая модель, актуальная у значительной части самарских татар, в том числе молодежи [ПМА, 2019]. Примечательно, что к числу «татарских» блюд некоторые информанты отнесли также блюда азиатской кухни (плов, манты, бешбармак), что, вероятно, указывает на осознание самарскими татарами близости к этническим группам выходцев из Центральной Азии в рамках мусульманского сообщества.

Аналогичная ситуация наблюдается в отношении самарских татар к национальному костюму. Представление о «татарском костюме» чаще всего расходится с его историко-этнографическими вариантами и ассоциируется с мусульманской одеждой, которую можно приобрести в соседнем Татарстане или на публичных татарских мероприятиях в Самаре (например, во время Сабантуя). Среди его особенностей, как правило, указывают тюбетейку, платки («*пестрые*», «*цветастые*»), длинные платья, несколько реже — жилет, широкие штаны, камзол. Такой костюм или его детали имеют 21 % респондентов (преимущественно, представители старшего поколения), из которых чуть более трети носят его по праздникам — чаще всего тюбетейку, платок и камзол. Как часть повседневной одежды детали костюма представлены единично, в основном среди старшего поколения, а в варианте мусульманской одежды — также среди молодых верующих женщин и девушек. Большая часть опрошенных (78 %) не хотели бы иметь татарский костюм и его детали, что, вероятно, следует рассматривать как следствие нивелирующего влияния мегаполиса. Уровень информированности об особенностях татарского национального костюма также не велик, составляет 38 %. Татарский костюм в его сценическом варианте представлен на праздничных площадках Самары как элемент презентации татарской культуры — в нем выступают самодеятельные коллективы и профессиональные артисты.

Декоративный и символический характер носят детали интерьера и способы оформления внутреннего и внешнего убранства жилища, выполненные с учетом этнических традиций татар; в общей сложности они присутствуют в домах и квартирах почти трети (32 %) опрошенных. Среди них самарские татары назвали ковры, полотенца и покрывала («*вышитые полотенца*», «*полотенца и покрывала с орнаментом*», «*полотенца с растительной вышивкой*»; «молитвы» (шамаили)), резные ставни, ворота, сервизы, подушки. Примечательно, что в числе элементов в этническом стиле указаны книги и зеленый цвет в интерьере. Последний, наряду с религиозной литературой и шамаилами, указывает не столько на этнический, сколько на профессиональный признак в самоидентификации самарских татар. В целом религиозные (мусульманские) атрибуты материального быта ярко представлены в общей характеристике этой

сферы культуры самарских татар и создают видимую основу для межэтнических контактов с другими мусульманскими народами города.

Вместе с тем исследование показало, что для татар Самары религия не является главным фактором их этнической самоидентификации. Лишь 40 % респондентов назвали себя верующими людьми, но больше половины (60 %) не посещают мечеть вообще и только треть опрошенных бывают в ней по религиозным праздникам и соблюдают религиозные традиции — празднуют *Ураза-байрам* (16 %) и *Курбан-байрам* (6 %), читают молитвы (13 %), имеют дома Коран (25 %) и другую религиозную литературу (13 %). В целом религиозные праздники и обряды проводят 43 % опрошенных. На этом фоне значительно выше уровень актуальности календарных (Новый год, 8 марта и др.) и государственных (23 февраля, 1 мая, 9 мая, День народного единства и др.) праздников — их отмечают около 60 % опрошенных; чуть более трети (36 %) респондентов празднуют также национальные татарские праздники, в том числе *Сабантуй*. Примечательно, что среди этнических (татарских) праздников они указывают *Новруз*, *Ураза-байрам* (Рамазан) и *Курбан-байрам*, подтверждая синкретизм этнических и религиозных маркеров этнической идентичности татар Самары. Из указанных праздников наиболее известен и популярен *Ураза-байрам*: половина опрошенных знают порядок его проведения и проводят в своей семье и более четверти знают порядок проведения этого праздника, несмотря на то что в их семье он не проводится [ПМА, 2019]. Что касается религиозных праздников вообще, то в их числе самарские татары называют также православные Пасху, Рождество и Крещение, к которым они приобщены благодаря дружеским, соседским, а иногда и родственным связям с православными жителями Самары. Данный факт свидетельствует об определенной интеграции самарских татар в поликонфессиональное, но с преобладанием православия пространство города.

Одним из главных своих праздников самарские татары считают *Сабантуй*, имеющий в городе более чем вековую историю (с 1908 г.). Как и на современном празднике, на дореволюционном Сабантуе проводились состязания в борьбе, беге, джигитовка и другие, а победителей награждали вышитыми полотенцами [Галимов, 2013]. В советское время праздник был выбран средством антирелигиозной пропаганды и проводился под руководством и контролем партийных органов, однако не утратил народного духа и был желанным и любимым праздником самарских татар. В послевоенный период Сабантуй активно отмечали в сельских районах области. Возрожденный Сабантуй в Самаре впервые отметили в 1989 г., и с этого времени его проводят ежегодно, в основном в парке им Ю.А. Гагарина. В программе праздника приветствия руководителей татарской общины, религиозных деятелей, представителей органов власти (частый гость — губернатор Самарской области), традиционные состязания в беге, борьба подушками на бревне, выступления народных коллективов, угощения блюдами татарской кухни, торговля мясной и кондитерской продукцией (колбасы, выпечка), татаро-мусульманской одеждой, предметами культа и т.д. Современный татарский Сабантуй в Самаре — шумный, веселый и заряжающий бодростью и энергией праздник, привлекающий не только татарскую общественность, но и всех жителей города [ПМА, 2017–2019].

Определенную роль в этнокультурной идентификации самарских татар играет музыкальный фольклор. Так, народные песни и танцы исполняют в кругу родных 38 % опрошенных, почти половина (45 %) из них имеют записи татарской музыки и посещают концерты татарских фольклорных коллективов. Вместе с тем доля тех, кто регулярно приобщается к музыкальному народному творчеству невелика и варьирует в пределах 4–13 % по разным показателям. Также низок уровень информированности о татарском фольклоре в целом, включая пословицы, поговорки и сказки, что связано, скорее всего, с отсутствием способов приобщения к устным традициям народа в ходе инкультурации (в семье, в школе и т.д.).

Несколько лучше самарские татары знакомы с творчеством татарских певцов (56 %), поэтов (47 %), эстрадных артистов (39 %), писателей (37 %). В основном оно происходит через интернет (81 %), но также на концертах (29 %) профессиональных татарских артистов, которые посещают почти половина опрошенных (49 %). Концерты, часто совмещенные с публичными мероприятиями татарской общины, такими как *Сәмбелэ* (Праздник урожая), *Сабантуй* и др., являются мощным средством консолидации сообщества, формирования чувства принадлежности к этнической группе. Атмосфера этнического праздника, основанного на народных традициях, но трансформировавшегося в современное зрелище, востребована татарами Самары — более 42 % респондентов хотели бы чаще видеть выступления татарских артистов в городе.

Произведения татарских авторов большинство респондентов либо читают редко (60 %), либо не читают вовсе (40 %). Более половины опрошенных (56 %) редко читают периодические издания на татарском языке. При этом в качестве причин они отмечают отсутствие такой потребности и интереса, незнание языка, отсутствие времени и отсутствие информации о том, каким образом подобные издания можно получить. Однако каждый четвертый опрошенный отметил, что регулярно читает подобные издания. При этом чаще всего такие периодические издания респондентам присылают знакомые или они читают их в библиотеке; лишь небольшая доля опрошенных (7 %) их выписывают.

Как уже отмечалось выше, общее историческое прошлое является признаком, сближающим с людьми своей национальности почти для каждого пятого опрошенного (19 %). Однако уровень исторических знаний у самарских татар невысок: чуть более трети (35 %) знакомы с отдельными сюжетами истории народа и лишь каждый десятый респондент (10 %) знает основные этапы истории и характеристики исторических событий; менее трети опрошенных (27 %) не владеют такими знаниями. Основными источниками получения информации об истории татар для большинства респондентов являются интернет и научная литература.

Значительную роль в сохранении и передаче культурно-языковых традиций самарских татар играют семейно-родственные связи, актуальные между горожанами, но в еще большей степени — между жителями областного центра и родственниками, проживающими на малой родине, в селах Самарской области и соседних регионов. Более 80 % опрошенных поддерживают контакты постоянно благодаря разнообразным средствам связи, но чаще всего горожане навещают родственников в селах во время праздников *Ураза-байрам* и *Курбан-байрам*: участвуют в жертвоприношении и праздничной трапезе, подносят друг другу подарки. Более 65 % опрошенных совершают такие поездки 2–3 раза в год. Частые визиты к сельским родственникам поддерживают родственные связи, сближают молодежь с «этническими корнями»: *«Мои сыновья называют мою родную деревню “безнен авыл”, т.е. “наша деревня”. Младший даже хочет построить дом для нас, родителей»* [ПМА, 2019].

В современных условиях, когда этничность проецируется в публичное пространство, причем не только реальное, но и виртуальное, важную роль в функционировании и воспроизводстве этнических сообществ, особенно в многонациональных городах, играют общественные организации и социальные сети. С конца 1980-х гг. в регионе возникло несколько татарских национально-культурных общественных организаций: в 1989 г. — Самарское областное татарское общество «Туган тел» («Родной язык»), в 2001 г. — Татарская национально-культурная автономия г. Самары, в 2010 г. — Самарская областная татарская национально-культурная автономия (СОТНКА), в 2011 г. — Самарская региональная творческая общественная организация «Дуслык» («Дружба»). Выстраивая свою деятельность в определенных направлениях, все татарские общественные организации преследуют цель создания условий для развития этнического сообщества и сохранения его культурно-языковой специфики. Консолидации сообщества способствуют и группы «Самарские татары», «Татары Самары», «Татары и татарочки Самарской области» и другие в социальных сетях «Одноклассники» и «ВКонтакте», объединяющие от нескольких десятков до нескольких тысяч участников. Однако, как показало исследование, включенность респондентов в деятельность татарских общественных организаций (как реальных, так и виртуальных татарских сообществ) крайне невысока: респонденты не информированы о деятельности подобных организаций, не включены в их работу и не испытывают потребности в такого рода деятельности. Лишь каждый пятый опрошенный (21 %) знает что-то о деятельности подобных организаций. Доля респондентов, состоящих в виртуальных татарских сообществах, группах в социальных сетях также невысока и составляет лишь 6 % от числа опрошенных [ПМА, 2019].

Заключение

Проведенное исследование показало, что основополагающую роль в формировании этнического самосознания самарских городских татар играет семейно-родственный круг, в котором происходит инкультурация молодого поколения и поддерживается культурно-языковая идентичность членов общины. Существенное влияние на данный процесс оказывают такие практики, как соблюдение этнических традиций в питании, в религиозной и праздничной сферах, приобщение к фольклору, а также профессиональной татарской культуре, знание исторического прошлого народа. Вместе с этим ряд элементов (национальный костюм, декор жилища) утратили свое перво-

начальное, утилитарное, значение в культуре, но продолжают играть значимую роль в процессе этнической идентификации членов сообщества в качестве символических маркеров этничности. Деятельность общественных организаций татар направлена на консолидацию этнического сообщества и способствует также трансляции этнокультурного опыта молодому поколению.

Татарский язык играет существенную роль в становлении этнического самосознания и внутриэтнической коммуникации для значительной части самарских татар. Вместе с тем он не является главным индикатором национальной принадлежности членов группы и функционально уступает русскому языку в приватной и публичной сферах. Исследование показало, что основу этнической идентичности самарских татар составляют происхождение, национальность родителей, предков, что обеспечивает, несмотря на утрату языка, этническое воспроизводство группы.

Самарские татары благодаря синкретизму этнических и религиозных начал в культуре интегрированы в мусульманское сообщество города, в то же время они имеют представление и отчасти даже приобщены к православной традиции вследствие длительных исторических контактов с русскоязычным православным большинством городского населения. Эта связь, хотя и различная по интенсивности, с обеими наиболее многочисленными конфессиями Самары создает оптимальные возможности для интеграции в поликультурную среду самарского мегаполиса.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Самарской области в рамках научного проекта 18-49-630002 «Этнические группы в межкультурном пограничье в Самарском Заволжье: исторический опыт взаимодействия и современные процессы».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Литература

Агаджанян Л.А. История армянской общины в г. Самаре (вторая половина XIX — нач. XXI вв.) // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. № 3. С. 34–37.

Агаджанян Л.А. Армянские общественные организации в г. Самаре в 1990-х — 2015 гг.: История формирования и опыт публичной деятельности // Известия Самарского НЦ РАН. 2016. № 3. С. 170–175.

Ахметов А.А. История заселения Симбирско-Ульяновского Заволжья (XVII–XX вв.). Ульяновск: ГУП Обл. тип. Печ. Двор, 2002. 245 с.

Барт Ф. (ред.). Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий. М.: Нов. изд-во, 2006. 200 с.

Ведерникова Т.И. Расселение татар в Степном Заволжье (Самарской губернии) в XVIII–XIX вв. // Проблемы истории СССР. М.: Изд-во МГУ, 1981. Вып. XII. С. 87–95.

Габдрахманова Г.Ф. Социокультурная адаптация беженцев и вынужденных переселенцев в Республике Татарстан. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2003. 146 с.

Галлямов Р.Р. Многонациональный город: Этносоциологические очерки. Уфа: Гилем, 1996. 199 с.

Гибадуллина Э.М. Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX — начале XX века. Н. Новгород: Медина, 2008. 260 с.

Гусева Ю.Н. Ислам в Самарской области. М.: Логос, 2007. 112 с.

Гусева Ю.Н. Исламская традиция на самарской земле // Известия Самарского НЦ РАН. 2016. Т. 18. № 3. С. 161–169.

Мусина Р.Н. Республика Татарстан: Межэтнические отношения, этничность, государственность // Суверенитет и этническое самосознание: Идеология и практика. М.: ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1995. С. 143–167.

Мухаметшина Н.С., Кандауров С.П., Явкин Н.В. «Новые мигранты» в региональном сообществе: Практика взаимодействия и интеграционный потенциал. Самара: СГАСУ, 2011. 108 с.

Мухаметшина Н.С. «Мигрантские кластеры» в социальном пространстве города // Известия Самарского НЦ РАН. 2014. № 3 (2). С. 638–642.

Мухаметшина Н.С. Проблемы интеграции мигрантов в региональный социум // Известия Самарского НЦ РАН. 2015. № 1. С. 138–142.

Сагитова Л.В. Этничность в современном Татарстане. Казань: Татполиграф, 1998. 183 с.

Сафин Ф.Г. Этноязыковые процессы в Башкортостане в XX столетии. М.: ИЭА РАН: Центр по изучению межнац. отношений ИЭА РАН, 2000. 283 с.

Столярова Г.Р. Особенности современной этноязыковой ситуации в Республике Татарстан // Уч. зап. Казанского ун-та. 1998. Т. 134. С. 171–180.

Столярова Г.Р. Феномен межэтнического взаимодействия: Опыт постсоветского Татарстана. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 314 с.

Тимова Т.А. Этническое самосознание в национально-смешанных семьях. Казань: Форт-Диалог, 1999. 164 с.

Тимова Т.А. Этнические меньшинства в Татарстане: Статус, идентичность, культура. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2007. 253 с.

Уразманова Р.К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала: (Годовой цикл. XIX — нач. XX вв.): Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Дом печати, 2001. 198 с.

Фролова Е.В. Этнокультурное развитие этнических меньшинств в условиях полиэтнического города (по материалам исследований чувашского, украинского, немецкого и армянского населения гг. Казань и Набережные Челны республики Татарстан) // Вестник Чуваш. ун-та. Чебоксары, 2006. № 3. С. 203–208.

Ширинских Ю.Н. Азербайджанцы в полиэтнической среде г. Самары: Факторы этнокультурной идентичности // Самар. науч. вестник. 2016. № 1. С. 129–133.

Ягафова Е.А, Голованов В.В. Самарские киргизы: Особенности этнической идентификации и социокультурной адаптации в полиэтническом городском пространстве // Известия Самар. НЦ РАН. 2018. Т. 20. № 3 (2). С. 553–556.

Источники

Всероссийская перепись населения 2002 г. (а). Т. 4: Национальный состав, владение языками, гражданство. Табл. 3: Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 12.10.2019).

Всероссийская перепись населения 2002 г. (б). Аналитика. Национальный состав и владение языками. Распространенность владения языками по субъектам Российской Федерации. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=78> (дата обращения: 12.10.2019).

Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=407; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=410 (дата обращения: 12.10.2019).

Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения районов, городов и крупных сел РСФСР // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php?reg=845 (дата обращения: 12.10.2019).

Всесоюзная перепись населения 1959 года. Городское и сельское население областей и краев РСФСР по полу и национальности // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59_gs.php?reg=35 (дата обращения: 12.10.2019).

Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей и краев РСФСР по полу и национальности // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg=35 (дата обращения: 12.10.2019).

Полевые материалы авторов (ПМА), 2017–2019, г. Самара.

Список населенных мест Самарской губернии, составленный в 1900 году секретарем Сам. Губ. Стат. Комитета И.А. Протопоповым. Самара: Изд. неофиц, 1900. 520 с. С. XX–XXI.

Галимов Ш.Х. История села Ново-Урайкино: Годы, события, люди. Самара: Книга, 2006. 168 с.

Галимов Ш.Х. История села Мулловка (с начала XIX века до наших дней). Самара: Типография Сокол-Т, 2009. 296 с.

Галимов Ш.Х. Прошлое как вера в будущее: К 120-летию Самарской Исторической мечети (1891–2011 гг.). Самара: Книга, 2011. 218 с.

Галимов Ш.Х. Седая древность и вечная молодость Сабантуя // Самарские татары (Самар татарлары): Ежекварт. журнал о жизни самарских татар. 2013. № 2 (3). Апрель — июнь. С. 50–53.

Кирсанов Р., Махмудов Ф., Шакиров Р. Татары // Этнос Самарского края: Историко-этнографические очерки. Самара: Администрация Самарской обл., 2003. С. 111–138.

Национальный состав населения Самарской области (по данным Всероссийской переписи 2010 года): Статист. сборник / Под. ред. Г.И. Чудилина. Самара, 2013. 327 с. Табл. 4. С. 32–37.

Суслова С.В. Женский костюм татар Похвистневского района Самарской области середины XIX — начала XX вв.: Материалы к научной реконструкции // Самарская область. Этнос и культура: Информ. вестник. 1997. Вып. 2–3. С. 29–36.

Суслова С.В. Узорное ткачество татар самарского края. По материалам экспедиций в Камышлинский и Похвистневский районы // Самарская область. Этнос и культура: Информ. вестник. 2001. Вып. 1. С. 21–27.

Татары Самарского края: Историко-этнографические и социально-экономические очерки / Под ред. Ш.Х. Галимова. Самара: Кн. изд-во, 2017. 616 с.

Татары Самарской области: Паспорт этнической группы / Ред. Ш.С. Багаутдинов, С.К. Жидкова. Самара: ГУ СО ДДН, 2008. 32 с.

Уразманова Р.К. Годовой цикл традиционных обрядов и праздников татар (в деревнях Старое Ермаково, Старая Балыкла, Татарский Байтуган, Новое Усманово и селе Камышла Камышлинского района Самарской области) // Самарская область. Этнос и культура: Информ. вестник. 1997. Вып. 2–3. С. 23–28.

E.A. Iagafova *, E.V. Bazhina **

* Samara State University of Social Sciences and Education
Maxima Gorkogo st., 59, Samara, 443099, Russian Federation

** Samara branch of the State Autonomous educational institution of Moscow «Moscow city university»
Stara-Zagora st., 76, Samara, 443084, Russian Federation

E-mail: yagafova@yandex.ru;

lp168@mail.ru

Samara Tatars: features of ethnic identification and interethnic interaction practices in a multinational metropolis

The article considers the current features of ethnocultural identification and interethnic relations of Samara Tatars by examining their urban community, which formed in the 18th–20th centuries. The study is aimed at determining the features associated with the formation and preservation of the ethnocultural identity of Samara Tatars, as well as the practice of their interethnic interaction in a metropolis. The research is based on the materials of a field survey of Samara Tatars conducted by the authors in 2017–2019, as well as on the analysis of statistical and published data on the history and current situation in the Tatar community of Samara. The research methodology is based on the concept of 'ethnic boundaries' formed in the course of intra-ethnic and interethnic interaction, within which individual and group forms of ethnic identity are manifested. The study focuses on the cultural and linguistic characteristics of the community under study (language, material culture, religious and ritual traditions, etc.), which determine the nature of interethnic contacts and the features of ethnocultural identification in the group. The study revealed that the origin, nationality of parents and ancestors constitute the basis of ethnic identity of Samara Tatars, which, despite the loss of the language, ensures ethnic reproduction of the group. The Tatar language plays a significant role in the formation of ethnic identity and intra-ethnic communication for a significant part of Samara Tatars; however, it is functionally inferior to the Russian language in the private and public spheres. The role of the kinship group is significant; thanks to it, ethnic traditions in diet, as well as in the spheres of religion and festivities are mastered and observed. Despite the fact that a number of elements have lost their original, utilitarian significance in culture, they continue to influence the process of ethnic identification of community members as symbolic markers of ethnicity. Folk heritage, as well as professional culture, make a certain contribution to the foundation for the ethnicity of Samara Tatar. The activities of Tatar public organisations also contribute to transmitting ethnocultural experience to the younger generation. The long history of the urban Tatar community in Samara constitutes a powerful resource for the local ethnocultural identification of its members as 'Samara Tatars', as well as an incentive for integration into the modern multicultural space of the region.

Key words: Tatars, ethnic identity, interethnic interaction, Samara, ethnic culture, Tatar language.

Funding. The article has been written within the RFBR and Samara Region Project No. 18-49-630002.

REFERENCES

- Agadzhanian L.A. (2012). History of the Armenian community in Samara (the second half of XIX — beginning of the XXI century). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*, (3), 34–37. (Rus).
- Agadzhanian L.A. (2016). Armenian public organizations in Samara in 1990–2015: History of formation and experience of public activity. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*, (3), 170–175. (Rus).
- Akhmetov A.A. (2002). *History of settlement of Simbirsk-Ulyanovsk Trans-Volga Region (XVII–XX century)*. Ulyanovsk: Pechatny Dvor. (Rus).
- Bart F. (Ed.). (2006). *Ethnic groups and social boundaries: Social organization of cultural differences*. Moscow: Novoye izdatel'stvo. (Rus).
- Frolova E.V. (2006). Ethnocultural development of ethnic minorities in the conditions of the multi-ethnic city (according to the materials of research of the Chuvash, Ukrainian, German and Armenian population of the cities of Kazan and Naberezhnye Chelny of the Republic of Tatarstan). *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, (3), 203–208. (Rus).
- Gabdrakhmanova G.F. (2003). *Socio-cultural adaptation of refugees and internally displaced persons in the Republic of Tatarstan*. Kazan': Institut istorii AN RT. (Rus).
- Gallyamov P.P. (1996). *Multinational city: Ethnographic essays*. Ufa: Gilem. (Rus).
- Gibadullina E.M. (2008). *Muslim parishes in Samara Province in the second half of the 19th and early 20th century*. Nizhny Novgorod: Medina. (Rus).
- Guseva Yu.N. (2007). *Islam in Samara region*. Moscow: Logos. (Rus).
- Guseva Yu.N. (2016). Islamic tradition on Samara land. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*, 18(3), 161–169. (Rus).
- Musina R.N. (1995). Republic of Tatarstan: Inter-ethnic relations, ethnicity, statehood. In: *Sovereignty and ethnic identity: Ideology and practice* (pp. 143–167). Moscow: Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN. (Rus).
- Mukhametshina N.S., Kandaurov S.P., Yavkin N.V. (2011). *«New migrants» in the regional community: Interaction practices and integration capacity*. Samara: SGASU. (Rus).

- Mukhametshina N.S. (2014). «Migrant clusters» in the social space of the city. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*, 3(2), 638–642. (Rus).
- Mukhametshina N.S. (2015). Problems of integration of migrants into regional society. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*, (1), 138–142. (Rus).
- Safin F.G. (2000). *Ethno-linguistic processes in Bashkortostan in the 20 century*. M.: Institut etnologii i antropologii RAN. (Rus).
- Sagitova L.V. (1998). *Ethnicity in modern Tatarstan*. Kazan': Tatpoligraf. (Rus).
- Stolyarova G.R. (1988). Features of the modern ethno-linguistic situation in the Republic of Tatarstan. *Uchenyye zapiski Kazanskogo Universiteta*, (134), 171–180. (Rus).
- Stolyarova G.R. (2004). *Phenomenon of inter-ethnic interaction: experience of post-Soviet Tatarstan*. Kazan': KGU. (Rus).
- Titova T.A. (1999). *Ethnic identity in nationally mixed families*. Kazan': Fort-Dialog. (Rus).
- Titova T.A. (2007). *Ethnic minorities in Tatarstan: status, identity, culture*. Kazan': KGU. (Rus).
- Shirinskikh Yu.N. (2016). Azerbaijani in the multi-ethnic environment of the city of Samara: Factors of ethnocultural identity. *Samarskiy nauchnyy vestnik*, (1), 129–133. (Rus).
- Urazmanova R.K. (2001). *Rituals and holidays of Tatars of the Volga region and the Urals (Annual cycle. 19th — the beginnings of the 20th century): Historical ethnographic atlas of the Tatar people*. Kazan': Dom pečati. (Rus).
- Vedernikova T.I. (1981). Resettlement of Tatars in Steppe Trans-Volga Region (the Samara province) in the XVIII–XIX centuries. In: *Problems of history of the USSR*, (12) (pp. 87–95). Moscow: MGU. (Rus).
- Yagafova E.A., Golovanov V.V. Samara Kyrgyz: Peculiarities of ethnic identification and sociocultural adaptation in multi-ethnic urban space. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*, 20, 3(2), 553–556. (Rus.).

Е.А. Ягафова, <https://orcid.org/0000-0002-2784-8090>

Е.В. Бажина, <https://orcid.org/0000-0003-4883-7611>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 09.12.2019

Accepted: 19.12.2019

Article is published: 02.03.2020

С.В. Рязанова

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН
ул. Ленина, 13а, Пермь, 614990
E-mail: svet-ryazanova@yandex.ru

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ РОБЕРТА ШЕКЛИ: ПСЕВДОСЕКУЛЯРНЫЙ МИР

Статья рассматривает один из вариантов понимания Бога внутри современной западной литературной традиции, существующей вне религиозных систем. Фантастический жанр выбран для анализа как позволяющий применять и верифицировать все стратегии социального поведения и системы взглядов на мир. Бог предстает как антропоморфный, прагматичный и пристрастный персонаж, не заинтересованный в судьбе своего творения. Тексты анализируемых произведений указывают на возможность и необходимость контакта человека и Бога с обязательным личным участием индивида.

Ключевые слова: христианство, современная фантастика, теология, образ Бога, христианские идеи, Роберт Шекли.

Восприятие Бога внутри христианской и пост-христианской традиции во многом определено ключевой для западных религий идеей свободы личностного выбора. Ее степень может быть по-разному воспринимаема и интерпретируема, но сам факт наличия является неоспоримым. Гуманизм, рационализм, естественные права, демократические нормы и формы управления формируются как дериваты от этой свободы, определяя новую систему координат культуры. Помещенный в центр координат субъект, лишенный сакральных значений, выступает не столько как отправная точка для социокультурных и мировоззренческих конструкций, сколько в качестве инициатора творческих изменений. Появляется принципиально новый тип культуры, условно определяемый как светский, в котором мифологическое и религиозное уже не претендуют на тотальность охвата социокультурного пространства. Светскость в данном случае означает не доминирование данного типа мироотношения в культуре, а его наличие как возможность антропоцентрического культурогенеза.

Одной из сторон светскости становится секулярность, под которой мы подразумеваем достижение обществом и человеком состояния независимости от религиозных институтов и конституируемых ими мышления и практики [Гараджа, 2010, с. 171; Узланер, 2008; Звеерде, 2012]. Постепенно формируется представление о том, что индивид способен самостоятельно конструировать отношение как к объектам и субъектам социального пространства, так и к метафизическим и сакральным сущностям. В качестве модуса существования светская культура предоставляет индивиду максимальную свободу выбора способов самоосуществления, выстраивания иерархии этических норм и ценностей, принципов поведения и стиля жизни. При этом наибольшая степень свободы самовыражения и самоосуществления приходится на нематериальные конструкты, имеющие статус слабого социального действия и в наименьшей мере подпадающие под необходимость общественного одобрения. Литературные и философские нарративы становятся полем для свободного конструирования смыслов и значений.

Объекты осмысления, заимствованные из религиозной и мифологической сфер функционирования культуры, широко используются, но занимают подчиненное в смысловом отношении положение в тексте и подвергаются ситуативной реконструкции. Это касается и образов, ранее выносимых за рамки критического дискурса. Новые системы образов и смыслов, несмотря на наличие авторства, формируются как социально ориентированные, рассчитанные в том числе на массовое потребление. Это подразумевает использование упрощенных образов и сюжетов, высокую степень эмоционального насыщения, связь с наиболее яркими феноменами культурного пространства [Рязанова, 2014]. Неизбежным следствием адаптации для массового распространения становится внесение традиционных (в том числе национальных и мифологических) сюжетов и мотивов, опирающихся на архаические смыслы [Неклюдов, 2000]. Авторство текста, основанное на свободном творчестве, определяет тот факт, что, несмотря на сохранение вокруг объектов дискурса устойчивого ассоциативного поля значений, содержание каждого

нового текста является трансформированным по отношению к использованным исходным текстам. Текстовая реализация авторского замысла может осуществляться на разных уровнях культурной традиции, что определяет разнообразие акцентов передаваемой информации.

Несомненно важным, на наш взгляд, является присутствие в культурном пространстве субъекта — исполнителя действий по истолкованию текста. В нем заложен потенциал не только дополнения получаемой информации, но и трансформации ряда исходных моментов. Развитое индивидуальное восприятие определяет возможности коррекции и деформации отдельных составляющих текста и его структуры в целом. Тем самым создаваемые авторами модели мировосприятия являются неизменными только на момент фиксирования их в текстовом виде, претерпевая потом изменения в сознании субъекта-читателя.

Эта особенность конструирования текста в современной культуре определяет наличие параллельно протекающих независимых процессов конструирования образов — на уровне пишущего и читающего. Эта поливариантность позволяет смешивать светские, религиозные и мифологические элементы мировосприятия, создавая в том числе индивидуальные мифологии и теологии и даже концентрируя на них внимание: «в современной машинной цивилизации место для мифологического времени остается только в отдельном человеке» [Леви-Строс, 2001, с. 213].

Использование принципа светского как антропоцентрического не означает игнорирования понятия «Бог». Оно уже не является структурирующим систему мировоззрения, но по-прежнему вызывает интерес и в некоторых случаях становится основой для формирования своеобразной «светской теологии». Под ней мы понимаем систему описания мира, не связанную с религиозностью ее автора, но использующую при этом понятие бога как структурно значимое. Оно призвано, чаще всего, легитимировать декларируемые ценности и смыслы либо помочь во включении этих смыслов в привычную систему социальных координат.

Представляется, что использование образа Бога является и одним из вариантов компенсации современного экзистенциального одиночества, связанного с расщеплением внутреннего и внешнего социального бытия [Горелов, 1991, с. 12–13, 18], начиная с эпохи Ренессанса. Самодостаточность и самодеятельность индивида, свободного от большинства регуляторов социального поведения и использующего индивидуальный путь самореализации, привело к формированию в общественном сознании идеи существования без закрепления в системе духовных и социальных координат. Возможность такого существования стимулировалась процессами совершенствования производственной и бытовой техники, увеличением объема свободного времени, улучшением сферы обслуживания, позволившим отказаться от рутинных занятий. Новая культура потребления ликвидировала привязанность к вещам. Резко уменьшилась роль семьи и родственных отношений. Человек «освободился от авторитета тотальной церкви, от груза традиционного мышления, от географических ограничений... он создал новую науку, которая со временем высвободила дотоле неизвестные производительные силы и полностью преобразила материальный мир. Он построил политическую систему, которая... гарантировала свободное и продуктивное развитие личности, он сократил продолжительность рабочего дня настолько, что получил возможность наслаждаться долгими часами досуга, о котором не смели и мечтать его предки» [Фромм, 1993, с. 192]. Элементы нового для индивида вносятся через осмысление и соотнесение с актуальным моментом существования.

Современный человек сталкивается с одновременно существующими, уже не конкурирующими познавательными стратегиями, связанными с различными сферами социальной деятельности. Многообразие подходов и методов познания сочетается с зыбкостью границ между ранее вытеснявшими друг друга способами отношения к миру. Ориентация в существующих возможностях и определение предпочтительного для себя способа осуществляется на уровне индивидуального сознания и требует значительных личных усилий. В том случае, если ситуация постоянного выбора и самостоятельного осмысления оказывается непосильной, возникает риск «погружения в хаос» [Зиммель, 1996, с. 493], оформленного в ощущение утери смысла жизни. В социальном плане это выражается в отсутствии ощущения собственной причастности некой общности [Камю, 1990, с. 51; Фромм, 1993, с. 254], которая определяла бы способ ответа на вопрос о принципах социального существования. Очевидно, что реализация в чистом виде светской идеи полной свободы индивида оказывается затруднительной для большинства, которому необходим мир, где «ответы заранее даны» [Камю, 1990, с. 133].

Существование внутри цивилизации, которая, согласно высказыванию А. Мальро, «может завоевать всю землю, но не способна изобрести ни своих храмов, ни своих гробниц» [Руткевич,

1990, с. 13], ставит задачу поиска внешнего центра, авторитетного в мировоззренческом смысле и задающего идеальные нормы и модели ритуального поведения [Юнг, 1996, с. 208]. Необходимость регулирования извне [Хьюбнер, 1996, с. 3] необязательно приводит к обращению к разного рода сообществам (религиозным и мистическим группам, кружкам по интересам и объединениям идейных единомышленников). Точка мировоззренческого отсчета может быть зафиксирована на уровне идеи, развернутой в рамках философского или литературного текста.

Идеальным в этом отношении является нарратив, принадлежащий к фантастике как литературному жанру, которая конструирует свою модель реальности [Levin et al., 1977, с. 250]. Пространство воображаемого позволяет разворачивать описываемые ситуации в точках экстремума, проверять предлагаемые концепции всеми способами, вплоть до логики абсурда, верифицировать принципы и нормы в условиях, которые невозможны в реальной жизни. Ранее трактуемые как трансцендентные, метафизические категории, с одной стороны, находят понятное, прикладное воплощение, а с другой — проходят своеобразную проверку на актуальность.

Бог как часть универсума является одним из тех понятий, которые, будучи неподверженными полному разбору, всегда оставляют пространство для интерпретации, вне зависимости от мировоззренческой позиции размышляющего субъекта. Благодаря сложившейся традиции, связанной с религиозным мироотношением, он выступает в качестве идеальной точки отсчета даже в том случае, когда интерпретатор позиционирует себя как атеист.

Одним из доказательств востребованности понятия Бога как одной из базовых онтологических и когнитивных категорий являются тексты Роберта Шекли — известного в качестве не только автора сотен произведений, но и классика научного юмора, выбранного для анализа из-за его высокой популярности, подразумевающей созвучность идей ментальности современной культуры. Сам Шекли, совпадая с нашим утверждением о высоком потенциале жанра фантастики для интерпретаций любого рода, неоднократно утверждал, что только она «дарит творцу полную свободу» [Robert Sheckley...]. Не будучи аффилирован к каким-либо религиозным системам, американский фантаст своими рассказами и повестями дает яркий пример формирования индивидуальной фантастической теологии, фактически представляющей собой образец авторского социального мифа [Алпеева, 1994; Белоусова; Гуревич, 1983, с. 101–102, 110–112; Драгунский...; Емельянова, 1992; Mc Neill, 1982; Chevalier, 1979; Randall, 1919].

Для реконструкции образа Бога, который Р. Шекли использует для развертывания предлагаемой им системы ценностей, нами будет использован метод интертекстуального анализа. Он представляется оптимальным, поскольку совокупность предлагаемых читателю идей у одного из основоположников американской фантастики укоренена во множестве мифологических и религиозных нарративов. Основное содержание заимствований составляет общеизвестная сюжетная канва, используемая чаще всего вне прямой связи с исходными смысловыми пластами. Выявляемые аллюзии сугубо индивидуальны, пропущены через мировосприятие автора, но постоянно соотносятся с базовыми ценностями современной западной культуры. В этом отношении использование источников вероучительного характера интересно как указывающее на связь современного фантастического рассказа с восточной и западной литературными традициями и позволяющее применить для их анализа методы феноменологии религии [Забияко, 2002, с. 133–138; 2010, 2011а, 2011б; Шахнович, 2001, 2006].

В создаваемом автором-фантастом тексте прецедентные нарративы отступают на задний план, вне зависимости от плотности их цитирования и даже использования в качестве аргументов героями рассказов и повестей. Более важным становится концептуальный смысл вторичного текста, вытесняющий или частично перекрывающий интенции создателей текстов-источников. Традиционно соотносимые с религиями и мифологиями эстетические маркеры и этические нормы постоянно корректируются Шекли в пользу здравого смысла, уважения к другому и чувства юмора.

Целью нашего экскурса в созданные патриархом зарубежной фантастики тексты является определение назначения образа Бога для текста светского характера, построенного на принципе максимальной мировоззренческой свободы его автора. Многочисленные боги должны послужить объяснением тому факту, что они оказались нужны автору, воздержавшемуся от аффилированности к любой из известных вероучительных систем.

К сожалению, до настоящего времени творчество этого автора не являлось объектом интенсивных исследований со стороны филологов и еще не стало объектом внимания для представителей религиоведческих дисциплин, как за рубежом, так и в отечественной науке, если не

принимать во внимание работы общего характера [Тупп, 1985]. Из современных периоду наивысшей популярности Шекли работ можно упомянуть только Дж. Ганна [Gann, 2018], критически исследующего целый ряд произведений фантастического жанра и не выделяющего особым образом его отдельных представителей. Помимо объемных статей в энциклопедиях и справочниках, посвященных фантастическому жанру, нельзя вспомнить ни одной фундаментальной работы, рассматривающей тексты этого автора с философских позиций. Имеющиеся работы филологической направленности уделяют внимание связи творчества Шекли с трудами авторов эпохи Просвещения (Б. Олдисс) и его футуристическим построениям (К. Эмис, М. Коренева, Ю. Кагарлицкий). Особого внимания заслужили использованные Шекли приемы сатиры (П. Николз, Д. Уайт, В. Гаков, М. Мендельсон) и поэтические приемы (В. Кухаренко) (подробный обзор библиографии и историографии исследований творчества Р. Шекли см.: [Шолина, 2000]).

Для начала отметим, что Шекли относится к имеющимся в его наличии образам богов волюнтаристски — они помещаются в сюжет повествования, будучи совсем не связанными с теми мировоззренческими структурами, в границах которых они сформировались. Пантеон многочисленных рассказов и повестей представлен в двух вариантах. В первом американский фантаст отдает дань той религиозной традиции, которая стала одним из оснований североамериканской цивилизации. Внимания в равной степени удостоиваются как светлые сущности («Бесконечное множество ангелов»; «Зирн без охраны, дворец Дженгик горит, Джон Вестерли мертв»; «Избирательная память»; «Битва»), так и их антагонисты («Сделка с дьяволом») (все тексты приводятся по ссылке на сайт «Литмир»).

Используемые христианские имена, названия и связанные с ними сюжеты в большинстве случаев являются таковыми только по внешним признакам. Ни одна из используемых автором характеристик Бога как создателя мира людей, управляющего его судьбой, не укладывается не только в положения традиционного богословия западного и восточного христианства, но даже в эклектические и синкретические положения так называемых новых религий.

Временами патриарх фантастики даже допускает некоторое хулиганство, освобождая придуманного им Бога от религии как явления культуры, вернее — трактуя религию как исключительно человеческое дело:

«Бог тоже нерелигиозен. Но к кому-то Он относится лучше, к кому-то похуже — как и все мы.

— Вы на что-то намекаете?

— Просто обращаю ваше внимание на то, что Богу вряд ли нравятся люди, не помогающие его ангелам.

— Это угроза?

— Помилуйте! Ни сам Бог, ни Его представители, к числу которых я принадлежу, не угрожали еще ни одному человеку. С другой стороны, если вам однажды понадобится услуга... в этом случае вы будете вынуждены задать себе вопрос: «А что хорошего я сделал для Господа, чтобы рассчитывать на Его благодеяние?»» («Бесконечное множество ангелов»).

Внешне такой Бог представляется антропоморфным — прагматичным, пристрастным и незаинтересованным в том, что его напрямую не касается. С одной стороны, такие построения выглядят вполне логичными для секулярного мышления: если религия является связью человека с Богом, как это утверждают словари, то самому Богу она не нужна. Он самодостаточен и способен находиться без человеческого сообщества. Однако автор рассказа парой слов устанавливает наличие связи, которая все-таки существует. Эта связь еретически для любого верующего описывается при помощи слова «услуга». Возникает странная диспозиция: Бог со своими «представителями» существует автономно, при этом к нему можно обратиться, и для этого существует огромное число возможностей. При этом факт возможного обращения по формулировке напоминает взаимодействие в сфере обслуживания, требующее некой обеспеченности, наличия «духовных средств». Услуга помещает исполнителя и заказчика в равное положение, с некоторым приоритетом второго как инициатора взаимодействия. Выполнение услуги подразумевает зависимость от договоренности, которая неожиданно становится эфемерной и превращается в милость. Возникает впечатление, что автор водит соискателя благ за нос — можно существовать, вообще не вспоминая о Боге, допустимо игнорировать его отношение к себе, но всегда стоит помнить о существовании неопределенного будущего, в котором помощь свыше может оказаться единственным способом выхода из ситуации или решения проблемы. Так возможность нерелигиозного бытия для человека испаряется перед необходимостью подстраховывать свою участь, вводящую соискателя счастливой жизни в священные долговые обязательства. Эта коммерциализация духовной жизни не имеет ничего общего с опытом индульгенций, перевода сложных истин христианства на язык человека эпохи потребления.

Коммерческий характер отношений между Богом и человеком допускает и бюрократизацию, описанную в достаточно сумбурном тексте «Зирн без охраны, дворец Дженгик горит, Джон Вестерли мертв». Незначительность деталей описания, предваряющая разговор с раем, наводит на мысль, что самым важным в тексте является именно процесс общения, каждое слово из которого разворачивается в положения теологии Шекли. Обращающийся к Всевышнему герой рассказа сталкивается с его представителем, полностью воспроизводящим аналогичных персонажей из бизнес-центров и корпоративных структур.

«— Райская приемная. Мисс Офелия слушает.

— Это президент Эдгарс, с Земли. Я должен немедленно поговорить с Господином Богом.

— На данный момент он покинул свой офис, и связаться с ним невозможно. Могу я вам чем-то помочь?

— Ну, видите ли,— сказал Эдгарс,— у меня на руках серьезная катастрофа. Я хочу сказать, что всему конец.

— Всеми? — переспросила мисс Офелия.

— Ну, не в буквальном смысле. Но нам тут точно конец. И Земле, и всем вокруг. Если бы вы помогли мне обратить на это внимание Господа...

— Поскольку Господь всезнающ, то, я уверена, он уже осведомлен об этом.

— Я тоже в этом уверен. Но я полагал, что если я смогу побеседовать с ним лично, только один раз...

— Боюсь, что на данный момент это невозможно. Но вы можете оставить сообщение. Господь бесконечно милостив и честен, и я уверена, что он рассмотрит вашу проблему, как только у него выдастся время, и сделает то, что сочтет справедливым и благим. Знаете, он просто чудесен. Я люблю Господа.

— Как и мы все,— печально согласился Эдгарс.

— Еще что-нибудь? <...>

— Ну так скажите хотя бы, есть там у вас хоть *кто-нибудь*? Я хочу сказать, есть вообще эта самая загробная жизнь? Или, кроме вас с Господом, там наверху и нет никого? Или просто кроме вас?

— За информацией касательно загробной жизни,— ответила мисс Офелия,— будьте добры, обращайтесь к ближайшему священнику, пастору, раввину, мулле или любому другому аккредитованному представителю Господа. Спасибо, что обратились к нам».

Шекспировская аллюзия к имени «Офелия» указывает на соотнесенность с темой священного только косвенно, через воспоминание о ее поведении как юродивой в «Гамлете». Остальное повествование сочетает в себе элементы катафатики и бюрократии. Существует принципиальная возможность обращения к Всевышнему в затруднительных ситуациях как привычная для значительной части верующих стратегия религиозного поведения. Однако оформлена эта возможность «механически» — в виде своеобразной тревожной кнопки, которую незадачливый вахтер жмет, понимая, что ситуация выходит из-под контроля. Сложность прихода к Богу приобретает образ секретарши, которой дана команда не беспокоить шефа без лишней надобности. Абсурдное утверждение о том, что Бог «покинул офис», опровергает тезис о его вездесущности. Он превращается в президента корпорации, всегда остающейся «на плаву», свободной от проблем младших партнеров. Когда секретарша уточняет, всему ли настали последние времена, человечество в одно мгновение остается наедине со своими проблемами.

Попытки звонящего изменить ситуацию выявляют истинные свойства Бога и его отношение к творению. Он всезнающ, поэтому его невмешательство является частью божественного промысла. Человечество обречено подойти к последнему рубежу как части всеобщего экзистенциального опыта. Бог «бесконечно милостив», поэтому есть шанс благополучного разрешения проблемы. Наконец, он «чудесен» и тем самым вызывает любовь. Неожиданно образ всемилостивейшего владыки начинает корректироваться привычными и не вполне чертами. Он справедлив, поэтому «сделает то, что сочтет нужным» — такую формулировку приобретает идея Страшного суда. Вместе с тем Бог неожиданно честен, скорее всего, только перед собой, а значит — не является непогрешимым и вынужден давать себе отчет в удачах и неудачах. Поэтому человечество может оказаться неудавшимся проектом, который стоит свернуть, чтобы не портить репутацию корпорации. Богу будет дело до мира, когда у него появится свободное время, потому что этот мир — не самое значимое, что существует. Факт ненужности человека для Бога является единственным, который обнаруживается при обращении в приемную. Информация о настоящей загробной жизни «не разглашается», вместо нее предлагается рекламная продукция — учения от священнослужителей всех мастей.

На последние строчки приведенного диалога стоит обратить особое внимание. Наличие так называемых «аккредитованных представителей» не является залогом того, что они излагают истину в неискаженном виде, вполне возможно потому, что она сложно воспринимается боль-

шинством. Служители культа — одна из ступеней в бюрократической системе веры, описанной автором, которая охватывает всех, до кого можно дотянуться, но не ориентирована индивидуальный подход. Это актуализирует христианскую идею личной ответственности человека. Перечень представителей Бога служит указанием на факт того, что Он един для «эллинов и иудеев», что сводит многообразие верований и судеб человечества в единую точку.

Шекли вполне допускает, что Бог не всемогущ, вернее, его всемогущество странным образом приводит к ограничению полномочий. В рассказе «Сделка с дьяволом» описано успешное предприятие одного из бесов по сведению обывателя с пути истинного. Все это происходит с ведома Бога, запертого в бутылке в подвале и занимающего при этом руководящее положение в священной иерархии:

«Господь повелел не выпускать Себя из бутылки, если когда-нибудь Он повелит Себя выпустить. Но дьяволу было чрезвычайно трудно не исполнить новое повеление. Как-никак это повеление самого Бога. Почему Он заточен в бутылке — это тайна космических масштабов, и постичь ее Оггторпу не суждено. <...> У него было только одно объяснение Господним странностям: Бог настолько добр, что даже позволяет другим побыть Собой и понять, как непросто на самом деле быть Богом».

Очевидно, что из привычных для христианина характеристик у Бога остается только добро и непостижимость для низших сущностей. Он всемогущ и подвластен. Лишен могущества вплоть до невозможности перемещаться и повелевает злом. Ни сюжет рассказа, ни описание высшей сущности не наводят на мысль об этической амбивалентности божества. На первый план выходит евангельская идея религиозного опыта как усилий, начало которым было положено апостолами, с актуальной темой искушения. Последнее выступает как не столько инициатива со стороны противников христианства, сколько необходимая для дальнейшего духовного совершенствования инициация индивида. Добро и зло трактуются Шекли как переплетенные в системе онтологических координат, непостижимых для обычного человека.

Поскольку писатель в своих произведениях не связан обстоятельствами религиозной природы, иногда его теология строится как прямое отрицание неоспоримого для христианской традиции. «Избирательная память» является примером такого теологического хулиганства, рассматривающего божество как периодически отсутствующего экспериментатора, не сильно озабоченного судьбой творений. Он в равной степени не желает быть арбитром вопросов как теологического характера («Возьмите хотя бы человеческую душу. Существует ли она? Является ли частью мировой души или это отдельное и независимое образование? Что есть суть человеческая? Есть ли она? Или это механически созданная иллюзия? Существует ли жизнь после смерти? И если да, то временная или вечная? Где она протекает? В раю или в аду? А может, в чистилище? Следует ли вообще думать об этом в подобных выражениях? Нужно также дать определения добра и зла»), так и научных («Искавлено ли пространство-время? Велика ли вселенная? Существуют ли другие вселенные? Если да, то одинаковы ли они по размеру? Конечен ли мир? Много проблем связано с квантовой механикой. Возможно ли определить местоположение кванта и его скорость? А может, Гейзенберг ошибался? Немало загадок, от смешных до возвышенных, породили летающие тарелки. Есть ли они на самом деле? Существуют ли пришельцы? Бывали ли на Земле инопланетяне или все это игра воображения и непонимание элементарных законов?»). Бог не склонен перегружать свою память («Гораздо приятнее иметь дело с избирательной памятью»), не доверяет лояльности подчиненных («я хочу посмотреть, не соблазнился ли ты, в силу моего невежества, на поклонение другим богам») и не испытывает особого желания общаться с людьми.

В тексте неожиданно возникает идея, отсылающая к известному спору Эйнштейна и Бора о том, играет ли Бог в кости. Шекли явно придерживается точки зрения второго, предполагавшего, что никто не может указывать Всевышнему, что ему следует делать. Абсолютный субъект американского фантаста берет отпуск, путешествует, страдает провалами в памяти и играет, будучи «совершенен в своем несовершенстве». Он полон экспериментаторских идей и готов их воплощать, несмотря на абсурдность:

«Мы создадим новых существ. Будут ходить на четырех ногах утром, на двух днем и на трех вечером.

— Это разгадка тайны сфинкса, не так ли, сэр? И ответ на нее есть человек?

— Да, если подходить к вопросу метафорически.

— А как еще к нему можно подходить?

— Буквально.

— Вы хотите сказать, что у новых существ в самом деле утром будет четыре ноги? Днем две отвалится, а к вечеру одна отрастет снова?

— Правильно! Ну, что скажешь?».

Несовершенство божественных идей наводит на крамольную мысль от самого архангела Гавриила: «пока Бога не было, людям его очень не хватало. Никому и в голову не приходило, что с ним может оказаться еще хуже». Это своеобразный манифест автора: в жизни много несовершенства, но удел человека — необходимость самостоятельно справляться с проблемами.

Неслучайно Шекли использует несколько сюжетов агностического характера. В «Последнем испытании» приближение Страшного суда начинается с того, что каждый житель Земли слышит голос Бога, и он звучит так, как говорил бы слушающий — сообразно национальности, полу и возрасту. Попытки жены главного героя трактовать Всевышнего как существо женского рода проваливаются в познавательную пустоту, потому что даже в последние времена никому не открывается истинная природа Творца. Это неведение настолько велико, что фантаст отказывает в его знании не только обитателям Земли, но и более древним цивилизациям: «самая вероятная гипотеза — это всего лишь гипотеза» («Кенни»).

Тексты «Верного вопроса» и «Безымянной горы» утверждают недостижимость абсолютной истины и ничтожность человеческих претензий на понимание сложного: «Вы являетесь свидетелями завершения саги об амебе, которая возомнила себя Богом. Выйдя из океанских глубин, сверхамеба, величающая себя Человеком, решила, что раз у нее есть серое вещество под названием мозг, то она превыше всего. <...> И вот неизбежно наступает пора, когда Природе надоедает самонадеянная амеба с ее претензиями на Богоподобие. И, следовательно, приходит время, когда планета, чью поверхность терзает амеба, отвергает ее, выплевывает. В тот день, к полному своему удивлению, амеба обнаруживает, что жила лишь по терпеливой снисходительности сил, лежащих вне ее воображения, наравне с тварями лесов и болот, не хуже цветов, не лучше семян, и что Вселенной нет дела до того, жива она или мертва, что все ее хвастливые достижения не больше чем след паука на песке» («Безымянная гора»).

Христианские идеи превращаются автором в более универсальные, чем это декларируется патристикой. Христианство — путь к спасению, но необязательно для людей. Сотериологическое соотносится с поведением, а не антропоморфными существами. Разваливающийся на куски робот после смерти хозяина выдает записанный в его память христианский текст:

«Его ржавые конечности не сгибались, и он неподвижно застыл, глядя на обнаженные звезды. Потом склонил голову.

— Господь — пастырь мой, — сказал Чарльз. — Зачем мне желания мои? На пахотях зеленых пологил он меня; он указал мне путь...» («На берегу спокойных вод»).

В «Битве» рай обретают участвующие в Армагеддоне машины, а не направляющие их люди.

«Ибо по полю брани между грудями исковерканного, раздробленного металла шествовала Благодать. <...>

Благодать коснулась изуродованного робота.

И роботы зашевелились по всей дымящейся пустыне. Скрученные, обгорелые, оплавленные куски металла обновлялись.

И роботы встали на ноги. <...>

А роботы уже воспарили к небесам. Их окружали ангелы Господни, и роботы-танки, роботопехота, автоматические бомбардировщики возносились все выше и выше.

— Он берет их заживо в рай! — истерически воскликнул Онгин. — Он берет в рай роботов! <...>

...Армагеддон кончился, роботы исчезли, и Господь со своим воинством удалился восвояси».

Модернизированное описание Воинства Божьего и его загробной участи автором используется для напоминания об изначальных истинах христианского учения: только личное участие, не допускающее посредников, обеспечивает спасение души.

Обращение к Богу трактуется писателем как результат собственного выбора, не возвышающий и не унижающий человека. В свободном мире, который является для Шекли одной из высших ценностей, молитва, поиск Бога и спасение души осуществляются через усилия индивидуума. Это усилие может быть сиюминутным и корыстным, ориентированным только на решение частной проблемы: «Молитвы — это назойливые ходоки, вымогающие милости у потустороннего мира. <...> Любое человеческое желание — тоже духовная сущность, правда, совсем кроха. Она отправляется в рай или ад, где норовит добиться своей реализации. У средне-статистической молитвы век короток — едва успела народиться, как ее уже и след простыл. Но порой отправляемое в потусторонний мир желание заряжают энергией, и ему удается достичь райских высот или адских глубин, в зависимости от того, где больше шансов на его исполнение» («Сделка с дьяволом»). Непоследовательность усилий и нежелание духовно развиваться приводит к гибели человечества («Последнее испытание»). В этом же рассказе героиня уповает

на то, что «Господь обо всех позаботится», но эта забота оборачивается истреблением человеческого рода. Невидимый и непонятный Бог отдает участь людей на откуп им самим, превращая божественный промысел в человеческий. Так осуществляется объявленная Ницше смерть Бога — он умирает, но не в своем существовании, а для живущих на Земле. В обезбоженном здешнем мире перед человеком снова встает выбор. Можно найти мир, где Бог все-таки есть, и соотнести с Ним свое существование, оставаясь земным существом:

«В конце концов, большинство людей умирают в страхе и неведении, ожидая в худшем случае адских мук, а в лучшем — пустоты забвения. А Грир знал, что ждет впереди и кто встретит его у входа на небеса, поэтому смог посвятить свои последние минуты достойному прощанию с Землей. <...> И хотя всего через несколько секунд его ждали небеса, Грир думал о красотах Земли и старался вспомнить их как можно больше, словно человек, собирающий припасы для долгого путешествия в незнакомую страну» («На пять минут раньше»).

Можно остаться с мирозданием один на один, самостоятельно конструируя рай и ад:

«Люди больше не верят в рай и ад, для вас это выдумки проповедников и поэтов. Естественно, когда люди умирают и оказываются здесь — или там, — у них начинается истерика. Одни рыдают. Другие смеются.

Арчер вдруг понял, что альпинист сможет добраться до вершины, если только ему хватит мужества и веры. И человек на конвейере установит последний болт. И меченосец убьет последнего волка.

Все это — испытание веры! Веры — в аду!

<...> Разумеется, он не мог утонуть. Ведь один раз он уже умер. Он просто погружался, погружался и погружался. Куда? На дно.

А что на дне? То, что ждет тех, у кого нет ни надежды, ни веры.

Камера пыток, естественно» («То, во что ты веришь»).

Для самостоятельного существа с его собственным миром и боги нужны другие. Поэтому Шекли предлагает второй вариант сакральной сущности, трансцендентной («С божьей помощью»), дающей возможность человечеству полностью самостоятельно работать над собой («Легенды конкистадоров»), с готовностью исчезающей при ощущении собственной ненужности («Шкатулка Пандоры»). Эти боги не имеют зримых атрибутов, но уже не столько в силу непознаваемости, сколько из-за незначительности для мира людей. Автор подводит читателя к мысли, что созданная им теология является не основой для восприятия мира, а небольшим сегментом современного мировоззрения. Пространство текстов у него действительно секуляризовано: боги есть, но соотнесение себя и мира с ними для человека необязательно.

При том что Всевышний описывается Робертом Шекли как порождение «квантово-механических возможностей», складывается ощущение, что он писателю нужен, несмотря на популярность идей о культурном поражении религии [Thrall, 1995, с. 292; Sutton, Sutton, 1969, р. 236]. Фантастика разворачивает в текстах только те смыслы, прототипы которых есть в культуре [Levin et al., 1977, р. 253]. В этом отношении американский фантаст — христианский автор, поскольку в придуманной им вселенной есть место евангельским идеям и смыслам, а Бог актуален как исходная точка для самостоятельного дискурса мыслящего субъекта. Многообразие предлагаемых в рассказах Шекли версий священного, сюжетов о судьбах человечества и мира заставляет думать, что автор сам до конца не уверен в секулярности мироздания, в котором он живет. И каждый его рассказ — это не столько ответ, сколько многократно повторяемый вопрос о том, кто, в каком направлении и зачем существует в этом мире. «Чтобы правильно задать вопрос, нужно знать большую часть ответа».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алпеева Т.М. Социальный миф как культурно-исторический феномен. Изд. 2., доп. Минск, 1994. 256 с.
- Белоусова С. Роль и место социальных мифов в процессе формирования обыденного сознания. URL: http://science.ncstu.ru/articles/hs/02/socio/03.pdf/file_download (дата обращения 05.01.2009).
- Гараджа В.И. Социология религии. М.: ИНФРА-М, 2010. 304 с.
- Горелов А.А. Расщепленный человек в расщепленном мире. М., 1991. 186 с.
- Гуревич П.С. Социальная мифология. М., 1983. 175 с.
- Драгунский Д. Социокультурный аспект. Социальная мифология. [Электр.ресурс]. URL: <http://www.2015.ru/1234997> (дата обращения 05.01.2009).
- Емельянова Т.П. Социальный миф и психология познания: Традиции и перспективы исследований // Культура и ценности. Тверь, 1992. С. 41–49.
- Забияко А.П. Сакральное как категория феноменологии М. Элиаде // Религиоведение. 2002. № 3. С. 133–138.
- Забияко А.П. Феноменология религии: (Статья первая) // Религиоведение. 2010. № 4. С. 152–164.
- Забияко А.П. Феноменология религии: (Статья вторая) // Религиоведение. 2011а. № 1. С. 152–164.

Фантастическая теология Роберта Шекли: псевдосекулярный мир

- Забияко А.П. Феноменология религии: (Статья третья) // Религиоведение. 2011b. № 3. С. 88–94.
- Звеерде Э. ван дер. Понимая секулярность // Государство. Религия. Церковь. 2012. № 2 (30). С. 90–91.
- Зиммель Г. Кризис культуры // Г. Зиммель. Избранное. Т. 1: Философия культуры. М., 1996. С. 489–493.
- Камю А. Бунтующий человек // А. Камю. Бунтующий человек. М., 1990. С. 119–356.
- Камю А. Миф о Сизифе // А. Камю. Бунтующий человек. М., 1990. С. 23–100.
- Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч.Вс. Иванова. М., 2001. 512 с.
- Неклюдов С.Ю. Структура и функция мифа // Мифы и мифология в современной России. М., 2000. С. 17–38.
- Руткевич А.М. Введение // А. Камю. Бунтующий человек. М., 1990. С. 5–22.
- Рязанова С.В. Русское православие в современном обществе // Науч. ежегодник Ин-та философии и права УрО РАН. 2014. Т. 14. Вып. 4. С. 35–49.
- Узланер Д.А. Секуляризация как социологическое понятие // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 62–67.
- Фромм Э. Современное положение человека // Э. Фромм. Психоанализ и этика. М., 1993. С. 192–197.
- Хьюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.
- Шахнович М.М. Сравнительный метод в феноменологическом религиоведении // Компаративистика: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. СПб., 2001. С. 301–308.
- Шахнович М.М. Очерки по истории религиоведения. СПб., 2006. 290 с.
- Шолина Н.В. Художественное пространство и время в творчестве Роберта Шекли: Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2000.
- Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс, 1996. 336 с.
- Chevalier J. Myth and Ideology in «Traditional» French Canada: Dollard, the Martyred Warrior // *Antropologica*. 1979. New Series. Vol. 21. P. 143–174.
- Gann J. Modern Science Fiction: A Critical Analysis // *The Seminar 1951: Thesis with a New Introduction and Commentary*. Mcfarland&Company, 2018.
- Levin A.E., Prizel Yu. and D.S. English Language SF as Socio-Cultural Phenomenon // *Science Fiction Studies*. Vol. 4. № 3. Sociology of Science Fiction (Nov. 1977). P. 246–256.
- Mc Neill W.H. The Care and Repair of Public Myth // *Foreign Affairs*. Vol. 61, 1 (Fall, 1982). P. 1–13.
- Randall J.H. Instrumentalism and Mythology // *The Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods*. Vol. 16. 12 (Jun. 5, 1919). P. 309–324.
- Robert Sheckley. URL: <http://www.sheckley.com/> (доступ от 21.02.2019).
- Sutton T.S., Sutton M. Science Fiction as Mythology // *Western Folklore*. Vol. 28. № 4 (Oct., 1969). P. 230–237.
- Thrall J.H. Postcolonial Science Fiction? Science, Religion and the Transformation of Genre in Amita v Ghosh's «The Calcutta Chromosome» // *Literature and Theology*. Vol. 23. № 3: Breaking the norms (September 1995). P. 289–302.
- Tymn M.D. Science fiction: Brief history and review of criticism // *Amer. Studies Intern*. Vol. 23. № 1 (April 1985). P. 41–66.

S.V. Ryazanova

Perm Federal Research Center of the Ural Branch RAS
Lenina st., 13a, Perm, 614990, Russian Federation
E-mail: svet-ryazanova@yandex.ru

Fantastic theology of Robert Sheckley: A pseudo-secular world

The article considers one of the views on God existing within the modern Western literary tradition and outside of religious systems. The image of God was chosen as a cultural phenomenon relevant for interpretation, which exists both in religious and secular discourse. The research involved the creative heritage of Robert Sheckley – one of the most popular authors of fantastic literature in the mid-20th century. The analysis was based on fantastic tales, since they provide the opportunity to prove all strategies for social behaviour, as well as different views on life. The image of God created by Sheckley was reconstructed using intertextual analysis, which helps identify original mythological and religious narratives and individual allusions. This provides the opportunity to define the features of Sheckley's individual fantastic theology and find the reasons for using the image of God in secular literature. The analysis revealed that the used religious names, denominations and plots bear only formal similarity with the traditional ones. They are used and interpreted arbitrarily. God is interpreted as being anthropomorphic, pragmatic, partial and not interested in the fate of his creation. Communication with God is described as commercialised and is built on the model of the consumer society. The works of Sheckley indicate the possibility and necessity of contact between the man and God with the obligatory personal participation of the individual. The American writer creates texts that are modernised in terms of the plot using traditional Christian ideas about the spiritual development of people and the need to preserve the Christian value system as a universal one. In this connection, Sheckley offers possible behavioural models for the created image of God.

Key words: Christianity, modern fantastic tales, theology, image of God, Christian ideas, Robert Sheckley.

REFERENCES

- Alpeeva T.M. (1994). *Social myth as a cultural-historical phenomenon*. Minsk. (Rus.).
- Camus A. (1990). *The revolting person*. Moscow. (Rus.).
- Chevalier J. (1979). Myth and Ideology in «Traditional» French Canada: Dollard, the Martyred Warrior. *Anthropologica. New Series*, 21, 143–174.
- Gann J. (2018). Modern Science Fiction: A Critical Analysis. *The Seminar 1951: Thesis with a New Introduction and Commentary*. Mcfarland&Company.
- Garadzha V.I. (2010). *Sociology of Religion*. Moscow. (Rus.).
- Gorelov A.A. (1991). *The split person in the split world*. Moscow. (Rus.).
- Gurevich P.S. (1983). *Social mythology*. Moscow. (Rus.).
- Emel'ianova T.P. (1992). Social myth and psychology of knowing: Traditions and perspectives of researches. In: *Kul'tura i tsennosti* (pp. 41–49). Tver'. (Rus.).
- Fromm E.H. (1993). Modern position of the person. In: E. Fromm. *Psychoanalysis and ethic* (pp. 92–197). Moscow. (Rus.).
- Hyubner K. (1996). *The Truth of Myth*. Moscow. (Rus.).
- Levi-Stros K. (2001). *Structural anthropology*. Moscow. (Rus.).
- Levin A.E., Prizel Yu. and D.S. (1977). English Language SF as Socio-Cultural Phenomenon. *Science Fiction Studies*, 4(3), 246–256.
- Mc Neill W.H. (1982). The Care and Repair of Public Myth. *Foreign Affairs*, 61(1), 1–13.
- Neklyudov S.Yu. (2000). Structure and function of the myth. In: *Myths and mythology in modern Russia* (pp. 17–38). Moscow. (Rus.).
- Randall J.H. (1919) Instrumentalism and Mythology. *The Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods*, 16(12), 309–324.
- Rutkevich A.M. (1990). Introduction. In: A. Camus. *The revolting person* (pp. 5–22). Moscow. (Rus.).
- Ryazanova S.V. (2014). The Russian Orthodoxy in modern society. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, 14(4). 35–49. (Rus.).
- Shakhnovich M.M. (2001). Comparative method in the phenomenology in Religious Studies. In: *Komparativistika: Al'manakh sravnitel'nykh sotsiogumanitarnykh issledovanii* (pp. 301–308). St. Petersburg. (Rus.).
- Shakhnovich M.M. (2006). *Essays about history of phenomenology*. St. Petersburg. (Rus.).
- Sutton T.S., Sutton M. (1969). Science Fiction as Mythology. *Western Folklore*, 28(4), 230–237.
- Thrall J.H. (1995). Postcolonial Science Fiction? Science, Religion and the Transformation of Genre in Amita v Ghosh's «The Calcutta Chromosome». *Literature and Theology. Breaking the norms*, 23(3), 289–302.
- Tymn M.D. (1985). Science fiction: Brief history and review of criticism. *American Studies International*, 23(1), 41–66.
- Uzlaner D.A. (2008). Laicisation as sociological concept. *Sociologicheskie issledovaniya*, (8), 62–67. (Rus.).
- Yung K.G. (1996). *Problems of soul of our time*. Moscow: Progress. (Rus.).
- Zabiiako A.P. (2002). Sacral as a category of phenomenology of M. Eliade. In: *Religiovedenie*, (3), 133–138. (Rus.).
- Zabiiako A.P. (2010). Phenomenology of religion. In: *Religiovedenie*, (4), 152–164. (Rus.).
- Zabiiako A.P. (2011a). Phenomenology of religion. In: *Religiovedenie*, (1), 152–164. (Rus.).
- Zabiiako A.P. (2011b). Phenomenology of religion. In: *Religiovedenie*, (3), 88–94. (Rus.).
- Zimmer' G. (1996). Crisis of culture. In: G. Zimmer. *Izbrannoe. T. 1: Filosofii kul'tury* (pp. 489–493). Moscow. (Rus.).
- Zveerde Eh. van der. (2012). Understanding secularity. *Gosudarstvo. Religiya. Cerkov'*, 2(30), 90–91. (Rus.).

С.В. Рязанова, <https://orcid.org/0000-0001-5387-9387>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 12.12.2019

Accepted: 19.12.2019

Article is published: 02.03.2020

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Основные разделы «Археология», «Антропология», «Этнология» включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника».

1. Рукопись статьи высылается в адрес редакции по e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru в виде:

1) одного файла, включающего сведения об авторе (авторах), название статьи, аннотацию, ключевые слова, список сокращений, основной текст статьи со вставленными иллюстрациями, подписанными подписями, таблицами, названиями таблиц, библиографическим списком в формате *.rtf или *.doc (не в *.docx, чтобы избежать склеивания слов или искажения текста), озаглавленного по фамилии автора(ов) (Романов.doc; Романов и др.doc);

а) сведения об авторе(ах) статей: ФИО (полностью); место работы — название головной организации (подразделения не указываются); адрес учреждения: улица, № дома, город, почтовый индекс; e-mail; телефон;

б) название статьи: строчными буквами; не используйте заглавные буквы для всего названия;

в) аннотация на русском языке **объемом не более 500 знаков**: необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы;

г) таблицы: представляются без разрывов при переходе с одной страницы на другую, должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовки. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается;

д) иллюстрации: должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т.д.). **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.** В подписанных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подписанных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями;

2) дополнительных файлов с иллюстрациями в форматах jpg, tiff, bmp (Романов.jpg, Романов_рис.1.tiff, Романов_рис.2.jpg);

3) файла со сведениями статьи на английском языке;

4) файла со списком возможных рецензентов;

5) одновременно с рукописью высылается заполненное автором/авторами авторское соглашение (публичная оферта).

Сведения статьи на английском языке должны содержать:

— ФИО авторов, место работы, адрес учреждения;

— Article title (название статьи);

— Summary (на русском и английском языках) объемом не менее 2000–2500 знаков с пробелами. Summary не является копией русскоязычной аннотации, должно включать указания: на географическую и хронологическую привязку исследований (если не указано в названии), цель исследования, материалы и источниковую базу, методы исследования, а также основные результаты и выводы. В скобках надо дать перевод на английский язык специфических терминов и названий (например, названия археологических культур, орудий, сырья, методов, технологий и т.д.);

— Key words;

— Figure captions (подписанные подписи);

— Table giving the names (названия таблиц);

— **Acknowledgements** (благодарность за содействие и помощь в подготовке работы, а также спонсорам);

— **Funding (сведения о финансировании проектов);**

— References (список литературы на латинице).

При составлении References нужно воспользоваться автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. Пошаговая инструкция по оформлению списка литературы на латинице находится на странице журнала: <http://www.ipdn.ru/rics/va>. Список «References» должен быть полным, включать и публикации из библиографического списка на европейских языках, не требующие транслитерации.

При предоставлении некорректных текстов на английском (название статьи, резюме, ключевые слова, переводы для References) редакция отклоняет статью.

Список возможных рецензентов (не менее трех) — квалифицированных специалистов по тематике рецензируемых материалов, имеющих в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи, должен содержать следующую информацию: ФИО рецензента полностью; место работы; ученая степень; e-mail. Возможные рецензенты не должны работать в одном учреждении с авторами статей.

2. После ознакомления с содержанием статьи, оценки ее соответствия научным направлениям журнала, требованиям к оформлению статьи автору направляется ответ, в котором сообщается о возможности и сроках публикации, либо мотивированный отказ. После проведения внешнего и внутреннего рецензирования в течение 2–3 недель при наличии замечаний редакция направляет рецензию. После доработки статьи авторы направляют печатный вариант статьи по адресу: 625003, а/я 2774, ТюмНЦ СО РАН (ИПОС), редколлегия журнала. Между автором (авторами) и гл. редактором журнала «Вестник археологии...» заключается лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале.

3. Общий объем рукописи в одном текстовом файле на русском языке (включая аннотацию, основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список на русском языке, разделы «Благодарность», «Финансирование») не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков с пробелами) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». «Summary» и «References» не входят в этот объем, однако не должны превышать 10 тыс. знаков с пробелами. Статья должна содержать не более 5–6 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л. **Рукописи объемом свыше 1 авт. л., а также с нарушениями технических требований к оформлению статей не рассматриваются.**

4. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

5. Не допускается:

— производить табуляцию;

— выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);

— форматировать заголовки, фамилии авторов (должны быть набраны обычным текстом), сам текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

6. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

7. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих **латинских литер: a, b, c, d и т.д.** **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.** Кроме того, следует указать DOI (при наличии соответствующих данных).

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Зданович, 1984b, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы нужно придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Агапов М.Г. «Яптик-сити»: В поисках идентичности северного села // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 181–191. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-181-191.

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2. С. 4–11. URL: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Квашнин Ю.Н. К вопросу о личных именах и связанных с ними обычаях // Словцовские чтения — 2000: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. Тюмень, 2000. С. 235–238.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Матвеева Н.П., Берлина С.В., Чикунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.

(Необходимо указывать фамилии и инициалы всех авторов монографии; не использовать *и др.* или *et al.*)

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.

Шилов С.Н., Рябина Е.А. Комплекс памятников «Дачный» в системе взаимодействий культур раннего железного века на правобережье р. Миасс // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск, 2006. С. 102–105.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. On the origins of extractive metallurgy: New evidence from Europe // Journal of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787. DOI: 10.1016/j.crpv.2014.06.004.

8. Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан (с указанием — перед подписью — фамилии, имени и отчества полностью) каждым из авторов.

Плата за публикацию статей не взимается.

Адрес редакции:

625003, Тюмень, а/я 2774, ТюмНЦ СО РАН (ИПОС)

Тел. (345-2) 22-93-60; 68-87-68

Адрес сайта: <http://www.ipdn.ru>

E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР — Академия наук СССР
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ГАНИИИЯЛ — Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ГАО — Государственный архив Томской области
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИА УрО РАН — Институт истории и археологии УрО РАН
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НАН — Национальная академия наук
НАРК — Национальный архив Республики Карелия
НПО СА — Научно-производственное объединение «Северная археология»
НТГИА — Нижнетагильский городской исторический архив
ОГАЧО — Объединенный государственный архив Челябинской области
ПМА — полевые материалы автора
РАН — Российская академия наук
СО РАН — Сибирское отделение РАН
ТИЭ — Труды Института этнографии
УИВ — Уральский исторический вестник
УрО РАН — Уральское отделение РАН
ХМАО — Ханты-Мансийский автономный округ — Югра

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Сетевое издание

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 1 (48)

2020

Главный редактор
доктор исторических наук А.Н. Багашев

Редактор	Е.М. Зах
Верстка	М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
Художник	С.А. Иларионова
Перевод на английский	А.В. Квеглис
Редактор текста на английском	Н.Г. Попова

*Точка зрения авторов публикуемых материалов не всегда отражает точку зрения редакции.
При перепечатке материалов ссылка на статьи журнала
«Вестник археологии, антропологии и этнографии» обязательна*

Подписано в печать 17.02.2020. Уч.-изд. л. 20,7. Объем 42 Mb.
Минимальные системные требования: Pentium 330 МГц, ОС Windows 98 и выше,
ОЗУ 512 МБ, Internet Explorer, Adobe Reader 5.0 и выше

Адрес редакции: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86, тел. (3452) 406-360
E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru
Размещение журнала: <http://www.ipdn.ru>

ISSN 977-2071-0437-05

Реконструкция поселения Каменный Амбар I

Реконструкция поселения Устье I